

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Издательство Томского университета
2019

УДК 94(57)
ББК 63.3(2)
363

Ответственный редактор

В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, профессор

Рецензенты:

д-р ист. наук *В.П. Бойко*
д-р ист. наук *М.В. Шиловский*

**Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А., Некрылов С.А.,
Скубневский В.А., Старцев А.В., Степнов А.О., Фоминых С.Ф.,
Харусь О.А., Храмков А.А., Шевелев Д.Н., Шевцов В.В.,
Шерстова Л.И.**

Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. –
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 340 с.

ISBN 978-5-7511-2578-3

Освещаются дискуссионные проблемы изучения и освоения Северной Азии в дореволюционный период. Под термином «Северная Азия» авторы понимают Зауральскую территорию Российской Федерации, состоящую из двух историко-географических регионов – Сибири и Дальнего Востока России.

Для историков, преподавателей и студентов, интересующихся историей Сибири и Дальнего Востока.

УДК 94(57)
ББК 63.3(2)

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.*

ISBN 978-5-7511-2578-3

© Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А.,
Некрылов С.А., Скубневский В.А., Старцев А.В.,
Степнов А.О., Фоминых С.Ф., Харусь О.А.,
Храмков А.А., Шевелев Д.Н., Шевцов В.В.,
Шерстова Л.И., 2019

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения истории территории Северной Азии сохраняется, несмотря на значительное число научных исследований на эту тему. Сегодня Северная Азия остаётся слабо исследованной территорией, а преобладающие в современной отечественной и зарубежной историографии представления, теории и подходы, применяемые к истории развития макрорегиона, требуют пересмотра.

Слабая изученность Северной Азии и рост социально-экономической и геополитической значимости макрорегиона требуют выработки четкой концепции и стратегии его развития, учитывающей историко-культурный опыт присоединения и ключевые тенденции эволюции интеллектуального и ресурсного потенциалов территории. Авторы исходят из реализации концепции присоединения, модернизации и хозяйственного освоения Северной Азии, основанной на идее периферийного положения макрорегиона в мире и догоняющем его развитии в течение XIX–XX вв., превращения Северной Азии в важнейший источник природных ресурсов и геоэкономический фактор развития России на современном этапе.

Цель исследования в целом – комплексная реконструкция историко-культурного опыта и выявление перспектив развития интеллектуального и ресурсного потенциала Северной Азии в дореволюционное время. Предполагается решить следующие взаимосвязанные исследовательские задачи:

– выявить особенности процесса присоединения Северной Азии к России, так как преобладающие в отечественной историографии представления о мирном вхождении региона в состав России и о возможном применении к изучению Северной Азии американской теории фронта требуют пересмотра; определить характер индустриального освоения и социально-экономического уровня развития Северной Азии; реконструировать процесс аграрной колонизации; определить стратегию взаимодействия институтов власти и общества Северной Азии в системе управления государством; ре-

конструировать ключевые этапы становления и развития науки и образования в Северной Азии в контексте социально-экономических и политических трансформаций в стране во второй половине XIX – начале XX в.; определить основные этапы эволюции, выявить и проанализировать факторы, динамику и тенденции развития межрегиональных и международных связей Северной Азии.

Глава 1

ИЗУЧЕНИЕ ХАРАКТЕРА И ДИНАМИКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ К РОССИИ: ФРОНТИР ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ (Л.И. Шерстова)

1.1. Характер вхождения Сибири в состав России: историографический обзор

Характеру и описанию процесса присоединения Северной Азии к России в отечественной и зарубежной историографии посвящено достаточно исследований. Уже первый труд по сибирской истории «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сие время» Г.Ф. Миллера¹ предполагал насильственный, т.е. сугубо военный, характер присоединения ханства Кучума. При этом никого не смущало, что в работе Г.Ф. Миллера речь шла не о «покорении всей Сибири», а о завоевании русскими именно «Сибирского царства». Следует помнить, что границы собственно Сибирского ханства были размыты, неопределенны, и, продвигаясь на Восток, русские автоматически закрепили слово «Сибирь» за территорией до Тихого океана.

Постепенно в отечественной историографии сложилось направление, которое определяло включение всей территории за Уралом как «Сибирское взятие», как результат военной экспансии и насильственного покорения всего аборигенного населения Сибири. Данный подход нашел отражение в работах историков, прежде всего XVIII –

¹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1750. 398 с.

начала XX в. В трудах И. Фишера¹, П.С. Палласа² эта точка зрения получила свое развитие. Окончательно вывод о насильственном присоединении Сибири был сделан в девятом томе «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, в котором одна из глав посвящена «завоеванию» Сибири³. При этом автором подчеркивалась ведущая роль государства в этом процессе. В первой трети XIX в. появляются труды П.А. Словцова, в которых акцент делался на военных столкновениях русских и аборигенов, на сопротивлении последних русской власти⁴. В середине XIX в. выходит труд П.И. Небольсина «Покорение Сибири», уже название которой подчеркивало характер вхождения Сибири в состав России. Следуя устоявшейся в историографии традиции о первостепенной роли государства в освоении земель за Уралом, он преуменьшал значимость в этом процессе других слоев российского общества⁵.

В конце XIX в. – начале XX в. появились обзорный труд И.В. Щеглова «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–882 гг.»⁶, компилятивный пятитомный «Исторический очерк Сибири» В.К. Андриевича⁷, насыщенная фактическим материалом по истории Западной Сибири раннего русского периода книга П.Н. Буцинского⁸, а также, исследования сибирских ученых Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова⁹ и др. В этих работах наряду с описанием насильственных действий российской власти в отношении аборигенов формируется более глубокое понимание сути событий, происходивших в Сибири в московский период, акцентируется внимание на изначально тесных русско-

¹ Фишер И.Э. История Сибири. СПб., 1774. 631 с.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3. Пол. 1. 642 с.; Пол. 2. 476 с.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 т. Ростов н/Д., 1994. Т. 3. С. 503.

⁴ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: в 2 т. М., 1838. Т. 1. 590 с.; СПб., 1844. Т. 2. 524 с.

⁵ Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849. 271 с.

⁶ Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск. 1833. 778 с.

⁷ Андриевич В.К. История Сибири: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. 220 с.

⁸ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. 345 с.; Он же. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков, 1893. 144 с.

⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 750 с.; Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1866. Кн. I-II. С. 106; Шашков С.С. Рабство в Сибири. // Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. II. 505–548 с.

аборигенных связях. Н.М. Ядринцев объяснил это одинаково низкой культурой как пришельцев, так и аборигенов¹.

Но к тезису о насильственном присоединении Сибири в конце XIX в. вновь вернулся в своем труде И.И. Тыжнов².

Вопрос о вхождении Сибири в состав Московского царства обсуждался и в рамках общероссийской истории в конце XIX – начале XX в. Именно тогда вышел труд М.К. Любавского «Историческая география России», в котором он показал роль миграций в русской истории, выделив значимость частной, в том числе промышленной и крестьянской колонизации Сибири³. Идея М.К. Любавского о значимости миграций в русской истории получила продолжение в трудах выдающихся историков В.О. Ключевского и его ученика П.Н. Милокова, считавших, что именно в процессе миграций сначала восточных славян, а потом и древнего и средневекового русского этноса сложились Киевская Русь, Московское царство и Российская империя. Именно колонизация новых земель, частью которых была Сибирь, является одним из цивилизационных признаков российского народа и государства⁴. Исследуя ход колонизации Великой Евразийской равнины сначала славянами, а потом и русскими, П.Н. Милоков связал все его этапы в единый процесс и пришел к выводу о том, что переход русской миграции за Урал в Сибирь знаменует собой «естественное завершение колонизации»⁵.

Таким образом, в целом дореволюционный этап историографии Сибири был не просто описательным, в этот период не только создавалась источниковая база сибирских исследований. На этом этапе была поставлена основная проблема отечественного сибиреведения о характере вхождения Сибири в состав России, о роли государства и различных слоев в ее колонизации – вопросы, которые не потеряли своей актуальности и в начале XXI века.

В советский период изучение сибирской истории продолжалось, расширялся исследовательский дискурс. Формационная теория как

¹ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

² Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. 256 с.

³ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 239–240.

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Ростов-на-Дону. 1998. 608 с.; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М. 1993. Т. I. 528 с.; 1994. Т. 2. 416 с.

⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М. 1993. Т. I. С. 470–488.

вариант эволюционной концепции не была чужда отечественным историкам. Хотя еще в конце XIX в. с идеей о «культурно-исторических типах» выступил Н.Я. Данилевский. Он считал, что, развиваясь, любой народ «развертывает в себе присущую только ему самобытную идею» и формирует оригинальный, только ей присущий «культурно-исторический тип». В этой стадии идеи «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа»¹. Выделив культурно-исторические типы, Н.Я. Данилевский поставил проблему взаимодействия разных типов культур и цивилизаций.

Теория Н.Я. Данилевского не стала трендом отечественной историографии советского периода, но на ее основе концепцию евразийства сформулировали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский². Она послужила основой для оригинального взгляда на отношения между русскими и нерусскими (в том числе сибирскими) народами в трудах Л.Н. Гумилева³.

Следует также заметить, что концепция Н.Я. Данилевского в своей сути – аналог «цивилизационного подхода» в изучении прошлого, предложенного гораздо позже А. Тойнби. Это была попытка, сохранив идею единства человечества, представить многовариантность его развития, вопреки мнению эволюционистов и, соответственно, советских историков о едином пути исторического развития и об одновременном существовании народов, стоящих на разных этапах развития, следствием чего «цивилизованные» народы (европейцы – в мире, русские – в Сибири) выступали в роли культуртрегеров.

В 1920-х – начале 30-х гг. прессинг марксистской методологии еще не был всеобщим. Именно в это время появляются классические исследования по истории Западной Сибири С.В. Бахрушина⁴, в ко-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1996. С. 77–95.

² Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 59–75; Савицкий П.Н. Географические особенности России. Прага, 1927. 69 с.; Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. 544 с.

³ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. СПб., 1992. 384 с.

⁴ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 3, ч. 2. С. 257–262; *Он же*. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Там же. С. 86–152; *Он же*. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1995. Т.1, ч.1. С. 72–136; *Он же*. Русское продвижение за Урал // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 3. С. 137–162; *Он же*. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 3, ч. 2. С. 153–175; *Он же*. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 4. С. 179–214; *Он же*. Ясак в Сибири // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.

торых автор в той или иной степени рассматривал различные аспекты сибирской истории. Важным представляется то обстоятельство, что С.В. Бахрушин впервые стал рассматривать сибирские народы как обладающие определенной формой государственности. Он описал «остяцкие» и «вогульские» княжества, остановился на вопросе взаимоотношений русской власти в Сибири и аборигенной элиты, показав, что, помогая русским в объяснении сибирских этнических групп, аборигенная элита решала свои вопросы межэтнического противостояния в дорусский период. В этом плане показательна описанная им история взаимоотношений сибирской власти и их верных союзников остяков-хантов: помогая русским покорить мансийские Кондинское, Пельмское княжества, селькупскую Пегую Орду, остяки при помощи русских укрепили свои позиции и расширили свои территории. Но уже к середине XVII в., по мере укрепления русского присутствия, московские власти меняют свою политику по отношению к аборигенной элите, постепенно смещая ее и заменяя ее «новой» элитой, полностью обязанной своим возвышением Москве. В ранний советский период концепция «военного» присоединения Сибири «оживилась», так как она выполняла и общеполитическую задачу – показать Российскую империю «тюрьмой народов».

Однако по мере формирования Советского государства усиливалась тенденция на создание общности носителей единой идеологии. Следствием этого в работах советских историков стал акцент на другую мифологему – «об извечной дружбе народов». Еще одной тенденцией было то, что в связи с укреплением монополии марксистской теории в сибиреведении все глубже укоренялись идеи о «первобытном» состоянии населения за Уралом. В лучшем случае, только тюркские и монгольские народы якобы имели в дорусский период патриархально-феодалные отношения¹. Основанные на формационной теории исследования отечественных историков и этнографов часто, по сути, игнорировали письменные источники, многие перспективные направления были объявлены «буржуазными» или «националистическими». Характерными в этом смысле представляются работы Н.М. Козьмина и Л.П. Потапова, в которых они рассматривали социально-экономические и политические отношения аборигенов Сибири исключительно через призму формационно-

¹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 315.

го подхода, пытаясь описать существующие институты посредством марксистских терминов¹.

Наиболее законченной эта концепция предстает в трудах В.И. Шункова. Ему же удалось найти компромисс между двумя подходами, определявшими характер присоединения Сибири к России, – военной экспансией русских и мирным добровольным вхождением Сибири в состав Московского царства, а также между преимущественно государственной и вольной колонизацией земель за Уралом. Он ввел «нейтральный» термин – «присоединение Сибири», который сочетал в себе как военные, так и мирные способы освоения Сибири, подчеркивал как значимость государства в этом процессе, так и значение частной инициативы².

Нужно иметь в виду, что, несмотря на господство формационной теории, советский период оказался достаточно результативным в изучении сибирской истории. В трудах З.Я. Бояршиновой, основанных на использовании документов первой половины XVII в., реконструированы важнейшие события в Томском уезде³. Работы по изучению русско-аборигенных отношений были продолжены ее учеником Н.Ф. Емельяновым⁴.

Развитие социально-экономических и политических процессов в марксистском ключе рассматривали Н.Н. Покровский, В.Г. Мирзоев, Н.А. Миненко, Л.М. Горюшкина, Д.Я. Резун, В.В. Покшишевский и др.⁵

В советский период исследовательский потенциал отечественных ученых серьезно сдерживался не только монополией единственной научной концепции, отказом от иных вариантов трактовки русско-аборигенных отношений, но и советской идеологией, на-

¹ *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 504 с.; *Козьмин П.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.; Иркутск, 1934. С. 75.

² *Шунков В.И.* Предисловие // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М., 1952–1959. Т. 1. С. 9–10.

³ *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 152 с.

⁴ *Емельянов Н.Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. 223 с.

⁵ *Покровский Н.Н.* Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. 388 с.; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. 391 с.; *Миненко Н.А.* Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978. 284 с.; *Горюшкин Л.М.* Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979. 134 с.; *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. 208 с.; *Резун Д.Я.* Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры / Культурное наследие Сибири. 2014. №1: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1430482>.

правленной на формирование единства советского общества, в котором основным признаком межнациональных отношений был принцип «дружбы народов», во имя которого неудобные исторические факты замалчивались.

На рубеже XX–XXI вв., в связи с крахом советской идеологии, методологический кризис проявился и в сибирской историографии. Отказ от формационной теории в условиях роста сепаратистских настроений актуализировал вопрос о характере вхождения в состав России не просто Сибири, а отдельных ее народов.

Уже в историографии 1990-х гг. постепенно начинает подвергаться сомнению определение вхождения Сибири в состав России как преимущественно мирное «присоединение», а русско-аборигенные отношения рассматривались как перманентная борьба аборигенов за «свою» самостоятельность. В историографии усиливается интерес к военному «покорению Сибири», что нашло отражение в популяризаторских статьях новокузнецкого историка А.Ю. Огурцова¹. Впоследствии насильственный характер включения Северо-Восточной части Сибири уже в XVIII в. в работах А.С. Зуева получил название «русско-аборигенные войны»². Таким образом, в данном вопросе постсоветские историки вернулись к концепции завоевания Сибири, предложенной Г.Ф. Миллером.

Вновь всплыло «завоевание Сибирского ханства», несмотря на то, что еще в 1555 г. сибирский хан Едигер Тайбугин добровольно принял московское подданство, но покорение Сибирского ханства Кучумом и уничтожение прежней (промосковской) династии, до такой степени обострили отношения между Москвой и Искером, что привело к походу Ермака. Во многом интерес к «Сибирскому взятию» был актуализирован рядом ученых Республики Татарстан, стремившихся доказать «древность» традиций татарской государственности для обоснования собственной автономной государственности. В сферу их научных интересов попали не только Сибирское ханство, но и ряд других государственных образований Приволжья, Урала и Западной Сибири. Среди татарстанских историков следует выделить Д.М. Исхакова, который, реконструируя «татарскую общ-

¹ Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.; *Он же*. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 8.

² Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск, 2002. 330 с.

ность», пытается удревнить ее и включить в нее тюркоязычное население Южной Сибири, имевшее в своем этнониме в начале XX в. слово «татары»¹. При этом не учитывается тот факт, что на протяжении своего бытования содержание слова «татары» менялось – от указания статуса зависимого населения в древнетюркских каганатах до полного отождествления с мусульманской конфессиональной принадлежностью в начале XX в. Прослеживается его стремление выделить некую «татарскую» средневековую общность и на территории Саяно-Алтайского нагорья, которая якобы обнаруживала не только лингвистическое однообразие, но и этническую целостность, что не находит подтверждения в сибирской истории и этнографии. Интерес к распространению ислама в Сибири находит отражение в работах А.П. Яркова².

Среди современных авторов, которые пытаются расширить исследовательский дискурс «сибирской темы», стоит отметить М.А. Демина, Н.А. Томилова, Л.М. Дамешка, А.В. Ремнева, Л.И. Шерстову, Е.Ю. Коблову, Ф.Т. Валеева, Д.Н. Маслюженко, В.В. Трепавлова, В.В. Менщикова, А.Ю. Конева, В.И. Соболева, А.В. Матвеева, С.Ф. Татаурова, С.А. Чернышова³ и др.

¹ *Исхаков Д.М.* Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. науч. конф. Курган, 21–22 апр. 2011 г. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2011. С. 52–58; *Он же.* Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 43–47. *Он же.* Некоторые проблемы определения этнической принадлежности тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья и прилегающих территорий Южной Сибири (по материалам переписей конца XIX–XX вв.) // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX: население, хозяйство, культура.: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля С.П. Швецова. Горно-Алтайск, 2018. С. 82–87.

² *Ярков А.П.* Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т. Т. 1: Источники и историография. Тюмень, 2007. 418 с.

³ *Демин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.: Барнаул, 1995. 197 с.; *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.; *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. 311 с.; *Коблова Е.Ю.* Ишимское ханство в источниках и историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 36–40; *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4. С. 78–82; *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Карта Сибирского ханства: политическое, экономические и этническое наполнение // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 57–64; *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.; *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая

Помимо названных авторов, в этот период вводятся в оборот работы зарубежных ученых, посвященные социально–политической истории Сибири. В частности, в работе Д.А. Ананьева¹ рассматривается англо- и германоязычная историография Сибири XX в., где политическое развитие сибирских аборигенов анализируется в контексте истории центральноазиатских государств.

Рассмотрев современное состояние сибирской историографии, следует отметить, что некоторые оценки сибирских событий отдельными авторами были кардинально пересмотрены. Однако чаще это было не новое прочтение узловых проблем истории Сибири, а возвращение к ранее высказанным тезисам, которые в советский период либо замалчивались в силу идеологических причин (акцент на военном характере присоединения Сибири к России отдельных народов), либо не «соответствовали» формационной теории (дорусские государственные образования аборигенов, паритетные русско-аборигенные отношения в начальный период освоения Сибири, собственные интересы сибирской элиты, реализуемые при помощи русской власти в Сибири, отсутствие культуртрегерских целей у пришельцев из Московского царства и т.п.). Принципиально новых подходов в изучении сибирской истории в постсоветский период, к сожалению, предложено не было.

история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. 168 с.; *Он же*. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21; *Он же*. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 5–10; *Трепавлов В.В.* Западная Сибирь после Ермака: Российское «царство» и Татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 173–180; *Он же*. История Ногайской Орды. М., 2001. 752 с.; *Трепавлов В.В., Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России // Российская история. 2011. № 3. С. 179–181; *Менщиков В.В.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004. 200 с.; *Соболев В.И.* История Сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.; *Конев Ю.А.* Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII – начало XX в.). М., 1995. 217 с.; *Чернышов С.А.* Иван Грозный – потомок Чингизхана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. № 7 (1). С. 161–174.

¹ *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. в англо- и германоязычной историографии (XX в.). Новосибирск, 2012. 289 с.

1.2. Концепция фронта и освоение Сибири

После кризиса марксистской методологии в отечественной исторической науке в 1990-е гг. казалось, что теории и концепции, выработанные западными учеными, являются не только прогрессивными по сравнению с формационной теорией, но и универсальными для рассмотрения похожих исторических процессов в других регионах планеты. При этом сохранялось идущее от эволюционизма и сохраненное в марксистской методологии представление о том, что единство человечества диктует и тождественность протекания исторических процессов у всех народов и культур. Одной из таких теорий, принятых первоначально без какой-либо адаптации применительно к сибирской истории стала концепция фронта, широко использовавшаяся американскими учеными при характеристике освоения Нового Света и получившая распространение в отечественной историографии в начале XXI в.¹ Позже она была несколько адаптирована, но при этом потеряла свое первоначальное понимание².

Однако, прежде чем использовать термин все-таки, необходимо обратиться к первоисточнику. Книга Ф. Дж. Тёрнера «Фронт в американской истории» представляет собой собрание основных статей и выступлений известного классика исторической науки США в период с 1893 по 1918 гг., в которых сформулирована и подробно разработана концепция «фронта» (границы). В центре внимания – территориальная экспансия и американский Запад как ключевые, с точки зрения Тёрнера, факторы развития США в целом и демократических институтов страны в частности.

В 1893 г. профессор истории Университета штата Висконсин Фредерик Джексон Тёрнер представил на суд профессионального сообщества и широкой общественности концепцию «фронта» («границы») в американской истории, выступив с докладом на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго во время Всемирной выставки. Позднее на протяжении четверти века ученый развивал эту концепцию, оказавшую огромное влияние на понимание истории США и развитие американской исторической науки на протяжении всего XX в. И, несмотря на критику последующих поколений ученых, интерес к «фронтиру» и американскому Западу продолжает сохраняться и поныне.

¹ Резун Д.Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX: общее и особенное. Новосибирск, 2005. Вып.4. 125 с.

² Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

Термин «фронтир» (от *frontier* – граница, рубеж) имел для Тёрнера прежде всего историческое значение и обозначал приграничную полосу либо область так называемых свободных земель во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась («подвижная граница») в ходе территориальной экспансии на Запад, достигнув Тихоокеанского побережья. Постепенно этот термин прочно вошел в научный и общественно-политический словарь и приобрел более широкое толкование. В центр своей концепции «фронттира» Ф. Дж. Тёрнер поставил Запад, сыгравший, по его убеждению, ключевую роль в формировании особенностей, которые придали США в целом и прежде всего американской демократии кардинальное отличие от других стран и форм государственного устройства. Историк утверждал, что американская демократия вышла «из девственных лесов Америки», а не была ввезена в Новый Свет из Европы с ее классовыми, национальными, религиозными, пограничными и прочими конфликтами и войнами¹.

Если же говорить о Сибири, то вряд ли кто-то будет утверждать, что при освоении ее русскими появилась некие, отличные от Московского царства, политические и экономические новации, кардинально отличающиеся от существовавших в местах исхода. Скорее наоборот, Москва укрепляла свое «евразийское политическое наследие», продвигаясь на Восток. Таким образом, основная идея концепции фронттира не находит соответствий в сибирской истории. Хотя, безусловно, в процессе адаптации и освоения новых природных условий Сибири, взаимодействуя с аборигенным населением, часть пришельцев воспринимали отдельные новации, но другая часть еще в большей степени консервировала, принесенный в Сибирь свой образ жизни.

В основе работы такого яркого сторонника этой концепции, как Д. Дж. Бурстин, лежал европоцентристский взгляд на процессы колонизации новых территорий, в какой-то мере, «оправдывавший» политику захвата новых земель и гибель местных культур². Действительно, фронтир – это не просто «граница», разделявшая территории белых переселенцев и индейцев Нового Света. Она была наполнена

¹ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории: пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009. С. 6–7.

² Бурстин Д. Дж. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. 189–199.

философским содержанием противостояния «цивилизации» и «дикости», а переселение европейских колонистов означало и продвижение европейской культуры. Такой взгляд на европейских переселенцев базировался как на их убеждении о превосходстве собственной культуры, так и на эволюционистском взгляде западных исследователей на развитие человечества.

Возникает вопрос, а могло ли такое убеждение существовать у русских первооселенцев при их соприкосновении с культурой сибирских народов? Архивные материалы и научные исследования отечественных историков убедительно показывают, что культурные различия не воспринимались русскими как ментальная граница, что во взгляде на аборигенную культуру у русских переселенцев в начальный период освоения Сибири не было ни оценочных суждений, ни чувства культурного превосходства¹. И это, очевидно, потому, что, во-первых, русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадильности развития человечества, а значит, о возможности пребывания разных народов на разных уровнях социально-экономического развития, что и предопределяло паритетные отношения.

Во-вторых, не следует забывать и об общем евразийском наследии как русских переселенцев и московской власти, так и сибирских народов и их властных институтов, которые имели общие истоки и не могли противопоставлять аборигенов и пришельцев на общественно-экономическом уровне². Православие первых русских сибиряков также не воспринималось ими как «культурное» превосходство, да и переоценивать религиозность русских того периода было бы не совсем правильно. Вот что писал в своей знаменитой грамоте патриарх Филарет митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея, чем выкупить, женятся на других»³.

¹ Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 67–69.

² Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: ТГУ, 2010. С. 374–378.

³ Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск, 1833. С. 80.

В-третьих, европейские идеи стали проникать в русскую элиту вместе с реформами Петра I. Но к этому времени Сибирь уже была «русской», и сама идея фронта перестала быть актуальной. И даже массовая христианизация не провела четкой границы между аборигенами и русскими в Сибири, так как если у первых она, в лучшем случае, вобрала в себя традиционные религиозные представления, то православие вторых «обогастилось» за счет местных культов и верований.

При освоении Нового Света и Сибири изначально существовала принципиальная разница: если европейцам нужны были земли, то Московской власти, в первую очередь, важно было подчинить местное население. Пушнина – вот что было целью как свободных новгородских, а затем и московских промышленников, так и государственной власти в Сибири. Власть не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением была рецидивом евразийского наследия, наследия мощных кочевых империй Центральной Азии от гуннов до монголов, когда сила правителя опиралась на численность подданного населения, от которого зависела боеспособность армии.

В условиях «кочевого» образа жизни населения контролировать территории было бессмысленно, но, «привязав» определенное количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими. Этот принцип через ордынцев прочно укрепился в ранней московской государственности. Поэтому в Наказах сибирским воеводам московские цари не только приказывали «разыскивать новые землицы», что было не главным, а «полнить ясашные волости» и обходиться с местным населением «с ласкою». В условиях усиления крепостного права в европейской части России именно сибирские аборигены – ясашные – были основными поставщиками пушнины. Русской власти в Сибири в начальный период ее колонизации не столько была нужна земля как таковая, сколько люди – еще одно тяглое сословие Московского царства¹.

Процессы включения сначала народа, а потом и его территории хорошо прослеживаются при колонизации Сибири русскими в XVII в. и даже позже. Разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты

¹ *Щерстова Л.И.* Евразийское наследие в социогенезе... С. 374–378.

включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объяснена из Кетска и Томска, и в одностороннем порядке на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов) вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680-й, когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Томь-Енисейского междуречья, фактически уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли: качинцы и аринцы с севера, моторыкойбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших эти миграции. Наконец, датой вхождения Хакасии в Российское государство можно считать 1707 или 1709 гг., когда основанные русскими Абаканский и Саянский остроги четко обозначили территориальные границы России в бассейне Верхнего Енисея.

Аналогичная ситуация сложилась и в Горном Алтае. В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. Джунгарское ханство было уничтожено, и его многочисленные подданные, среди которых были урянхайцы и теленгуты – предки современных алтай-кижи и части телеутов современной Кемеровской области, – бросились под защиту Кольвано-Воскресенской линии. В ответ на их многочисленные просьбы о российском подданстве 2 мая 1756 г. Елизаветой Петровной был подписан Указ, который предусматривал не только подданство, но и переселение на Волгу, а также крещение просителей. Действительно, в 1757 г. значительная их часть была переселена, но большая часть, став подданными Российской империи, вновь бежала в горы, на свои традиционные кочевья. Бежали на территорию, которую русская власть вплоть до конца XVIII в. фактически не контролировала, не считая отдельных разъездов, чтобы отогнать монгольские или китайские отряды, хозяйничавшие на этой территории. Предки алтайцев вернулись на земли, которые в состав России не входили, но, будучи российскими подданными, они платили дань в Бийск, в то время как их земли были за пределами линии, т.е. русской границы в Обь-Иртышском междуречье.

Так продолжалось почти сто лет, когда российские подданные жили на землях, юридически России не принадлежащих. И только

в 1864 г. после подписания Чугучакского договора была определена граница между Россией и Цинской империей, и Горный Алтай как территория юридически стал частью Российской империи. Эти примеры наглядно демонстрируют, что фронта, в его американском понимании, в Сибири не было: здесь сначала подданными Москвы становились люди, а уже потом, спустя десятки лет, российской становилась и их территория. Более того, американский фронт изначально опирался на продвижение белой колонизации на Запад, именно как земледельческого освоения территории, а интересы местного населения вообще не принимались во внимание: ведь белым нужны были земли, а не люди, к тому же – «дикари».

Следует заметить, что появление русских поселений в Сибири было связано не только с деятельностью центральной и местной русской власти, по приказу которых основывались русские города, крепости и остроги в Сибири. Изначально присутствовала и вольная русская земледельческая колонизация, которая в Сибири приобрела своеобразные черты. Важно отметить, что канадские трапперы тоже глубоко проникали во внутренние районы Нового Света, но они не основывали поселений за пределами фронта. Относительно Сибири следует заметить, что в некоторых случаях вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель. В данном случае показательна история заселения земель по р. Бухтарме и Нарыму. В отечественной литературе эта группа поселенцев известна как «каменщики», т.е. «живущие в камне» – «в горах», за пределами Колывано-Воскресенской линии, следовательно, вне российской территории, которые добровольно вошли сначала в сословие «ясачных», а затем и «инородцев», слившись, таким образом, с сословием аборигенов Сибири¹.

Таким образом, при внешнем сходстве два процесса – освоение англо-саксами Нового Света и проникновение русских в Сибирь – кардинально отличались друг от друга по целям, содержанию и результатам, так как базировались на разных культурно-цивилизационных константах.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва). Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–10.

1.3. Областническая идеология и концепция «центр – периферия»

С вопросом о характере вхождения Сибири в состав Московского царства связана проблема определения места Сибири в Российском государстве. Вопрос о характере российского государства, о его структуре, о месте регионов в системе управления наиболее отчетливо проявился в работах сибирских исследователей XIX в. и во многом повлиял на формирование сибирского областничества, которое большинством современных исследователей трактуется как форма региональной идентичности. Можно выделить два основных источника, в которых проявилась областническая, региональная по своему происхождению, идеология.

Первый источник связан с появлением в 1838 г. труда П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», в котором Сибирь как особая российская территория получила географическое обоснование, а сама Сибирь была представлена как самостоятельный субъект исторического процесса. Эта идея в дальнейшем разрабатывалась в публикациях А.П. Щапова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова, в которых подчеркивалась специфика Сибири как особого региона России.

Так, А.П. Щапов, который, будучи историком, первым обратил внимание на значение колонизации в русской истории, и эта идея только спустя несколько десятилетий получила дальнейшее развитие в трудах Любавского. А.П. Щапов писал: «В самом деле, есть ли где в Европе другая страна, где бы была такая обширная земледельческая колонизация. Именно хлеб и земледелие были первыми, главными рычагами колонизации и культуры русской земли»¹. В процессе расселения по Восточно-Европейской равнине и далее за Урал не только расширялась территория обитания русских, но и шел процесс интенсивных контактов славян, а потом и русских с аборигенами. А.П. Щапов отмечал, что «на севере самой Великороссии видим сплошное смешение новгородских славян с чудством (финские народы. – *Л.Ш.*), на юге – смесь русского элемента с татарщиной (тюркскими народами. – *Л.Ш.*)»².

По его мнению, «славянофильство напрасно идеализирует единство и цельность русского духа. Этнографическая неорганизован-

¹ Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения. СПб., 1906. С. 193.

² Там же. С. 403.

ность русской национальности видна из того, что в составе ее еще слишком резко выступают наружу разноплеменные элементы. Финство в разных видах, татарщина, монгольство, неметчина и проч., разнообразный физиологический склад ... а вследствие того и его умственный и нравственный характер»¹.

Широкая колонизация и интенсивные процессы аккультурации и ассимиляции оказали сильное влияние на русскую историю. Это привело, как считал А.П. Щапов, во-первых, к тому, что «русская история есть более история земства или, по выражению актов – земли и земского строения, чем социально организованной нации», что нашло выражение в том, что «жители одной губернии смотрят на жителей другой губернии как на «чужестранцев»². Из этого следует, по мнению историка, во-первых, необходимость изучения истории отдельных земель, земель-областей (регионов), которые образуют Российское государство, не подменяя ее историей Московского княжества (царства). Во-вторых, как отмечал А.П. Щапов, «русское народонаселение еще переживает непосредственно-натуральный процесс национального образования, рождения, нарастания в нацию или народ... Как нет в русском народе единства физиологического, так еще не развилось в нем сознание своего национального единства и достоинства»³.

Именно этими обстоятельствами объясняется неудача деятельности славянофилов по внедрению своих идей в широкие слои русского населения и то, что их концепция не стала национальной идеологией русских, т.е. русским национализмом. Сознание русского этноса, находившегося в состоянии затянувшегося этногенеза в связи с освоением новых территорий, сохранявшимися слабыми коммуникационными связями, постоянным «впитыванием» иноэтнических компонентов, отличалось наличием этнографических групп, парцеллярностью сознания и замыкалось, в лучшем случае, рамками «своих» земель, губерний, областей, а то и пределами своей сельской или городской общины. В результате вместо единой этнической и, тем более, общегосударственной идентичности очень медленно складывались областные, зачатки региональной идентичности, одной из форм которых и была сибирская «областная идея».

¹ Щапов А.П. Историко-этнографическая организация... Т. 2. С. 402–403.

² Там же. С. 402.

³ Там же. С. 401.

Между этой идеей и процессами этнической консолидации русских сибиряков была тесная связь, по сути, последняя диктовала необходимость своего идеологического оформления. Однако в исторических условиях Российского государства «областническая идея» не могла принять форму чисто этнической идентичности. В связи с этим концептуальным является следующий вывод А.П. Щапова: «В Сибири не могла образоваться и не образовалась новая порода или новая нация, совершенно средняя, например, между великоросской нацией и инородческими племенами Сибири. Но все же путем такого скрещивания развивалась и развивается довольно заметная областная разновидность великорусского народа... В Сибири кровь утратила не только древнеславянскую, но и европейскую русскую чистоту»¹. Поэтому областническая идеология изначально могла отражать не этнический, а региональный уровень идентификации сибирского населения, независимо от их этнической принадлежности. Не могли на нее претендовать и потомки смешанных русско-аборигенных связей.

Важнейшим фактором, препятствовавшим выделению внутри сибирского социума метисных русско-аборигенных групп, была социальная структура российского государства на всех этапах его существования. В ее рамках сословие определялось при рождении. Сословие ребенка от смешанного брака диктовалось сословной принадлежностью его отца. Таким образом, неразвитость национального сознания русских как государствообразующего этноса привела к подмене национального принципа организации государства сословным. Устройство государства закреплялось сословной стратификацией, при которой национальная принадлежность подменялась сословной. Учитывая, что в начальный период освоения Сибири основной контингент пришельцев составляли мужчины, да и на протяжении всего XVIII в. в Сибири ощущалась нехватка русских женщин, дети от смешанных браков пополняли два основных сибирских сословия: служилых людей и крестьян.

Отсутствие специального сословия для русифицированных аборигенов и метисов, с одной стороны, облегчало ассимиляцию и аккультурацию аборигенов, с другой же – замедляло этническую консолидацию русских в Сибири, не формировало из них обособленную в этническом и культурном аспектах особую группу населения. Эта черта существенно отличала этносоциальные последствия колони-

¹ Щапов А.П. Историко-этнографическая организация... Т. 2. С. 432.

альной политики России в Сибири от аналогичных процессов, протекавших в колониях западноевропейских стран.

В колонизируемой португальцами, например, будущей Бразилии также очень интенсивно шло смешение европейцев с аборигенами, которое во многом было вызвано также отсутствием необходимого количества «белых» женщин вплоть до середины XVII в. Колониальная политика метрополии, направленная на утверждение господства незначительной по численности группы португальцев, препятствовала их растворению среди резко преобладавшего аборигенного населения. Вследствие этого все население колонии юридически и фактически делилось на две категории: свободные люди и рабы. Рабами первоначально были индейцы и метисы, позднее – негры и мулаты. Свободное население – «белые» (выходцы из метрополии), независимые индейские племена, некоторая часть метисов и мулатов. Причем переход последних в группу, приравненную к «белым», не был коллективным, а происходил индивидуально. Юридическому делению бразильского населения соответствовало и расовое деление. Высшие ступени в расово-социальной иерархии общества занимали «белые», низшие – негры и индейцы. Промежуточное положение отводилось метисам и мулатам.

В индейских племенах, где родство передавалось по мужской линии, метисы от браков португальцев и индейцев не могли быть полноправными членами рода, поэтому они оказывались бесправными «чужаками». Они не только не наследовали имущество, но и не посвящались в особо важные обряды и ритуалы рода и племени. Такой порядок приводил к довольно быстрому обособлению метисов. Уже в XVI – середине XVII в. среди португало-индейских метисов, утративших связи с индейскими родовыми общинами и не принятых в «белое» общество, формируются достаточно многочисленные группы, стремившиеся селиться компактно, отмежевываясь как от индейцев, так и от «белых». Именно эти метисные группы и станут впоследствии ядром складывавшегося бразильского этноса и носителями новой этнической бразильской идентичности¹.

В Сибири складывалась принципиально иная ситуация: потомки от смешанных русско-аборигенных браков занимали свое место в социальной структуре Российского государства, принимая сословную принадлежность отца. Как правило, будучи кре-

¹ Котовская М.Г. Этнические процессы в Бразилии. М.: Наука, 1985. С. 32–50.

шеними, безболезненно вливались в русский этнос Сибири. В результате русские Сибири приобретали некоторую этнографическую специфику, отличавшую их от русских европейской части России, оставаясь между тем частью великорусского этноса, его субэтносом или «областным типом».

Этно-исторические исследования А.П. Щапова дополнили социально-экономические исследования Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Своеобразие Сибири, по мнению Г.Н. Потанина, определялось не только ее природными особенностями, неисчислимыми естественными богатствами, удобным географическим положением. Этому способствовало «отсутствие дворянства, оторванность от великорусских традиций, индивидуализация в сельском мире, распыление земельной общины и *tabula rasa* в сфере землеустройства, нахождение в крае многочисленных культурных рас, другие физические условия, другой климат, другая природа»¹. Подчеркивалось, что сам процесс освоения Сибири, особенно на первых порах, привлек сюда значительное число людей инициативных, предприимчивых, отважных, любознательных – как из служилых, так и из крестьян.

Однако Г.Н. Потанин не ограничился лишь констатацией своеобразие Сибири. Осознание этого подтолкнуло его, по мнению Г.Н. Пелих, к формулированию собственного представления о путях исторического развития края. По созданной им жесткой социологической концепции «прогресс» сводился к социальному развитию в виде последовательной, эволюционной общественной организации. Сельскую земледельческую общину (первая стадия) он часто называл «патриархальной общиной». Для обозначения второй стадии он применил термин «община-область». Третья стадия – «община-государство»². Такой «общиной-областью», по мнению Г.Н. Потанина, и была Сибирь. Отсюда и формулировалась «областническая» идеология как способ оформления «областной» – региональной идентичности. Г.Н. Потанин считал, что географически Сибирь простирается от Тобольска на западе до Амура на востоке. Отсюда и лозунг областников об «объединении Сибири», т.е. о необходимости идентификационного закрепления как на групповом, так и на индивидуальном уровнях региональной идентичности.

Г.И. Пелих отмечала, что, когда областники писали, что «в качестве автономной общины-области Сибирь могла успешно развивать-

¹ Цит. по: Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск, 2005. С. 63.

² Там же. С. 33–54.

ся в рамках российского государства», они «не кривили душой». По мнению Г.Н. Потанина и его единомышленников, «общине-области необходима была экономическая и культурная автономия». Следовательно, вопреки государственному обвинению и мнению части исследователей советского периода, областники не стремились к отделению Сибири от России¹.

В связи с этим значимой для областников оказывалась задача именно экономического развития Сибири, с которой были связаны всестороннее изучение края и практическая деятельность в этом направлении. Ратуя за сохранение общины и разрастание ее до размеров Сибирской области, Г.Н. Потанин, как считают многие историки, выступал в качестве носителя идей «утопического социализма». Общеизвестно, что представление об общине как о «зачатке» социалистического общества было подвергнуто уничтожающей критике приверженцами марксизма. Но идея Г.Н. Потанина о России как объединении областей по своей сути предвосхищала принцип федеративного устройства государства. Она, если не опережала, то развивалась параллельно с концепцией автономизации, разрабатываемой социалистами Западной Европы и популярной, в частности, в Австро-Венгерской империи. С другой стороны, показательно, что сохранение общины в таких странах, как Южная Корея и Япония, и перенос ее структуры, базирующейся на семейно-клановых связях, в промышленную сферу позволили этим странам удачно совместить традиции и новации при проведении модернизации во второй половине XX в. и занять лидирующие позиции в мировой экономике.

Таким образом, для Г.Н. Потанина и его единомышленников «областническая идея» определялась не столько этнографическими особенностями и историческими традициями – это была база для понимания интересов Сибири, сколько насущными экономическими интересами и культурными запросами. В связи с этим важным представляется положение о том, что «расчленение (административное. – Л.Ш.) должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в разных областях империи различны. Основа сибирской жизни чисто территориальная»². В то же время, обосновывая общие интересы всех слоев сибирского общества – русских всех сословий и аборигенов, – Г.Н. Потанин, нередко употреблял термин «сибирская нация», вкла-

¹ Цит. по: *Пелих Г.И.* Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск. 2005. С. 43–44.

² Там же. С. 42–43.

дывая, таким образом, современное – гражданское, надэтническое – понимание его содержания. Такой подход опирался на логическую связь между областью-регионом и его населением и отражал формирование регионального уровня идентичности.

Судебный процесс над областниками (1864–1865 гг.) выделил небольшую группу людей, в сознании которых процесс формирования региональной идентичности принял законченный характер. Сформулированное в 1862 г. в письме Г.Н. Потанина иркутскому учителю Н.С. Щукину понятие «местные интересы» включало в себя идею «автономии провинции». Г.Н. Потанин писал: «Мы хотим жить, развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги, тратить их только на себя»¹.

При сравнении позиций и выводов относительно Сибири Г.Н. Потанина, А.П. Щапова, Н.М. Ядринцева выстраивалась достаточно полная и аргументированная концепция, в которой фиксировались не только особенности Сибири как области (региона) России, но и отмечался ее статус как колонии России. В работе «Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности в прошлом и будущем» Н.М. Ядринцев выделил признаки, на основании которых Сибирь можно было считать российской колонией. Это неразвитая экономика, отсутствие надежной транспортной сети, слабая заселенность, незаинтересованность сибирского населения в развитии производства, так как существовали значительная разница между своими и ввезенными товарами, низкий культурный уровень населения, уголовная ссылка, незавершенность в Сибири реформ 1860–70-х гг. и т.д. В то же время все ресурсы Сибири, начиная с вывоза пушнины и заканчивая золотом, были полностью подчинены интересам Москвы, а затем и Петербурга.

Однако первоначально представление о Сибири как колонии начало формироваться в императорском дворце. На протяжении XVII в. даже географические границы Сибири не были определены, она была царской вотчиной, как и все государство. В России очень медленно шел процесс выделения собственно государства из государевой земли. Трудности управления сибирской территорией из-за ее удаленности привели к появлению Сибирского приказа.

¹ Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1977. Т. 1. С. 28.

Однако вплоть до начала XVIII в. Сибирь не рассматривалась как «неполноценная» часть России. Ситуация начинает меняться с распространением европейских идей, в том числе и касающихся государственного устройства. Не следует забывать, что XVIII в. – время мировых империй, в рамках которых четко выделялись метрополия и колонии, которые, как правило, были заокеанскими территориями. Видимо, европейский образец «идеальной империи» послужил примером для выделения в 1764 г. Екатериной II «Сибирского царства». Этот случай в сибирской истории рассматривается как курьёз. Так, Н.М. Ядринцев недоумевал, что после того, как Сибирь уже на протяжении более сотни лет была русской, вдруг возникает «Сибирское царство».

На самом деле это была попытка перенести в административное устройство России принцип организации европейской империи, т.е. внедрить в государственное устройство России систему управления, которая возникла в других исторических условиях и иных политических традициях. Если согласиться с таким предположением, то становится понятным и «дарование» Сибири своего герба, своей монеты, которая должна была иметь хождение только в Сибири, и предоставление широких полномочий тобольскому наместнику. Искусственное появление Сибирского царства должно было приблизить Российскую империю к европейским империям. При этом европейская часть России понималась как метрополия, а Сибирь – как колония. Но европейское освоение новых земель только внешне обнаруживало сходства с русской политикой в Сибири. Поэтому не удивительно, что имперский проект «Европейская Россия – метрополия, а Сибирь – колония» потерпел неудачу, и одним из первых указов Павел I ликвидировал Сибирское царство.

Спустя сто лет, идея о Сибири как колонии, не нашедшая поддержки, частично реанимируется областниками. И причина заключалась не только в том, что в Сибири формируется региональная образованная элита, но и в том, что реформы, направленные на европеизацию российской жизни XVIII в., дали свои результаты – изменилась Россия, но изменилась и Сибирь – ее отставание от социально-экономического и культурного уровня становится все более заметным. Сибирская интеллигенция, осознавая это, формулирует запросы Сибири в областнической идеологии.

По своей сути идеи Г.Н. Потанина и его соратников отражали понимание специфики не только Сибири, но и других территорий (областей), составлявших Российскую империю. Областное устройство или автономизация означали внесение федеративного принципа в основы государственного устройства такого полиэтничного и поликультурного образования, каким являлось Российское государство.

Важная проблема, поставленная в сочинениях П. Словцова, о месте Сибири как в российском государстве, так и в системе его внутренней политики и институтов управления получила дальнейшую разработку в трудах А.П. Шапова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С. Шашкова. Вопрос о месте Сибири приобрел значение важнейшей проблемы определения сути российской государственности, поставил вопрос о роли областей (регионов) в российской истории. Однако это направление сибирской историографии было свернуто в советский период. Оно было подвергнуто идеологизации и политизации, так как в условиях социалистического строительства подчеркивание специфики российских регионов противоречило твердой линии государства на их унификацию.

Более того, любые попытки выяснения своеобразия регионов воспринимались властью как проявления сепаратизма. Марксистская методология в своем представлении об обществе опиралась на опыт развития моноэтничных государств либо таких, где иноэтничный компонент был мало заметен. Она не затрагивала вопрос о возможности социалистических преобразования в полиэтничных, поликультурных, поликонфессиональных странах. Следствием этого стало корректирование большевиками своей политики, но отказа от политики нивелирования культур и регионов не последовало.

В современной историографии положение «метрополия – колония» получило дальнейшее развитие в рамках предложенной А.В. Ремневым концепции «центр – периферия»¹. При этом стоит заметить, что важнейшие выводы относительно Сибири, сделанные им применительно к XIX в., не стоит переносить на более ранний период сибирской истории, т.е. на XVI–XVII века.

¹ Ремнев А.В. «Большая русская нация» и региональная идентичность: исторический опыт Сибири XIX – начала XX века // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность: Материалы международной конференции. Барнаул, 2003. С. 408–419.

1.4. Евразийская концепция освоения Сибири

Проблема присоединения Сибири и установления русско-аборигенных контактов, несмотря на обилие литературы, остается все такой же актуальной, как и в XVIII в., когда появились первые обобщающие труды по сибирской истории. По-прежнему открытым остается вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским, о причинах стремительности завершения этого процесса¹. Ведь уже в 40-е гг. XVII в. русские, несмотря на сопротивление некоторых народов, вышли на Тихоокеанское побережье, основав десятки городов, зимовий, острогов и объяснив большинство сибирских народов.

Чтобы понять причины и обстоятельства успешности русской политики за Уралом, необходимо учитывать специфику этнокультурных процессов в Евразии не только в XVII в., но и в более ранний период. В связи с этим актуализируется проблема такого феномена, как евразийство, понимаемого как результат синтеза культурных элементов народов Евразии. При этом следует отметить, что евразийство – это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Начало формирования евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса начинается задолго до походов Чингисхана и Батыя и связано с восточными миграциями ранних индоевропейцев, с взаимодействием народов Степи с первыми китайскими государствами Шан-Инь и Чжоу. Позднее движение гуннов и других центральноазиатских народов, в том числе и монголов, на Запад усилило процессы культурного синтеза и актуализировало евразийское наследие. Таким образом, феномен евразийства понимается не как идеологический конструкт, а используется в его первоначальном значении – как общее этнокультурное наследие народов Евразии (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л.Н. Гумилев).

Однако даже относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы), до от-

¹ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 129–130.

рицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Вопрос же о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и в социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился. Между тем «народная колонизация» Сибири подкреплялась амбициозными планами первых московских царей, которые, внешне не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов, в частности Золотой Орды.

Можно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия»¹. В связи с этим показателен факт основания в 1452 г. вассального от Москвы татарского княжества в Касимове, что продемонстрировало стремление Москвы принять на себя роль наследника Золотой Орды. Неслучаен и эпизод, когда Иван Грозный посадил вместо себя, хотя и на короткий срок, на московский трон Семеона Бекбулатовича (Соин-хана), правнука Ахмата II, а потом вновь занял престол. Это символизировало передачу власти от Чингизидов Рюриковичам и легитимизировало их власть над территориями распавшейся Монгольской империи.

Особенностью сибирской истории было то, что здесь долгое время вместо слова «граница» употреблялось – «рубежи», что определялось степенью статичности (подвижности) зависимого коренного населения, которое (в зависимости от обстоятельств и условий) могло менять свою политическую ориентацию, равно как и местообитание. Если же признать, что некая граница все же существовала, то она не проходила по территории, а определялась политической зависимостью аборигенов от более сильных государств: в Южной Сибири в XVII – первой половине XVIII в. таковыми являлись Киргизские княжества, Джунгарское ханство, государство Алтын-ханов и Россия.

Ситуация, при которой податное население периодически меняло государство-сюзерена, была обычной. Реальная власть русских в XVII в. в Сибири определялась не столько территориями, каковыми она «владела», сколько количеством подданных и способностью их защитить. Двоеданство было одним из элементов евразийской ди-

¹ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 2001. С. 340–342.

пломатии, хорошо усвоенной всеми сторонами, помогавшей, в случае примерного равновесия сил, сохранять относительно стабильную социально-политическую ситуацию. Оно создавало иллюзию сильных соперников, но не могло слишком долго длиться. Этот статус автоматически ликвидировался в результате резкого ослабления или гибели одного из государств-сюзеренов. И когда енисейских киргизов увели джунгары, прежде разгромив Алтын-ханов, а само Джунгарское ханство было уничтожено в ходе джунгаро-китайской войны 1753–1759 гг., фактически все коренное население Сибири, а значит, и территории его обитания, сами собою стали частью Российского государства.

Именно поэтому главной целью русских с первых лет их появления в Сибири было привлечение на свою сторону местного населения. Отсюда постоянные Наказы московских царей местным властям обходиться с ним «ласково», жестокие кары воеводам за злоупотребления по отношению к аборигенам и неустанные напоминания о необходимости поиска «новых земель и волостей». Именно количество тяглых подданных определяло и укрепляло позиции русских в Сибири

Представление о том, что не величина территории или богатства составляет силу правителя, имеет глубокие корни в евразийской истории. Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понималась не столько территория как таковая, сколько «владение», народ, данный в феодальное держание¹. В рамках улуса существовал своеобразный институт «унаган-богол». Б.Я. Владимирцов отмечал, что в результате завоевательных походов монголов в зависимость от них попадали целые роды и группы родов. Роды, зависимые от правящего рода, и составляли унаган-богол. С эскалацией войн появлялось все большее количество родов, племен, общностей, попавших в социально-экономическую и политическую зависимость. Они сосредоточивались во владении некоторого числа удачливых родов (семей), увеличивая, таким образом, их собственные улусы. Однако в монгольское время «унаган-богол», будучи несвободным даже в выборе кочевков, внутренне оставался неоднородным, так как сюзерен практически не вмешивался в его внутреннюю структуру. Поэтому сохранялись привычные соци-

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 118.

альные отношения и своя «аристократия», не говоря уже о внутренней социально-имущественной дифференциации¹.

Существовавшие кочевые империи Центральной Азии – от гуннов до монголов – выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип самого наличия зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

Другим важным моментом явилась политика невмешательства или минимального влияния на внутренние процессы в зависимых общностях. Это также элемент, характеризующий принципы политической евразийской традиции. Они были использованы и во взаимоотношениях русских и аборигенов. Более того, принцип невмешательства во внутренние дела ясачных был в России легитимизирован в «Уставе об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822)².

Безусловно, в условиях подвижного, скотоводческого общества гораздо проще было установить контроль над населением, чем над территориями. Включая в сферу своего влияния народы Сибири, сибирские ханы или монголы (вполне возможно, что и их предшественники) создавали здесь привычные фискально-административные единицы. Русские документы свидетельствуют, что, приходя за ясаком, сборщики ограничивались учетом числа ясачных, но не занимались «организацией» податных единиц, т.е. «ясачных волостей» единого типа и численности. Вся Сибирь, кроме Северо-Восточной ее части, была опутана «нитьями» даннических отношений, а значит, наличием функционирующей административно-фискальной системы. Так, манси платили дань хантам, ханты пытались собрать ее с селькупов, последние собирали дань с кетов, которые также были зависимы от бурят и эвенков, последние же, как и эвены, были данниками якутов.

Важно то, что ясачная волость, по сути, являясь осколком социально-экономической и политической структуры центрально-азиатской государственности, естественно влилась в формирующуюся политическую систему Московского царства, что оказывалось возможным при условии понимания сущности волости-улуса русскими людьми.

Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама Московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монголь-

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М.; Л., 1934. С. 81.

² Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. С. 137–138.

ская административная система, по Г.В. Вернадскому, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Каждый район (или поселение), способный выставить десять воинов, в сочетании с другими такими же составлял сотню (отсюда русское название сельского должностного лица «сотский»), десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали «тьму» (от монгольского «тумен»). Соответственно, допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – «ревизских душ» в Российской империи¹.

Таким образом, оказавшись в Сибири, русские обнаружили здесь функционирующую административную систему, базирующуюся на тех же принципах, что и в московских землях. В обоих случаях она была создана под воздействием политических традиций кочевых империй Центральной Азии, но так как она уже закрепились и на Руси, ее можно назвать евразийской.

Именно сходством административного устройства и одинаковым пониманием функций волостей-улусов диктовались и социокультурные формы взаимодействия русских и коренных народов Сибири. Русские, оказавшись в Сибири, встретили здесь знакомые им административно-податные образования, правда, появившиеся в этих местах задолго до того, как территории за Уралом попали в сферу влияния Москвы. Сибирские власти не изменили характера и порядка взаимоотношений со своими новыми подданными, они не требовали от них того, чего последние понять не могли. Фактически, русские XVII в. и сибирские народы (за редким исключением – чукчи, коряки) говорили на одном политическом языке. Этим-то и объясняется столь быстрое продвижение русских по Сибири: их главная задача состояла в переориентации выплаты ясака от прежних сюзеренов на Москву, а для этого нужно было быть (или казаться) сильнее и богаче этих последних.

Символом богатства державы, согласно все той же евразийской традиции, выступало количество подарков, которыми новые сюзерены наделили новоподданных, а также пышность пира, устроенного для них. Налицо особый ритуал, призванный сакрализовать приня-

¹ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 74.

тие подданства. С самого начала русского присутствия в Сибири, доставка ясака в русский город (острог) или посольство в Москву обязательно сопровождалась раздачей даров: кафтанов, шуб, тканей, посуды и т.д. – всего, кроме оружия.

Следует отметить, что публичное принесение даров (дани) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих дань, у всех центральноазиатских народов имело форму (и смысл) сложного ритуала¹. Истоки этого явления следует искать в сложных взаимоотношениях Древнего Китая с многочисленными варварами, предками тюркских и монгольских народов. Длительное время Китай действовал в соответствии с отработанной за века схемой поведения. «Нового “варвара”, – отмечает В.А. Корсун, – через помпезный ритуал “принимали” в “систему вассалитета”, добивались непреложного, пусть даже формального, выполнения им воли повелителя Поднебесной, принесением “дани” и исполнением обряда “коутоу”»². Затем следовали дары, которые больше напоминали способ откупиться от варваров, что отражалось в их несоизмеримо большей ценности.

Усвоенная система подчинения, подкрепленная строгим ритуалом и подарками, позже, через ордынцев, была перенесена и на взаимоотношения русских со своими ясачными, тем более что последние воспринимали «законность» своего подданства в форме архаичного дарообмена. Принеся шерть – клятву на верность Москве традиционным образом, пройдя ритуал принесения дани и отдаривания и приняв участие в богатом пире, – новые подданные занимали свое место в социальной структуре Московского государства.

Вопрос о собственном статусе решался с опорой на уже существовавшую в социальной структуре государства евразийскую традицию господства-подчинения. Русским не нужно было объяснять аборигенам суть податного состояния. Об укорененности принципа деления населения на элиту и подданных свидетельствуют не только развитый героический эпос сибирских народов, но и бытовой фольклор. Традиционное мировоззрение аборигенов Сибири пронизано идеей о том, что все живое является чьим-то подданным и обязано платить подать. Человек, как часть этого мира, также должен

¹ Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica*. М., 1986. С. 165.

² Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие*. М., 2005. С. 498.

иметь своих хозяев (сюзеренов). Отказавшись от уплаты дани, человек лишался возможности защиты. Поэтому даже в фольклоре животные, не платящие алман, не наделяются положительными характеристиками.

Источники XVII в. свидетельствуют о том, что в основном сибирские аборигены без особых проблем (кроме енисейских киргизов, бурят, чукчей, коряков, отчасти нивхов) соглашались платить русским ясак даже тогда, когда те не всегда могли их защитить, в надежде, что это возможно в будущем. С усилением позиций России в Сибири так и произошло. Ведь, согласно евразийской ментальной установке, быть подданным сильного, безусловно, предпочтительнее, престижнее, чем зависеть от слабого¹. Русские понимали эту особенность поведения аборигенов. По этому поводу сибирские документы отмечали, что «татарский обычай (тюркский обычай. – Л.Ш.) непостоянный, которая сторона мочнее, туда они и шатаются»².

С момента проникновения за Урал Москва обозначила в Сибири три основных своих принципа социально-административной и аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны по всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились под влиянием Золотой Орды. Действительно, переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще – местными князьями, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность монгольским ханам и получение взамен ярлыка – права на княжение; участие в военных походах монголов; долговременные обязательные пребывания князей или их родственников в Сарае, в Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т.е. то же аманатство; угроза постоянных, порой беспричинных, набегов ордынцев и т. д. – все это общеизвестные явления российской истории XIII–XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводником явилась уже русская власть³.

¹ Шерстова Л.И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации XVII – начала XX в. Новосибирск. 2008. С. 225–226.

² Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. 1959. Т. 4. С. 39.

³ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. С. 59–69.

Наличие аналогичных или весьма сходных традиций в политической культуре, в социальном устройстве, в отношении к власти и собственному социальному положению сближало прошлое и местное население, создавало условия для результативного политического диалога. Общее политическое евразийское наследие сказывалось на всех сферах культуры и менталитета взаимодействующих народов. Оно, несомненно, упрощало налаживание и бытовых контактов, способствовало взаимопониманию при решении хозяйственных и социальных проблем, уменьшало возможность военных конфликтов.

Глава 2

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.: ФАКТОРЫ, ЭТАПЫ И ИТОГИ (В.П. Зиновьев, А.А. Храмков)

2.1. Этапы и характер аграрной колонизации Северной Азии в XVII – начале XX в. (В.П. Зиновьев)

В XVII в. были сделаны первые шаги в аграрной колонизации Сибири, усилиями служилых людей и казенных крестьян появились первые очаги земледелия Верхотурско-Тобольский, Нарымско-Томский, Енисейский, Илимский. В XVIII в. аграрная колонизация стала основной в процессе освоения Сибири, в котором сочетались меры государственного принудительного переселения крестьян и вольная крестьянская колонизация. В XIX в. Сибирь стала аграрной провинцией России. Штрафная колонизация утратила свое значение, началась правительственная поддержка крестьянских переселений, которая стала частью государственного проекта освоения Сибири. Геополитическое значение имел план переселения 3 млн крестьян в Сибирь в рамках реформ П.А. Столыпина. Сами реформы в Сибири не проводились. Сибирские крестьяне выбрали свой путь модернизации аграрного производства – через кооперацию, создали наиболее крупные сельскохозяйственные монополии России – Закупсбыт и Союз сибирских маслодельческих артелей, превратили Сибирь в существенную часть аграрной сферы России.

Можно выделить четыре основных этапа освоения Северной Азии. Качественно различаются четыре процесса, шедшие последовательно в истории русской Азии и наложившиеся один на другой.

Первый из них – военно-политическое присоединение территорий, второй – промысловое освоение, третий – аграрное освоение, четвертый – индустриальное развитие. Соответственно, Сибирь и Дальний Восток пережили три волны колонизации – промысловую, аграрную и индустриальную. Параллельно с этими волнами шло расширение культурно-образовательного пространства России в Северной Азии.

Проблемам присоединения территории и освоения Северной Азии посвящена большая историческая литература, которую невозможно перечислить в краткой главе. Трудно перечислить сами проблемы. Актуальность их менялась со временем. Но есть вопросы, которые всегда оставались актуальными и были в поле внимания историков: какие методы колонизации преобладали: военно-административные, штрафные, вольнонародные-стихийные, государственно-стратегические? Сибирь – колония или нет, каков ее статус в составе России? Целесообразность российских способов индустриального освоения Севера: постоянные или временные поселения?

В настоящей главе рассматривается только одна проблема – периодизации и характера аграрного освоения Северной Азии. Периодизацию хозяйственного освоения Сибири, как принято считать в историографии, впервые предложил Николай Михайлович Ядринцев в своей знаменитой книге «Сибирь как колония». Под названием Сибирь тогда имелась в виду вся территория русской Северной Азии. Он выделил XVII в. как век промыслового освоения края, XVIII в. – как век горнопромышленного освоения и век погони за серебром, первую половину XIX в. – как время золотопромышленности. При этом он отмечал, что в это же время шла вольнонародная и правительственная аграрная колонизация территории Сибири, которая в середине XIX в. сделала край преимущественно земледельческим¹. Н.М. Ядринцев считал плоды промысловой и промышленной колонизации скороспелыми, поверхностными, а методы освоения богатств Сибири хищническими. По его мнению, только земледелие закрепляло за Россией завоеванные окраины. «Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя», – считал он².

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 256–263.

² Там же. С. 167.

Можно согласиться с тем, как Н.М. Ядринцев выделил первый этап освоения Сибири – промысловый, занявший XVII в. Действительно, это время преимущественно охотничье-промыслового освоения ресурсов Сибири, время погони за шкурами пушных зверей. Меха были единственной русской валютой, главной статьей экспорта, главной целью служилых людей и промышленников. Первые брали меха в форме ясака с покоренных аборигенов, вторые, сбиваясь в артели-ватаги, добывали драгоценные шкурки зверьков во много раз в больших объемах, чем могла восполнить природа. К концу XVII в. северную сибирскую тайгу промышленники опустошили, выбив бобра и соболя. Последний раз так яростно истребляла фауну только Русско-Американская компания на Дальнем Востоке России и на Аляске в первой половине XIX в.¹ Земледельческое освоение Сибири в XVII в., пожалуй, было менее значимо, чем пушные промыслы, хотя дало более весомые результаты.

XVII век в хозяйственном освоении Сибири выделяют в отдельный период и современные историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский. Они ставят под сомнение тезис Н.М. Ядринцева о преобладании вольнонародной колонизации и считают присоединение и хозяйственное освоение Сибири в это время в основном заслугой государства, а главными землепроходцами – служилых людей. Вместе с тем они не отрицают большого значения в освоении края промышленников – охотников, рыбаков, солеваров². Довольно прочно в исторической литературе держится мнение О.Н. Вилкова, что XVII в. в Сибири был временем преобладания в промышленности частной инициативы³.

На рубеже XVII–XVIII вв. Сибирь вступила в период аграрно-промышленного освоения, в котором земледельческая составляющая стала главной вплоть до 1930–1950-х гг. Цветная металлургия XVIII в., золотопромышленность и промышленная революция XIX в., строительство Транссибирской магистрали и сталинская индустриализа-

¹ Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1971 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013. 620 с.; Гринвальдт П. Меха́вая торговля в России и за границею (история и статистика, отделка мехов и товароведение). Рига, 1872. С. 17.

² Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 73–80.

³ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 273–315; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 25–32.

ция XX в. были всего лишь «архитектурными украшениями» сибирской аграрной провинции. Население Сибири и Дальнего Востока выросло с 470 тыс. чел. в 1719 г. до 11 млн в 1917 г., и до 14,1 млн в 1939 г., и до 15 млн в 1951 г. Большую часть этого населения составляли сельские жители, в 1719 г. – 86,9 %, в 1917 г. – 86,8 %, в 1939 г. – 68,7 %, в 1951 г. – 56,3%¹. В основном это были крестьяне, которые когда-то переехали в Сибирь из Европейской России, и их потомки. Подавляющее большинство их прибыло в Сибирь добровольно, особенно те, которые переселились после 1861 г. Влияние ссылки на состав населения было заметно только в первой половине XIX в. (до 10 % населения края).

Переселение в Сибирь и на Дальний Восток, организованное правительством в конце XIX – начале XX в. было, безусловно, успешным проектом, переместившим в Северную Азию почти 4 млн человек². Переселение продолжалось и в советское время. Последним актом аграрного освоения Северной Азии стало освоение целинных и залежных земель Сибири и Казахстана в 1950-е гг. В 1960-х гг. главным стало уже индустриальное освоение и колонизация Северной Азии³.

Периоды аграрного освоения изучены неравномерно. Источники и проблемы истории аграрного освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII – XIX вв. были в основном исчерпаны дореволюционными и советскими исследователями и обобщены в крупных коллективных трудах по истории Сибири, истории Дальнего Востока и истории крестьянства Сибири⁴.

¹ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века... С. 78–79; *Население* // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. К–Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 808 с. С. 434–437.

² Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А. Колонизация аграрная Сибирь в XVII – нач. XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. К–Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 105–106.

³ Зиновьев В.П. Этапы хозяйственного освоения Северной Азии. Демографический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 111–114. DOI: 10.17223/15617793/413/17

⁴ *История Сибири с древнейших времен до наших дней*: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 539 с.; *История Сибири с древнейших времен до наших дней*: в 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 530 с.; *История Сибири с древнейших времен до наших дней*: в 5 т. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 500 с.; *История Сибири с древнейших времен до наших дней*: в 5 т. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 471 с.; *История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 504 с.;

Прекращение планового финансирования изучения истории Северной Азии посредством крупных научных проектов в постсоветское время прервало координацию исследований историков Зауралья. Наиболее бурные и массовые процессы в аграрной сфере Северной Азии, шедшие в конце XIX – XX в., были изучены поверхностно и весьма тенденциозно. Несмотря на то, что отдельные сюжеты аграрной истории Сибири и Дальнего Востока получили освещение в монографиях¹, диссертациях², отражены в энциклопедических статьях³, необходимость продолжения исследований

История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 400 с.; *История* крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 390 с.; *История* крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1983. 398 с.; *История* крестьянства Сибири. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. 493 с.; *История* Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.; *История* Дальнего Востока России. Книга 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.

¹ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 194 с.; Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.; *Сибирь* в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 363 с. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск: ТМЛ-П, 2009. 364 с.; Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: по материалам XVII – середины XIX в. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2012. 254 с.; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.; Храмов А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. 328 с. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 397 с.; Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2007. 212 с.; Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

² Дорوفеев М.В. Развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2010. 46 с.; Белянин Д.В. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 49 с.

³ Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А. Колонизация аграрная Сибирь в XVII – нач. XX в. // Т. 2. К–Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 105–106; Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А. Аграрно-колонизационная политика государства в кон. XVI – нач. XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I: А-И. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 32–34; Занданова Л.В. Переселение плановое в Сибирь в советский период // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II: К–Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 606–609; Ноздрин Г.А. Миграции населения // Исто-

темы остается, а то, каким был характер аграрного освоения Сибири, – до сих пор тема дискуссионная. Данные этих трудов послужили основанием для оценки характера аграрной колонизации Сибири.

Колонизация Сибири русскими началась задолго до ее завоевания в 1580-х гг. На первом этапе колонизация носила торгово-промышленный характер и охватывала таежную и тундровую зоны. Новгородские ушкуйники проникали за Урал еще в XI в. Земледельческая колонизация приобрела ведущее значение с середины XVII в., когда население приступило к освоению зоны лесостепей и степей. В XVI–XVII вв. среди переселенцев преобладали черносошные крестьяне Поморья. Часть крестьян переселялась в Сибирь «по указу» вместе с семьями, другая часть – «по прибору», т.е. добровольной вербовке. Такие переселенцы получали денежную и натуральную поддержку, налоговые льготы. Правительство разрешало крестьянам переселяться в Сибирь только после передачи тягла другим лицам крестьянского сословия, но они уходили за Урал самовольно (гулящие люди, беглые, бродяги). Другим способом пополнения населения были высылка в Сибирь на службу военнопленных, поселение ссыльных крестьян близ острогов, притрактовых сел и организация казенных ямов (сословие сибирских ямщиков). По табели Сибирской губ. 1710 г. здесь проживало уже 312,9 тыс. русских. Население размещалось неравномерно вдоль рек и трактов.

В XVIII в. вольнонародная колонизация Сибири, несмотря на запреты правительства, продолжалась. Принудительное переселение в Сибирь в XVIII в. приобрело более масштабный характер, чем в XVII в. На каторжные работы в Сибирь стали ссылать осужденных за тяжкие преступления. На всем протяжении XVIII в. шло заселение южных степных районов Сибири, примыкавших к укрепленным линиям. В миграционных потоках России XVIII в. значение Сибири было невелико. Большая масса переселенцев

рическая энциклопедия Сибири. Т. II: К-Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 358–359; *Ремнев А.В., Ус Л.Б.* Комитет сибирской железной дороги // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II: К-Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 115; *Ноздрин Г.А.* Переселенческое управление // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II: К-Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 610; *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Столыпинская аграрная реформа // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III: С-Я. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 190–191; *Зиновьев В.П., Федорова Н.А.* Переселение // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. С. 433–437.

тогда устремлялась в Новороссию, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье.

Численность крестьян в регионе в конце XVIII в. составила около 500 тыс., а к середине XIX в. достигла 1,5 млн чел. Указ от 10 апреля 1822 г. «О дозволении крестьянам переселяться на земли сибирских губерний» санкционировал переселение крестьян малоземельных губерний за Урал на свой страх и риск. Усилились внутрисибирские переселения на юг и восток. С 1795 по 1858 г. в Сибирь пришли 349645 ссыльных и 167190 переселенцев. В Сибири сформировался новый русский субэтнос, затем размытый более поздними переселениями.

В первой половине XIX в. Сибирь заселялась крепостными крестьянами, высланными помещиками, самовольными переселенцами, государственными крестьянами и ссыльными. Ссыльные в основном пополняли население Восточной Сибири. В 1822 г. М.М. Сперанский разработал «Устав о ссыльных», который упорядочивал ссылку и каторгу в России. Предусматривались ссылка на каторгу, ссылка на поселение, на водворение (за бродяжничество) и на житье (для лиц привилегированных сословий).

Переселения государственных крестьян в Сибирь резко увеличились после создания в 1837 г. Министерства государственных имуществ под руководством П.Д. Киселева. По указу от 8 апр. 1843 г. переселенцы получали 15-десятинные наделы на ревизскую душу, льготы от уплаты податей на 8 лет и небольшую материальную помощь по 20–35 руб. Наряду с переселением, в XIX в. интенсивно продолжалась административная и уголовная ссылка в Сибирь. С 1795 по 1900 г. было сослано 900 тыс. чел. Удельный вес ссыльнопоселенцев и ссыльных в составе русского населения Сибири вырос с 4,1% в 1795 г. до 10,5 % в 1833 г. Удельный же вес Сибири в общих миграционных потоках России в первой пол. XIX в. составил уже 14,5 %. Главную роль в заселении края сыграла стихийная народная колонизация, которая не позволила государству сформировать в Сибири земледелие вотчинного типа, нивелировала последствия штрафной колонизации.

«Положение 19 февраля 1861 г.» предоставляло право на переселение только крестьянам, не получившим земельных наделов или получившим разрешение от общины. Правительство «Особыми правилами» 1861 и 1866 гг. разрешило переселение на Дальний Восток. Прибывшие получали участки в 100 дес. на душу, на 10 лет освобо-

ждались от рекрутской повинности, на 5 лет – от уплаты подушной подати. В 1865 г. были разрешены переселения на Алтай. Переселявшиеся не получали никаких льгот и должны были платить 6-рублевый оброк. Ограничение переселений привело к массовому наплыву самовольных мигрантов в Сибирь (их численность достигала 400 тыс. чел.). Правительство вынуждено было легализовать самовольных переселенцев по указам 1869, 1871, 1876 и 1892 гг. 10 июля 1881 были приняты «Временные правила о свободном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», разрешавшие перемещение крестьян на окраины. Временные правила стали основой закона от 13 июля 1889 г. о переселении крестьян в Сибирь. Закон разрешал переселение без увольнительного приговора общины, но требовал разрешения министра внутренних дел и министра государственных имуществ. Закон предполагал меры по обследованию хозяйств, желавших переселиться, путевое пособие, межевание переселенческих участков, ссуды для домообзаведения. В 1860–1885 гг. в Сибирь прибыло примерно 300 тыс. чел., на Дальний Восток – 50 258 чел. С 1885 начался систематический учет крестьян, переселявшихся в Сибирь. Заселение Дальнего Востока шло первоначально за счет Забайкальского казачьего войска, затем – за счет стихийного переселения сибирских крестьян. С 1883 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин организовал доставку переселенцев морем через Одессу. С 1883 по 1901 г. так переселились 55208 чел. из малороссийских губерний. На Дальний Восток переселялись зажиточные крестьяне, имевшие на домообзаведство не менее 600 руб. С 1902 г. переселенцы двигались уже по железной дороге. С 1860 по 1900 г. на Дальний Восток прибыло примерно 110,7 тыс. крестьян-переселенцев и 25,9 тыс. казаков.

Строительство Транссибирской магистрали, обострение аграрного вопроса в центре страны привели к расширению миграций в регион. Заселением края с 1892 по 1903 г. занимался Комитет Сибирской ж.д., который возглавлял наследник престола, а затем император Николай II. Комитет организовал изучение природных богатств и экономики Сибири, создал землеустроительные партии для образования переселенческих участков, организовал проезд ходоков, издание брошюр и статей в прессе. 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся», разработанные КСЖД. Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг.

В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев». Для сокращения числа самовольных переселенцев были усилены льготы для законных переселенцев. Была организована продовольственная и медицинская помощь. С 1894 по 1901 г. на 27 врачебно-продовольственных пунктах была оказана помощь 520 тыс. больных, выдано почти 4 млн порций горячей пищи, в том числе 3 млн – бесплатно, выдано 106 тыс. пуд. хлеба. Смертность переселенцев в пути была снижена в пять раз: с 1 % в 1895 г. до 0,18 % в 1901 г. Семьям переселенцев выдавались путевые ссуды до 50 руб., а тем, кто переселялся на Дальний Восток, – до 100 руб. КСЖД также организовал с 1894 г. выдачу ссуд на местах водворения, в том числе и самовольным переселенцам, правда в половинном размере. Максимальный размер ссуды равнялся 100 руб. в Сибири и 150 руб. в Амурской и Приморской областях. В итоге доля самовольных переселенцев снизилась до 30 % пришедших из Европейской России. КСЖД также организовал центральные склады сельскохозяйственных орудий и семян, лесные склады, почтовые отделения, провел колесные дороги, построил 218 церквей и 184 школы.

Переселенческим делом в России со 2 декабря 1896 г. ведало Переселенческое управление, приравненное к департаменту МВД. Начальники Переселенческого управления: В.И. Гиппиус (1896–1902), А.В. Кривошеин (1902–05), Г.В. Глинка (1905–15), Г.Ф. Чиркин (1916–17). Главная задача – организация переселений в Азиатскую Россию, выделение кредитов на них. В каждом округе Сибири устройством переселенцев занимался переселенческий чиновник. После утверждения должности крестьянских начальников (1898 г.) дела переселенцев поручались им. В ведении переселенческих чиновников оставались районы массового наплыва переселенцев. Отвод земли для переселенцев осуществляли 4 землеустроительных партии и Западносибирский переселенческий отряд. В компетенцию Переселенческого управления входила предварительная разработка законодательных мер. В 1904 г. Совещание по вопросу об улучшении переселенческого дела под председательством А.Н. Куломзина на основе записки Переселенческого управления разработало план правительственной колонизации Сибири. Он стал основой закона от 6 июня 1904 г., утвердившего переселение общегосударственным делом и декларировавшего его свободу. 6 мая 1905 г. Переселенческое управление вошло в состав ГУЗиЗ ведущей государственной

организацией, осуществляющей Столыпинскую аграрную реформу. В этот период массовых переселений в состав ГУЗиЗ входили 5 департаментов; 4 вели дело в отдельных регионах: Западной Сибири, Степном крае, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а одно отвечало за передвижение переселенцев. Коренной реконструкции подверглась организация переселенческого дела в Сибири. В Сибири и на Дальнем Востоке было создано 8 переселенческих районов (по количеству губ.), возглавлял их заведующий переселением, подчинявшийся губернатору. Они делились на подрайоны. В каждом уезде, в зависимости от интенсивности темпов переселения, выделялось 1–4 подрайона. Кроме того, вдоль Транссибирской магистрали создавалось 2 р-на (Западный и Восточный) по передвижению переселенцев. В каждом из них создавались землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, лесные и с.-х. склады, агрономические и ветеринарные отделы, школы и больницы. В 1914 г. в Сибири было организовано 18 землеустроительных партий. В 1911–14 гг. функционировало 36 складов с.-х. машин с 87 отделениями, 17 лесных складов, 38 продовольственных лавок. В этой системе работали 800 гидротехников, 14 агрономов и техников, 73 врача и 329 фельдшеров, 21 ветеринар и 37 ветеринарных фельдшеров. При необходимости власти оказывали безвозмездную помощь переселенцам. С 1907 по 1911 г. около 40 тыс. семей обратились в Переселенческое управление с просьбой о бесплатном проезде к месту переселения и выдаче путевых пособий. В 1911 г. насчитывалось 33 врачебно-продовольственных пункта, бесплатно оказывавших переселенцам всяческую поддержку. Для нужд переселения было проложено 12 989 верст грунтовых дорог и 915 верст водоотводных каналов, соорудили 13771 колодец и 161 водохранилище.

В конце XIX в. в проведении переселенческой политики произошли изменения: был введен льготный тариф для переселенцев (15 сент. 1890 г.); увеличен размер предоставляемой им ссуды (1891 г.); установлена единая норма надела в 15 дес. (13 июня 1894 г.); права на выдачу разрешений на переселение передавались губернским присутствиям (1896 г.). Практика показала, что переселения не приносят вреда экономическим интересам помещиков и положительно влияют на хозяйственное развитие страны, в то же время самовольные миграции вносят беспорядок в аграрные отношения. В связи с этим в начале XX в. власти изменили свою позицию по переселенческому вопросу. Особое совещание о нуждах

сельскохозяйственной промышленности (1901 г.) высказалось за уничтожение всех препятствий переселенцам и оказание им максимального содействия. Министр внутренних дел В.К. Плеве в записке «Современное положение переселенческого дела в России» и участники Совещания по вопросу об улучшении постановки переселенческого дела в 1904 г. высказались за объявление переселений общегосударственным делом. Наконец, закон от 6 июня 1904 г. декларировал свободу переселений, необходимость оказания материального содействия мигрантам, прибывающим по разрешению, и отмену круговой поруки для новоселов.

Основное внимание в рамках земельной политики отводилось землеустройству. Земли в Сибири принадлежали государству и Кабинету Е.И.В. К концу XIX в. землеустроительные работы велись силами губернских чертежных и переселенческого отряда для отмежевания переселенческих участков. Переселенческий отряд до 1894 г. выделил 146 переселенческих участков площадью 430 тыс. дес., отвел в надел старожилам 863 тыс. дес., и в казенно-оброчные статьи – 278,5 тыс. дес. 4 марта 1893 г. Комитет Сибирской ж.д. создал 4 землеустроительные партии. До 1897 г. они выделили под переселенческие участки 3924 тыс. дес. В конце 1890-х – начале 1900-х гг. большее внимание стало уделяться землеустройству старожильческого населения. При этом землеустроительные работы отделялись от землеотводных. С 1897 по 1905 г. было землеустроено 7 811 тыс. дес. С конца 1890-х гг. главным направлением земельной политики государства в регионе стало регулирование крестьянского землепользования. Оно регулировалось законами от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г., которые закрепили право собственности государства на земли Сибири. Наделы до 15 дес. на большей части территории региона выделялись крестьянам в пользование бесплатно. Закон для алтайского землеустройства на землях Кабинета от 31 мая 1899 г. строился на тех же основаниях, но проводил землеустройство Кабинет и всемерно стремился сохранить земли за собой. Широко распространены были отрезки земли у крестьян, тысячи семей (непричисленные) не получали наделов, как и целые арендные поселки, свои наделы крестьяне должны были выкупать в течение 49 лет. После принятия указанных законодательных актов началось внутриобщинное землеустройство. К 1915 г. окончательное отграничение крестьянских наделов в Сибири провели на 37441 тыс. дес., или на 66,6 % всех земель, подлежащих землеустройству. Полностью дан-

ный процесс был завершен в Алтайском округе к 1914 г. В его ходе от многоземельных крестьянских общин отрезали 4930,5 тыс. дес, а малоземельным общинам добавили 2004 тыс. дес. В результате крестьянское землепользование в округе уменьшилось на 5 %. Землю сибирским крестьянам государство выделило в бессрочное пользование, хотя уже в ходе обсуждения данного решения ряд государственных деятелей (Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, А.И. Вышнеградский, В.И. Гурко и др.) призывали к постепенному введению частной собственности на крестьянские земли, этого, однако, так и не было сделано вплоть до 1917 г. В 1901 г. С.Ю. Витте представил Николаю II записку по итогам работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в ней он высказал идею о необходимости «умирания» общины. Дальнейшее развитие эти идеи нашли в Столыпинской аграрной реформе, на Сибирь она так и не была распространена.

Возглавляемое П.А. Столыпиным правительство первоначально не ставило задачу разрушения крестьянской общины в Сибири, а наоборот, укрепляло ее в фискальных целях. На регион не распространялось действие указа от 9 ноября 1906 г., закона от 14 июня 1910 г. и Положения о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Тем не менее вопрос о соответствующем реформировании аграрных отношений в регионе в 1907–1909 гг. рассматривался. По указанию П.А. Столыпина главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин в 1909 г. разработал «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев сибирских губерний и областей», предусматривающее передачу надельных земель в частную собственность, но этот законопроект даже не был рассмотрен в Государственной думе. Меры частичного распространения аграрной реформы на Сибирь П.А. Столыпин принял после того, как осенью 1910 г. вместе с Кривошеиным осуществил связанную с кризисом переселенческого движения поездку по региону. Для разрешения кризиса переселенческого движения предлагался целый ряд мер, в том числе развитие в Сибири частной собственности на землю; разрешение продажи земель переселенцам; распространение на зауральскую территорию деятельности Крестьянского банка; отвод наделов как переселенцам, так и старожилам не в пользование, а в собственность; развитие в регионе хуторских и отрубных хозяйств; обеспечение сбыта сибирского хлеба путем строительства ж. д. и отмены челябинского тарифного перелома. В развитие данных установок 10 марта 1911 г.

Совет министров принял Положение «Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в частную собственность», в котором предлагалось до его утверждения Государственной думой отводить участки под хутора в единоличное наследственное пользование. Правительство передало в Думу законопроект о введении частной земельной собственности, но до начала Первой мировой войны его не успели утвердить. В связи с этим хутора и отруба в Сибири, в отличие от европейской части России, передавались не в собственность, а в постоянное наследственное пользование. В конце 1912 г. царь утвердил Положение Совета министров о сдаче земельных участков в аренду переселенцам с правом последующего выкупа их на льготных условиях в частную собственность. В 1913 г. для арендаторов было подготовлено 3869 участков и сдан в аренду 371 участок. Преобразование общинного землепользования в Сибири началось после распространения на регион действия закона от 29 мая 1911 г. о землеустройстве, расширявшего права землеустроительных комиссий по внутринадельному размежеванию крестьянских селений. Спад переселенческого движения позволил расширить подготовку индивидуальных участков. ГУЗиЗ 25 марта 1911 г. предписало заведующим переселенческими р-нами в обязательном порядке нарезать не менее трети наличного земельного фонда в виде хуторов и отрубов. Если в 1907 г. подготовили всего 120 единоличных участков для переселенцев, а в 1910 г. – 597, то в 1911 г. – 5962 хуторских и 580 отрубных участков. Их заселение началось в 1911 г. К 1916 г. по 4 сибирским губерниям из 10,1 тыс. участков единоличного пользования заселили 5,5 тыс. Из всей массы новоселов в Азиатской России на хутора и отруба водворилось только 5 %. Параллельно проводилось размежевание старожильческих общин. В Томской губернии ходатайство об этом поступило от 290 тыс. старожильческих дворов, или 25 % от их общего количества. В целом по Сибири под хутора и отруба выделили 9228 тыс. дес. (около 13 % земель, подлежащих землеустройству). Сказывалось и протестное настроение значительной части сибирских крестьян против хуторизации по прибалтийскому примеру – из-за того, что хуторское землепользование очень осложнялось суровыми природными особенностями Сибири.

В конце XIX – начале XX в. проводилась настоящая переселенческая революция. Сибирь стала главным колонизируемым районом страны. В 1885–1904 гг. в Сибирь и на Дальний Восток прибыло 1488 тыс. переселенцев. Основную массу переселенцев дали черно-

земные губернии России и Украины. В 1901–05 гг. переселения заметно сократились в связи с Русско-японской войной.

В годы Столыпинской аграрной реформы переселенческое движение в Сибири достигло наивысшего уровня. В марте 1906 г. Совет министров снял существовавшие ограничения переселенческого движения и установил дополнительные льготы для крестьян-переселенцев. В отличие от предыдущих лет, когда переселение носило преимущественно стихийный характер, теперь правительство поощряло его, но стремилось упорядочить и взять под свой контроль.

В сентябре 1906 г. царь под воздействием революции 1905 г. и из-за малоземелья крестьян в Европейской России издал указ о передаче под переселение свободных кабинетских земель Алтайского округа, а в 1908 г. – Нерчинского горного округа. Существенное значение для роста переселений в Сибирь имел указ от 9 ноября 1906 г. о праве крестьян закреплять находящиеся в их пользовании земли в частную собственность, что позволяло получать средства для поселения в Азиатской России. Реорганизации подверглось Переселенческое управление. Всю территорию Азиатской России разделили на 12 переселенческих районов с землеустроительными и землеотводными партиями, агрономическими, медицинскими, школьными, дорожными, гидротехническими отделами. Переселенческие земли ежегодно распределяли между губерниями Европейской России, и уже на эти доли направлялись ходоки. Правительство оказывало переселенцам поддержку, хотя она была недостаточной. Переселенцы испытывали колоссальные трудности. И сам Столыпин признавал это.

Казенные земли поселенцы получали даром. Им выдавались ссуды на домообзаводство. В 1906–1915 гг. ссуды получили 851,9 тыс. чел. В годы неурожая переселенцы получали продовольствие. За 1906–1914 гг. за Урал переселились 3,772 тыс. чел.

Таблица 1

Число переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток в 1905–1918 гг.¹

Годы	Число переселенцев, в тыс. человек	Доля обратных переселенцев, %
1	2	3
1905	39	10
1906	141	4
1907	427	6

¹ Соколов М., Пологов М. Переселение в Сибирь и ее колонизация // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1934. Т. 4. Стлб. 287–296.

Окончание табл. 1

1	2	3
1908	665	6
1909	619	13
1910	316	36
1911	226	60
1912	260	
1913	328	
1914	338	
1915	28	
1916	11	
1917	6	
1918	184	

Пик переселений пришелся на 1906–1909 гг. В 1910–1911 гг. наблюдался спад, связанный, вероятнее всего, с эпидемиями и неурожаями, с разочарованием в надеждах на нормальное устройство значительной части переселенцев. Росло число неустроенных переселенцев. В 1910 г. их насчитывалось 700 тыс. чел. Если в первые годы реформ в Европейскую Россию возвращалось около 20 % переселенцев, то в 1910–1916 гг. – свыше 30 %. В Приамурское генерал-губернаторство переселилось в 1901–1917 гг. 323,7 тыс. крестьян и 13,4 тыс. казаков¹.

Посевные площади в Сибири с 1905 по 1912 г. выросли на 33 %, поголовье скота – на 23 %. Накануне Первой мировой войны освоенные переселенцами земли давали стране ежегодно около 100 млн пуд. зерна. Вывоз масла и хлеба из региона увеличился в несколько раз. Переселение в Сибирь осталось лучшим позитивным результатом реформ П.А. Столыпина, оно решило геополитическую задачу закрепления за Россией Северной Азии.

Анализ литературы по данной проблеме обнаруживает, что существенные сдвиги в ее изучении произошли в постсоветское время, и это коснулось, прежде всего, периода конца XIX – начала XX в. История крестьянства Северной Азии искажалась в угоду идеологическому заказу правящей КПСС. Заказ состоял в обязанности историков доказывать наличие социально-экономических предпосылок для социалистической революции. Это привело к преувеличению уровня развития капиталистических отношений в Сибири и на Даль-

¹ *Галлямова Л.Л.* Значение миграций как фактора заселения и освоения Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 17–31.

нем Востоке в канун революций 1917 г. В частности, это выразилось в завышении доли предпринимательских хозяйств. Причем показатели доли предпринимательских (кулацких хозяйств) имели тенденцию к увеличению. Так, если авторы «Истории Сибири» насчитали 5 % «крупнокулацких хозяйств»¹, то авторы «Истории крестьянства Сибири» – 15–20 % кулацких дворов². Подсчеты современных историков показывают существенно меньшую цифру – 2–3 % дворов, которые могли бы стать предпринимательскими³. Но дело в том, что значительная часть этих крупных хозяйств сохраняла потребительский характер вследствие многосемейности, что не учитывали советские историки и власти во время раскулачивания. Историки тем самым оправдывали репрессии властей против крестьянства⁴.

Характер присоединения и хозяйственного освоения Северной Азии определялся интересами царской семьи, государства и правящей элиты. Сибирь и Дальний Восток, служа источником сырья и ресурсом для решения стратегических проблем, испытывали дефицит капиталов, кадров. Во внешних сношениях использовалось ее геополитическое положение для военного и экономического продвижения в Центральную Азию, в торговле с Китаем и Монголией Сибири отводилась роль посредника. В начале XX в. Сибирь и Дальний Восток при 8 % всего населения империи дали 16 % валового сбора хлебов, около 2 % стоимости промышленного производства, в том числе 15 % стоимости продукции горного дела. На долю Сибири и Дальнего Востока приходилось 11,4 % длины железных дорог, 10,8 % количества пароходов, 6,1 % числа торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. На Сибирь и Дальний Восток с 13-миллионным населением приходилось около 300 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3 % населения. В городах Сибири и Дальнего Востока жило 11,9 % населения. Это характеристика аграрного, колонизируемого периферийного региона⁵.

¹ *История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма.* Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968. С. 325.

² *История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. С. 378.

³ *Никулин П. Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск: Издательство ТМЛ-П, 2009. С. 328.

⁴ *История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937).* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. С. 257–274.

⁵ *Зиновьев В. П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 222–223.

2.2. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири в начале XX в. (А.А. Храмов)

Двадцатый век принес в сибирскую деревню крупные исторические перемены, менялся весь патриархальный уклад жизни этой окраины. Сибирь включалась многочисленными связями в экономику и общественно-культурную структуру страны и в мировые экономические отношения.

Самое большое влияние на развитие Азиатской России имели два крупнейших события: открытие Сибирской железной дороги и массовые переселения. Особое значение для края имела Столыпинская аграрная реформа. Обычно в нашей литературе столыпинские переселения связывались почти исключительно с необходимостью для правительства разрядить земельную тесноту в центре страны и дать отдушину для выхода накопившегося недовольства крестьян помещичьим землевладением. Другая сторона вопроса оставалась в тени – то, что политика П.А. Столыпина имела и общенациональное значение.

Столыпинское правительство проводило большую работу по содействию и организации переселений. Были созданы переселенческие пункты с бесплатным питанием и медицинским обслуживанием. В отдаленные районы переселенцев бесплатно перевозили по рекам на пароходах, им выдавались ссуды на переезд и домообзаводство на три года, осуществлялись землеустройство и подготовка переселенческих участков и т.д. Кабинет передал под переселение в Алтайском округе за выкуп 3427863 дес. земли.

Перед правительством возникало много трудностей, и не все они разрешались удовлетворительно. Столыпин признавал: «Не успевали всем отводить участки, строить дороги, колодцы, врачебно-продовольственные пункты. Для того, чтобы перевозить переселенцев без задержек и скопления их в узловых станциях, пришлось установить стеснительные очереди перевозки»¹.

Переселения проводились в спешке, под давлением желания правительства разрядить малоземелье и сбить социальную напряженность. Реформа была плохо подготовлена, слабо обеспечена средствами и кадрами. Наблюдалась масса хищений и казнокрадства.

¹ *Столыпин А.В., Кривошеин А.В.* Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб., 1910. С. 3–7.

На станциях скапливалось огромное число людей, переезд затягивался на месяцы. Скученность приводила к эпидемиям. Больных не снимали с поезда из опасения, что они отстанут от своих партий. Многие умирали в пути, не доехав до «обетованной» сибирской земли. В Государственной думе депутат Дзюбинский говорил: «Мне пришлось проехать по линии Сибирской железной дороги и чуть ли не на каждой станции, не на каждом переселенческом остановочном пункте я видел брошенных детей, не знающих своих ни отца, ни матери, содержащихся и лечащихся исключительно благотворительной помощью»¹.

Только за 1907–1914 гг. в Сибирь переселилось свыше 3 млн чел. – в три раза больше, чем за предыдущие 8 лет. Максимум переселенческой активности отмечался в 1907–1910 гг., затем наступил спад. Причины были разные, и, как показывают обратные переселения (в 1911 г. вернулись назад 61,3 % от вновь прибывших), они крылись в разочаровании поселенцев в условиях жизни на новых местах и разорении многих из них².

Сельское население Сибири с 1897 по 1914 г. увеличилось на 65,5 % – с 4733,5 тыс. чел. до 7834,7 тыс. чел.³ В 1900–1916 гг. более двух третей (75,4 %) переселенцев расселилось в Западной Сибири, а больше всего (32,7 %) приняла Томская губерния, особенно Алтайский округ Кабинета.

Переселялись в основном бедняки. Среди новоселов западносибирской степи и лесостепи 47 % дворов пришли на участки, совсем не имея денег, а 12 % – без всякого сельскохозяйственного инвентаря. Скуды были небольшими. В Томской губернии на домообзаводство давалось в среднем 50 руб. на двор, тогда как, по данным самого же Переселенческого управления (1903 г.), на хозяйственное устройство семьи необходимо было от 250 до 500 руб. Поэтому многие хозяйства полностью разорялись.

Крестьянин П. Зюбан писал из Алтайского округа на родину своему брату: «...действительно, сторона здесь вольная, просторная, но бедным людям нечем ее обрабатывать... Голым людям в здешней стороне нельзя жить... Советую тебе, брат, сидеть на своем месте,

¹ Цит. по: *Островский И.А.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 190.

² *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983. С. 231.

³ *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 135.

лучше тебе будет: ты человек голый, одинокий, мало-здоровый и безкапитальный – сиди на одном месте, никого не слушай, потому, что хуже тебе будет, а если не послушаешь меня, то не пеняй тогда на меня»¹.

Значительной была доля самовольцев (в 1905–1914 гг. – 38,3 %). Чаще всего они не могли нормально устроиться, бродили по Сибири, перебиваясь заработками. Непричисленных переселенцев, которым по законам наделов не давали, в 1910 г., по признанию самого Столыпина, насчитывалось около 700 тыс. чел.

Что влекло переселенцев в далекую, неведомую и суровую Сибирь? Какой им виделась она?

Особенно привлекательным для крестьян было обилие земель, простор для хозяйственной деятельности, установление более мягкой зависимости от государства и свободы от помещиков.

Переселенцы сыграли огромную роль в освоении новых районов, часто совершенно безлюдных. Примером этого может служить заселение Кулундинской степи. Здесь порой на расстоянии 100–150 км во все стороны не было ни одного населенного пункта. До самого горизонта степи были покрыты ковылем. Не зря Кулунда, как считают некоторые, означает «жеребенок, прячущийся в траве». Если жеребенок родился в степи, то найти его было очень сложно. Вскоре эта местность переменялась, здесь были образованы переселенческие участки, которые стали быстро заселяться. В 1910 г. во время своей поездки по Сибири Столыпин посетил этот район. В селе Секачи ему была устроена торжественная встреча, поставлена арка. Столыпин решил, что здесь нужно основать город и назвать его Славным городом. Вскоре он был построен и стал называться Славгородом.

К 1911 г. удельный вес русских, украинцев и белорусов в Сибири достиг 80 %, а доля коренных народностей уменьшилась с 21 % в 1897 г. до 16,6 %. Аборигенное население преобладало лишь в Якутской области (92 %). «Европейские» переселенцы перемежались с коренным населением, доля которого была больше в тайге тундре и степи. Экономические связи коренного и пришлого населения принимали разные формы: колониальные, симбиозные, консолидационные.

¹ *Сибирские переселения. Материалы и документы* / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2003. С. 155.

Колонизация Сибири в начале XX в. не приводила к уничтожению коренных народов. Сибирь не была политической колонией. Тем не менее отношения новоселов с коренными народностями были непростыми и характеризовались определенным напряженностью. Так, кочевые алтайцы были недовольны их обезземеливанием переселенцами, и это, в сочетании с их недовольством своим бесправием, привело к бурханizmu – антирусскому религиозному движению и даже беспорядкам в верховьях реки Чарыша в 1904 г. Велись многочисленные поземельные споры. Наряду с аккультурацией и приспособлением коренного населения к новым условиям хозяйства наблюдалась откочевка части его в малодоступные местности. На юге Западной Сибири долго сохранялись враждебные отношения с казахами и было распространено конокрадство¹. Но коренные жители также оказывали значительное влияние на переселенцев.

Приносила ли политика переселений улучшение жизни новоселам?

Средние данные показывают рост всех экономических показателей у них. И самое главное – в целом значительно улучшилось их земельное положение. Когда одного переселенца спросили, какой надел был у него на родине, тот ответил иронически: немалый. И добавил: если моя собака ляжет, то ее голова будет на моем наделе, а уже хвост на чужом². В Томской губернии размер земельных наделов переселенцев по сравнению с местами их выхода увеличился в 8 раз³. Но средние показатели скрывали бедность большей части переселенцев и обогащение меньшинства. Переселенцы в целом не достигли уровня жизни сибирских старожилов, хотя часть их успешно развивала свое хозяйство.

Как повлияли массовые переселения на жизнь сибирского крестьянства в целом? Очевидно, что они привели к нивелировке сибирской деревни на более низком уровне. Сельское хозяйство в результате столыпинских реформ не гарантировало крестьянству края стабильности.

Еще долго историки будут спорить, были ли успешны реформы Столыпина. Следует избегать категорических оценок о крахе пере-

¹ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XVIII – начало XX в. Томск, 2004. С. 166–167, 183–188.

² Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Новосибирск, 1921. С. 30.

³ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. I. Томск, 1914. С. 22.

селенческой политики или ее блестящих результатах. Переселенческое дело и колонизация Сибири являются самой весомой положительной частью реформ Столыпина. Заселение и освоение края миллионами людей – исторический подвиг, который был под силу только истинно великому народу.

В начале XX в. отмечался быстрый рост производства зерна, мяса, масла и другой сельскохозяйственной продукции. Посевы зерновых с 1906 по 1914 г. увеличились на 3574 тыс. дес., или на 81,6 %. Среднегодовые сборы хлебов в Сибири увеличились в 1911–15 гг. по сравнению с началом века на 66 %, а в Европейской России – только на 11 %¹. По темпам развития Сибирь в начале XX в. обгоняла не только Европейскую Россию, но и Соединенные Штаты Америки. Особенно бурно эти процессы шли в Томской губернии.

Быстро формировался и развивался аграрный рынок, и зерновое производство все больше включалось в него, росли сельская торговля и внутренний сибирский товарообмен. По железной дороге только из Западной Сибири с 1900 по 1914 г. было вывезено 308953 пудов хлеба². Сибирь могла экспортировать хлеба больше, но правительство проводило дискриминационную тарифную политику для защиты производства и хлебной торговли помещиков Европейской России (Челябинский железнодорожный тарифный перелом).

В Западной Сибири избытки зерна в урожайные годы достигали 26–30 %, а сбыть его было некуда. Сбыт хлеба превращался в одну из самых острых проблем. Крестьяне говорили: «Неурожай плохо, а урожаем того хуже».

Среди злаковых в наиболее земледельчески развитых регионах преобладали яровые культуры, особенно пшеница; Сибирь в отличие от Центра страны не была «ржаным царством». Это было результатом приспособления ее к рынку. Росла также доля другой, тоже рыночной, культуры – овса. Рожь преобладала в районах, менее развитых земледельчески, в Забайкальской области посевы пшеницы составляли в 1913 г. лишь 17,5 %. Другие сельскохозяйственные культуры: картофель, конопля, лен, подсолнух, бахчевые – большого торгового значения не имели, и производили их мало.

¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 240.

² Храмков А.А. Железнодорожные перевозки хлеба в западном направлении в конце XIX – начале XX вв. // Предпринимательство и предприниматели в Сибири. Барнаул, 2001. Вып. 1. С. 164 – 165. *Он же*. Вывоз сельскохозяйственной продукции из Западной Сибири // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 96.

Однако в целом по Сибири рост посевных площадей и валовый сбор зерна отставали от роста населения. Производство зерна на душу населения не увеличивалось, а, наоборот, сокращалось.

Одной из причин этого была низкая урожайность зерновых культур, по которой Сибирь была примерно на уровне земледельческого центра страны, но значительно уступала не только Северному Кавказу, но и в среднем 50 губерниям Европейской России¹. Причем урожайность зерновых в начале XX в. непрерывно снижалась, с 8,13 ц с одного га в 1896–1900 гг. до 6,63 ц с га в 1910–1915 гг. Урожай в 100 пуд. ушли в прошлое, оставались только в рассказах стариков. Земледелие развивалось как «рискованное», сопровождаясь частыми неурожаями.

Сохранялась примитивная система полеводства. Господствовала залежно-паровая система. К 1917 г. под парами находилось 17,9 %, под перелогом – 32,6 % крестьянской земли². Усиливалось хищническое использование земли, стремление брать от нее, что возможно, сеять «до отказа»; в районах, менее развитых, имелось залежное хозяйство, а в северных таежных и подтаежных местностях – паровое беззалежное полеводство.

В основных земледельческих районах поля почти не удобряли, не производилась и прополка хлебов. Вследствие плохой обработки земли поля стали зарастать сорняками. Отмечалось, что иногда посева «представляли почти сплошь безбрежные пространства, поросшие сорными травами», и целые полосы выкашивались на траву. В Томской губернии сорняк занимал в среднем 15–17 % посевной площади³.

На севере, в южных горно-таежных местностях земледелие уступало место кочевому хозяйству или различным неземледельческим промыслам: охоте, рыболовству, оленеводству, сбору кедровых орехов и т.п.

Наряду с земледелием важную роль играло скотоводство, а у многих коренных народов (алтайцев, хакасов, бурят) оно было основным занятием. С 1896 по 1917 г. поголовье скота выросло на 58,8 %. Особенно увеличилась численность крупного рогатого скота

¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1913. С. 75–81.

² *Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.* М., 1921. С. 64–75.

³ *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 169–170.

(на 64 %), а поголовье свиней, самого «скороспелого» вида мясной продукции, выросло более чем в три раза (на 224,8 %). Из расчета на 100 душ населения Сибирь превосходила Европейскую Россию по поголовью лошадей в 1,7 раза, крупного рогатого скота – в 1,8 раза, свиней – в 1,4 раза. Но увеличение поголовья скота не опережало роста населения.

Гигантского размаха достигло молочное животноводство, которое стало основой небывалого по масштабам производства сливочного масла. Это была настоящая «масляная горячка». В Томской и Тобольской губерниях в 1911 г. насчитывалось 3102 маслодельных завода¹. Имевшее низкие цены и хорошее качество сибирское масло скупалось преимущественно для экспорта: в Данию, Германию, Англию и другие страны Европы.

С 1894 по 1913 г. из Сибири было вывезено на внешние рынки 41663,4 пудов масла общей стоимостью в 570 млн руб. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла более 16 % мирового экспорта масла и 61,3 российского. От продажи масла Сибирь получала ежегодно 65–70 млн руб. золотом². Столыпин отмечал, что сибирское маслоделие давало России в 2 раза больше золота, чем вся золотопромышленность края.

Основная масса скота разводилась в двух западносибирских губерниях, являвшихся и главными центрами сибирского маслоделия. Но по количеству всего скота на 100 душ населения на первом месте находилась Забайкальская область.

Скотоводство, как и земледелие, велось экстенсивно. Расчет строился на увеличение поголовья, а не на повышение продуктивности скота. Содержание скота было примитивным, а культура животноводства низкой. Во многих местностях гулевые лошади и другой скот, а у коренных народов – весь скот, содержались всю зиму на подножном корму (тебеневка). Крестьяне не заботились о зимних запасах хороших кормов. Чиновник Переселенческого управления из Енисейской губернии сообщал, что крестьяне «в мороз нередко выгоняют скот за ворота “на прогулку”»³.

¹ *Азиатская Россия*. СПб., Т. 2. 1914. С. 336.

² *Малахинов П.И.* О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Уде, 1962. С. 395;
Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 162; *Винокуров М.А.* Сибирь в первой четверти XX века. Иркутск, 1996. Табл. 4.3.

³ *Сибирская деревня*. 1914. № 12.

Часто коровы находились в лютые морозы под открытым небом или легким навесом и нередко обмораживали вымя. Плохой уход приводил к массовым заболеваниям и падежу, пропадало до 60–70 % коров. Средний годовой удой молока составлял 800–900 кг. На вопросы о породах скота население в шутку нередко отвечало, что скот «тасканной породы», потому что его весной от бескормицы приходилось не выгонять на зеленый корм, а вытаскивать. Еще его называли «подъемным скотом», потому что животных после голодных зимовок приходилось поднимать и ставить на ноги.

Прогресс сельского хозяйства сопровождался его быстрым техническим перевооружением, «машинизацией» и увеличением применения улучшенных сельскохозяйственных орудий. С 1898 по 1913 г. перевозки сельскохозяйственных машин и орудий по Сибирской железной дороге выросли в 31 раз. С 1896 по 1914 г. в Сибири было продано сельскохозяйственных машин и орудий на огромную сумму – 159369676 руб. Более трети их (34,7 %) приходилось на Томскую губернию.

Появление уборочных машин, намного облегчавших труд, воспринималось крестьянами как небывалое чудо. Газета «Алтайский крестьянин» писала: «Дьявольская выдумка, – крестились старики. – Последние годы живем, – отвечали им старухи. – Теперь все прошло: свет стоит по-старому, только мы выглядим иначе, чем наши деды»¹. Обмолот зерновых стали производить в два-три дня, а раньше, при молотье цепями, каждый хозяин молотил свой хлеб целую зиму.

Для Сибири тоже была характерна общая отсталость сельского хозяйства. Большинство крестьян машин не имело. По переписи 1917 г. более половины хозяйств не имели даже железных плугов. Среди орудий вспашки преобладали сохи, косули, сабаны (примитивный плуг с деревянным отвалом), в 1910 г. они составляли 68,6 %. На 100 хозяйств приходилось 2,2 сеялки, 15 веялок, 7,7 косилок, 6,4 конных граблей, 6,7 молотилок. При уборке крестьяне чаще всего использовали серп и косы-литовки; хлеб обмолачивали вручную, цепом, а веяли лопатой.

Начало XX в. отличают новые явления в производстве, социальной структуре крестьянства и во всем устройстве жизни села. Столыпинские реформы дали толчок развитию фермерских хозяйств и предпринимательства. Если относить к группе предпринимателей хозяйства, имевшие свыше 25 дес. посева или более десяти рабочих лошадей, то в Томской губернии они составляли от 1 до 1,4 % дво-

¹ *Алтайский крестьянин*. 1912. № 9.

ров¹. По Сибири процент дворов, имевших свыше десяти рабочих лошадей, в 1912 г. был равен 2 %, хотя здесь сказывалось то, что многие районы имели скотоводческое направление хозяйства.

Предпринимательские крестьянские хозяйства были не единичны. В Барнаульской волости в 1905 г. С.А. Третьяков (село Савинский Станец) имел 50 коров, 13 дес. посева; П.А. Глебов (село Брусенцево) – 18 рабочих лошадей, 70 коров, 260 овец и 53 дес. посева; Ф.П. Рясков в том же селе – 15 лошадей, 85 коров, 330 овец и 48 дес. посева; Н.А. Зиновьев также из села Брусенцево – 15 рабочих лошадей, 21 корову, 36 дес. посева². В источниках описывается хозяйство в пос. Мураш Тобольской губернии. Его владелец имел 85 дес. земли, из них 45 арендованной у казны, много машин. Ежегодно у него с помощью наемных работников производилось около 1000 пудов хлеба, конопли, льна. Предпринимательство развивалось и в Восточной Сибири. В селе Каратузовском Минусинского уезда Енисейской губернии хозяйства Лебедевых, Юшковых, Соминых засевали от 50 до 80 дес. Малишевский имел 80 дес. посева, 60 лошадей. У него было 10–15 постоянных наемных рабочих, а в страдную пору он нанимал до 60 чел. рабочих.

В Алтайском округе кабинетская администрация в Бельгагачской степи сдавала участки в аренду, в том числе и крупным предпринимателям под коневодство и овцеводство. Многие из них просто пересдавали землю крестьянам, но некоторые вели самостоятельное хозяйство. Ф.И. Васильев арендовал 1100 дес., из которых распахивал 815, в том числе засевал пшеницей и овсом около 600 дес. В хозяйстве использовалось 70 рабочих лошадей, много сельскохозяйственных машин. Во время жатвы предприниматель нанимал до 150 сезонных рабочих. Хлеб он возил продавать на своих лошадях в Семипалатинск.

Немногочисленную особую группу предпринимателей составляли частные землевладельцы, которых в 1916 г. было 1149. Большинство их было сосредоточено в Тобольской губернии и Акмолинской области. Им принадлежало около 0,5 млн дес. Некоторые из них владели 1000 и более дес. земли.

¹ Бауфал А.М. и др. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии. (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969. С. 101, 115, 122, 129, 231, 237, 243, 267; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 177–178.

² Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 142–143.

После прокладки Транссибирской магистрали появляются немцы-колонисты, скотопромышленники с Северного Кавказа. Они занимались разведением овец-мериносов, лошадей и коров. И.Г. Нифонтов в Саргамской волости Тюкалинского уезда на арендованной у крестьян соседних деревень земле содержал 6 тыс. мериносовых овец, 200 коров, 160 голов рабочего скота и засеивал 400 дес.

Крупные капиталистические хозяйства существовали на землях, арендованных у Казны, Кабинета и казачьих войск. Московская фирма Алексеева и Четверикова в Енисейской губернии на арендованных 52 тыс. дес. земли организовала три крупные экономии, в которых имелось до 30 тыс. овец-мериносов, 550 лошадей, свыше 400 голов крупного рогатого скота, около 1000 дес. под зерновыми и травами. Наемных рабочих и служащих числилось 330 чел. В Москву вывозилось до 3 тыс. пудов шерсти, овчины и другое сырье, а военному ведомству поставлялись лошади¹.

Сибирь, однако, нельзя назвать районом крупного фермерского земледелия; многие нормы землепользования и сбыта сдерживали этот процесс. Предпринимательство было мелким по своим масштабам. Основная масса крестьян вела лишь мелкотоварное, полунатуральное хозяйство.

Условия Сибири были крайне разнообразными, и наряду с регионами быстрого развития товарного производства в местностях, удаленных от железной дороги и крупных судоходных путей, царил патриархальщина.

Особенность Сибири по сравнению с Европейской Россией состояла в том, что здесь практически не было помещиков; землевладение было казенным, а в значительной части Западной Сибири (Алтайский округ), а также в Забайкалье – кабинетским.

Сибирское крестьянство вплоть до 1917 г., в отличие от крестьян Европейской России, не получило права собственности на надельные земли: реформа 1861 г. здесь затянулась на десятилетия. Они не могли пользоваться землей как юридической собственностью, продавать ее, передавать в залог.

Вопрос о введении частной собственности на крестьянские наделы возникал периодически, начиная с середины XIX в., но правительство, с его политикой опоры на все крестьянство, не решалось на такой шаг и не желало обезземеливания в сибирской деревне. Кроме того, считалось необходимым подождать с окончательным

¹ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 205–207, 208–210.

решением этого вопроса до начала массового заселения Сибири. В начале XX в. общие приоритеты аграрной политики резко изменились. Но и Столыпин не ввел частной собственности.

Крестьянские общества наделялись землей на началах бессрочного пользования. В скрытой форме земля во многих случаях, конечно, продавалась, но это делалось вопреки закону. Такая продажа осуществлялась под видом долгосрочной (даже на несколько десятилетий) сдачи наделов в аренду, платы переселенцев за приписку к сельскому обществу.

Правительство проводило меры, которые должны были подготавливать условия для введения частной собственности на землю. С 1911 г. более трети, а затем и более половины участков под переселение готовились в форме хуторов и отрубков. Целенаправленно проводилась политика внутринадельного размежевания, при этом применялось давление, вплоть до «каталажки» (тюрьмы). Всего в Сибири к 1917 г. было размежевано лишь 9228,3 дес. земли, причем подавляющая их часть, 83,3%, приходилась на Томскую губернию, где было особенно много переселенцев.

Размежевание больше поддерживали переселенцы. Однако в большинстве случаев это объяснялось не стремлением переселенцев к индивидуализации хозяйства и предпринимательству, а возможностью получить землю вообще, потому что лучшие земли были уже захвачены до их поселения. Из поселка Баролковского Томской губернии сообщали: «Богатые мужики захватывают хорошие места земли за деньги и вино... В этом участвует и сельский староста. Соберется сходка и пойдет гулянка – вино пьют, песни поют, пропивают землю, а над бедностью смеются. Вам, говорят, будут хутора в осиннике»¹.

С 1896 по 1916 г. в Сибири проводилась крупнейшая за всю предыдущую историю земельная реформа, которая имела задачей отграничение крестьянских наделов от земель казны и Кабинета.

При землеустройстве правящие круги имели и свои цели, стремились за счет старожилов устроить часть переселенцев и смягчить аграрный кризис в стране, отвести угрозу от помещиков центра страны. Кабинет надеялся отрезать у крестьян часть земель, расширить арендный фонд для развития своего земельного

¹ Минжуренко А.В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 50.

хозяйства. Землеустройство в Алтайском округе и Забайкалье было связано с выгодной для Кабинета выкупной операцией. Выкупные платежи начались с 1908 г., когда в Европейской России они были уже полностью отменены, и должны были взиматься до 1950-х годов.

Но реформа была выгодна и крестьянам: она давала гарантированность землепользования, разрешила часть земельных конфликтов между селениями.

К 1915 г. землеустройство не было закончено, отграничение наделов было осуществлено на 37440 тыс. дес., охватив 66,6 % площади, подлежащей землеустройству. Единственным регионом, где оно было завершено, являлся Алтайский округ.

В среднем по Сибири надел равнялся 13,2 дес. на мужскую душу, колеблясь от 12,4 дес. в Тобольской губернии до 15,6 дес. в Забайкальской области (для кочевого и скотоводческого населения нормы были несколько выше). Обеспеченность землей устроенных по реформе сибирских крестьян была примерно в два раза выше, чем в Европейской России, хотя и некоторые представители царской администрации считали даже установленную высшую норму наделения (15 дес.) недостаточной для многих районов Сибири с ее экстенсивными способами ведения хозяйства.

Проблему земли реформа решила, однако, не для всех. В Томской губернии, например, 78 селений из 3723 (2,09 %) имели надел менее 8 дес. на муж. душу. В «Трудах» местных комитетов Тобольской губернии говорилось о юго-западных уездах, где население «уже давно забыло о прежнем безграничном просторе»¹.

Внутри селений земля распределялась между крестьянскими хозяйствами решением сельского общества и тоже, конечно, крайне неравномерно. Поэтому недостаток земли в первую очередь отражался на беднейших слоях населения.

Значительная часть крестьян была оставлена совсем без земельных наделов. Это так называемые непричисленные к сельскому обществу. В Алтайском округе в их число было включено, по официальным данным, 116828 душ муж. пола, т.е. около 10 % устраиваемого населения, а в самом крупном и населенном Барнаульском уезде – даже 14,7 %. В Алтайском округе имелись целые селения,

¹ *Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью.* СПб., 1903. С. 5, 56.

которым было отказано в наделах: это так называемые арендные поселки с населением около 50 тыс. чел. Число безземельных все время пополнялось за счет новых самовольных переселенцев, которых в 1917 г. только в Алтайском округе насчитывалось не менее 350 тыс.

Одновременно с землей селения наделялись лесом. В среднем по Сибири среди селений, получивших лес, наделы равнялись 1,6 дес. на муж. душу, в Алтайского округа – 0,7 дес., в Тобольской губернии – 0,9 дес. Совсем не получили лесных наделов на казенных землях – 40 % селений, на кабинетских – 57 %.

В крестьянском хозяйстве лес имел исключительно важную ценность и для строительства, и для отопления – других видов топлива практически не было. Изъятие лесов и использование их Кабинетом в качестве средства эксплуатации населения дают объяснение той мощной «лесной войне», которую в течение многих лет вели крестьяне в Сибири.

Землеустройство вызывало недовольство и тем, что оно сопровождалось новыми отрезками земель, которые не только передавались под переселение, но и отводились для казенных и кабинетских оброчных статей, сдававшихся затем в аренду крестьянам. Всего по Сибири отрезки составили 10,68 % землепользования крестьян. Они коснулись прежде всего относительно многоземельных районов Сибири и в большей степени нерусского населения (бурят, алтайцев и др.).

Землеустроительная реформа в Сибири – это сложное явление, которое вызывало неодинаковое отношение различных слоев крестьянства: от поддержки и заинтересованности в ней до открытого сопротивления¹.

Важное место в жизни сибирского крестьянства занимало казенное и кабинетское хозяйство.

Казна и Кабинет, за исключением хозяйственной заготовки леса, своего хозяйства не имели, а использовали землю в качестве объекта своей собственности. Помимо оброчной подати и других повинностей крестьян за пользование надельными землями, они реализовывали свою собственность путем сдачи в аренду внаемных земель, продажи леса и взимания платы за побочные пользования в лесах (добыча извести, сбор грибов и другое).

¹ Храмков А.А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул, 1994.

У Казны и Кабинета имелось большое земельно-лесное хозяйство из оброчных статей. К 1910 г. общая площадь казенных оброчных статей составляла 2,8 млн дес. Более 4/5 земель сдавалось крестьянам. Среди них были не только остронуждающиеся в земле, но и зажиточные хозяйства, таким путем расширявшие свое производство. Условия аренды нередко носили кабальный характер, они, например, включали обязанность арендаторов по охране окружающего леса, плату за сгоревший или вырубленный лес и т.п. Но уровень арендных цен в Сибири был ниже, чем в Европейской России.

Весь доход Казны от оброчных статей по Сибири составил в 1913 г. 343865 руб.¹ Намного более сложными и острыми были отношения крестьян к земельным владениям Кабинета, особенно в Алтайском округе (они имелись еще в Забайкалье, в Нерчинском округе).

Перед Первой мировой войной Кабинет избрал новый курс, администрация Алтайского округа встала на путь «расчетливого хозяина», решительной организации и улучшения своего оброчного хозяйства, более энергичной эксплуатации оставшихся в ее распоряжении земель и лесов, пользуясь нехваткой их у крестьян.

Кабинетские леса охраняли в 1916 г. 1280 объездчиков. Для борьбы с порубщиками организовывали специальные летучие отряды. Было создано 799 кордонов. Собиралась плата за право на рыбную ловлю, охоту, сбор грибов, ягод, плодов, за пастьбу скота, собирание мха, добычу камня, песка, глины и другие «побочные пользования». Большой остроты достигла борьба крестьян за пользование пашнями, сенокосами и «поскотинами» (выпасами) в ленточных борах, откуда Кабинет в ходе землеустройства вытеснял население.

В 1915 г. в сельскохозяйственную аренду сдавалась 1012671 дес. – площадь, достаточная для наделения даже по высшей норме в 15 дес. свыше 100 тыс. человек. Значительную часть земли, необходимой крестьянам и казахскому кочевому населению (свыше 100 тыс. дес.), округ сдал в долгосрочную аренду крупным предпринимателям из Европейской России под коневодство и овцеводство.

За десять лет перед 1917 г. округ получил от своего лесного хозяйства 20,5 млн руб. доходов, от земельной аренды – 4,9 млн руб.

¹ *Обзор* деятельности Департамента государственных земельных имуществ по управлению казенными оброчными статьями и другими имуществами, находящимися в его заведывании за 1913 год. Пг., 1914. С. 72–75, 92–95.

Вместе с выкупными платежами по земельной реформе, уже полученными к 1915 г. (7565247 руб.), общая сумма доходов округа составила 33 млн руб.¹

Земельные отношения между округом и крестьянами в своей основе были близки к тому социальному типу, который сложился в центре страны, в районе помещичьего землевладения, но здесь они не были столь острыми и непримиримыми. Лесная политика Кабинета в районе ленточных боров носила антикрестьянский характер, но защита ленточных боров от беспорядочной вырубki населением имела и важное народнохозяйственное значение.

Как видно, казна и Кабинет получали от своих владений огромные прибыли, и их землевладение вызывало серьезное недовольство крестьянского населения.

Одним из центральных и наиболее болезненных вопросов во взаимоотношениях между крестьянством и государством (и Кабинетом) оставалась система податей и повинностей. Крупная ее реформа была проведена по закону от 18 января 1899 г., когда существовавшие до этого архаичные подушные сборы были, наконец, отменены. Но заменены они были государственной оброчной податью, которая сама была едва ли меньшим анахронизмом и пережитком феодальной эпохи, так как в Европейской России оброчные подати к тому времени давно уже были отменены. Государственная оброчная подать была в 3 раза выше так называемой поземельной подати, взимавшейся в России с частных владельцев земли. Вопрос о социальной сущности оброчной подати по-разному обсуждается в литературе. Широкое распространение получила, в частности, точка зрения, согласно которой эта подать для части крестьянского населения носила противоречивый характер, в ней переплетались «феодальные и капиталистические черты». Алтайские крестьяне, как уже отмечалось, помимо оброчной подати вносили начиная с 1908 г. выкупные платежи. К другим видам повинностей относились земские и мирские сборы, большую часть которых составляли различные архаичные натуральные повинности (исправление, ремонт, поддержание дорог и мостов, подводная повинность, опалка лесов, отвод квартир и пр.).

В 1910–1912 гг. все повинности крестьян Алтайского округа составляли 7160698 руб. В Томской губернии на каждый двор прихо-

¹ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 213.

дилось податей и повинностей около 23 руб. Это было меньше, чем в помещицьем центре страны. Но для крестьян-бедняков указанная сумма была обременительной и вносилась за счет сокращения потребления.

Крестьяне Сибири жили в условиях крайне ограниченных политических прав; над ними, как и во всей стране, стояла целая армия охранителей существовавшего режима – исправники, приставы, крестьянские начальники, чиновники, служащие Кабинета и т. д. Сибирь была обойдена даже многими из ограниченных реформ, проведенных в Европейской России (земства, суд присяжных и т. д.), а политический произвол и притеснения, бесправие масс проявлялись особенно сильно. Господство чиновников сокращало полномочия у органов крестьянского самоуправления – волостных и сельских обществ. В начале XX в. три четверти сельского населения оставались неграмотными, а женщины были неграмотными почти поголовно (9/10 всех женщин). Это во многом определяло духовный облик крестьянства, способствовало консервации его патриархальности, отсталости хозяйства.

Наблюдалась очень высокая смертность, особенно в детском возрасте. По переписи 1917 г. среди детей до одного года умирало свыше 20 %, средняя продолжительность жизни населения с учетом детей составляла всего 15,5 лет, а взрослых старше 18 лет – около 55 лет. Низкая продолжительность жизни объяснялась инфекционными болезнями и отсутствием здравоохранения, недоеданием, антисанитарией и пр. И неудивительно: в 1907 г. в Сибири на одного врача приходилось 12500 жителей, включая городское население.

Жили крестьяне в Сибири значительно лучше, чем в Европейской России. Они были более свободными, имели больше земли и средств к устройству устойчивого хозяйства, лучше питались, не было господства помещиков.

Но крестьянство не было единым. В деревне шел процесс глубокого социального расслоения. По данным переписи 1916 г., в Томской губернии бедняки составляли 46–47 %, середняцкие хозяйства – 35 и зажиточное крестьянство – 18 %. В различных районах это соотношение было неодинаковым. В зависимости от природных зон, развитости товарно-денежных отношений и дру-

гих факторов процент бедноты колебался от 27 до 53, середняков – от 32 до 44, зажиточных – от 6 до 32–33¹.

В Томской губернии в старожильческих селах зажиточная верхушка производила около 55–60 % товарного хлеба; в среднем один двор давал товарного хлеба в 40 раз больше, чем бедняцкий, и в 8 раз больше, чем середняцкий. А если брать всю товарную продукцию, а не только хлеб, то один двор из группы сельской верхушки поставлял на рынок продукции столько же, сколько 6 бедняцких или 4 середняцких хозяйства.

Об усиливающейся дифференциации крестьянства Восточной Сибири можно судить по данным военно-конских переписей 1908 и 1912 гг.: в губерниях наблюдалось размывание средней группы крестьянских хозяйств и увеличение беднейшей группы и рост числа дворов, имевших свыше 10 рабочих лошадей.

У коренных народов со скотоводческим направлением хозяйства также выделялась богатая байская прослойка населения со сверхвысоким поголовьем скота. В Горном Алтае хозяйства, имевшие 50–100 и выше голов крупного рогатого скота, составляли 3,8 % дворов, 200 и выше голов лошадей – 1,6 %, 150 и выше голов мелкого скота – 4,5 %².

Многие крестьяне, разоряясь, превращались в батраков у богатых односельчан. Батрачить начинали в возрасте 8–10 лет, а то и раньше: дети пасли скот, «помогали» по хозяйству. Подростки составляли около 1/5 участников промыслов. В материалах обследования Барнаульской волости за 1905 г. говорится: «Возить копны травы берут ребятишек лет 6–7 и платят им за день (от зари до зари) 10 коп. За день такой работник может свезти 100 копен»³. Никакого трудового законодательства, регулирующего условия работы, конечно, не существовало.

Накануне Первой мировой войны наемный труд использовало в различных районах от 1/3 до 2/5 хозяйств. Численность наемных рабочих к 1917 г. определяется различными авторами в 230–500 тыс. чел.

¹ Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. и др. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии. (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения. С. 178.

² Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933. С. 148.

³ Экономическое исследование маслоделия... С. 16.

Особенностью жизни сибирской деревни являлось широкое распространение торгово-ростовщического капитала: скупщики крестьянской продукции, владельцы торговых лавок, ростовщики, пересдатчики в аренду казенных и кабинетских земель. Их деятельность носила спекулятивный и грабительский характер и приводила к кабальной зависимости крестьян. Наиболее яркие типы скупщиков процветали в отдаленных и захолустных местностях, а также в районах, где в основном жили представители коренных народов. В Каратузской волости Енисейской губернии скупщик Погудин скупал скот и перегонял его в Красноярск, покупал коноплю, яйца и на баржах по Алыму и Енисею сплавлял их также в Красноярск.

Никаким «обетованным» краем Сибирь не была. Наряду с бурным ростом производства, освоением новых земель, расширением и умножением богатств одной части населения наблюдались нищета значительной части крестьянских хозяйств, беспомощность в борьбе с суровой сибирской природой и стихийными бедствиями.

Обычным явлением в российской и сибирской деревне был повторяющийся время от времени массовый голод. В 1911–1912 гг. неурожай пораженены самые плодородные и густонаселенные уезды Западной Сибири. Газета «Речь» писала о голодавших крестьянах в Тобольской губернии: «Самовары, платье, валенки – все заложено в Тюменском ломбарде... Скот валится, люди бессилеют и болеют. Растут заразные болезни на почве голода». Крестьяне Ялуторовского и Тюкалинского уездов Тобольской губернии потеряли около половины лошадей и коров, тысячи крестьянских хозяйств разорились. Во многих селениях Алтайского округа в помощи нуждались около половины населения, люди совсем не имели средств для приобретения продовольствия. Голод вызывал цинготные и тифозные эпидемии, массовую смертность, особенно детей. В некоторых переселенческих поселках Кулундинской степи в 1911 г. тиф и цинга унесли до 40 % населения.

Серьезные изменения в сельское хозяйство и положение крестьянства внесла Первая мировая война. Товарность хлеба резко снизилась. Загруженность Сибирской магистрали военными перевозками задерживала его вывоз. Происходила заметная переориентация хозяйства на скотоводство. Были сильно подорваны производительные силы. К 1917 г. в армию было взято из сельского хозяйства больше половины (около 55 %) мужчин трудоспособного возраста (а в возрасте от 20 до 50 лет – более 60 %). Основная тяжесть работ легла на

плечи на женщин-крестьянок и детей. На пахоте было занято до 46 % женщин, в посевной – около 36 % мальчиков-подростков от 12 до 14 лет, в пахоте принимали участие и около 5 % мальчиков 8–11 лет¹.

Мобилизации изъяли огромное количество лошадей. Некоторые села совсем «обезлошадилась». Завоз сельскохозяйственного инвентаря резко сократился, а имевшийся у крестьян изнашивался и приходил в негодность. Обстановку в селе еще больше осложнили стихийные бедствия: засуха 1915 г., холодная с буранами весна 1916 г. В 1915–16 гг. из-за нехватки кормов на Алтае и юге Сибири пало около 1 млн голов скота. В 1915 г. на Алтае собрали 85,5 млн пуд. хлеба, что составляло лишь 32,8 % от сбора 1914 г. Произошло сокращение посевов.

Однако процессы в сельском хозяйстве развивались противоречиво: сокращение посевов в первые годы войны сопровождалось их ростом к 1917 г., оно было неравномерным по культурам. В отдельных местностях в целом наблюдался даже рост благосостояния. Этому способствовало и увеличение заготовок продовольствия.

В условиях войны сокращалось производство масла. Произошло свертывание торговых отношений с западными странами. Повлияло и то, что власти реквизируют масло по твердым низким ценам. Но в то же время начинает развиваться сыроварение: сыр было легче транспортировать, и его сбыт не монополизировался государством.

В жизни крестьянского населения значительно усилилась роль маслодельческой, кредитной и потребительской кооперации. Она начала развиваться еще в довоенный период, но в годы мировой войны происходит ее особенно бурный рост. Если маслодельские кооперативы отражали беспрецедентный подъем сибирского производства масла, то широкое распространение сельских потребительских обществ и кредитных кооперативов было реакцией на рост цен на потребительские товары у частных торговцев и потребность крестьян в более дешевых ссудах на хозяйственные нужды, их стремление избавиться от засилья ростовщиков и спекулянтов. Потребители

¹ Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2002. С. 29–30.

тельских обществ в Сибири было в 1913 г. 368, в 1916 г. –2123, а в 1917 г. – уже 5435.

Крестьян разоряли реквизиции хлеба, рабочего скота, овса, повозок и т.д. Возросли подати и повинности. От исполнения их не освобождались даже солдаты, на долю которых и без того выпали особенно большие лишения. В крупных городах начался голод. Питание основной массы крестьян также значительно ухудшилось, а многие семьи, особенно семьи солдаток, жили на ничтожное казенное пособие и голодали. Барнаульский исправник доносил в январе 1917 г., что у многих крестьян уезда хлеба не осталось даже на семена. Тяжело отражалась на населении растущая дороговизна, из-за чего в стране только за 1916 г. произошло 235 массовых крестьянских выступлений. О дальнейшем обнищании крестьян ярко говорит рост во время войны числа безземельных, беспосевных и безынвентарных хозяйств. Многие крестьяне порывали с земледелием, в сохранившихся архивных карточках переписи 1916 г. распространен ответ: «хозяйства нет».

Углублялась социальная поляризация крестьянства. Сельская верхушка, используя продовольственный кризис и дороговизну, быстро обогащалась. Источники ее обогащения изменились: она наживалась теперь не столько путем увеличения посевов и поголовья скота, сколько спекуляцией и ростовщичеством. На томском губернском съезде кооперативов в 1915 г. говорилось: «...Каждый год хлебники-спекулянты отнимают у мужика, и без того нищего, сотни миллионов рублей».

Война усиливала факторы, революционизирующие крестьянские массы.

История крестьянства на современном этапе исторической науки должна рассматриваться не только в плане социологическом, но и через призму «человеческого измерения», с учетом особенностей восприятия крестьянином действительности, его духовного облика¹.

В Сибири при ее колонизации поселенцами из различных районов страны наблюдались непрерывные социокультурные взаимодействия и взаимопроникновения, разнообразное сочетание традиций и новаций.

¹ О ментальности российского крестьянства в начале XX века см.: *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 68–174; *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)*. М., 1996.

Процессы адаптации переселенцев охватывали не только природную, но и социокультурную, психологическую сферы взаимоотношений с коренными народами и старожилами. Менялись не только переселенцы, но и старожилы, и сам характер сибиряка. Раньше, в XIX в., появился термин «сибиряк», обозначающий формирование как бы особой национальности. Но когда в Сибирь хлынули потоки российских переселенцев, это остановило формирование особой этнической общности – сибиряков¹.

В процессе колонизации и освоения Сибири происходило воспроизводство сложившихся на территории исторического ядра Российского государства устойчивых этнокультурных традиций русского народа как основной части переселенческого населения. Русское крестьянство Европейской России и Сибири являлось антропологической (этнокультурной) общностью, которая характеризовалась сходными чертами ментального облика и социального поведения.

Вместе с тем Сибирь представляла некой «мутагенной» зоной, расположенной между различными типами цивилизаций (европейской, азиатской). Складывался оригинальный субэтнос со своим, во многом особенным, менталитетом, некий симбиотический феномен.

Сибирь отличалась многообразием этнических и хозяйственно-культурных общностей. Наряду с русскими украинцы, немцы и другие общности, а также коренные народы сохраняли некоторые устойчивые черты культурной обособленности и являлись самостоятельными внутрирегиональными этническими комплексами (подразделениями)².

В формировании традиционного сознания важнейшее место занимало влияние природных условий, огромные территории, суровый климат и короткое лето³. У сибиряков формировались редкая выносливость и настойчивость, необыкновенное терпение в труде, мужество в опасностях.

¹ Карих Е.В. Межэтнические отношения населения Томской губернии в хозяйственной сфере деятельности в XIX – начале XX вв. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 100–106.

² См.: Чернова И.Н. История семьи и семейно-бытовые традиции немецкого населения Западной Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 2. С. 59–63.

³ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. № 4–5.; Саверушева М.И. Особенности русского менталитета // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 2. С. 12–16.

Необычайно короткий по времени цикл работ, примитивные орудия обработки земли, безмерность сибирских территорий не выработали у сибиряков ярко выраженной привычки к тщательности и аккуратности в работе, способствовали экстенсивному ведению хозяйства. Распространялось хищническое отношение к лесу и природе.

Тяжелые условия работы, рискованность земледелия, опасность разорения развивали у людей чувство доброты, коллективизм, готовность прийти на помощь. Во многих местах было принято пустить ночевать в дом проезжего; хозяева давали корм лошадям приехавшего, нередко снабжали бесплатно продуктами на дорогу. Часто несколько хозяйств объединяли инвентарь и рабочий скот, которого у них было мало, и совместно выполняли работу. Это называлось «супрягой». В Барнаульской волости к супряге прибегала 1/5 часть хозяйств.

В числе важнейших ситуативных условий, формировавших традиционное мировосприятие русского крестьянства, находились общинный строй и православная религия.

Среди устойчивых начал мировосприятия сибирского крестьянства имелись общие со всеми россиянами черты духовного облика – противоречивое сочетание приверженности государственному началу и анархизм, редкая покорность и бунтарство, настроенность на всеобщее спасение и всеобщее благо, социальную справедливость.

Но сама община не была единой и разделялась на группы хозяйств с различным социальным положением, между которыми существовали устойчивые противоречия, часто носившие характер антагонистических. Поэтому о единой ментальности крестьянства можно говорить только относительно. Происходили и религиозные трансформации. Некоторые сибирские губернии (Томская, Енисейская) из преимущественно православных превращались практически в чисто православные, в других православие занимало главенствующее положение. Были представлены и другие конфессии.

Ментальность крестьянства быстро эволюционировала. В XX в. «имперство» крестьян в виде веры в царя переживало острый кризис. Снижается авторитет церкви, которую крестьяне воспринимают как представителя власти. Утверждается антимонархизм, распространяются идеи прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами, что также отвечало традиционному общинному духовному строю крестьянства.

Из предыдущей эпохи передавались императивы, связанные с «моральной экономикой», присущей российской деревне. Они основывались на необходимости обеспечения физического выживания каждого члена крестьянского общества, что предопределяло широкое распространение идей об уравнительности в распределении деревенских ресурсов, о социальных гарантиях и нормах взаимоподдержки, справедливости, обязанностях власти и представителей имущих верхов по отношению к крестьянам.

Центром всей системы мировоззрения крестьянства является принцип уравнительного пользования землей. Поэтому преобладающей формой землепользования была передельная община. В Томской губернии она занимала 2/3 земель¹. Частная собственность воспринимается как неправомерная и несправедливая: «земля – ничья, земля – божья»².

Мотивация производства для подавляющей части крестьянства носила потребительский характер (покрыть годовой потребительский расход в семье), как хозяйств семейного, некапиталистического характера. Ценности модернизации как элементы буржуазного мировосприятия с трудом пробивали себе путь в традиционный менталитет. В годы Первой мировой войны особенно четко проявились антикапиталистические настроения – против применения наемного труда, субарендаторов и арендаторов, торговцев³.

Столыпинская «фермеризация сверху» предполагала, что из общества выбрасывается большое число крестьян, превращавшихся в наемных работников. Но образ жизни крестьянина в общине определялся его представлениями об опасности оказаться за нижними пределами потребления и выживания.

В процессе модернизации сельскохозяйственной Сибири в начале XX в. происходила сложная трансформация условий, уклада, образа жизни миллионов крестьян и способов их осознания, менталитета. Устойчивые, архетипические, традиционные элементы мента-

¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев Томской губернии. Томск, 1913. Вып. 2; Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие... С. 30, 47.

² Якимова Т.В. Представления крестьян о путях решения земельного вопроса в 1917 г // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, историки. Томск, 1991.

³ Разгон И.М. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте – апреле 1917 г.) // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1866. С. 211–232; Иванцова Н.Ф. Политические процессы в сибирской деревне в период Февральской революции. М., 1992. С. 14–15; Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.): дис. канд. ист. наук. Бийск, 2003. С. 120.

литета продолжали существовать, но часть из них подвергалась коррозии или эволюционным изменениям, в жизнь входило новое.

Наблюдаются изменения содержания ценностной иерархии в ментальности, традиции старожиллов нарушаются. Новым рыночным отношениям соответствовали такие качества, как развивавшийся индивидуализм, расчетливость, личный интерес, скупость¹.

Мировидение и мироощущение крестьянства претерпели существенные изменения в связи с Первой мировой войной. Первоначально крестьянство восприняло ее как стихийное бедствие, рок, ниспосланное сверху испытание, как необходимость защиты от германской агрессии. Однако поскольку война противоречила всем основополагающим ценностям крестьянина, отрывала его от земли и работы, обеспечивавшей ему жизнь, то отношение к ней не могло не быть отрицательным. Война актуализировала проблемы взаимоотношений крестьян с властями, недовольство их своим положением, ожидания разрешения социальных противоречий и чаяний.

Недовольство войной сопровождалось дальнейшим усилением антимонархических настроений. Царь обвинялся во всех бедах крестьян, о нем отзывались как о ничтожной личности. Его называли «бабой», «дураком», «глотом» и т.п. Крестьянин с. Савино Бийского уезда Томской губернии С.С. Зырянов заявлял: «Вот если бы самих царей выгнать на войну да побить бы их так, как наших детей бьют, тогда бы они узнали, как льется кровь наших детей»². Распространенными были высказывания о ненужности царя вообще.

В экстремальных условиях военного времени усиливалась потребность в коллективной солидарности. Установки на выживание в годы войны расширили свою зону за счет семей социально «неприкаянных», приобрели особую остроту и дальнейшую эскалацию, нашли выражение в виде усилившейся социальной нетерпимости, радикализации, склонности к крайним силовым действиям, вылившейся в продовольственные беспорядки солдаток, эксцессы, в борьбу за «хлеб» и «волю» расправными и захватными способами. Про-

¹ Андюсев Б.Е. К вопросу о результатах эволюции стереотипов-значений в ментальности русских старожиллов в процессе освоения Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. С. 32–36.; Матвеев А.В. Некоторые нормы поведения русских среднего Прииртышья во время путешествия (XIX – первая треть XX в.) // Там же. С. 39–43.

² Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 100.

исходит активизация бунтарского архетипа ментальности крестьянства. Формируется образ внутреннего врага.

Война подрывала веру, разрушала нравственность и патриархальную семью, создавала конфликт поколений. Распространялись пьянство, преступность, увеличивались семейные разделы. Девальвируется сама человеческая жизнь.

В противоречивом, многослойном крестьянском сознании наряду с консервативно-патриархальными и реформистскими стали явно преобладать революционно-обновленческие жизненные установки. Утверждаются новые воззрения на государственную власть как управление самого народа.

Массовое крестьянское сознание к 1917 г. было многослойным и противоречивым, отражало наличие в нем разных слоев трансформирующегося крестьянского менталитета.

Таким образом, краткий аналитический обзор истории аграрного освоения и колонизации Северной Азии показывает, что в течение XVII – начала XX в. крестьяне России совершили беспрецедентный в мировой истории подвиг – освоили и заселили регион рискованного земледелия, превратили почти безлюдные степи и тайгу в процветающую хлебородную провинцию Российской империи, которая не только обеспечивала себя хлебом, мясом, маслом, но и поставляла продукцию в европейскую часть России. Со второй половины XVII в. до середины XX в. именно аграрная колонизация была главной в освоении природных ресурсов Северной Азии.

Магистральным путем модернизации сельского хозяйства Сибири, как показывают историки-аграрники, была кооперация, бурными темпами развивавшаяся в Сибири и на Дальнем Востоке России. Советская насильственная коллективизация лишь ускорила естественный процесс кооперации, включив аграрную сферу в систему мобилизационной экономики. Устойчивость современных коллективных хозяйств лишь подтверждает тот факт, что крестьяне инстинктивно нашли в кооперации оптимальный вариант развития, большевики воспользовались этим при осуществлении своих планов модернизации экономики страны.

Глава 3

ПРОМЫШЛЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ – ПРОМЫСЛЫ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТРАНСПОРТ (В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский)

3.1. Промышленность, промыслы, ремесла и торговля в Сибири в XVIII в. – 1820-е гг.

Аграрное и промысловое освоение Сибири создали социальную и экономическую основу для ее индустриального освоения. Они дали кадры, технологию, рынки сбыта.

Индустриальное освоение Сибири прошло следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароводства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации¹.

¹ *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 18.

Крестьянское и мещанское население, как и в XVII в., продолжало обеспечивать себя всем необходимым посредством домашнего и кустарного производства. Города были центрами ремесла. В 1720 г., по данным ремесленно-промышленной переписи, в крупных городах Сибири насчитывалось 1878 ремесленников, занимавшихся в основном обработкой животного и растительного сырья, металлов¹. По данным Комиссии о коммерции, в городах Сибири в 1760-е гг. насчитывалось 6555 ремесленников-хозяев и 3512 наемных работников². Далее их число только росло. Но немногие из ремесленников вырастали до мануфактуристов, большинство, накопив средства, переключалось на торговлю, так как путь прямой эволюции в предприниматели был для них практически закрыт в условиях Сибири³.

Особенность индустриального развития Сибири заключалась в том, что, взяв старт как частнокапиталистическое в XVII в., когда действовали 15–20 железоделательных, солеваренных, винокуренных, кожевенных мануфактур⁴, оно продолжилось в XVIII в. как государственно-феодалное предпринимательство Кабинета, Казны, дворянства, монастырей. Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита, положение мануфактурной промышленности в крае усугублялось ее слабыми связями с рынком. Крупная промышленность Сибири XVIII в. обслуживала, как правило, казенные нужды (монетный двор, географические экспедиции, Кабинет с.и.в., воинские команды, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Все это обуславливало неустойчивость частных мануфактур, их полную зависимость от Казны и произвола властей. В течение XVIII в. в Сибири действовала два-три десятка мануфактур в обрабатывающих отраслях, из них пять наиболее крупных – Туринская бумажная фабрика Панаевых (1760 г. основания), стекольный завод Матегоровых (1723 г.),

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половины XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 513.

² Рафиев Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. ХУШ в. // Бахрушинские чтения 1966 года. Вып. 2: Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 42–43.

³ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С 516.

⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 28–32; Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 294–315.

полотняная фабрика Куткина (1797 г.), Тальцинский (1784 г.) и Тельминский (1733 г.) комплексы были в руках дворян и Казны¹. В этих условиях лидерство в промышленном освоении Сибири перешло к государству, которое монополизировало наиболее важные и прибыльные горнодобывающие отрасли и винокурение.

В большинстве отраслей промышленности и на транспорте использовались традиционные российские технологии, которые приносили в Сибирь переселенцы. Но для организации цветной металлургии были приглашены греческие и германские специалисты. Поиски месторождений полиметаллических руд, начатые в Томском уезде и в Забайкалье в конце XVII в., привели к открытию руд цветных металлов². В 1676 или 1677 гг. бронный мастер Кузьма Новгородец выплавил в Нерчинске первый свинец из местных руд, на Аргунском заводе Александр Левандиан и Спиридон Манойлов в 1704 г. начали плавку свинца и серебра, а в 1708–1711 гг. Семен Грек начал плавку меди. В 1720-х гг. был построен Нерчинский завод, в 1740-х гг. – Куренселинский медеплавильный, в 1760-е гг. – Дучарский, Кутомарский, Екатерининский, в 1770-х гг. – Газимурский и Екатерининский, в 1790-х гг. – Александровский сереброплавильный, в 1790 г. – Петровский железоделательный³. Заводы и рудники обслуживались сначала служилыми людьми, а затем казенными мастеровыми и приписными крестьянами.

Поиски руд в Томском уезде после первых неудач завершились находкой в горах Алтая богатейших месторождений цветных металлов. Первый медеплавильный Колывано-Воскресенский завод был основан Акинфием Демидовым в 1727 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. Однако в 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1739–1744 гг. был построен Барнаульский, в 1744 г. заложен Шульбинский завод (но не был пущен), открыты около сотни рудников, из них крупнейший – Змеевский. В 1760-е гг. вместо остановленного Колыванского и недостроенного Шульбинского был открыт Павловский сереброплавильный завод, а также Сузунский, медеплавильный и монетный, в 1770–1790-е гг. – Алей-

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 528–529.

² Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. С. 108–110.

³ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.). Иркутск, 1981. С. 12–14.

ский, Локтевский, Гавриловский, Змеевский сереброплавильные, в 1816 г. – Гурьевский, преобразованный в 1826 г. в железодельный. В 1771 г. был основан Томский железодельный завод. Постоянно расширялась рудная база заводов. В 1796 г. Филипп Риддер открыл богатейший рудный район, названный его именем, в 1790 г. стало разрабатываться Бухтарминское месторождение.

В 1791 г. Герасим Зырянов открыл месторождение золотистого серебра, получившее его имя. К концу XVIII в. на Алтае действовали 10 рудников. В начале XIX в. стали разрабатываться Салаирские серебро-свинцово-цинковые рудники¹. Алтайские и Забайкальские горнозаводские районы стали главными поставщиками цветных металлов в России. Их успешное функционирование в течение XVIII – XIX вв. объяснялось уникальным сочетанием трех факторов – районов богатейших руд, лесных массивов для топлива и строительных материалов и плодородных земель, способных привлекать и концентрировать крестьянское население, которое использовалось в качестве рабочей силы². Горные заводы Сибири в XVIII – начале XIX в. были централизованными мануфактурами, которые обслуживались трудом двух видов работников.

Специальные заводские и горные работы выполнялись мастеровыми – особым сословием, сформировавшимся из разного рода гулящих и служилых людей и пополнявшимся за счет рекрутов. Вспомогательные работы (лесные, транспортные) исполнялись приписанными к заводам крестьянами, образовавшими особый тип феодально-зависимого населения. Заводы технически соответствовали своему времени, управлялись высшим слоем горных специалистов, которые формировались из наиболее талантливых представителей горнозаводского сословия через систему горного образования. Первоначально среди них была высока доля выходцев из германских государств. На заводах сформировался слой технических специалистов, известных своими открытиями и изобретениями. Достаточно назвать изобретателя первого универсального парового двигателя И.И. Ползунова, механиков И.И. Черницына, П.М. Залесова, М.С. Лаулина, Ф.В. Стрижкова, гидротехников К.Д. и П.К. Фроловых,

¹ *История Алтая. Часть I: С древнейших времен до 1917 года.* Барнаул, 1995. С. 114–117, 120–122.

² *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. С. 318.

металлургов В.С. Чулкова и П.П. Аносова, членов-корреспондентов академии наук П.И. Шангина, Г.И. Спасского¹.

Алтайские заводы сразу же стали предметом пристального внимания столицы. В 1735 г. начальник Уральских и Сибирских заводов В.Н. Татищев приказал их взять в Казну, но тогда А. Демидову удалось их сохранить за собой. В 1747 г. императрица Елизавета, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять «на нас», т.е. в собственность короны, превратив Алтайский горный округ в важнейший источник своего дохода².

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с Казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Им были найдены 23 месторождения серебро-свинцовых руд, в том числе богатейший Михайловский рудник, давший за 1760–1790 гг. серебра на 2,5 млн руб. На рудниках и Воздвиженском заводе Сибиряковы использовали труд крепостных (48 душ) и до 300 работников с Нерчинских казенных заводов. В 1779 г. «Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр», на основании инструкции командора Нерчинских рудников В.И. Суворова о запрещении строить частные заводы близ казенных. В 1782 г. имущество Сибиряковых было им возвращено по представлению Берг-коллегии, но у заводчика не было средств восстановить сгоревший и обрушившийся Михайловский рудник. В 1790 г. предприятия Сибирякова прекратили действие, а в 1797 г. были взяты за долги в Казну с выплатой владельцам 2,7 тыс. руб. ежегодной ренты. В 1803 г. рудники Сибиряковых перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение Кабинета, а с 1811 г. объявлены выморочными и поступили в Казну (на самом деле – в Кабинет)³.

Казна в течение XVIII в. также монополизировала солепромышленность. В 1705 г. Петром I была введена соляная государственная монополия. С 1722 г. добыча соли стала сдаваться с торгов на откуп. В 1751 г. было учреждено в Сибири соляное комиссионерство для добычи и развоза соли. С 1797 г. действовали Алеусское, Боровое,

¹ Гришаев В. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999.

² История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 230–232.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 13. Д. 52. Л. 2–15; Озерский А. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867. С. 41–46.

Коряковское, Красноярское комиссионерства. До 1817 г. оптовая продажа соли осуществлялась через казенные магазины и стойки по фиксированным ценам. В 1817 г. в Западной Сибири введена продажа соли по рыночным ценам. В начале XVIII в. главным источником соли стало Коряковское озеро (до 1 млн пуд. в год), для охраны которого и организации перевозки соли был основан в 1720 г. одноименный форпост (г. Павлодар с 1861 г.). В 1768 г. ломка самосадочной соли стала производиться на Бурлинском озере Алеусской группы озер (до 75 тыс. пуд. в год), а в 1771 г. – на Боровых соляных озерах Алтайского округа Кабинета (до 80 тыс. пуд. в год). В Восточной Сибири добыча самосадочной соли началась позднее и велась в меньших масштабах. Из Вилюйских источников (Кемпендйского и Багинского ключей) с 1747 г. (до 1 тыс. пуд. в год), из Борзинского озера (Забайкалье) с 1766 г. (до 85 тыс. пуд. в год), из Степного и Тагарского озер Минусинского уезда – с конца XVIII в. (до 60 тыс. пуд. в год)¹. Ломщиками соли на озерах Западной Сибири трудились вольнонаемные рабочие из крестьян, казаков, а с середины XIX в. – киргизов (казахов), на Вилюйских источниках – казаки, на Борзинском озере – казеннорабочие из ссыльнопоселенцев, недоимщиков крестьян и тунгусов.

В XVIII в. все солеваренные заводы Восточной Сибири перешли в руки Казны, которая сдавала их в содержание с торгов. Точно известно, что Селенгинский завод сдавался с торгов с 1719 г., Усть-Кутский – с 1751, Спасский (закрыт в 1785 г.) и Троицкий поступили в Казну в 1764 г., а Иркутский – в 1765 г. Охотский завод был построен в 1733 г. за казенный счет. Производительность заводов была невелика: Иркутского – 100–120 тыс. пуд., Троицкого и Спасского – до 40 тыс. пуд., Усть-Кутского – 12–16 тыс. пуд., Селенгинского – 20–60 тыс. пуд., Охотского – 1–2 тыс. пуд. Технология выварки соли была обычной для такого производства – выпарка рассолов в чренах. При казенном управлении на заводах использовался труд ссыльнокаторжных².

В 1756 г. сенатским указом на Сибирь была распространена дворянская монополия на выкурку и поставку вина. Число заводов с

¹ *Краткое начертание о солях в России находящихся // Сибирский журнал. 1807. № 2. С. 127–140; Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Российского географического общества. Омск. 1902. Кн. XXIX. 25 с.*

² *Зинovieв В.П. Солепромышленность Сибири в XVII–XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 50–51.*

31 сократилось до 8, которые оказались в руках откупщиков-дворян – графа П.И. Шувалова и обер-прокурора А.И. Глебова. Убытки Казны от злоупотреблений последних заставили правительство вернуться к сдаче откупов с аукциона, в том числе и купцам, в 1665 г. и к казенной выкурке в 1774 г. В 1891 г. Казна скупала винокуренные заводы откупщиков А.И. Глебова и М.М. Походяшина¹.

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. Выяснить точное число работников, занятых в отраслях производства, невозможно, таких данных просто не сохранилось. Однако косвенные и отрывочные сведения позволяют думать, что счет таковых должен вестись на сотни и тысячи. Только в Тобольской губернии, судя по материалам, найденным Д.И. Копыловым, в 1760-е гг. было занято до 4 тыс. работников на строительстве казенных судов. С переходом на вольнонаемные подрядные работы число работников в судостроении уменьшилось, так как 5–7 наемных работников заменяли 15–20 обязанных. В Западной Сибири в середине XVIII в. строилось до 300 крупных судов в год, следовательно, на строительстве было занято до 1,5–2 тыс. работников. В Восточной Сибири во второй половине XVIII в. строилось не менее 200 крупных судов в год, значит, этим занималась по крайней мере 1 тыс. человек. Суда строились крестьянскими артелями. Однако есть свидетельства, что появились в XVIII в. предприниматели, соорудившие суда по заказам. Так, томский купец А.М. Шумилов в 1788 г. построил для контрагента Казанцева 10 судов за 10 тыс. руб., а всего за 1785–1790 гг. построил наемными людьми 59 судов на Долоновском плотбище и в д. Спириной.

Приблизительный подсчет числа работников, занятых в судостроении Сибири, показывает, что это была, как и в Европейской России, наиболее развитая сфера найма. По Сибири во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 8,5 тыс. судорабочих². В Сибири обычным было применение одноразовых судов – барок и плотов – для сплава груза (леса, хлеба, соли). Вверх по течению суда (дощаники, павозки, карбасы) вели лямочные рабочие (бурлаки), лодки и каюки шли на гребях. Общий объем водных перевозок в 1812 г. со-

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 40

² Зинovieв В.П. Индустриальные кадры ... С. 21–22.

ставил около 2 млн пуд¹. Зимой передвижение пассажиров и грузов обеспечивалось гужевым транспортом по трактам, которые связывали крупные города. Московско-Сибирский тракт сформировался как главная дорога Сибири во второй половине XVIII в. Местами он был обустроен для передвижения летом. Для обслуживания казенных почт с начала XVII в. по первую четверть XIX в. существовало сословие сибирских ямщиков (17 тыс. душ м.п. в 1824 г.), частные грузы двигались по зимникам силами крестьянских артелей и тех же ямщиков по вольному найму. Грузы через Сибирь двигались медленно: по 50–70 верст в день. От Томска до Иркутска, например, – около 30 дней. Для развоза соли комиссионерам отводилось два года. В начале XIX в. объем транзитных перевозок стал быстро расти. Через Томск в 1802 г. прошло 10 тыс. пуд., а в 1825 г. – 102 тыс. пуд.²

Повсеместными в Сибири были охотничьи и рыбные промыслы. Для коренных жителей Сибири эти промыслы являлись основным средством пропитания и источником предметов для участия в товарно-денежных отношениях. Ценные породы рыб, меха, мамонтовая и моржовая кость шли в обмен на хлеб, свинец, порох, чай, вино, мануфактуру. Для русского крестьянского и мещанского, коренного скотоводческого населения добывающие промыслы были подсобными в их комплексных хозяйствах. На рынок шли небольшие излишки.

Значение товарных охотничьих промыслов в XVIII в. стало падать по мере истребления ценных пушных зверей. Последним всплеском масштабной хищнической охоты была деятельность Русско-Американской компании, которая объединила купеческие предприятия, посылавшие промысловые экспедиции на острова Тихого океана и на Аляску с 1740-х гг. Компания, образованная в 1797 г., пользовалась государственной поддержкой и имела монополию на торговую и промысловую деятельность в американских колониях. С 1797 по 1821 г. она вывезла около 73 тыс. шкур морского бобра (калана), 34 тыс. шкур речного бобра, 1,2 млн шкур котиков, 17 тыс. соболей, 40 тыс. песцовых шкурок³.

¹ *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991. С. 29–50.

² *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008. С. 75, 124, 137.

³ *Гринвальдт П.* Меха́вая торговля в России и за границею (история ея и статистика, отделка мехов и товароведение). Рига, 1872. С. 11–17; *Ермолаев А.Н.* Российско-

Значение же рыбных промыслов росло. Капиталистические предприятия на наемном труде в отрасли отмечены источниками с начала XVIII в. В низовьях и среднем течении Оби, Енисея, на Байкале, Барабинских озерах к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде рыбопромысловых мест у коренных жителей для лова с сотнями наемных людей. В первой половине XIX в. товарной рыбы вылавливалось в Сибири до 600 тыс. пуд. при 3 тыс. работников. В мороженом, соленом виде рыба шла в города Сибири и на заводы Урала¹. В целом, в 60–70-е гг. XVIII в. на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору приходилось около 13 тыс. наемных работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае и обычные для Европейской России помещичьи винокуренные заводы Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для утилизации труда ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделю. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована Казной в крупный промышленный комплекс, действовавший трудом ссыльнорабочих и приписных крестьян. Хотя грандиозный проект кригсшталмейстера Новицкого не был осуществлен, и вместо 6 тыс. работников было набрано 2,3 тыс., а затем оставлено менее тысячи, Тельминская фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири².

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так, Иркутское губернское правление в 1801 г. сообщало Сенату, что «все казенные работы в его ведомстве как, например, уст-

Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013. С. 240–248.

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 371–397; Галажинский Э.В., Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 119–120.

² Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 22–23.

ройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и проч., производится ссыльными, число коих, однако, далеко не достаточно». На устройстве дорог в этот момент в Восточной Сибири было занято 400 чел. ссыльнопоселенцев, на казенных верфях в 1801 г. трудились 182 колодника. В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей.

Распространение сферы феодального предпринимательства на новые отрасли промышленности не означало, однако, его перспективности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезала с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, так как был малоэффективен (ниже по производительности в 2–3 раза вольнонаемного). Кроме того, он требовал больших расходов на стражу, строительство острогов и казарм. Сначала от услуг каторжников отказалось судостроение, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось употребление каторжного труда в солеварении.

Общая структура в индустриальном секторе Сибири в начале XIX в. представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1820-е гг.*

Отрасли производства, и промышленные районы	Предпри- ятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	60	16540	
Нерчинский горный окр.	24	5291	
Солеварение	7	761	
Ирбинский железодельный завод	1		240
Казенное винокурение	13	3600	
Суконные фабрики Казны и ремесленные дома	7(5)	1356	
Военно-строительная рабочая команда	–	1150	
Частная обрабатывающая промышленность,	271	755	1400
в т.ч. мануфактурная	30	755	566
Рыбная промышленность	–		3000–3500
Судостроение	–		2000
Водный транспорт	428 судов		10000–11000
Итого:		28788	17140–18140

*Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 24.

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20890 мастеровых и 134029 приписных крестьян¹. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишние и ни к чему другому не способные руки». Еще более уничтожающей критике он подверг хозяйство Нерчинского округа Кабинета, которое держалось за счет почти дарового труда приписных крестьян, мастеровых и каторжных, принудительного скупа хлеба за бесценок, а также за счет бесплатного пользования природными ресурсами обширного края. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, пока обменный курс серебряных денег составлял 1 рубль к 4 ассигнационным. Финансовые операции с серебром превращали миллионные убытки в 4 млн руб. прибыли ежегодно². Кабинет модернизировал заводы, управлял и охранял свои владения за счет государственных средств, государственными специалистами и полицией. При всем этом серебро-свинцовое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе – упадок.

Частное предпринимательство, потесненное в промышленности, развивалось в основном в сфере торговли. Торговля в Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. существовала в трех формах – сезонной (ярмарки), периодической (базары), стационарной (лавки и гостиные дворы). Обмен товарами между Европейской Россией и Сибирью осуществлялся через сеть ярмарок купцами-оптовиками. Промышленные товары, закупленные на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, купцы-гильдейцы продавали или раздавали в долг на региональных городских ярмарках, с которых, в свою очередь, они поступали на уездные и местные торги в более-менее крупных поселениях. Взамен собиралось сибирское сырье, пушнина. Первые местные ярмарки были учреждены в Сибири в 1760-е гг., в конце XVIII в.

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 188–189; *Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год*. СПб., 1863. С. 30–34.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 175, 176, 209.

их насчитывалось 121. В XVIII в. большое значение имели северные пушные ярмарки, в XIX в. – южные сельскохозяйственные. В течение XVIII в. торговля в Сибири демонстрировала позитивную динамику, на рубеже XVII–XVIII вв. оборот торговли составил 250–300 тыс. руб. В 1750-х гг. были отменены внутренние таможи, поэтому оборот внутренней торговли подсчитать невозможно. Но оборот сибирских ярмарок в 1817 г. составил 5 млн руб., в 1830-х гг. – 10 млн руб., соответственно 1 % и 2 % общероссийского оборота. О темпах роста торговли в Сибири свидетельствует объем товаров, проданных на главной для Западной Сибири Ирбитской ярмарке: 1703 г. – 20,7 тыс. руб., 1750 г. – 140 тыс. руб., 1817 г. – 10 млн руб.¹

Крестьянский товар (хлеб, дрова, мясо, сено, рыба, кустарные изделия из дерева, кожи и др.) сбывался обычно по воскресным дням на базарах оптом и в розницу. Для обеспечения горожан существовала стационарная торговля в лавках и гостиных дворах. В купеческих лавках продавался любой товар, в гостиных дворах лавки нередко специализировались, выделялись мясные, рыбные ряды, харчевни, хлебные, щепные, сенные рынки. Первый каменный гостиный двор – Тобольский – был построен в 1706 г., в 1743 г. – Енисейский, в 1750-е гг. – Томский, в 1803 г. – Верхнеудинский, в 1808 г. – Ирбитский, в 1820 г. – Красноярский. В каждом дворе насчитывалось до 200 лавок. Насыщенность торговыми заведениями в сибирских городах была высокой. В Иркутске одна лавка приходилась на 22 жителя, в Томске – на 31, в Тобольске – на 57².

Помимо свободной рыночной торговли в Сибири существенное значение имела государственная монопольная торговля квасом, пивом, вином, табаком. В 1714 г. казенные кружечные дворы, имевшие исключительное право варить и продавать хмельные напитки, в Сибири сменили кабацкие сборы, взимаемые городскими ратушами и магистратами с лиц, пожелавших курить вино свободно. На городские общества это легло тяжким бременем, так как сумму оклада сборов нужно было вносить в Казну, а недоимки взимались с выборных от общества служителей. Выход был найден в передаче кабацких сборов на откуп или «верным» сборщикам. До 1750-х гг. эти виды продажи хмельных напитков сосуществовали параллельно в разных уездах Сибири при постепенном расширении и укрупнении

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 138–144.

² Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX вв.). Барнаул, 2010. С. 37–41.

откупов. С распространением на Сибирь дворянской монополии на винокурение сборы Казны упали, и с 1765 г. откупа стали сдаваться с торгов, сумма сборов утроилась. Рост откупной платы вскоре сделал участие в откупных торгах невыгодным для крупных дельцов, поэтому с 1782 г. право винной торговли сдавалось часто мелким предпринимателям, которые содержали питейные дома, с выплатой поведерных сборов на «сидельческом праве». В начале XVIII в. в Сибири продавалось ежегодно около 11 тыс. ведер вина, в 1755 г. – 71,5 тыс. ведер, в 1823–1827 гг. – 620 тыс. ведер при средней цене от 2 до 3 руб. за ведро. Потребление на душу населения выросло с 0,12 до 0,67 ведра в год, прибыли откупщиков составляли в среднем до 6 % откупной суммы¹.

В XVIII в. серьезное значение в экономике Сибири стала играть торговля с Китаем и Степным краем. По Кяхтинскому договору 21 октября 1727 г. были установлены два пункта для торгового обмена на границе двух империй – Цурухайтуй и Кяхта. Если первый пункт не получил большого развития, то Кяхта вошла в историю русской торговли. Через нее направлялись в Пекин казенные торговые караваны, практика посылки которых в 1762 г. была прекращена за невыгодностью. С этого момента Кяхта-Маймачен стала местом свободного обмена товарами русских и китайских купцов². Основными русскими товарами были пушнина, сукна, кожи, металлические изделия, китайскими – чай, ткани, фарфор. В 1744 г. было обменено товаров на 287 тыс. руб., в 1755 г. – 0,8 млн руб., в 1800 г. – 8,3 млн руб. Кяхтинская торговля оказала значительное влияние на экономику Сибири. Она давала транзитные грузы, которые поддерживали транссибирский путь, давала работу ремесленникам и возчикам, капиталы – купцам. Иркутск стал торговым и культурным центром Сибири благодаря кяхтинской торговле. Торговля эта имела и большое государственное значение. В 1775 г. Кяхта дала почти 40 % таможенных сборов России³.

Серьезное значение для Сибири в XVIII – начале XIX в. имела торговля с центральноазиатскими странами, казахской степью. Бухарские купцы торговали в Сибири сначала беспошлинно, затем –

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 474–495.

² История внешней политики России. XVIII век. М.: Международные отношения, 1998. С. 207–209.

³ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX вв.) Барнаул, 2010. С. 38–39.

с выплатой 10 % пошлины. Они образовали в сибирских городах особый слой «юрточных бухарцев». Первоначально центрами их торговли был Тобольск, затем – Тара, Ямышевская крепость, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Казахи торговали с русскими по крепостным линиям, были посредниками в русско-китайской торговле. Степь предлагала китайские товары, сырые кожи, сало, скот, волос в обмен на мануфактуру и хлеб. Объем торговли составлял, по оценке 1840 г., 2,5 млн руб.¹ В конце XVIII – начале XIX в. получил развитие новый внешнеторговый путь – по Чуйскому тракту в Монголию.

В XVIII в. – первой четверти XIX в. в регионе начался переход от ремесленного производства к мануфактурному. Особенностью мануфактурной промышленности Сибири было полное господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства и монастырей, вытеснение частного капитала в сферы торговли и промыслов. Однако в начале XIX в. появились признаки кризиса феодального предпринимательства. В торговой сфере Сибирь выполняла роль посредника между Европейской Россией и Китаем. Внутренняя торговля оставалась периодической – ярмарочной – вследствие сезонности путей сообщения.

3.2. Промышленность, промыслы, торговля, кредит Северной Азии в 1820–1880-е гг.

В период с 1820-х до 1890-х гг. индустриальная сфера Сибири переживала качественно однородные этапы, которые характеризовались падением феодального предпринимательства и ростом частнокапиталистического. Это время утверждения мануфактуры и первых шагов фабричного производства в промышленности Сибири. Состояние экономики Сибири в XIX в. достаточно хорошо изучено в отечественной историографии, вместе с тем обобщающие исследования на эту тему выполнены в традиционном ключе разделения процесса становления промышленности на до- и пореформенную², поэтому представленная в настоящей монографии попытка рассмот-

¹ *Зиновьев В.П.* Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в XVI – начале XX в. // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 8–12.

² *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* Новосибирск: Наука, 1982. С. 74–101; *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры ... С. 13–54; *Сибирь в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 244–270;

реть 1820–1880-е гг. как единый этап развития промышленности и сферы обмена Сибири, на наш взгляд, своевременна.

До- и пореформенный этапы различались, на самом деле, только темпами разрушения феодальной промышленности: если до реформы она переживала упадок, то после реформы 1861 г. – крах. Частные и казенные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., которые пользовались принудительным трудом, испытывали трудности. Несла убытки стекольная фабрика Корнильевых, на вольнонаемный труд все больше переходили бумажные фабрики Дьяконова и Панаевых. Из 184 работающих на них в 1831 г. лишь 39 остались приписными. В конце 20-х – начале 30-х гг. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. Были ликвидированы почти все казенные винокуренные заводы. Л. Потехин писал, что в 1829 г. «по неудобству мест и дороговизне хлеба проданы были с публичного торга заводы: Бриловский, Никольский, Сидоровский, Чернореченский, Ваштранский. Затем в 30-м году, по той же причине были упразднены заводы Петровский и Боровлянский, и выкурка вина сосредоточена на Успенском и Екатерининском заводах; в 1831 году – Николаевский, в 40-м, по скудости воды и лесу – Краснореченский, в 49-м – Илгинский, в 51-м – Каменский, 53-м – Падунский и Боготольский, и, наконец, в 1856-м году был закрыт Керевский завод, вследствие постоянных убытков, а также из экономии не строить новую винницу, сгоревшую в 1855-м году»¹. До реформы 1861 г. дожили три завода – Успенский, Екатерининский в Тобольской губернии и Александровский – в Иркутской, сосредоточившие все казенное производство вина.

Сохранился Тальцинский промышленный комплекс близ Иркутска: стекольное производство на нем возникло в 1784 г., суконное – в 1827 г., фаянсовое – в 1829 г., фарфоровое и лесопильное – в 1850 г. Заводы эти занимали в 1784 г. 20 работников, в 1814 г. – 40, в 1832 г. – 80, в 1862 г. – 134 обязанных работника².

Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1400, то в 1851 г. – 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы

¹ Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. СПб., 1862. Т. 6, №. 10. С. 484–485.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 2. Л. 46–49. ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 545. Д. 88. Л. 7–30, 33–34, 147–148.

производства, а в 1860 г. – 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн руб. суммы производства¹. Точность цифр относительна, однако тенденция увеличения числа занятых работников и рост суммы производства видны отчетливо. Во второй четверти XIX в. Обрабатывающая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития, в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах капиталистические мануфактуры заняли ведущие позиции². Но некоторые отрасли остались в руках феодальных предпринимателей – винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн руб. в год без акциза. Да и мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью, судя по отдельным примерам, по объему выпуска продукции превосходили порой во много раз мануфактурное. Крестьяне только Тюменской округи выделывали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем мануфактуры Сибири. Крестьяне изготовили сукна на 300 тыс. руб. и 2 млн аршин полотна, мануфактуры – на 100 тыс. руб. сукна и 20 тыс. аршин полотна.

В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские – тысячами. Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало ценовую промышленность. В Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 в ремесленных, в Томске на 1850 г. – 359 и 921 соответственно, в Тобольске на 1850 г. – 140 и 503³. «Фабричная промышленность в детстве и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодой производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», – заключил анализ промышленности Сибири Ю. Гагемейстер⁴. Таким образом, нельзя отрицать, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и рос капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

Зато в другой отрасли хозяйства – золотодобыче – капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. В 1812 г. было разрешено русским подданным разрабатывать серебряные и золотые руды. На Урале, а затем и в Западной Сибири раз-

¹ Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 26.

² Рабочий класс Сибири ... С. 41–43.

³ Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 27.

⁴ Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2. С. 121.

вернулись поиски золотоносных месторождений. Первым обнаружил золото в Тюменском округе на реке Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, которому в разработке было отказано за неимением у него гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов. Такое же право 9 февраля 1827 г. получил верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. вели поиск золота уже 9 предпринимателей, и было подано 180 заявок. Но первые по-настоящему удачные заявки на 11 приисков по притокам реки Кии – Кундату, Берикуюлю, Закроме, Сухому Берикуюлю – были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником А.Я. Попова Федотом Ивановичем Поповым¹. Их затраты на разведку составили гигантскую по тем временам сумму – 330 тыс. руб. Открытие золота в Сибири было, таким образом, не игрой случая, как порой пишут историки, а результатом упорного труда сотен людей, больших затрат капитала и энергии.

Поисковые партии, снаряженные частными лицами, Казной, Кабинетом, в 30-е гг. нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 50-е гг. – на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пуд. в 1831–1835 гг. до 1296 пуд. в 1846–1860 гг. В 1856–1860 гг. она несколько снизилась – до 1048 пуд. в год, но составила 4/5 общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь была крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39 % мировой добычи этого металла. В 1830-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 1840–50-е гг. – Енисейская тайга². Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю приходилось 91,3 % добытого в Сибири в 1829–1860 гг. золота (21462 пуд. на 284 млн руб.). По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров, вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб.³

¹ *Открытие* золотых приисков в Томской губернии // Томские губернские ведомости, 1858. 14 февр.

² *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 20–28.

³ *Рассели Ф.* Доклад о государственном доходе с золотых промыслов. СПб., 1863. С. 13–35; Оценка добытого золота произведена по средней стоимости одного пуда золота, добытого на кабинетских промыслах в 1831–1860 гг., – 13231 руб.

В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела основывалась на мускульном труде тысяч людей и животных. Добыча шла с применением самых примитивных орудий – лопат, кайл, балд. Порода перевозилась тачками или в двухколесных телегах-таратайках. Совершенствовалась преимущественно одна операция – промывка золотоносного песка. От вашгердов и бутар с производительностью в несколько десятков и сотен пудов приискатели перешли к чашечным и бочечным машинам с производительностью в несколько тысяч пудов промытой породы в сутки. Машина стала цементирующим звеном, сердцем централизованных мануфактур, какими были сибирские прииски XIX в.

Создание промывальных машин, работавших на конной или водной тяге, было несомненным достижением русской технической мысли, ускорило развитие золотопромышленности, но не могло революционизировать все стороны золотого дела, поскольку на других основных операциях – добыче и транспортировке песка – по-прежнему использовалась мускульная сила, и это тормозило рост производительности труда. Исследователи по-разному оценивают роль золотопромывальных машин в техническом перевооружении отрасли. В.И. Данилевский считает их признаком победы фабричного производства. С.Ф. Хроленок называет внедрение промывальных машин первым этапом промышленного переворота в золотодобыче, вторым – внедрение паровых машин. Большинство исследователей (Ф.И. Михалевский, А.С. Нагаев, З.Г. Карпенко, А.А. Мухин, Н.Д. Овсянникова, Г.Х. Рабинович, А.Г. Патронова и др.) считают, что промывальные машины не изменили в целом мануфактурного строя сибирской золотопромышленности. Начало перехода отрасли к фабричной стадии относится ими к 80–90-м гг. XIX в. и связывается с применением паровой техники, драг, гидравлики, силы взрывов. Частичная замена ручного труда простыми механизмами и животными давала меньший эффект, чем рационализация в использовании живого труда рабочих. Введение золотопромывальных машин в 1830–1840-е гг. дало прирост производительности труда в целом по приискам на 6–8 %, поскольку возросшая производительность при промывке пород тут же снижалась увеличением объема ручного труда при добыче и перевозке песка. Замена ручной откатки песков конной и в вагонетках дала 25–33 % прибавки производительности, интенсификация труда забойщиков и возчиков с 1830-х по 1890-е гг. увеличила ее в три раза, а вот гидромониторы, драги,

механические буры, взрывчатые вещества, паровая и электрическая техника увеличивали производительность работы в десятки раз. Внедрение этого оборудования и двигателей и составило суть технического переворота в отрасли в конце XIX – начале XX в., хотя отрицать прогрессивной роли первых обогатительных механизмов нельзя (см. табл. 4).

Примитивность техники золотодобычи требовала большого числа рабочих рук, поэтому армия рабочих в отрасли увеличивалась очень быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках насчитывалось 800 работников, то в 1834 г. – около 6 тыс., а в 1837 г. вместе с Енисейской губернией – 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. – 27,7 тыс., в 1860 г. – 28,3 тыс., в 1895 г. – 41,4 тыс. рабочих¹.

Кроме золотых приисков, крупной сферой капиталистического предпринимательства в XIX в. являлась добыча осетровых, омуля и сиговых рыб на Байкале, в низовьях Оби, Енисея, Лены, в Нарымском крае, соровых рыб в ишимских, Барабинских, забайкальских озерах. В конце XIX в. главным поставщиком рыбы в Азиатской России стал Дальний Восток. Росту рыбопромышленности способствовало развитие парохозяйства, сделавшее доступными в течение сезона низовья рек, позволившее вывозить рыбу и рыбопродукты из самых отдаленных мест Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на сокращение добычи на Байкале из-за хищнического лова, а на Барабинских озерах – из-за падения уровня воды, добыча товарной рыбы в Сибири выросла приблизительно с 600 тыс. пуд. в год в первой половине века до 1,5 млн пуд. в конце XIX в. Количество наемных работников на рыбных промыслах Сибири выросло с 3 до 10 тыс., в ходе переписи 1897 г. 45 тыс. человек указали рыболовство как подсобный промысел². На две трети это были представители коренных народов Сибири³.

На Сахалине рыбный промысел имел форму капиталистического производства – уже в 1870-е гг. японские промышленники, сохранившие за собой право на беспрошленный промысел, организовали

¹ *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры ... С. 28–29; *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири ... С. 98.

² *Галажинский Э.В., Зиновьев В.П.* Формирование капиталистических отношений ... С. 123–127; *Санкин Е.В.* Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2008. С. 16.

³ *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири ... С. 99.

здесь заготовку сельдевого тука, лососевых и трески. На нижнем Амуре и в Охотском море до 90 японских шхун ловили и скупали рыбу ценных сортов. Вывоз рыбы достиг 2,5 млн пуд. На Сахалине действовала также русская фирма «Семенов и К» с добычей до 0,6–1,2 млн пуд. рыбы в год. Из Камчатского района было вывезено в 1900 г. 430 тыс. пуд. соленой лососевой рыбы. Всего в 1899/1900 г. улов достиг 4,5 млн пуд.¹

Охотничьи промыслы в Сибири в течение XIX в. продолжали терять свое значение как отрасль народного хозяйства. Хищническая добыча сокращала численность ценных пушных зверей – бобров, соболей, лис, песцов, выдр, горностаев. Главным пушным товаром стали беличьи шкурки, которые давали до трети стоимости мехов. Однако 1880–90-е гг. были отмечены некоторым ростом пушного промысла, что было связано с интенсификацией хищнической добычи зверей в Восточной Сибири, Монголии, Маньчжурии, на Дальнем Востоке. На главный пушной торг Сибири – Ирбитскую ярмарку – в 1838 г. поступило всех невыделанных мехов на 7640 тыс. руб., в том числе 70 тыс. соболей на 2650 тыс. руб., в 1852 г. – на 4250 тыс. руб., в 1864 г. – на 3850 тыс. руб., в 1880 г. – на 2832 тыс. руб., в том числе соболей 9,5 тыс. на 165 тыс. руб., в 1899 г. – на 3400 тыс. руб., в том числе соболей 61 тыс. на 1235 тыс. руб.²

В 1799 г. Российско-Американская компания получила от императора монопольное право добывать и продавать пушнину в русских колониях в Америке на 20 лет. Она продлевала эту привилегию в 1821 и 1842 гг. За 1821–1862 гг. компания вывезла и продала более 50 тыс. шкур калана, 320 тыс. бобровых шкур, 830 тыс. шкур котиков, 25 тыс. соболей, 70 тыс. шкур песцов. Невыделанные меха продавались в Китай через Кяхту и Шанхай. Компания действовала в экстремальных условиях, содержала крепости, конторы и комиссионерства в Иркутске, Охотске, Якутске, Аяне, Кяхте, Тюмени, Томске, на Камчатке, фактории, флот, штат служащих и военные команды, расходы на которые могли покрываться только государственными субсидиями и хищнической эксплуатацией нетронутых природных богатств Аляски и тихоокеанских островов. Истощение ресурсов и очевидная беззащитность американских владений компа-

¹ *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. С. 55–57.

² *Журнал МВД.* 1838. № 9. Ч. 29. С. 96–97; 1852. Кн. 5. С. 265–274; *Ирбитский ярмарочный листок*, 1865. 1 февр.; 1881. 14 февр.; 1900. 27 февр.

нии перед возможной агрессией Великобритании заставили Российское правительство продать их США в 1867 г. Компания ликвидировалась *eo ipso* в 1871 г.¹ История РАК продемонстрировала ограниченность заморских экспансий сухопутной державы.

Промысел котиков унаследовал американский торговый дом «Гутчисон, Коль, Филиппеус и К^о», который взял его в аренду на 20 лет – с 1871 по 1891 г. В год добывалось до 38 тыс. котиков на 1 млн руб. при арендной плате в 80 тыс. руб. С 1891 г. право на промысел на 10 лет получило «Русское товарищество котиковых промыслов». Число добываемых зверей упало с 31 тыс. до 9 тыс. в год. Истребление котиков было остановлено полным запрещением его промысла в 1912 г.

Китобойным промыслом у берегов Чукотки занимались 30–35 иностранных судов, добыча их оценивалась в 1,7 млн руб. С 1869 по 1891 г. действовала китобойная компания О.В. Линдгольма и Ф.Гека, с 1887 г. – компания А.Г. Дыдымова, с 1894 г. – графа Г.Г. Кейзерлинга, добывавшая до 80 китов в год. С. 1899 г. он учредил Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное общество с капиталом в 1,5 млн руб., действовавшее до 1905 г. Заметное место в экономике Дальнего Востока имела добыча морепродуктов – морской капусты, трепанга, крабов, которые сбывались в Китай, Японию и Корею. Занимались этим промыслом легально и нелегально отходники – китайцы и корейцы. Из русских капиталистов добычей и торговлей морепродуктами занимались купцы Я.Л. Семенов и Г.Ф. Демби (до 200 тыс. пуд). Общий вывоз морепродуктов в Приморье оценивался в 500 тыс. пуд – на 1 млн руб.² Для освоения морских богатств Дальнего Востока России явно не хватало опыта и капиталов.

Можно с уверенностью сказать в итоге, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее – в речном транспорте, рыбопромышленности, извозе стало главным. Феодальное предпринимательство еще сохраняло прочные позиции в горнометаллургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноде-

¹ Гринвальт П. Меха́вая торговля в России и за границею ... Рига, 1872. С. 16–17; Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II: К–Р. С. 781–782.

² Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России... С. 53–55.

лии вплоть до реформы 1861 г. Эти же отрасли были в руках дворян и Казны и в Европейской России. В ряде отраслей обрабатывающей промышленности капиталистические мануфактуры конкурировали не с феодальными предприятиями, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений в Сибири эта конкуренция была низкой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

Таблица 2

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1850 г.

Отрасли производства, и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	59	20510	–
Нерчинский горный окр.	45	10331	–
Солеварение	4	1718	–
Винокурение казенное	6	3371	–
Казенные суконные	5(4)	96	223
Частная обрабатывающая промышленность	255	100	1747
Золотопромышленность частная	226	–	27435
Рыбопромышленность	–	–	3000–3500
Судостроение	–	–	2000
Водный транспорт	1009	–	22500
Итого		36995	57405

*Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 31.

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилося. Положение края определило особенности процесса экономического развития: его отставания от центра страны и неравномерность по географическим районам и отраслям экономики. В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. промышленный переворот только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5 %) были фабричными, и на них было занято 0,8 тыс. рабочих (1,6 % от их общего числа). В 1895 г. на 12071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8 %) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4 %) (см. табл. 3).

Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабрич-

ные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности – винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях. В горнодобывающих отраслях внедрение машин стало заметным явлением с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, нашли широкое применение паровые машины на вспомогательных операциях, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. В 1895 г. в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя в 2579 л.с., из которых только 75 в 1,6 тыс. л. с. были паровыми и турбинными (см. табл. 4). В обрабатывающей промышленности на всех предприятиях было 97 паровых машин.

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26 % всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2% общего числа), а в 1895 г. – 800 мануфактур (6,7 % предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7 % их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7 % от общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2 %) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5 %) занимали 18,9 тыс. (28,8 %) рабочих. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства – спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее – были представлены единичными заведениями из-за нехватки оборудования, сырья, квалифицированных кадров, ограниченности рынка сбыта.

Вследствие узости рынков сбыта и сырья, постоянного дефицита оборотных средств предприятия были неустойчивыми, поэтому строились комплексными для более рационального использования сырья и маневрирования капиталами.

Из добывающих отраслей по-прежнему наибольшее значение имели добыча и выплавка драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. Золотопродомышленность развивалась хотя и медленно, но в целом поступательно. В 1861 г. добыча золота в Сибири и на Дальнем Востоке составила 18,7 т, в 1870 г. – 20,9 т, в 1880 г. – 33 т, в 1890 г. – 28,2 т (табл. 5). Падение кабинетской золотопродомышленности с лихвой компенсировалось частным предпринимательством, открытием новых месторождений золота. По мере выработки наиболее богатых месторождений основной район золотодобычи перемещался дальше на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с 1870-х – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские промыслы, и в Забайкалье. На Дальнем Востоке золото было найдено еще в конце 1840-х гг., но разрабатывать месторождения начали только в 1860-е гг. В 1880–90-е гг. приисковые районы Амурской и Приморской областей вошли в число основных в России.

Алгоритм разработки золотых приисков в XIX в. был в принципе одинаковым. Поиск месторождений производился крупными компаниями или Казной специальными партиями, с появлением у местного населения опыта поиска золота – вольностарателями-хищниками. Разрабатывались россыпи чаще всего открытым способом. Рудные месторождения практически не разрабатывались, шахтный способ применялся в основном в Витимской тайге. Наиболее богатые россыпи вырабатывались так называемым хозяйским способом, т.е. организацией крупного мануфактурного предприятия с числом рабочих от десятков до нескольких сотен, занятых на выемке породы, ее перевозке и обогащении на машинах. В 1840–50-е гг. крупнейшие прииски были у купеческих и дворянских компаний Поповых, Рязановых, Филимоновых, Баландиных, Зотовых, Мясниковых, Голубковых, Ф.А. Горохова, Н.И. Малевинского, И.Д. Асташева, позднее – у З.М. Цибульско-го, Ратковых-Рожновых и Базилевских, Басниных, М.И. Корзухина (Бодайбинская компания), Немчиновых, Базановых, Сибиряковых (Компании Промышленности и Прибрежно-Витимская),

Осокиных, Сабашниковых (Ононская, Джалонская компании), Катывшевцевых, Г.Е. Гинцбурга и Торгового дома Мейеров (Лензото, Забайкальское Товарищество, Амгунская компания), М.Д. Бутина, Д.Е. Бенардаки, Верхне-Амурской, Зейской, Ниманской. Выработанные прииски отдавались в аренду более мелким предпринимателям, которые часто были ранее служащими богатых компаний – Н.К. Переплетчиков, К.М. Полежаев, И.Д. Черемных, Н.В. Ельцов и В.А. Левашев, А.А. Саввиных и др.¹

Государство шло на значительные уступки частным промышленникам. В 1862–63 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. Вышедший в 1870 г. новый Устав о золотопромышленности разрешал занятие добычей золота лицам всех сословий, что способствовало развитию мелкой золотопромышленности, с 1891 г. Государственному банку было разрешено кредитование крупных золотопромышленных компаний. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60–90-х гг. XIX в. сохраняла свой сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее к концу XIX в. к серьезному кризису.

Цветная металлургия – основа дореформенной промышленности в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета – с отменой обязательного труда оказалась неспособной перестроиться на капиталистические рельсы и находилась во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца – с 0,8 тыс. т до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 тыс. т до 0,25 тыс. т. Кабинет, владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири, предпочитал не вкладывать в разработку рудников средства, а получать феодальную ренту со своих земель. В конце 80-х – начале 90-х гг. закрылись многие рудники на Алтае и в Забайкалье, почти все заводы. Технически отсталое производство стало совершенно убыточным в связи со снижением мировых цен на серебро и переходом России на золотой паритет.

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы – Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье – сокращали производство, в то время как частные – Абаканский и Николаевский – его наращивали.

¹ Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Томск, 2007. С. 157–184; Бисарнов М. Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным. СПб., 1896. 181 с.

В итоге выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г. Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имела соледобыча, увеличившая производство в пореформенное время почти в пять раз, добыча строительных материалов и графита. Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, оно зависело от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. В связи с этим основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в сельскохозяйственной Западной Сибири¹.

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны – наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров продолжали играть временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу и наоборот, на них купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, а сами сбывали пушнину, рыбу, чай, разное сырье. Продажа товаров на Ирбитской ярмарке составляла в 1840 г. – 7,7 млн руб., в 1852 г. – 25,4, в 1865 г. – 32,2, в 1877 г. – 46,2, в 1883 г. – 62,5, в 1899 г. – 34,6 млн руб.² Сибирские товары – пушнина, орех, пух, перо, рыбий клей и жир, рыба, щетина, волос, шкуры, мясо, сало, хлеб – составляли не более пятой части всех товаров. Западносибирские купцы в основном закупали товар в Ирбите, восточносибирские – в Нижнем Новгороде, куда доставляли чаи. Российские товары – мануфактура, и другие промышленные изделия – большей частью давались в кредит. Затем товары развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и в лавках.

Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно выросло. В основном они находились в самой населенной Тобольской губернии, где в 1868 г. действовали 89 ярмарок с 3,5 млн руб. оборота, а в 1896 г. – 507 с 10,3 млн руб. оборота. Крупнейшими ярмарками здесь были Обдорская пушная и Ишимская, на которой происходил сбыт скота и продуктов животноводства с оборотом в 1868 г. – 2,1 млн руб., в 1895 г. – 4,5 млн руб. В Томской губернии

¹ *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры ... С. 34–36.

² *Журнал МВД.* 1844. Ч. 7. С. 282–290; 1852. Кн. 5. С. 265–274; *Ирбитский ярмарочный листок.* 1866. 1 февр.; 1878. 2 февр.; 1890. 25 янв.; 1900. 27 янв.

в 1866 г. было 19 ярмарок с продажей товаров на 550 тыс. руб., в 1895 г. – 68 ярмарок с продажей товаров на 2,56 тыс. руб.¹ В Восточной Сибири главными пушными ярмарками были Якутская и Анюйская. В 60-е гг. общий оборот 105 ярмарок Сибири составлял 11,7 млн руб. (4,7 % общероссийского), а 1894 г. оборот 501 ярмарки – 18 млн руб. Продолжала расти в Сибири сеть стационарной торговли. В 1833 г. в городах региона было 1919 лавок, в 1856 г. – 3479, в 1912 г. – не менее 60 тыс.²

С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые монополизировали товарообмен в целых районах края, например, в Курганском округе – Смолины, в низовьях Оби – Плотниковы и Корниловы, в Ялуторовском округе – Колмаковы, в Тарском – Пятковы, в Нарымском крае – Родоковы, на Алтае – И.К. Платонов, Суховы, Морозовы, в Енисейской губернии – Гадаловы, Тонконоговы, И.М. Некрасов, в Урянхайском крае – Сафьяновы, в Забайкалье – Бутины и Голдобины, на Лене – Громовы, Глотовы и Кушнаревы, в Приморье – фирма И. Чурин и К^о. Как правило, кроме торговли, такие монополисты имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными домовладельцами. Однако основой их торгово-промышленной деятельности всегда была торговля. В 1822 г. в Сибири было выбрано 206 торговых свидетельств, в 1850 г. – 1250. В 1896 г. в регионе было 5650 гильдейских купеческих предприятий с оборотом не менее 106 млн руб. и с прибылью 9,6 млн руб.³

Во внешнетоговых связях России существенную роль в Сибири продолжал сохранять Кяхтинский торг. В первой половине XIX в. произошла смена товаров, главным русским товаром стали ткани, а не меха. Сибирские купцы заняли место посредников в обмене чая на мануфактуру. Торговля с Китаем создала наиболее крупные капиталы в Сибири – иркутских и кяхтинских купцов Немчиновых (около 3 млн руб. капитала), Хаминовых (5–7 млн руб.), Басниных, Трапезниковых, Медведниковых, Нерпиных, Сабашниковых. Если в 1830 г. в кяхтинской торговле были заняты 17 сибирских купцов

¹ Бойко В.П. Купечество Западной Сибири ... С. 99–100.

² Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал... 227–229; Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 144, 152,

³ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия ... С. 219, 220; Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 172.

с капиталом 2 млн руб., то в 1854 г. – 52 с капиталом 4,3 млн руб. Число купцов Европейской России снизилось с 36 (8,4 млн руб.) до 27 (2,9 млн руб.)¹.

С середины XIX в. характер торговли с южными соседями изменился. С 1855 г. было разрешено оплачивать от одной трети до половины стоимости товара золотом. Обороты торговли сразу удвоились. Дефицит товаров для обмена ощущался с российской стороны. Возрос и оборот торговли с Западным Китаем и Монголией после разрешения в 1861 г. китайскими властями беспошлинной пограничной торговли. Таможню в 1861 г. из Кяхты перевели в Иркутск. Кяхта утратила монополию на чайный товар, но во второй половине XIX в. она сохраняла еще значение в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Транзит чая по русско-китайской границе составлял в 1866 г. 5 млн руб., в 1876 г. – 13,6 млн руб., в 1885 г. – 31,5 млн руб., в 1894 г. – 12 млн руб. Значение Кяхты – Маймачена упало только с прокладкой Транссибирской железной дороги.

Со второй половины XIX в. развилась пограничная торговля с Монголией через Цурухайгуй, Абагатуй, Цаган-Олуй. Главным пунктом обмена с Монголией в Западной Сибири стал Кош-Агач в Чуйской долине. К середине XIX в. оборот торговли достиг 100 тыс. руб., в 1886 г. – 786 тыс. руб., в 1900 г. – 925 тыс. руб. В чуйской торговле главным товаром с монгольской стороны стали скот, мех сурка, а с российской – мука, ткани и прочая промышленная продукция. Основными агентами с российской стороны были купцы Бийска.²

Торговля со Степью по линии Сибирского казачьего войска (до 6,3 млн руб. в 1863 г.) стала внутренним делом, с усмирением Степи увеличился обмен с Туркестаном: с 2 млн руб. в 1851 г. до 4,2 млн руб. в 1860 г. Главную роль в этой торговле стали играть предприниматели Семипалатинска, Петропавловска, Усть-Каменогорска. Усилилась торговля с Сибирью. По Кульджинскому трактату 1851 г. была разрешена беспошлинная торговля через Кульджу и Чугучак. Обороты торговли выросли с 340 тыс. руб. в 1840 г. до 835 – в 1851 г., в 1854 г. – 2,25 млн руб. Как и в Кяхте, здесь шел обмен тканей на чай. Со второй половины 1860-х гг. до 1881 г. из-за поли-

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 189–195.

² Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. С. 145–146, 158.

тической борьбы в Сынцзяне торговля на границе была незначительной и нестабильной¹.

Чрезвычайно скромные масштабы имела торговля в Урянхайском крае. В 1865 г. она составляла около 40 тыс. руб., в 1886 г. – 432 тыс. руб., в 1900 г. – 240 тыс. руб.² Начатая для снабжения скотом золотых приисков Восточной Сибири торговля сибирских предпринимателей привела к комплексному освоению региона. Купцы строили фактории для скупки меха, скота, заводили пашни, мельницы, золотые промыслы, вели обширную торговлю всевозможными товарами. Наиболее крупным и известным из урянхайских дельцов был Георгий Павлович Сафьянов, минусинский 2-й гильдии купец.

В целом Сибирь играла роль посредника в торговле Европейской России с азиатскими странами – Китайской империей и Центральной Азией.

Важную роль в развитии товарно-денежных отношений играет кредит. В Сибири, где господствовали сезонность торговли и оптовые сделки, всегда существовал дефицит оборотных средств. Главным способом его преодоления был взаимный кредит. Купцы получали товар в кредит, раздавали его в кредит. Годовой рост в этом случае составлял 10–12 %. Однако это делало положение предпринимателей неустойчивым. Разорение одного влекло за собой цепную реакцию. Так, падение томского предпринимателя Ф. Горохова привело в середине XIX в. к смене томской деловой элиты. Недостаточный кредит стал причиной падения крупнейшей забайкальской фирмы – «Братья Бутины». Кредиты получались также из казенных средств, городских доходов. Дефицит кредитных средств заставил сибирских предпринимателей создавать банковские учреждения. В 1837 г. в Иркутске был открыт «Банк сиропитательного дома Е. Медведниковой» (до 90 тыс. руб. кредита), в 1844 г. – «Сибирский общественный банк» в Томске на пожертвования купца А.Я. Попова (до 300 тыс. руб. кредита), в Кяхте – на деньги Я.А. Немчинова. Кредит был дорог – до 12 % годовых. В 1846 г. в Ирбите было открыто временное отделение Екатеринбургской конторы Государственного коммерческого банка с правом кредитовать торговые операции. В 1858 г. в числе получивших кредит числился 101 купец с суммой кредита 1,25 млн руб. под 5 % годовых.

Во второй половине XIX века городские общественные банки открылись в Тюмени (1864 г. – капитал 13 тыс. руб.), Кургане

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 201-217.

² Старцев А.В. Русская торговля в Монголии ... С. 138–140, 158.

(1865 г. – 20 тыс. руб.), Тобольске (1868 г. – 10 тыс. руб.), Таре (1868 г. – 35 тыс. руб.), Омске (1875 г. – 10 тыс. руб.), Ишиме (1875 г. – 10 тыс. руб.), Тюкалинске (1882 г. – 10 тыс. руб.). К концу века такие банки были в 14 городах Сибири. Крупнейшими из них были Тюменский и Иркутский с оборотом до 4 млн руб., Томский – 3 млн руб. Кредит выдавался под 6 % годовых. В 1865 г. были открыты в Сибири отделения Государственного банка в Иркутске, Томске, Енисейске, Красноярске, в 1894 г. – в Тобольске, Тюмени, Чите, в 1895 г. – в Омске. Госбанк выдавал мало кредитов: в 1893 г. при вкладах в 11,6 млн руб. было выдано только 700 тыс. кредитов под 6 %¹.

Дефицит кредита порождал ростовщичество и кабальные отношения в торговых сделках торговцев с населением. Правительство старалось ограничить воздействие ростовщичества на податное население. В 1822 г. специальным Положением были ограничены размеры одолжения для крестьян и инородцев 5 рублями и 6 % годовых, при этом словесные условия не подлежали судебным разбирательствам. Это поставило на грань разорения некоторые торговые фирмы Восточной Сибири, раздававшие товары в долг. Реально возвращалась лишь часть долгов, но при высоких процентах они окупали кредит².

¹ *Разгон В.Н.* Сибирское купечество ... С. 240–41; *Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Предпринимательство в Сибири ... С. 67, 104–105; *Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). Новосибирск, 2003. С. 39–45.

² *Разгон В.Н.* Сибирское купечество ... С. 255–265.

Таблица 3

Структура промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в*.

Годы	Отрасли промышленности	Учтено официальной статистикой		В том числе:				В том числе				В том числе			
				Мелких товарных				Мануфактурных				Фабричного типа			
		Предприятий	Рабочих	Предприятий		Рабочих		Предприятий		Рабочих		Предприятий		Рабочих	
				Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1865	Обработ.	1173	12782	1028	87,6	4381	34,3	137	11,7	7605	59,5	8	0,7	796	6,2
	Горные	374	36840	112	29,9	1199	3,3	262	70,1	35641	96,7	-	-	-	-
	Всего	1547	49622	1140	73,7	5580	11,2	399	25,9	43246	87,2	8	0,5	796	1,6
1875	Обработ.	1473	14166	1244	84,5	2622	18,5	197	13,4	6462	45,6	32	2,2	5082	35,9
	Горные	603	32928	140	23,2	1199	3,6	463	76,8	31729	96,4	-	-	-	-
	Всего	2076	47094	1384	66,7	3821	8,1	660	31,8	38191	81,1	32	1,5	5082	10,8
1885	Обработ.	6067	22331	5758	94,9	8407	37,6	255	4,2	8134	36,4	54	0,9	5790	25,9
	Горные	662	34129	230	34,7	2491	7,2	430	65,0	31408	92,0	2	0,3	230	0,8
	Всего	6729	56460	5988	88,9	10898	19,3	685	10,3	39542	70,0	56	0,8	6020	10,7
1895	Обработ.	11151	28825	10826	97,1	15410	53,5	231	2,1	5179	18,0	94	0,8	8236	28,6
	Горные	920	36742	343	37,3	3494	9,5	572	62,2	32026	87,2	5	0,5	1222	3,3
	Всего	12071	65567	11169	92,5	18904	28,8	803	6,7	37205	56,7	99	0,8	9458	14,4

* Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С.41.

Таблица 4*

**Энерговооруженность горной промышленности Сибири в 1861–1895 гг.
(лошадиных сил)**

Годы	Предприятий	Рабочих	Механических двигателей		Из них электрических		Паровых		Водяных		Энерговооруженность	
			Абс.	Мощность,	Абс.	Мощность,	Абс.	Мощность	Абс.	Мощность	Предприятия	Рабочего
1861–1863	374	45736	336	2576	–	–	6	85	330	2491	6,9	0,06
1871–1875	603	40047	337	2679	–	–	30	543	307	2136	4,4	0,07
1895	920	40208	154	2579	11	496	79	985	64	1098	2,8	0,06

*Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 42.

Таблица 5

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавки металлов в Сибири и на Дальнем Востоке (1861–1895 гг.)*

Годы	Золото, т.	Серебро, т.	Свинец, тыс. т	Медь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Соль, тыс. т	Каменный уголь, тыс. т
1861	18,7	15,5	0,8	0,48	2,8	10,6	5,8
1865	19,9	16,9	1,4	0,53	1,9	7,6	4,4
1870	20,9	13,4	1,2	0,56	4,5	16,1	7,6
1875	26,8	9,1	0,93	0,44	7,9	12,1	5,6
1880	33,0	8,9	1,0	0,48	4,1	11,1	15,8
1885	23,7	9,4	0,5	0,39	6,8	31,7	19,5
1890	28,2	10,4	0,86	0,31	7,0	40,2	31,1
1895	30,6	6,4	0,15	0,25	9,4	28,4	40,2

*Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // Сибирь в составе России XIX – начала Х в. Томск, 1999. С. 35.

3.3. Экономика, промышленность, промыслы, торговля в конце XIX – начале XX века

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80–90 гг. XIX в. железных дорог. На средства Казны в 1883–1885 гг. была построена Екатеринбург–Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским, что сразу сказалось на темпах перевооружения промышленности в городах Западной Сибири, особенно в Тобольской губернии, на увеличении объема перевозок через Урал. Строительство же Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики. Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с европейским и мировым рынком, стала той нитью, ухватившись за которую сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры меняли технику и кадры. Современники отмечали: «Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (техническим) формам капиталистического, рабочий контингент растет»¹. По нашим подсчетам, число фабрично-заводских заведений (более 15 рабочих на каждом или с паровым двигателем при меньшем числе рабочих) в Сибири выросло в три раза, а число рабочих в 4 раза: 1894 г. – 143 заведения 6582 работника, 1908 г. – 460 заведений – 18553 работника, 1917 г. – 470 заведений и 26298 работников. К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом (фабрично-заводском) производстве: 252 фабрики (55,5 % общего числа предприятий) давали на 57,7 млн руб. продукции (90 %), занимали 14376 рабочих (78,2 %). Есть основания полагать, что фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири, поскольку губернская статистика на 1907 г. оценила объем производства более чем 20 тыс. промышленных предприятий Сибири в 50 млн руб., т.е. в сумму, меньшую, чем производительность одних фабрик. О темпах процесса механизации производства в Сибири да-

¹ *Сибирские очерки* // Восточное обозрение. 1899. 2 мая.

ет представление статистика паровых котлов. В 1896 г. их было учтено 1001, в том числе в фабрично-заводской промышленности 282, а в 1914 г. – 1425, в том числе в фабрично-заводской промышленности – 731. Энерговооруженность рабочего фабрично-заводской промышленности Сибири в 1908 г. составила 0,73 л.с.¹ При всем этом фабрики вытесняли низшие формы производства – ремесло и мануфактуру – только в части производств, например в мукомольной, текстильной, лесопильной, винокуренной, стекольной, спичечной, металлообрабатывающей промышленности, в других отраслях кустарные и мануфактурные заведения соседствовали с фабриками или господствовали, например в обувной и швейной промышленности, кожевенной и овчинно-шубной. Крестьянские обрабатывающие промыслы росли за счет переселенцев. В крупных городах Сибири число ремесленников с 1900 по 1910 г. удвоилось: с 7,2 тыс. работников в 3,5 тыс. заведений до 15 тыс. работников в 6,2 тыс. заведений². Численность ремесленников и работников мелких заведений в 1917 г., по оценкам историков, вдвое превосходила число рабочих на фабрично-заводских предприятиях (табл. 2), но их производительность была в десятки раз ниже.

Противоречивым было влияние железной дороги на горнозаводское производство. Metallургические заводы, выполняя заказы железной дороги, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем – зачахли, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Лучший из сибирских metallургических заводов – Николаевский – стал жертвой краха промышленной империи Мамонтова, в состав которой он был включен³.

Горнодобывающая промышленность пережила кризис. Добыча золота снизилась до 21,9 т в 1895 г. и до 14,9 т в 1905 г., затем повысилась к 1917 г. до 19,3 т в связи с модернизацией отрасли в Западной Сибири и распространением кустарной добычи в Восточной Сибири. Точно так же падала выплавка серебра, свинца, меди, так как Кабинет свертывал свое metallургическое дело, отдавая в аренду последние действующие предприятия. Цветная metallургия вновь

¹ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири 90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г. Томск, 1991. С. 66–67.

² Там же. С. 52–53, 67, 251–54.

³ Мухин А.А. Влияние Сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 114.

начала расти накануне Первой мировой войны уже на частнокапиталистической основе. Солепромышленность пережила спад и рост по тем же причинам. Казна уступила инициативу частной промышленности в отрасли. Уверенно росла лишь каменноугольная промышленность, получившая постоянный и быстро растущий рынок сбыта в виде железной дороги, пароходства и предприятий, использующих паровые машины. Каменный уголь стал входить в обычай у городских жителей и для отопления.

Таблица 1

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавки металлов в Сибири (1900–1917 гг.)*

Годы	Золото, т	Серебро, т	Свинец, тыс. т	Медь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Соль, тыс. т	Каменный уголь, тыс. т
1900	18,3	1,3	0,14	0,18	5,0	46,9	141,6
1905	14,9	1,0	0,13	0,10	4,25	13,6	1250,4
1913	22,0	0,95	-	0,629	-	24,7	1809,4
1917	19,3		0,47	0,515	6,78	31,6	3193,2

* *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 47.

Если основной причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX–XX вв. стало полное банкротство феодального предпринимательства, то главной бедой золотого промысла явилась запоздалая его перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Большинство золотопромышленников их не имели и вынуждены были либо продавать прииски, либо сдавать промыслы в аренду артелям золотничников. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями.

Механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стала основной в Томской горной области – Мариинской, Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В 1900 г. в области действовали 3 драги, в 1905 г. – 19 драг, в 1914 г. – 31¹.

В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным спо-

¹ *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 заводском году. СПб., 1908. С. 101, 138–151; *Ведомости* работавшихся приисков Томской горной области на 1914 год // ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 61–75. 121, 181–189, 286–292.

собом. Кредит от Государственного банка помог в этот период выстоять и будущему гиганту – Ленскому золотопромышленному товариществу. Здесь также шло интенсивное внедрение техники на части операций – откачке воды, вентиляции, транспортировке пород, обогащении песков. Были построены железная дорога, гидроэлектростанции. Вместе с тем одна из ключевых операций – отбойка песков – продолжала оставаться ручной, и это тормозило рост всего производства.

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, дальневосточные горные округа. Сравнительно богатые и легкодоступные россыпи наряду с практически неиссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее желательными для предпринимателей. Такого рода рационализация обходилась дешевле внедрения механизмов. Механизация горной промышленности Сибири завершилась только в 1930-е гг., а в начале XX в. она находилась в переходном состоянии. Механизация внедрялась там, где не было более дешевой альтернативы. Так, 85 механизированных предприятий в золотопромышленности (драги, гидромониторы, рудники) в 1916 г. при 4,2 тыс. рабочих дали 22,1 % добычи золота, 23 полумеханизированных предприятия (шахты и разрезы с промывальными машинами) с 6 тыс. рабочих – 51 % золота, 646 приисков без техники с 30,8 тыс. рабочих – 26,9 % золота из 754 приисков с 49,9 тыс. работников¹.

Энерговооруженность горного рабочего Сибири с 1900 по 1916 г. выросла в 3 раза, но при этом осталась на низком уровне – 0,4 л. с. В 1900 г. из 951 (32,3 годовых рабочих) горного предприятия Сибири 57 (7,0 тыс. годовых рабочих) имели паровые и электрические двигатели, 87 (10,5 тыс. годовых рабочих) – водяные, 807 предприятий не имели двигателей. В 1916 г. из 913 горных предприятий (63,3 тыс. годовых рабочих) 199 (30,4 тыс. годовых рабочих) имели паровые и электрические двигатели, 714 – не имели двигателей. Водяные двигатели уже не учитывались. Горнорабочие Сибири составляли 7–8 % от их общероссийского числа, а доля продукции сибирского горного производства составила 13 % стоимости общероссийского за счет высокой стоимости золота².

¹ Зинovieв В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири ... С. 48, 53.

² Там же. С. 47, 52, 58–59.

Край был прочно связан с центром страны Транссибирской магистралью. Рост населения и экономики Сибири требовал развития путей сообщения. В начале XX в. была построена Кругобайкальская железная дорога, железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. В 1906 г. длина стальных путей Сибири равнялась 4837, в 1913 г. – 5556, а в 1917 г. – 7150 верстам. Были построены Алтайская, Кулундинская, Тюмень-Омская, Кольчугинская, строилась Ачинско-Минусинская железные дороги. В 1913 г. было перевезено 300 млн пудов грузов, в 1916 г. – 480, в 1917 г, когда уже обозначился кризис, – 390. Водный транспорт значительно уступал железнодорожному по грузообороту (109 млн пуд в 1909 г.). Но он играл важную роль во внутреннем обращении, связывая северные и южные районы края между собой и железной дорогой. Железная дорога не составила конкуренции водному транспорту, которым осуществлялись в основном меридиональные перевозки. Водные и железнодорожные пути росли параллельно. В 1896 г. на водных путях курсировали 514 судов, в 1908 г. – около 800 судов, из них 235 пароходов, в 1914 г. – около 1200 судов, в том числе 316 пароходов и теплоходов. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов¹. На пересечении водных и железных путей выросли крупнейшие города Сибири – Омск, Курган, Тюмень, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита. Объем перевозок гужем в XX в. по сравнению с XIX в. не уменьшился. Местные перевозки оставались уделом гужевого транспорта, чему служили около 110 тыс. верст грунтовых дорог. Долгое время доставщики конкурировали даже с железной дорогой. Так, фирма Кухтериных поблагодарила постоянных клиентов и прекратила транзитные перевозки только в 1909 г.

Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях рек – Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера, чему способствовали населенность места и близость железной дороги. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составили около 2 млн пуд, при 10,4 тыс. работников².

¹ *Большаков В.Н.* К вопросу о формировании и численности речников в Сибири // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 126–128.

² *Галажинский Э.В., Зиновьев В.П.* Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 127.

Большая часть крестьян и горожан ловили рыбу для себя. Характер такой рыбалки метко определил крестьянин Енисейской губернии в анкете Переселенческого управления в 1915 г.: «Ловит рыбу почти полдеревни, но ни у кого не найдешь купить»¹. Переработка рыбы оставалась на примитивном уровне. На консервы перерабатывалось не более 6 % товарной рыбы. В Сибирь с Волги, Каспия и Дальнего Востока завозилось рыбы столько же (1,8 млн пуд в 1913 г.), сколько продавалось местной².

С проведением железной дороги начался строительный бум. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядными способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами³.

Взросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районе железных дорог, городов, промышленных предприятий, паромных пристаней. Специалистами Сибплана общее потребление лесопродукции к 1917 г. определялось в 9,2 млн куб. саж., делового леса – в 580 тыс. куб. саж. Через рынок проходили дрова и деловой лес общим объемом в 1640 тыс. куб. саж., или 18 % потребляемой в Сибири древесины. Наиболее широко лесозаготовки велись Казной, Кабинетом, частными подрядчиками для железной дороги, крестьянами в Туринском, Тарском округах Тобольской губернии, Каинском, Томском, Маринском округах Томской губернии, Красноярском, Ачинском округах Енисейской губернии, Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих⁴. Заготовка дров для пароходов из крестьянского промысла стала сферой капиталистического предпринимательства.

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концен-

¹ *Зиновьев В.П.* Озерное рыболовство в Сибири // Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX вв. Томск, 2009. С. 74.

² *Санкин Е.В.* Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. С. 19.

³ *Коновалов П.С.* Строительная промышленность Сибири второй половины XIX начала XX вв. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 87–88.

⁴ *Зиновьев В.П.* Лесоторговля // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1996. Т. 3, кн. 1. С. 29–31.

трации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами стали к 1907/8 г. Томск (2,9 тыс. рабочих), Омск (3,8 тыс.), Красноярск (3,3 тыс.), Тюмень (3,2 тыс.), Иркутск (1,2 тыс.), Чита (2 тыс.)¹. Они являлись также и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки.

Все названные изменения в экономике резко увеличили армию наемного труда, потребовали повышения ее квалификации и грамотности. Степени индустриального освоения Сибири соответствовало качество применяемой рабочей силы. Если в XVIII – первой половине XIX в. основной контингент тружеников промышленных заведений составляли феодально-зависимые работники и жертвы штрафной колонизации (каторжники и ссыльнорабочие разных категорий) с растущей долей наемных работников сначала из ссыльно-поселенцев, затем из крестьян и мещан, то во второй половине XIX – начале XX в. – наемные рабочие. Особенностью состава сибирских рабочих была большая доля выходцев из Европейской России – не менее 68,4 %, судя по данным переписи населения 1897 г. В начале XX в. из Европейской России прибыли в Сибирь более 80 % железнодорожников, до 60 % речников, до половины рабочих обрабатывающих отраслей промышленности и около трети горнорабочих. Сибирь при формировании слоя индустриальных рабочих пользовалась готовыми кадрами из промышленных центров Европейской России и Урала. Существовали здесь и свои источники профессиональных промышленных рабочих – заводы Кабинета на Алтае и в Забайкалье, казенные фабрики.

Была высока сезонность в строительном деле, добывающих и обрабатывающих отраслях производства, в транспорте. В XIX в. в Сибири преобладали рабочие-сезонники из крестьян и мещан-отходников. Перепись 1897 г. учла зимой 104 тыс. несельскохозяйственных рабочих, видимо, это и были постоянные рабочие. Ведомственная статистика учла на это же время 228 тыс. наемных работников, т.е. вдвое больше. В начале XX в. слой постоянных рабочих составлял более половины на железных дорогах, на пароходах, в фабрично-заводской промышленности, около трети на горных про-

¹ *Дмитриенко Н.М.* Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 83; *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 40.

мыслах, в строительном деле, при этом на крупных приисках и на каменноугольных копях кадровые рабочие составляли около 40 %. Авангард российского пролетариата – металлисты – был представлен в Сибири рабочими депо и мастерских горных предприятий, речных затонов, железных дорог, редких заводов. Их насчитывалось около 25–30 тыс., или 5–6 % всех индустриальных рабочих. Кадровый пролетариат составлял, вопреки мнению ряда историков, существенную часть рабочих Сибири. Он был сосредоточен в центрах социально-экономической жизни региона, имел возможность при должной организации контролировать основные хозяйственные артерии и центры огромной окраины. Рабочие Сибири выделились в особый слой населения и осознали свое исключительное положение.

На сибирские предприятия и стройки рабочих манили более высокие заработки, хотя здесь были хуже условия труда и быта, более продолжительный рабочий день, чем на фабриках в России. Более высокие заработки были следствием дефицита труда и высокой интенсивности сезонных работ. Наиболее неустроенным был быт рабочих во временных поселках на приисках, стройках, рыбных и лесных промыслах, где рабочие ютились в бараках и землянках. Бедствовали рабочие и в ночлежках, когда приходили на заработки в города. В промышленных селах и поселках, на железнодорожных станциях, на пристанях, в рабочих предместьях городов рабочие и служащие жили в своих или хозяйских домах семейно, обзаводились скотом и огородами, имели постоянный заработок. Реальная заработная плата рабочих Сибири росла, в то время как рабочий день сокращался, а условия быта улучшались. Так, на золотых приисках рабочий день сократился с 12,5–14,5 часов в 1860-х гг. до 11 в 1890-е гг. и до 9–10 часов накануне Первой мировой войны, реальная заработная плата выросла за 1860–1890-е гг. на 12 %, а в начале XX в. еще на 9–10 %. Жилая площадь на одного рабочего в приисковых бараках за то же время увеличилась в полтора-два раза и стала составлять в среднем 3,5–4 кв. м. В заводских и приисковых поселках строились больницы, школы, церкви. Конечно, позитивные изменения в положении рабочих происходили медленно, недовольство вызывали высокие цены и низкое качество товаров в хозяйских лавках, недостаток медицинских услуг, но рабочие в среднем имели более высокий уровень жизни, чем крестьяне. Квалифицированные рабочие имели доход выше мелкого лавочника или низшего чиновника.

Это и был тот социальный насос, который выкачивал из деревни и ремесленных цехов рабочую силу¹.

Таблица 2
Численность наемных рабочих Сибири в 1897, 1908, 1917 гг.
(тыс. чел.)*

Отрасли экономики	1897 г.	1908 г.	1917 г.
Промышленность,	93,8	117	170
в т.ч. горнодобывающая	27,8	47	77
обрабатывающая	66,0	70	93
в т.ч. фабрично-заводская	13,9	19	30
Транспорт и связь,		106	121
в т.ч. ж.-д.	8,9	82	93
водный	13,0	21	21
связь	1,3	2	7
Строительство	78,4	56	40
Лесные промыслы	7,4	7	20
Рыбные промыслы	10,0	10	10
Торговля	10,3	20	20
Коммунальное хозяйство и предприятия питания	н-но	18	20
Сельское хозяйство	135,0	140	140
Итого	363,1	474	521

*Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 47,88.

Таким образом, в Сибири на рубеже XIX–XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей отрасли экономики. Однако решающий шаг в механизации промышленности и транспорта региона был сделан в последние годы XIX – первые годы XX в., что позволяет считать этот исторический момент концом мануфактурной эпохи в Сибири.

Место Сибири в экономике России в начале XX в. не изменилось по сравнению с предыдущими столетиями. Она осталась поставщиком сырья. Если в XVII в. главной целью государства и капитала в Сибири была пушнина, в XVIII – первой половине XIX в. – драгоценные металлы, то во второй половине XIX – начале XX в. – продукция сельского хозяйства. Хлеб, масло, мясо стали давать больше золота, чем золотые копи и соболя. Усилилась аграрная колонизация. Земельная рента стала важнее ясака и горной подати.

¹ Зиновьев В.П. Индустриальные рабочие Сибири в XVIII – начале XX в. // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. М.: РОССПЭН, 2009. С. 146–148

Преобладающее значение имело сельское хозяйство, которое в 1913 г. дало две трети стоимости продукции края, а промышленность – только четверть. В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65 % стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока. При этом в Западной Сибири уже преобладала обрабатывающая промышленность. В 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60 % суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1910–1913 гг. стоимость продукции пищевкусовых отраслей составила 81 % суммы производства обрабатывающей промышленности, или 55 % суммы производства всей промышленности Сибири (в пределах нынешнего Сибирского округа). Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края¹.

Уровень развития региона в целом можно представить, определив его долю в различных отраслях экономики и в рынке рабочей силы. В 1917 г. Сибирь при 7 % всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2 % стоимости промышленного производства, в том числе 13 % стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % количества пароходов, 5,5 % числа торговых заведений, 4 % наемных рабочих России². О структуре экономики края можно судить по характеру занятости наемных работников (см. табл. 2). На Сибирь с десятиmillionным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3 % населения. В городах Сибири жило 11,9 % населения.

Следовательно, Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения.

Несмотря на низкий технический уровень, Сибирь имела высокую степень концентрации капитала и производства, что делало эко-

¹ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет: 1887–1926. М.:Л., 1929. Т. 1, ч. 1. С. 98–99; М., 1930. Ч. 3. С. 14–15, 162; *К вопросу об индустриализации Сибири*. Новосибирск, 1925. С. 82.

² *Зиновьев В.П.* Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // *Рабочие Сибири в период капитализма*. Томск, 1979. С. 5–7.

номику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса. В условиях Сибири для этого нужно было контролировать транспорт и рынки сбыта. Транссибирская магистраль была государственной, пароходство – в руках крупных частных компаний. Перевозки по рекам Западной Сибири монополизировало «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» (Товарпар), по Енисею – «Акционерное общество пароходства по реке Енисею», на Байкале – «Товарищество Байкальского пароходства и торговли», на Лене – «Восточно-сибирское общество пароходства, торговли и промышленности», на Амуре – синдикат пароходоладельцев. Они и диктовали тарифы и фрахты¹.

В сельском хозяйстве Сибири выросли две монополии. Союз сибирских маслодельных артелей объединил 1410 кооперативных маслозаводов, 1167 лавок, 26 контор, в том числе в Лондоне, Москве и Владивостоке. Союз на равных конкурировал с иностранными закупочно-сбытовыми фирмами. Половину товарооборота Сибири контролировал союз потребительских кооперативов Сибири – Закупсбыг².

В горной промышленности степень монополизации не уступала уровню Европейской России. В золотопромышленности всего три компании: Ленское золотопромышленное товарищество (Лензото), Российское золотопромышленное общество (Золоторосс), Федоровское общество и Кабинет имели в 1916 г. 27 % приисков, 46 % рабочих, 80 % добычи. В угледобыче 7 компаний давали 2/3 сибирской добычи. Синдикат Черемховских углепромышленников, Л.А. Михельсон, Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, казенные Анжерские копи Сибирской железной дороги делили сбыт угля в Сибири и успешно конкурировали с «Продуглем». Предприятия цветной металлургии входили в общероссийский синдикат «Медь». Руды Алтая поделили «Русско-Азиатская» и «Русская горнопромышленная» корпорации с участием английских и американских капиталов. Сибирские предприятия были тесно связаны с общероссийскими монополистическими объединениями под патронажем Международного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового и Золотопромышленного банков³.

¹ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал ... С. 195–218.

² Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск, 1990. С. 10.

³ Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири ... С. 27–29.

Шло акционирование и проникновение банков в доходные отрасли обрабатывающей промышленности. Среди сибирских предпринимателей были распространены картельные договоры (стачки), они входили в отраслевые союзы предпринимателей – съезды винокурных заводчиков, спичечный синдикат. Бурно акционирование и образование союзов шли в годы Первой мировой войны. Из крупнейших синдикатов можно назвать «Товарищество Алтайский мукомол», «Акционерное общество семипалатинских мукомольных мельниц», «Западно-сибирское торгово-промышленное мясоконсервное общество», «Сибирская мясная компания» и др.

В начале XX в. Сибирь стала объектом интереса иностранного капитала, который проникал в наиболее прибыльные отрасли – горное, лесное дело, в сбыт сельхозпродукции, транспорт. В горной промышленности общества создавались в основном со спекулятивной целью, до реальных инвестиций дело доходило редко. Из 17 горных акционерных обществ, открывшихся в Сибири, к 1917 г. действовало одно в Рудном Алтае – «Русская горнопромышленная корпорация»¹. Более серьезным (свыше четверти объема) было участие иностранного капитала в сбыте сибирского масла. Сбыт сельхозмашин в Сибири монополизировала американская Международная компания жатвенных машин. Масштабное предприятие с капиталом 8 млн руб. развернуло в Сибири лишь «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» И. Лида, внедрившись в пароходство, лесное дело на Енисее, в торговлю и горное дело². Надо сказать, что масштабы деятельности иностранного капитала в Сибири были невелики, а успехи скромнее, чем об этом нередко пишут.

В развитии торговли региона новый этап начался после проведения Сибирской железной дороги. Железная дорога усилила связь местного рынка с общероссийским и мировым, изменив в значительной степени не только объемы, но и характер торговли. На рост торговли влияли увеличение численности населения, в том числе городского, развитие промышленности и товарного сельского хозяйства. Железная дорога создавала более благоприятные условия для

¹ Разумов О.Н. Иностранцы акционерные общества горной промышленности Сибири периода империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 107–116.

² Зиновьев В.П., Разумов О.Н. Лид Йонас // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск. 1996. Т. 3, кн. 1. С. 32–33.

вывоза и ввоза в Сибирь различных грузов, ее грузооборот возрос с 1900 по 1913 г. с 45 до 200 млн пуд. (вместе с Забайкальской и Омскими дорогами – около 300 млн пуд.). Грузооборот крупнейших железнодорожных станций составил: Новониколаевска в 1900 г. – 4,4 млн пуд., в 1908 г. – 15,9, в 1914–1915 гг. – 29,2, Омска – 5,0, 12,9, 19,5 млн пуд. соответственно¹.

На юг и на север от магистрали грузы доставлялись водным и гужевым транспортом. Города у пересечения железной дороги с крупными реками стали важнейшими торговыми центрами Сибири. Так, в Обь-Иртышском бассейне средний грузооборот пристаней за 1904–1905 гг. составил в Омске – 12, Тюмени – 10, Новониколаевске и Томске по 8 млн пуд.²

Потерял свою былую значимость в перевозке грузов Московский тракт, но в отдаленных от железных дорог районах роль гужевых дорог оставалась значительной. Одновременно в районах, прилегающих к железным дорогам, падала роль ярмарок. Одна из причин сокращения ярмарочной торговли крылась в изменении характера торговли текстильными товарами. Именно «мануфактурная» торговля и во второй половине XIX, и в начале XX в. была в Сибири наиболее прибыльной. Во второй половине XIX в. текстильные товары в Сибирь шли через Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. После проведения железной дороги в Омске, Томске, Иркутске, Чите и других городах были открыты склады и магазины крупнейших российских текстильных фирм. В этих условиях падала роль купцов-оптовиков. Торговцы Сибири чаще стали непосредственно закупать товары в оптовых складах промышленных фирм, а не на ярмарках или у посредников, как ранее. Но ярмарочная торговля продолжала развиваться и в ряде случаев наращивала обороты, в том числе и в городах, расположенных на железной дороге. Крупные ярмарки функционировали в Новониколаевске, Тюмени, Ишиме, Кургане и других городах. В 1908 г., например, подвоз товаров на Ишимскую ярмарку составил 2860,9 тыс. руб., продажа – 1948,8 тыс. руб., Тюменскую – 2440,7 и 2320,4 тыс. руб. соответственно. Обороты ярмарок Кургана составили в 1914 г. 2,5 млн руб.³ Особенно был

¹ *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 170.

² *Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей*, издаваемых под ред. В.В. Никольского. Отд. 2: Волго-Сибирский путь. СПб., 1912. Т. 1. С. 277.

³ *Список населенных мест Тобольской губернии*. Тобольск, 1912. С. 16; *История Курганской области*. Курган, 1998. Т. 3. С. 280.

заметен рост ярмарок в Томской губ., прежде всего в Алтайском округе, что напрямую было связано с развитием сельского хозяйства. Если в 1910 г. в губернии было 434 ярмарки с привозом товаров на 12,4 млн руб. и сбытом на 6 млн руб., то в 1912 г. – 563 ярмарки с привозом товаров на 29,2 млн руб. и сбытом на 10,3 млн руб. Из городских выделялась ярмарка в Новониколаевске, подвоз товаров – 3, продажа – 2,7 млн руб.¹

А вот обороты главной для Сибири Ирбитской ярмарки падали, хотя она, как и ранее, относилась к крупнейшим ярмаркам страны. Объяснялось это в первую очередь тем, что Ирбит оказался в стороне от железных дорог, и на фоне падения оборотов торговли в Ирбите росли торговые обороты Екатеринбурга, Тюмени и Омска. Если в 1891 г. привоз товаров на Ирбитскую ярмарку составил 45,9 млн руб., а сбыт – 39,3 млн руб., то в 1914 г. – 22,8 и 18,9 млн руб. соответственно².

Обороты стационарной торговли (складов, магазинов, лавок) намного превзошли обороты ярмарок. Так, в 1910 г. стоимость привоза товаров на ярмарки Сибири (их насчитывалось около 500) составляла 31 млн руб., а продажа – 18 млн руб. Стационарных торговых заведений в 1912 г. было около 60 тыс., в том числе магазинов 15 тыс., обороты стационарных торговых заведений составляли около 500 млн руб.³

Возросла роль городов как центров оптовой и розничной торговли. В 1912 г., по сведениям податной инспекции, обороты торговли предприятий I–III разрядов составили в млн руб.: в Томске – 28,4, Иркутске – 27,3, Барнауле – 19,8, Омске – около 17, Тюмени – 15,4, Новониколаевске – 14,8⁴. Как и ранее, основная часть промышленных изделий завозилась в Сибирь из Центральной России (прежде всего текстиль и металл), а также из-за рубежа (сельскохозяйственные машины, оборудование маслозаводов и др.), в числе других ввозимых товаров были сахар, чай, галантерея и прочие.

Многие крупнейшие текстильные и другие промышленные фирмы России открывали в Сибири свои отделения (конторы, склады, оптово-розничные и розничные магазины), в их числе «Морозова

¹ Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX в. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. С. 309.

² Резун Д.Я., Старцев А.В. Ирбитская ярмарка // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2, кн. 1. С. 108–109.

³ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал ... С. 226.

⁴ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск ... С. 138.

Саввы сын и К» (в Омске), «Товарищество мануфактур Викулы Морозова с сыновьями» (в Омске, Иркутске, Чите), «Рябушинского П.М. с сыновьями торгово-промышленное товарищество» (в Омске), «Циндель Эмиль товарищество» (в Омске, Чите), Невская бумагопрядильная мануфактура (в Томске), «Работник. Русское с.-х. общество» (в Омске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Красноярске) и др.¹

Сбыт текстиля в Сибири фактически монополизировали фабриканты Центрального промышленного района. Помимо уже упомянутых Морозовых, Цинделя, Рябушинских, к этой группе следует отнести и Второвых, которые на рубеже XIX–XX вв. перенесли правление из Иркутска в Москву. Они торговали в 11 сибирских городах, где выбирали 42 свидетельства на торговлю, крупнейшие магазины (пассажи) находились в Иркутске и Томске, а обороты торговли фирмы в Сибири достигали 30 млн руб.²

Особое внимание фирмы Центральной России уделяли Омску. По сведениям за 1914 г., здесь открыли склады и магазины 23 акционерных общества и паевых товарищества. В 1904 г. в центре города были выстроены «Московские торговые ряды», большой торговый комплекс, в котором разместились магазины фирм «С. Морозова сын и К», «Носовых братьев промышленно-торговое товарищество», «П.М. Рябушинский с сыновьями», «В. Грязнов и Я. Лабзин». В текстильной торговле Омск отчасти заменил Ирбитскую ярмарку. Теперь многие торговцы Западной Сибири и Степного края закупали товар здесь, а не в Ирбите. Одновременно часть предпринимателей Сибири стала закупать текстильный товар непосредственно в Москве и других городах Европейской России.

Освоение крупными фирмами сибирского рынка вело и к расширению ассортимента товаров. Так, в омском складе Викулы Морозова в начале XX в. значилось 139 наименований тканей собственного производства, а кроме того, 120 наименований тканей других производителей³.

В то же время не следует абсолютизировать степень монополизации даже в текстильной торговле. Практически во всех городах Сибири не только удерживались «на плаву» местные торговцы, но их число росло, а отдельные местные компании имели многомилли-

¹ Акционерно-паевые предприятия России. СПб., 1914.

² Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал... С. 247.

³ Киселев А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008. С. 109.

онные обороты, в их числе торговые дома «П.В. Михайлов и Д.Г. Малышев» в Томске, М.А. Шанина в Омске, А.Г. Морозов и И.Ф. Смирнов в Барнауле, Гадаловы в Енисейской губернии, Кушнарёвы в Якутске и др. Так, обороты торгового дома «П.В. Михайлов и Д.Г. Малышев» в Томске составляли в 1900 г. 1,0, в 1912 г. – 3 млн руб., «А.Г. Морозов с сыновьями» в Барнауле (1914 г.) – около 4 млн руб. и т.д. Сибирские компании, как правило, выступали в роли контрагентов крупных российских текстильных фирм. Так, контрагентами фирмы Э. Цинделя в Москве являлись Гадаловы из Енисейской губернии, иркутский торговый дом «Щелкунов и Метелев» и др.

В крупных, а также средних по размерам городах региона образовывались деловые кварталы, где сосредоточивались лучшие магазины, банки, гостиницы, кинотеатры, рестораны и прочие коммерческие заведения. Выделялись размерами, зеркальными витринами, рекламой, интерьерами, использованием электрического освещения магазины Второвых, Московские торговые ряды и магазин М.А. Шаниной в Омске, городской торговый корпус в Новониколаевске, пассаж И.Ф. Смирнова в Барнауле и др.

Сибирские фирмы не отставали от своих собратьев по бизнесу в других регионах страны в рекламе. Использовалась зазывная, устная и звуковая реклама¹. Рекламе отводились целые полосы местных газет, что становилось источником доходов для издателей. Наконец, следует отметить «Сибирские торгово-промышленные календари» и «адрес-календари» отдельных городов, где реклама занимала солидную, а иногда и большую часть объема.

Нельзя не обратить внимания на броские названия магазинов, особенно в Иркутске и Томске, типа «Английский магазин», «Венский магазин», «Варшавский магазин», «Женевский магазин» и т.д., где продавали одежду, галантерею, часы, ювелирные изделия. Впрочем, в центре Барнаула был магазин «Народная дешевка», где сбывался, по современной терминологии, «сэконд-хэнд».

Если в 1900 г. по Сибирской железной дороге было ввезено в регион тканей и текстильных изделий 550 тыс. пуд., то в 1909 г. – 1105,5 тыс. пуд. Еще быстрее рос ввоз металла и изделий из него, в основном с Урала: в 1898 г. – около 1,5 млн пуд., в 1909 г. – около 9,5 млн пуд. В значительной мере данный вид торговли в Сибири

¹ *Киселев А.Г.* Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008. С. 115.

монополизировали Богословское горнозаводское общество и московский торговый дом «Вогау и К^о».¹

В несколько раз увеличился ввоз в Сибирь и чая. Напомним, что привычка пить много чая была здесь присуща не только горожанам, но также крестьянам и инородцам. Так что рынок был обширен. Среднегодовые показатели ввоза чая по Сибирской железной дороге составили в 1900–1904 гг. 435 тыс. пуд., в 1913 – 1914 гг. – 2301, в 1915 г. – 2171 тыс. пуд., сахара – 1034, 3713, 4432 тыс. пуд. соответственно². В данном виде торговли наряду со старыми местными торговыми домами, такими как «Собенников и братья Молчановы», Лушниковы, Швецовы и др., развернули деятельность монополии общероссийской значимости – «Преемники Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о», «Высоцкий и К^о», «Вогау и К^о».

Ряд сфер торговли оказался в руках иностранного капитала, это сбыт сельскохозяйственной техники и оборудования маслозаводов (Международная компания жатвенных машин из США, Сибирская компания из Дании и др.), скупка сливочного масла (датские, немецкие, английские компании), торговля швейными машинами (Зингер). За 15 предвоенных лет в Сибири было продано сельскохозяйственных машин на 150 млн руб.³ При этом 15 % оборота пришлось на долю Международной компании жатвенных машин.

Но если на центральных улицах сибирских городов стали появляться фешенебельные магазины, то в отдаленных, особенно северных и горных, районах сохранялись самые неразвитые формы торговли, граничившие с грабежом. Особенно часто объектами подобного грабежа становились представители коренных народов, что, например, ярко описал писатель В.Я. Шишков в своих «Чуйских былях».

Скупщик оставался традиционной фигурой в пушной, рыбной и прочих видах торговли, связанных со скупкой продуктов сельского хозяйства, изделий крестьянских промыслов. Фигура мелкого скупщика была особенно характерна для хлебной торговли. В ряде мест они назывались по-разному: в Омске «рябчики» и «переторцы» (от переторговцы), в Томске – «базарные зайцы», на Алтае – «больше-

¹ *Прошин В.И.* Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.): материалы к спецкурсу. Новосибирск, 1999. С. 16–17.

² Там же. С. 42.

³ *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1967. С. 167.

пудники» и т.д. На мелких скупщиков приходилось от 10 до 20 % первичной скупки хлеба, а 80–90% – на крупные фирмы.¹

Крупные хлеботорговые операции вели пароходные компании, особенно в Обь-Иртышском бассейне (Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли, Корниловы, Е.И. Мельникова, Ельдештейны, Фуксманы и др.), владельцы паровых мельниц, винокуренных заводов, были торговцы, которые специализировались только на хлебной торговле. Нередко крупные хлеботорговцы проживали в сельской местности и даже переходили из сословия крестьян в купечество. Особенно это было характерно для Алтая. В 1908 г. в Алтайском округе 32,6 % купцов (758 чел. обоего пола) проживали в сельской местности. Крупнейшими хлеботорговцами не только Алтая, но и всей Томской губернии стали Винокуровы, крестьяне села Тюменцево Барнаульского округа (уезда), переселившиеся в 90-х гг. XIX в. в с. Камень, того же уезда. Они (Адриан Ильич и его сыновья) выбирали свидетельства барнаульских купцов. Накануне Первой мировой войны обороты их заведений (преобладала хлебная и мучная торговля) превышали 5 млн руб.

Из Западной Сибири зерно и мука вывозились на Урал и в Европейскую Россию, за границу и в Восточную Сибирь. Так, за 18 лет, с 1896 по 1913 г., общее количество перевезенных по Сибирской железной дороге хлебных грузов составило 889 796 тыс. пуд., максимальные перевозки пришлось на 1906–1910 гг. – 352 749 тыс. пуд., или 70 498 тыс. пуд. за год. 30,6 % хлебных грузов перевозилось в пределах самой Сибири, преимущественно из Западной в Восточную Сибирь, 25 % шло на Урал, 19,3 % – за границу, 15,8% – в Европейскую Россию². Введение высоких тарифов (Челябинский тарифный перелом с 1896 по 1913 г.) препятствовало вывозу сибирского хлеба через Челябинск в губернии Поволжья и Центра и к портам Черного моря. Хлеб, поступивший к Челябинску, перевозился далее по железным дорогам Челябинск – Пермь – Архангельск и сбывался в губерниях Европейского Севера и на внешних рынках (на северное направление Челябинский перелом не распространялся). Правительственная тарифная политика была направлена на то, чтобы оградить помещиков Центральной России от конкуренции более дешевого

¹ *Киселев А.Г.* Указ. соч. С. 80.

² *Храмков А.А.* Распределение железнодорожных перевозок хлеба в Сибири в 1896–1913 гг. по направлениям их предназначения // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири.* Вып. 2. Барнаул, 1997. С. 132–147.

сибирского хлеба и в то же время открыть ему дорогу на север и за границу через Архангельск. Одновременно возрастали перевозки хлеба по сибирским рекам. По рекам Обь-Иртышского бассейна хлеб поступал к Тюмени, а оттуда по Уральской железной дороге – на рынки Урала и Европейской России. Челябинский перелом, плохие грунтовые дороги, отсутствие элеваторов ограничивали возможности хлебной торговли в регионе. Железнодорожные перевозки составляли от 50 до 75 % цены хлеба¹.

Очень быстро развивалась торговля сливочным маслом, которое стало одним из главных экспортных продуктов Сибири. Иностранные компании: датские, английские, немецкие – организовали в Кургане, Омске, Новониколаевске, городах и крупных селах Алтая сеть складов и магазинов по скупке масла и продаже сепараторов и прочих «принадлежностей молочного хозяйства». Скупленное в Сибири масло вывозилось через порты Балтики в Германию, Англию и другие европейские страны. За 20 лет, с 1894 по 1913 г., из Сибири было вывезено более 41 млн пуд. масла на сумму в 587 млн руб. Иностранные фирмы за указанный период получили прибыли до 100 млн руб.²

Увеличился вывоз и другой сельскохозяйственной продукции (мяса, живого скота и др.), а также леса.

По-прежнему была велика роль пушной торговли. Ее организация не претерпевала существенных изменений, пушнина проходила через руки скупщиков, скупалась крупными компаниями на Якутской, Обдорской и прочих ярмарках, а затем доставлялась в главный центр пушной торговли – Ирбитскую ярмарку. Обороты пушной торговли на Ирбитской ярмарке возросли с 3 млн руб. в 1890-х гг. до 7–8 млн руб. в 1911–1913 гг. Но этот рост был результатом не столько увеличения продажи мехов, сколько роста цен на пушнину. Далеко не вся пушнина шла на Ирбитскую ярмарку, все чаще она сбывалась скупщиками-экспортерами непосредственно в сибирских городах, а то и напрямую отправлялась за границу. Крупнейшими торговцами пушшиной в Сибири были торговые дома «А.В. Швецов и сыновья», «Коковин и Басов», «А.И. Громова с сыновьями», Тонконозовы и др.

Как известно, в пореформенный период, когда действовала акцизная система, торговля спиртными напитками в Сибири быстро

¹ Пронин В.И. Сибирь в составе....С. 52.

² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже... С. 192.

наращивала обороты, но введение монополии на продажу водки (1902 г.) снизило интересы частных предпринимателей к данной сфере торговли, ибо водка теперь продавалась только через государственные склады и лавки. Как отметил В.И. Пронин, винная монополия выкачивала из Сибири огромные деньги, в 1911 г., например, 50 млн руб.¹ Если в Европу Сибирь поставляла в первую очередь сливочное масло и пушнину, то иной характер носила торговля Сибири с южными соседями, т.е. Монголией, Китаем и областями Средней Азии.

Русский экспорт в Монголию с 1891 по 1910 г. составил 1044,3 тыс. пуд., максимальный показатель в 1906 г. – 88 тыс. пуд., минимальный в 1910 г. – 13,8 тыс. пуд. Важнейшие грузы (по весу), отправляемые в Монголию в указанный период: хлопчатобумажные ткани – 365,7 тыс. пуд., юфть и выделанные кожи – 338,2 тыс. пуд., металл и изделия из него – 103,9 тыс. пуд., вывозили также сукно, галантерею, сахар, муку, табак. 48,3 % грузов шло через Кяхту, по 20,8 % через Кош-Агач на Алтае и Зайсанскую таможенную и 10,1 % через Урянхайский край.

Из Монголии в Россию ввозили шерсть, пушнину, живой скот, из Китая – чай и некоторые другие товары. Так, привоз шерсти в 1904–1908 гг. составлял в год до 200 тыс. пуд., пушнины (в основном шкурки сурка) в период с 1892 по 1907 г. от 6 до 17 тыс. пуд. Транзит чая шел через Кяхту, но снижался. Если в 1904 г. его было ввезено 1128,9 тыс. пуд., то в 1908 г. только 109,9 тыс. пуд.²

В 1911 г. начался новый этап в русско-монгольской торговле, связанный с национально-освободительным движением, изгнанием отсюда китайских чиновников и торговцев, подписанием 21 октября (3 ноября) 1912 г. русско-монгольского соглашения. Все это создавало для русских торговцев более благоприятные условия, чем раньше. В итоге ввоз в Монголию вырос с 1911 по 1914 г. с 2 до 4,4 млн руб., вывоз составлял 9–10 млн руб.³

Что касается торговли Сибири с Казахской степью, то здесь она выступала как посредник. Через Омск, Ишим и другие западносибирские города и ярмарки на юг везли текстиль и прочие промыш-

¹ Пронин В.И. Сибирь в составе... С. 47.

² Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. С. 163, 169, 170, 171, 175.

³ Там же. С. 185.

ленные товары. Оборот торговли с Казахской степью достигал в начале XX в. 75 млн руб.¹

Но в целом характер ввоза и вывоза отражал положение Сибири на российском и мировом рынке как аграрного района. Ввозились преимущественно промышленные изделия, а вывозились сырье и продукция сельского хозяйства. По образному высказыванию П. Головачева, «Сибирская дорога ... является для Сибири огромным насосом, выкачивающим из страны ее сырье»².

3.4. Экономическая политика государства в Сибири

Экономическая политика Российской империи в Сибири защищала финансовые интересы Кабинета Его Императорского Величества, Казны, дворян и российских фабрикантов.

Прежде всего, власть заботилась о доходах императора. Именно по этой причине она благоволила сибирским инородцам в их столкновениях с русскими крестьянами, ведь инородец нес ясак в Кабинет, а крестьянская подать шла в государственную казну. В судебных тяжбах за рыболовные и охотничьи угодья, земли, как правило, выигрывали инородцы. Законодательно запрещался въезд в инородческие стойбища торговцам до уплаты ясака. Однако в XIX в., по мере уменьшения доли ясака в общих доходах Кабинета, охранительная политика стала анахронизмом и сменилась политикой окрестывания инородцев, особенно на землях Кабинета, где часть податей платилась императору как собственнику земли. По этой же причине чиновники старались выдворить с сибирских земель кочевников, но как только они выказывали желание сесть на землю, преследование их прекращалось.

В интересах Кабинета всегда решались споры и о принадлежности угодий. Особыми правилами регулировалось пользование лесами. Императорскими указами от 1779, 1785, 1822, 1828 гг. запрещалось строительство «огнедействующих заводов» в Алтайском горном округе для сбережения лесов. Это запрещение вошло в Горный (1857 г.) и Лесной (1876 г.) уставы, обрекая на прозябание частную промышленность богатейшей части Сибири.

¹ *Сибирь* в составе Российской империи. М., 2007. С. 268.

² *Головачев П.* Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905. С. 343–344.

Земельная, миграционная политика правительства была нацелена на сохранение рабочей силы для российских помещиков. Не раз предпринимались попытки насаждения в Сибири помещичьих хозяйств, заканчивающиеся неудачей. Однако и после реформы 1861 г. Сибирь практически не знала других форм собственности на землю, кроме государственной и кабинетской. Лицам непривилегированных сословий сибирская земля в собственность не продавалась. Законопроект о введении крестьянской частной собственности в Сибирь так и не был принят. С целью увеличения доходности Казны, ограничения прав крестьян на пользование землей и лесами проводилось в Сибири лесоустройство, учет рыболовных угодий. Все угодья, которые не числились за крестьянскими или инородческими обществами, со второй половины XIX в. стали считаться казенно-оброчными статьями и сдаваться в аренду. В начале XIX в. лесной доход Казны в Сибири составил около 3 тыс. руб., в 1873 г. – 34 тыс. руб., в 1913 г. – 2,6 млн руб.¹ Правила лесопользования в Сибири соблюдались слабо, а законы об охоте на диких зверей на Сибирь не распространялись. В 1764 г. императрица Екатерина II наказала тобольскому губернатору Чичерину «позволить в Западной Сибири ловить и стрелять зверей во всякое время года». На этот наказ ссылались высшие власти в течение XIX в. при попытках местных властей регулировать охоту в Сибири, опасаясь нарушить права ясачных инородцев. Правительственные запретительные акты появлялись лишь тогда, когда становилось очевидным исчезновение вида какого-либо ценного зверя. В 1851 г. была запрещена охота на речных бобров, в 1898 г. – на маралов в Алтайском округе. Серьезный резонанс имел принятый по ходатайству Ирбитского ярмарочного комитета закон о запрете охоты на соболей и торговли шкурками на три года с 1 февраля 1913 г. по 1916 г. Он касался жизненных интересов населения многих районов Восточной Сибири и целой отрасли пушной промышленности и торговли.

Большие последствия для развития сибирской экономики имели государственные правила добычи полезных ископаемых. До начала XIX в. существовала монополия государства на добычу драгоценных металлов. 28 мая 1812 г. вышел указ «О предоставлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей». Первоначально права

¹ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 232–260.

на разработку руд драгоценных металлов были именными. Привилегии давались государевым указом дворянам и именитым купцам. По «Положению о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири» 1838 г. права на занятия золотым промыслом получили дворяне, купцы первой и второй гильдий. В 1862–1863 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. «Устав о золотопромышленности» 1870 г. разрешал добычу золота лицам всех сословий. С 1891 г. Государственному банку было разрешено кредитование крупных золотопромышленных компаний. Золото подлежало обязательной сдаче в Казну. Расчет производился Монетным двором в Санкт-Петербурге. С 1861 г. – также в Барнауле и Екатеринбурге. Дорогая доставка золота, длительность операций осложняли дело. Только с отменой в 1901 г. обязательной сдачи в Казну золото стало обычным товаром, были сняты все сословные ограничения на его добычу.

Государство облагало сибирских золотопромышленников значительно большим налогом, нежели уральских дворян-заводчиков. Горная подать составляла для Урала 10 % стоимости валовой добычи, для приисков Сибири она была установлена в 1828 г. в размере 15 %, а с 1840 г. – в 20–24 %, в Забайкалье – 30 %. В 1849 г. прииски в зависимости от размера добычи платили подать от 5 до 35 %, с 1854 г. – от 5 до 20 %, с 1858 г. – с 5 до 15 %. Доход Казны составлял 2–3 млн руб. ежегодно, Кабинета – до 600 тыс. руб. В 1881 г. горная подать была снижена до 10 %, но к ней добавилась плата по 10 руб. за каждую десятину золотоносной площади. В 1902 г. на казенных землях горная подать была заменена промысловым налогом, который был в два раза ниже прежней подати, но платился перед началом промыслового года. В целом государство через налоги отбирало до трети чистой прибыли у предпринимателей Сибири, у промышленников Урала – в два раза меньше. Близорукая дискриминационная политика Министерства финансов в отношении сибирских золотопромышленников вела к расхищению золота, сотни пудов золота уходили беспроцентно в Китай, а в период Первой мировой войны там активно действовали германские конторы по скупке контрабандного золота¹.

Тормозилось развитие промыслов и дороговизной техники. Российского горного оборудования было мало, и оно было ниже качест-

¹ Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832 – 1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 21–22, 42–46, 88–89, 175–176.

вом, нежели американское, английское, германское, новозеландское. Иностранные же машины облагались высокими пошлинами – от 30 до 50 % стоимости. Пошлины были отменены на 10 лет в 1898 г., что позволило увеличить число драг в России с 8 до 46. Далее число драг не менялось до 1917 г.

Тормозилось развитие горных промыслов и отсутствием дешевого кредита, инженерных и технических кадров, инфраструктуры, геологических исследований, о чем государство, получая миллионные доходы, не заботилось. Горные специалисты считали, что «вся история законодательства о золотопромышленности есть целый ряд стеснительных мер и ограничений в исключительных интересах Казны и отдельных привилегированных сословий».

Нужды сибирского населения всегда ставились на последнее место, если они не были связаны с интересами государства или российских предпринимателей. Показательна в этом отношении судьба беспошлинной торговли в устьях сибирских рек. После ряда безуспешных попыток англичане добрались по Северному морскому пути до Енисея, совершили в 1896–1897 гг. успешную торговую операцию в Енисейске и Красноярске, обменяв мануфактуру на хлеб, соль, шерсть, кожи, масло. Беспшлинная торговля после этого была отменена по требованию московских фабрикантов. «И все дело погибло, все операции были ликвидированы, а Сибирь по-прежнему осталась данницей московских толостосумов. И это называется государственной политикой!» – возмущался по этому поводу томский публицист А.В. Адрианов в 1912 г. Одной из главных целей деятельности сибирских депутатов в Государственной думе России было добиться порто-франко для устьев Оби и Енисея, снижение тарифов на железной дороге, чтобы создать условия для выгодной торговли хлебом, лесом, рыбой, то есть дешевым и громоздким сибирским товаром. Правительство неохотно шло на уступки, отменив челябинский «тарифный перелом» в 1911 г. и разрешив деятельность компании Й. Лида на Енисее.

В целом в отношениях государства с сибирскими предпринимателями можно выделить три периода.

Первый из них охватил XVII – первую четверть XVIII в., когда на территории Сибири был слаб контроль государства и освоение края шло преимущественно на основе частной инициативы промышленников, купцов, служилых и гулящих людей.

Второй этап занял отрезок времени со второй четверти XVIII по первую половину XIX в. Это время укрепления государственной власти в Сибири, в том числе и в экономике. Частнокапиталистическое предпринимательство было вытеснено из промышленности Казной, Кабинетом, дворянами. Кабинет сосредоточил в своих руках горное дело, Казна и дворяне – винокурение, сукноделие и солепромышленность.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуются взаимодействием государства и частного предпринимательства. Казенное и кабинетское предпринимательство было сокращено до минимума. Государство брало на себя наиболее капиталоемкие проекты, занимало экономические ниши, не обеспеченные частным капиталом, – лесопромышленность, строительство.

Для экспертов, при всех их профессиональных различиях, очевидно одно, что роль восточных районов страны в ее социально-экономическом развитии постоянно возрастает и что эта тенденция обозначилась давно. Вместе с тем продолжаются дискуссии о характере колонизации окраины, о роли государства в процессе изучения и освоения Северной Азии, о его результатах и перспективах¹.

Можно выделить четыре основных этапа освоения Северной Азии, которые формируются качественно различными процессами, шедшими последовательно в истории Русской Азии и наложившимися один на другой. Первый из них – военно-политическое присоединение территории, второй – промысловое освоение, третий – аграрное освоение, четвертый – индустриальное освоение. Соответственно, Сибирь и Дальний Восток, образующие Северную Азию, пережили три волны колонизации – промысловую, аграрную и индустриальную. Параллельно с этими волнами шло изучение обширной окраины и расширение культурно-образовательного пространства России в Северной Азии.

За 435 лет Русская Сибирь (Северная Азия) прошла три основных периода хозяйственного освоения: 1. XVII век – промыслово-аграрный; 2. XVIII век – 1950-е гг. – аграрно-промышленный; 1960 – 2016 гг. – индустриальный. Северная Азия в настоящее время нахо-

¹ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.; Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007. 328 с.

дится в состоянии социально-экономического кризиса, выход из которого связан с развитием топливно-энергетического, металлургического комплексов и наукоемкого производства¹.

Освоение и изучение Сибири шли преимущественно государственными усилиями, которые не исключают и существенной доли частной инициативы. Достаточно сказать, что завоевание Сибирского ханства было инициативой купцов Строгановых, закрепленной отрядами государевых служилых людей. В XVII в. Сибирь была в руках плохо управляемой вольницы из северорусских промышленников, гулящих людей, действовавших часто по своей инициативе отрядов служилых людей и казаков. Московская власть была условной и нередко оспаривалась этой вольницей, свидетельством чему были бунты в сибирских городах и острогах².

В веке XVIII власть укрепилась, взяла в свои руки управление гигантской территорией, в том числе и процессом ее изучения и хозяйственного освоения. Одним из первых государственных проектов освоения Сибири стала прокладка Сибирского тракта как дороги, действующей большую часть календарного года³. Первоначально это была верховая тропа летом и санный путь зимой, вдоль которого для обустройства селились крестьяне и который обслуживали государственные ямщики. В XIX в. Сибирский тракт был главной дорогой Сибири, основная часть грузов перевозилась зимниками, летом шли почты⁴. Организация перевозок крупными фирмами-доставщиками просуществовала до десятых годов XX в., более 10 лет конкурируя с железной дорогой⁵.

Крупнейшими частными предприятиями Сибири XVIII в. были предприятия цветной металлургии, построенные на Алтае Демидовыми и в Забайкалье Сибиряковыми. Эти успешные начинания были пресечены алчными российскими государями. При Елизавете Петровне были взяты «на Нас», т.е. забраны в собственность императрицы, Ко-

¹ *Зиновьев В.П.* Этапы хозяйственного освоения Северной Азии: демографический аспект // *Вестник Томского государственного университета.* 2016. № 413. С. 111–114. DOI: 10.17223/15617793/413/17.

² *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1982. С. 143–151.

³ *Андрющенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г., Коновалов П.С.* История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. С. 11–12.

⁴ *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008.

⁵ *Деловая элита старой Сибири. Исторические очерки /* А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко и др. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 115.

лывано-Воскресенские заводы, а в 1780–1790-е гг. уже другой императрицей – Екатериной II – зачислены формально в Казну рудники и заводы Сибиряковых, перешедшие затем в Кабинет Е.И.В.¹

Из первых промышленных проектов Казны стоит отметить строительство Тельминского и Тальцинского промышленных комплексов близ Иркутска для снабжения сибирских полков амуницией, оружием, оборудованием, строительными материалами. Проект оберкригсшталмейстера Новицкого предполагал строительство Тельминской фабрики на 6 тыс. рабочих рук. Не полностью построенный комплекс занимал 2,3 тыс. рабочих. Фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Азиатской России. Тальцинский комплекс имел стекольное, суконное, фаянсовое, фарфоровое и лесопильное производства².

Из крупнейших частных проектов XIX в. в Сибири необходимо назвать деятельность золотоискателей, которые в 1830–1850-е гг. вывели Россию в ведущие страны мира по добыче этого драгоценного металла. Главную роль здесь играли уральские и сибирские винные откупщики, бросившие свои капиталы на новое дело (Поповы, Баснины, Базилевские, Рязановы, Баландины, Голубковы, Кузнецовы, Мясниковы, Асташевы, Сосулины, Бенардаки, Поклевские-Козелл и т.д.) и Кабинет Е.И.В. Казенная золотопромышленность на основе каторжного труда не прижилась в Сибири³. Накопленные на золотом промысле капиталы часть удачливых золотопромышленников и торговцев вложила в развитие пароходства (Н.Ф. Мясников, А.Ф. Поклевский-Козелл, Сибиряковы, Базановы, М.А. Сидоров). Затраты первопроходцев были невероятно высоки и исчислялись сотнями тысяч дорогих тогда рублей и не всегда окупались. Разорились Поповы, Базилевские, Мясниковы, Сидоров и др., однако новые отрасли развивались другими предпринимателями и в итоге становились ведущими в экономике региона.

¹ Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. С. 246–261; Гаврилова Н.И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск, 2017. С. 12–15.

² Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 22–26.

³ Разгон В.Н. Сибирское купечество ... С. 488–500.

Грандиозным следует считать проект Российско-Американской компании (1799–1871 гг.), начатый иркутскими купцами Г. Шелиховым, И. Голиковым, камергером Н. Резановым, каргапольским купцом А. Барановым и др., направленный на эксплуатацию пушных богатств Северной Америки и Дальнего Востока России. Впоследствии РАК фактически контролировалась государством. После хищнического уничтожения пушных и морских зверей компания стала убыточной и её ликвидировали после продажи Аляски в 1867 г. США. От заморских владений пришлось отказаться в пользу более доступного Дальнего Востока. На захват и удержание американских владений ни сил, ни средств у сухопутной державы не было¹.

Сибирский тракт сменила Транссибирская железная дорога – новый государственный проект, значение которого трудно переоценить. Он имел первоначально стратегическую цель закрепления за Россией Дальнего Востока, что удалось не полностью. Одноколейная железная дорога не справилась с перевозками в период Русско-японской войны, вследствие чего была не только проиграна война, но и безвозвратно потеряна Маньчжурия. С проведением к 1911 г. второй колеи и Амурской железной дороги связь с Дальним Востоком значительно укрепилась, дорога стала рентабельной за счет перевозки пассажиров и грузов, поставлявшихся к главной магистрали по рекам на пароходах и по южным веткам, уходящим в хлебородные и горнопромышленные районы Сибири².

Наибольший вклад в изучение и освоение природных ресурсов Азиатской России сделал Комитет Сибирской железной дороги, действовавший с 1892 по 1905 г. Он фактически был высшим государственным органом по выработке правительственной политики по освоению Сибири. Строительство железных дорог сопровождалось изучением районов их тяготения – исследованием недр, лесов, земель, водных ресурсов. Для формирования единой транспортной сети по поручению КСЖД описаны реки, оз. Байкал и морской путь к устьям Оби и Енисея³. КСЖД организовал также переселение в Сибирь крестьян.

¹ Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1971 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013. С. 581–585.

² Зиновьев В.П. Индустриальные кадры ... С. 46.

³ Ремнев А.В., Ус Л.Б. Комитет Сибирской железной дороги // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К.–Р., Новосибирск, 2009. С. 115.

Отказ от американских владений, угрозы английского вторжения в Северную Азию удвоили усилия России, направленные на освоение Дальнего Востока. В конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. были организованы две экспедиции для поиска устья Амура – морская капитан-лейтенанта Г.И. Невельского и сухопутная подполковника Н.Х. Агте. Про первую знают все, про вторую – только специалисты геологии, геодезии и картографии и немногие историки. Она была секретной, поскольку изучать приходилось формально китайскую территорию. В результате экспедиции Агте было выявлено направление течения Амура и к России присоединено 4 млн кв. верст¹, в результате экспедиции Г.И. Невельского найден путь к устью Амура, исследованы Татарский пролив, южная часть Охотского моря². Благодаря энергии генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева граница прошла по Амуру, значительно южнее черты, определенной Нерчинским трактатом, а затем присоединен Уссурийский край. Россия получила порты в Японском море.

Геополитическое значение имел проект переселения крестьян в Сибирь в рамках реформ П.А. Столыпина, вне зависимости от желания премьер-министра ослабить социальную напряженность в Европейской России и спасти монархию. Цели столыпинских реформ не были достигнуты, а побочный результат – переселение 3 млн крестьян – оказался наиболее существенным³. Сибирские крестьяне выбрали свой путь модернизации аграрного производства – через кооперацию, создали наиболее крупные сельскохозяйственные монополии России – Союз сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) и Союз сибирских маслодельческих артелей.

К неудачным казенным проектам освоения Сибири в XIX в. стоит отнести строительство Обь-Енисейского соединительного пути,

¹ *Зиновьев В.П.* К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 56–60.

² *Пономарев С.А.* Книга об адмирале Невельском. Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. 148 с.

³ *Зиновьев В.П.* Петр Аркадьевич Столыпин в контексте российской истории и политики // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 29–30; *Зиновьев В.П., Федорова Н.А.* Переселение // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. С. 433–437.

который практически оказался бесполезной тратой средств и труда¹, и попытку реконструкции Чуйского тракта в начале XX в.²

Проекты советского времени изучены хорошо, прежде всего, учеными Института истории СО РАН³. Судя по исследованиям историков, дореволюционное и советское время не были разделены непреодолимым забором в процессе хозяйственного освоения Сибири. Начатое до революции продолжалось после нее – переселение крестьян, проект Кузнецкого металлургического и каменноугольного комплекса, разработка других известных месторождений и поиск новых, строительство железных дорог, ставка на маслоделие и кооперацию в сельском хозяйстве.

Местным капиталистам во взаимодействии государства и частных предпринимателей отводились третьи роли, лидирующие позиции захватывали, как правило, предприниматели из Европейской России. В советское время при освоении Северной Азии также прежде всего учитывались общегосударственные интересы.

¹ *Агеев И.А.* История Обь-Енисейского соединительного водного пути: дис.... канд. ист. наук. Томск, 2012. 215 с.

² *Подрезов М.В.* История Чуйского тракта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. С. 16.

³ *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Параллель, 2007. 287 с.; *Траектории* проектов в высоких широтах. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.; *Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.)* / отв. ред. А.И. Тимошенко. Новосибирск, 2013. 382 с.; *Проекты освоения и развития Сибири в XX веке.* Новосибирск, 2013. 235 с.; *Долголюк А.А., Исаев В.И., Куперитох Н.А. и др.* Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. 240 с.; *Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др.* Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

Глава 4

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ (С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов)

4.1. Начало научного изучения Северной Азии: академические и ведомственные экспедиции; Императорское Русское географическое общество и его отделы и подотделы; научные общества и музеи

Начало изучению Азиатской России было положено русскими людьми, которые еще до похода Ермака бывали здесь преимущественно с целью торговли с коренными жителями. Первые завоеватели одновременно и собирали сведения о новых землях. Таким образом, первые знания о громадной территории за Уральскими горами поставляли казаки, служилые люди, промышленники, купцы и крестьяне, которые раньше ученых путешественников проникали в далекие уголки и открывали туда «путь людям науки и знания, обычно шедшим уже по следам бывалых местных людей»¹.

На основании сведений, собранных «первобытным путем», уже к XVII в. Сибирь была описана не только в сибирской летописи, но и в «Книге Большому чертежу» – первой русской книге об Азиатской России. В XVII столетии новые знания о Сибири были добыты в ходе походов казаков Пояркова и Хабарова (1643–1650 гг.). Почти в то же время казак Семен Дежнев достиг впервые крайней северо-восточной оконечности Азии. В конце того же века устюжский крестьянин, а затем якутский казак Атласов присоединил к России Камчатку.

¹ *Азиатская Россия*. СПб., 1914. Т. 2: Земля и хозяйство. С. 617.

Землепроходцы одновременно проявили себя знатоками местной фауны и флоры, полезных ископаемых, стремясь отразить свои открытия на географических чертежах. По заданию Сибирского приказа в конце XVII в. стали составляться «чертежи на холстине» воеводств. Наиболее известной является «Чертежная книга» С.У. Ремезова, законченная в 1701 г.

Важные сведения о Сибири попутно собирались военными людьми, чинами различных правительственных учреждений при исполнении ими своих обязанностей (например, И. Петлин, И. Милованов, Н. Спафарий и др.). Свой вклад в изучение этого края внесли и иностранцы (Ю. Крижанич, Н.К. Витсен и др.). Однако вплоть до 1720-х гг. говорить о каком-либо научном изучении Сибири не приходится. Знание и наука, по словам Н.М. Ядринцева, совсем «не принимали участия в открытиях России на Востоке». «Открытие Сибири и знакомство русских с Азией, – писал он, – далеко не походило на открытие Америки, ни по своим побуждениям, ни по своим последствиям. Если открытие Америки было плодом пытливого знания, если оно сопровождалось переворотом в промышленности, дало толчок европейскому прогрессу и оказало влияние на всю мировую цивилизацию, то открытия русских в Азии имели сравнительно ничтожное значение и оказали слабое влияние по отношению к России»¹.

Интеллектуальные силы и знания во время покорения Сибири были откровенно слабы, чтобы принимать участие в освоении этого обширного региона. «Сибирская природа, или естественная экономия, – писал А.А. Щапов, – возбудила, с одной стороны, в русских умах естествопопознавательную любознательность и промышленную пытливость, а с другой стороны, обнаружила умственное бессилие русского народа в борьбе с природой и в пользовании ее произведениями. Русским не доставало, во-первых, основательного изучения и знания естественных и антропологических наук, во-вторых, призыва на помощь слабосильным, неразвитым русским умам могучих и несравненно более развитых умов европейских. Открытие новой громадной области, как Сибирь, возбудив русские умы, в то же время как нельзя более ясно обнаружило и умственную импотенцию русского народа»².

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892. С. 548.

² Щапов А.П. Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1907 гг. Иркутск, 1937. С. 195.

Присоединив вначале огромную территорию, русские лишь постепенно начали осознавать значимость приобретений на востоке страны. Только в XVIII в. с появлением в Сибири образованных людей и путешественников стало отчетливее вырисовываться значение и ценность этого приобретения.

В 1718 г. царь Петр I своим указом послал в Сибирь известного натуралиста Д.-Г. Мессершмидта, приглашенного из Германии, которому, как говорилось в данной ему инструкции, было поручено собирать «всякие раритеты и аптекарские вещи». Правда, этот ученый возвратился в Петербург в 1729 г. уже после смерти Петра Великого, привезя из Сибири разные предметы по естествознанию и археологии, а также обширные материалы по географии, зоологии, ботанике и т. п.

С созданием Императорской Академии наук (1725 г.) на средства, выделенные правительством, был снаряжен ряд экспедиций, сыгравших важнейшую роль в открытиях на востоке. Среди них следует отметить первую (1725–1730 гг.) и вторую Камчатскую, или Великую северную (1733–1743 гг.), Сибирские экспедиции, которыми руководил Витус Беринг.

Академический отряд второй Камчатской экспедиции, в состав которого вошли И.Г. Гмелин (старший), Г.Ф. Миллер, Г.В. Штеллер, С. Крашенинников, Делиль-де-ля Кроер, занимался изучением внутренних областей Сибири в историческом, географическом, этнографическом и естественном отношениях. Миллер за свои труды был назван отцом сибирской истории¹.

Академические экспедиции дали возможность совершить подлинный переворот в изучении Сибири. В ходе их были накоплены, а затем обобщены знания в самых различных областях науки: геологии, географии, зоологии, ботанике, этнографии, археологии и истории. Однако это изучение не носило системного характера. Собранные приезжавшими в Сибирь учеными коллекции и документы в конечном счете оказывались в Петербурге или за границей.

В то же время эти экспедиции дорого обходились Казне. Так, только на вторую академическую экспедицию потребовалось порядка 300 тыс. руб. По тому времени это были громадные деньги. Достаточно сказать, что в 1724 г. все доходы Российского государства составили 8,5 млн руб.

¹ *Азиатская Россия*. Т. 2. СПб., 1914. С. 621; *Греков В.И.* Очерки по истории русских географических исследований в 1725–65 гг. М., 1960.

Тяжелым бременем эти экспедиции, особенно вторая академическая, легли и на плечи местного населения. Сибирский историк П.А. Словцов писал: «Другой, экспедиции столь огромной, столь торжественной, донныне не бывало через всю Сибирь, и дай бог, чтобы из сострадания к краю бедному впредь никогда не слышать знаменитости столь разорительной. 4 раза надлежало экспедиции садиться на воды, 4 раза выходить со всеми грузами на сушу, с угнетением жителей при каждой перемене. Сколько артиллерийских снарядов и орудий, сколько корабельных тяжестей, сколько тысяч пудов провианта надлежало якутам перевести от Юдомского креста до Охотска! – Какие изнурения, какие уроны в лошадях терпели якуты от перевозки тяжестей, начиная от открытия Камчатки. Но бережливее ли поступали с жителями Сибири профессора-немцы? В марте 1735 г. Гмелин с Миллером, отправляясь из Иркутска за Байкал налегке, как сам пишет, не довольствовался 37 лошадьми, провинциальной канцелярией назначенными, ни прибавленным числом, а велел насильно на базаре отнять, сколько хотел, а с Голоустной станции поехал на 150 лошадях? Что ж подумать о поезде морских чинов?»¹.

Работы академических экспедиций, правда, уже не такие масштабные, как первая и вторая, продолжались и во второй половине XVIII в., когда было положено начало более детальному и углубленному изучению территории Урала, Приуралья, Среднего и Нижнего Поволжья, Западной Сибири. В этих целях весной 1768 г. Академия наук сформировала пять так называемых «физических» экспедиций. Три из них, исходя из своих основных баз, получили название оренбургских, две – астраханских.

Важную роль в изучении Западной Сибири в эти годы сыграли руководители оренбургских экспедиций (отрядов) академики П.С. Паллас, И.И. Лепехин и профессор И.П. Фальк. Фальку, страдавшему ипохондрией и поэтому часто впадавшему в депрессию, в помощники и одновременно врачом был назначен И.И. Георги. Сопровождавший Палласа студент Академического университета В.Ф. Зуев совершил ряд самостоятельных поездок², в том числе к устью Оби и на побережье Северного Ледовитого океана, где занимался изучением быта и культуры остяков (ханты) и ненцев. Благо-

¹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 255–256.

² Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд. М.; Л., 1949. С. 430–432.

даря этим исследователям было продолжено изучение Сибири, а материалы, собранные ими во время пребывания в Сибири: зоологические, ботанические и минералогические коллекции, представили большую ценность для науки. Они были обработаны отчасти ими самими, отчасти другими специалистами, иногда спустя десятки лет после путешествий. Некоторые из собранных ими коллекций не сохранились, так как погибли еще во время путешествия или позднее в результате небрежного хранения.

Тем не менее научные результаты этих экспедиций, особенно Второй Камчатской экспедиции, длительное время служили основным источником сведений об огромных азиатских землях и о севере Тихого океана. Исключительную ценность представляли собою 60 карт, оставленных их участниками. Они использовались при создании сводных карт сибирских и дальневосточных берегов. Наряду с этим впервые были получены систематические научные данные о громадных территориях от Урала до тихоокеанских берегов Северной Америки, ранее неизвестных отечественному и мировому сообществу ученых.

В Сибирь, кроме Академии наук, направлялись также экспедиции по инициативе и на средства как Сената, так и отдельных коллегий. Например, на средства медицинской коллегии (впоследствии Медико-хирургическая, затем – Военно-медицинская академия) была снаряжена экспедиция во главе с иркутским аптекарем И. Сиверсом (с 1795 г. член-корреспондент Императорской академии наук). Участники экспедиции в 1790–1792 гг. посетили Забайкалье, Енисейскую губернию, Семипалатинскую область, а в 1793 г. проникли в Ала-кульскую долину с целью изучения местной флоры. Большое значение в изучении Сибири сыграла Северо-Восточная экспедиция И. Биллингса (1785–1793 гг.), организованная Сенатом.

Крупные экспедиции, кроме Академии наук, предпринимало в XVIII в. и морское ведомство. Они занимались съемкой и описанием берегов Сибири, а также изучением северной части Тихого океана между Азией и Америкой с берегами последней и промежуточными островами. Это экспедиции Беринга, Чирикова, Шпанберга, Кошелева, Лаптевых, Лассениуса, Малыгина, Муравьева, Овцына, Павлова, Прончищева, Скуратова, Челюскина, Креницына, Левашева, Биллингса, Галла, Беринга (внука), Сарычева и др.¹

¹ *История Сибири*. Т. 2.: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. С. 344, 345, 351, 352 и др.

В конце XVIII в. результаты экспедиционной деятельности стали давать практический «урожай». В 1799 г. предприимчивыми купцами была основана Русско-Американская компания, располагавшая огромными средствами. Ею при содействии правительства был организован ряд экспедиций, одной из которых была кругосветная экспедиция во главе с Крузенштерном и Лисянским (1803–1806 гг.)¹

В целом же экспедиционная деятельность в Сибири, в том числе академическая, в конце XVIII – первой половине XIX в. имела гораздо меньшие масштабы и более низкую динамику, чем в первой половине XVIII в. Внешнеполитическая ситуация на европейской политической арене, а здесь Россия претендовала на роль великой державы, не способствовала организации комплексных, междисциплинарных экспедиционных исследований. К тому же не хватало и средств на эти цели. Поэтому правительство в первую очередь интересовало поиски золота, серебра, меди и железа. Начавшаяся в 1830-х гг. в Сибири «золотая лихорадка» вызвала повышение интереса к изучению геологии Сибири, ее полезных ископаемых.

Особое внимание в то время привлек Алтай, который стал важным районом изучения в географическом и в особенности геологическом отношении. Именно здесь получила развитие горнорудная промышленность. Уже в конце XVIII в. Алтай становится крупным поставщиком железа и особенно цветных и благородных металлов.

Горное ведомство направляет на Алтай несколько больших экспедиций. Они преследовали решение не только практических, но и теоретических задач, связанных главным образом с развитием горного дела в Сибири. Это экспедиции А. Гумбольдта и Г. Розе, Э.К. Гофмана, Г.П. Гельмерсена, Кошта. К этому надо добавить поездки ботаников Ледебера на Алтай, Н.С. Турчанинова в Даурию, Радде в Забайкалье. Что касается севера Сибири, то надо назвать экспедиции Эрмана, Финша и др.²

Особенно следует отметить экспедицию с участием немецкого натуралиста А. Гумбольдта. Он был приглашен в Россию в 1828 г. Николаем I для обследования Урала и Западной Сибири. В 1829 г. Гумбольдт объехал Урал, побывал в Тобольске, Омске, Барнауле, а

¹ *Ермолаев А.Н.* Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799-1871 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013. 620 с.

² *Алтай* в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / [сост. В.А. Скубневский и др.; ред. В.А. Скубневский (отв. ред. и др.)] Барнаул: А.Р.Т., 2005. Т. 1. 445 с.; Там же. Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2005. Т. 2. 503 с.; *То же*. Барнаул : АКУНБ, 2005. Т. 3. 2009. 495 с.; 2014. Т. 4. 511 с.

затем направился к Каспийскому морю. Во время пребывания на Алтае он и его спутники вели магнитные измерения, занимались астрономическим определением мест, зоологическими и географическими исследованиями. Для встречи знаменитого ученого на места были отпущены деньги, чтобы он ни в чем не нуждался¹.

Следует также отметить исследования русского естествоиспытателя и путешественника А.Ф. Миддендорфа, предпринявшего поездку в 1842–1845 гг. по Сибири, в ходе которой он собрал обширные зоологические и ботанические коллекции. Им был также написан «Очерк флоры Сибири». Интерес для науки представляли его исследования по физической географии Сибири². Следует также назвать экспедиции П.А. Чихачева (1842 г.) и Г.Е. Щуровского (1884 г.) на Алтай для изучения полезных ископаемых³.

Петербургская академия наук после экспедиции Миддендорфа стала обращать особое внимание на изучение севера Сибири, направив туда последовательно несколько экспедиций (Шмидта, Черского, Толя, Герца и Воллосовича) и поставив им целью разыскание обнаруженных там останков мамонта. Наряду с этим участники этих и других экспедиций занимались изучением обширной территории на севере Сибири.

В самой же Сибири основными очагами более или менее постоянной исследовательской деятельности до открытия Томского университета были немногочисленные научные общества. Сама мысль о всестороннем ее изучении с помощью создаваемых непосредственно здесь ученых обществ не раз зарождалась в умах образованных сибиряков. Однако, как писала газета «Сибирский вестник», «отсутствие инициативы, а главное – отсутствие в прежнее время сведущих, преданных науке людей и многое другое, делали невозможным в этом отношении всякое начало, всякое желание единичных личностей, если и являлись таковые»⁴.

Одна из первых попыток организовать научное общество в Сибири была предпринята еще в 1823 г. Тогда по инициативе первого енисейского губернатора А.П. Степанова, участника Отечественной войны 1812 г., высокообразованного чиновника и литератора, по-

¹ Есаков В.А. Александр Гумбольдт в России. М., 1960. С. 65; *Он же*. Российский академик Александр Гумбольдт // Вестник РАН. 2002. Т. 72, № 7. С. 638–645.

² *История изучения Азиатской России* // Азиатская Россия. Т. 2: Земля и хозяйство. СПб., 1914. С. 617–624.

³ Есаков В.А. География в России в XIX – начале XX века. М., 1978. С. 125.

⁴ *Сибирский вестник*. 1889. 21 нояб.

четного члена Императорского общества испытателей природы и члена Московского общества сельского хозяйства¹ и, возможно, не без некоторого влияния М.М. Сперанского, покинувшего к тому времени Сибирь, предполагалось основать ученое общество в Красноярске под названием «Беседы о Енисейском крае». Был даже разработан и направлен в Министерство народного просвещения проект, получивший одобрение Кабинета министров. Однако Николай I, которому представили его на утверждение, опасался под влиянием недавнего восстания декабристов каких-либо обществ вообще. Он наложил на журнале в 1827 г. следующую резолюцию: «Я никакой пользы в сем обществе не вижу, и потому на оное не согласен. Будут другие способы надежнее и вернее для достижения истинной пользы»².

Освоение Дальнего Востока потребовало более точных знаний о географии отдаленной окраины. Присоединению Приамурья и Приморья предшествовали секретная Забайкальская экспедиция Н.Х. Агте³ и знаменитая морская экспедиция Г.И. Невельского⁴.

По мере появления в сибирских городах все большего числа людей с высшим образованием и все увеличивавшегося интереса к изучению природы и населения этого обширного края потребность в научных объединениях стала возрастать.

Решительный шаг в этом направлении был сделан в начале 1850-х гг., когда в Иркутске, в то время интеллектуальном центре Сибири, по инициативе вице-председателя Императорского Русского географического общества М.Н. Муравьева в 1851 г. открылся Сибирский отдел этого общества с ежегодной субсидией в 2000 руб.⁵ Отдел возглавил тогдашний иркутский губернатор К.К. Венцель, а правителем дел стал Ю.И. Штубендорф. После отъезда последнего из Иркутска на его место был избран И.С. Сельский. По инициативе Сибирского отдела было проведено немало экскурсий и экспедиций, направленных главным

¹ *Енисейские губернские ведомости*. 1893. № 27.

² Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. С. 143.

³ Зиновьев В.П. К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. Январь. № 366. С. 56–60.

⁴ Пономарев С. Книга об адмирале Невельском. Южно-Сахалинск, 2015. 145 с.

⁵ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 1, отделы 1, 2 и 3. СПб., 1896. С. 65–66.

образом на изучение Восточной Сибири. Одной из первых крупных экспедиций этого отдела была экспедиция натуралиста Р.К. Маака и офицера-топографа Зандгагена на р. Вильой в 1853 г. В составе последнего было четыре отделения: географии математической, географии физической, этнографии и статистики. В обязанность Сибирского отдела входила также организация библиотеки, «депо местных карт», статистического архива и этнографического музея¹.

С 1868 г. в Омске существовало Общество для исследования Западной Сибири, которое, согласно уставу, ставило своей целью «собрать, обрабатывать и распространять географические, этнографические, исторические и естественно-исторические сведения о Западной Сибири»². В числе его членов-учредителей были И.Я. Словцов (секретарь), П.А. Золотов, А.И. Сулоцкий, Ф.Л. Чернавин. Почетным председателем этого общества стал генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов. Однако, по словам В.Ф. Семенова, Общество исследователей Западной Сибири «почти бесследно просуществовало около десяти лет, печатных трудов не оставило»³.

Н.М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония» приводит сведения лишь об одном заседании этого общества. Судя по всему, общество не нашло поддержки в среде местной интеллигенции и чиновничества. Члены этого общества в 1878 г. вошли в состав Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, который был открыт в 1877 г. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова. В своей докладной записке на имя председателя Императорского Русского географического общества, великого князя Константина Николаевича, он ходатайствовал об учреждении в Омске отдела Географического общества под названием «Западно-Сибирского». При этом генерал-губернатор ссылался на то, что Сибирский отдел в Иркутске посвятил свою деятельность исключительно изучению Восточной Сибири. В то время, писал он, «раскинутая на громадном пространстве Западная Сибирь, вследствие ее географического положения и раз-

¹ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 1, отделы 1, 2 и 3. СПб., 1896.. С. 66.

² Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1868. Ноябрь. С. 10.

³ Семенов В.Ф. Очерк 50-летней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927. С. 3–4.

ноплеменности обитателей, представляет во всех отношениях много различных, совершенно своеобразных явлений, изучение которых, кроме общего интереса, важно для местной администрации при решении возникающих, иногда весьма существенных, практических вопросов по управлению края»¹.

После рассмотрения ходатайства в совете Географического общества проект «Положения о Западно-Сибирском отделе ИРГО» был направлен в Министерство внутренних дел. 10 мая 1877 г. Госсовет разрешил Императорскому Географическому обществу открыть в своем составе особый отдел под названием Западно-Сибирского с выделением последнему ежегодно 2 тыс. руб. 30 июня 1877 г., на состоявшемся в Омске 30 июня того же года собрании действительных членов Географического общества И.Ф. Бобкова, В.Ф. Ильинского, Г.Е. Катанаева, А.П. Куртукова, М.В. Певцова, И.Я. Словцова, А.И. Сулоцкого и вступившего в члены-сотрудники Ф.Л. Чернавина, Н.Г. Казнаков объявил об открытии отдела. Его председателем был единогласно избран начальник штаба Западно-Сибирского военного округа И.Ф. Бобков, правителем дел – служивший в том же штабе М.В. Певцов². Оба отдела внесли значительный вклад в изучение Сибири³.

Видные представители этих отделов – М.А. Кроль, В.Г. Богораз, В.И. Вагин, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, Н.М. Мартянов и другие – много сделали для изучения истории народов Сибири, ее природы⁴.

Впоследствии образовались и подотделы: Красноярский, Троицкосавско-Кяхтинский, Алтайский, Семипалатинский и др. В результате Сибирь оказалась как бы поделенной на области исследования. Отделы и подотделы дали возможность местным исследователям не

¹ *Летопись* Западно-Сибирского географического отдела (1877–1902 гг.) // Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 1.

² *Юбилейный сборник* Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 2.; *Семенов В.Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927. С. 19; *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 84.

³ Подробнее см.: *Семенов В.Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927.

⁴ *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1892. Ч. 1-я, отделы 1, 2 и 3. СПб., 1896. С. 187–263; Ч. 2-я, отдел 4. СПб., 1896. С. 490–492; Ч. 3, отдел 5. СПб., 1896. С. 1024–1054.

только вести наблюдения, но и обмениваться мнениями, публиковать результаты своих исследований. Устройство же музеев в городах, где располагались отделы и подотделы, вело к накоплению интересного материала по Сибири, что значительно облегчало приезжавшим путешественникам первоначальное знакомство с Сибирью. Правда, нередко эти материалы безвозвратно погибали в результате пожаров, как, например, это произошло с Иркутским музеем во время крупного пожара 1879 г.

Продолжили свою деятельность Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский и Приамурский отделы ИРГО, а также их подотделы в Красноярске, Барнауле (открыт в 1902 г. на базе Общества любителей исследования Алтая, созданного в 1891 г.), Троицко-Савске и Чите¹. В целом Русское географическое общество и его отделы на местах оказывали огромное культурное влияние, активно содействуя не только изучению Сибири, но и основанию здесь научных обществ, музеев и библиотек.

К этому надо добавить Томское общество изучения Сибири, организованное в 1909 г., которое имело своей целью «собрание, разработку и распространение естественнонаучных, исторических, экономических, юридических, географических и др. сведений о Сибири и прилегающих к ней странах»², а также отделения в ряде городов Сибири учрежденного в 1908 г. в Петербурге по инициативе сибирской парламентской группы в Государственной думе Общества изучения Сибири и улучшения ее быта³.

¹ О деятельности отделов и отделений Русского географического общества в Азиатской России подробнее см.: *Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Русского Географического общества*. Иркутск, 1876. 44 с.; *Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет, 1851–1926*: Юбил. сб. Иркутск, 1926. 143 с. *Семенов В.Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического Общества // *Записки Западно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества*. 1877–1927. Т. 39: Юбилейный. Омск, 1927. С. 3–78; *Ивлев С.В.* Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества и общественно-политическая жизнь Сибири (1877–1907) // *Социально-политическое развитие Сибири XIX в.* Новосибирск, 1982. С. 139–147; и др.

² Подробнее об этом обществе см.: *Некрялов С.А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 155–172.

³ *Шиловский М.В.* «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» и его роль в развитии науки и культуры Сибири начала XX века // *Роль науки в освоении восточных районов страны: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. (17–19 нояб. 1992 г.)*. Новосибирск, 1992. С. 37–39; *Он же.* «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта». 1908–1917 гг. // *Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 242–249; *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири. Барнаул, 2002. С. 155.

В конце первого десятилетия XX века началась реализация еще одного масштабного проекта по колонизации Сибири: Столыпинской аграрной реформы. Переселенческим управлением, а также Отделом земельных улучшений был организован ряд научных исследований на территории Сибири в целях улучшения ее колонизации. Прежде всего, речь идет о почвенно-ботанических экспедициях Переселенческого управления, предпринятых в 1908–1914 гг. Только в 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия организовало 13 почвенно-ботанических экспедиций в разные местности Зауралья. Стоимость каждой экспедиции исчислялось в среднем в 17300 руб.88 коп.¹

Их целью было изучение природных условий отдельных местностей и выяснение возможности их колонизации. Они проводились силами специалистов – почвоведов и ботаников, сотрудниками членами Докучаевского почвенного комитета, а велись они под общим руководством профессора К.Д. Глинки. Ботаническими исследованиями до 1910 г. заведовал А.Ф. Флеров, а затем Б.А. Федченко

В результате было составлено представление о распределении почв и приуроченных к ним растительных сообществ. Собранные экспедициями ботанические коллекции позволили приступить к изданию определителя растений «Флора Азиатской России». В 1914 г. почвенно-ботанические исследования охватили площадь в 120 млн десятин, из которых до трети могли быть вполне пригодными для ведения сельского хозяйства. Одновременно в местах будущего переселения, особенно в степной части Южной Сибири, велись поиски источников воды.

К научным обществам, действовавшим в восточных районах России, можно отнести и общества врачей. Медицинские общества в России, а они стали возникать в 1860-х гг., преследовали как практические, так и научные цели. Если первые заключались в развитии коллегальности, в повышении моральной, а иногда и материальной солидарности, то вторые реализовывались в докладах по различным отраслям медицины, которые делались на периодически устраиваемых заседаниях этих обществ.

Целью медицинских обществ в Сибири, в первую очередь, было «изучение врачебного дела и санитарных вопросов»². В 1863 г. было основано в Иркутске Общество врачей Восточной Сибири, в

¹ Сибирская жизнь. 1911. 1 марта.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония ... С. 647.

которое в 1889 г. входило 72 члена. В 1864 г. в Тобольске организуется Физико-медицинское общество, объединявшее в первое время 11 человек. У общества имелась небольшая библиотека, скомплектованная в основном из книг по медицине и специальных периодических изданий. На заседаниях общества разбирались различные казусы из медицинской практики¹. С 1888 г. начало свою деятельность Омское медицинское общество, а с 1886 г. – Общество врачей Енисейской губернии. К ним надо добавить еще и Общество морских врачей во Владивостоке.

В то же время наблюдалось сокращение научной работы бывшего Кабинетского ведомства – управления Алтайского и Нерчинского горных округов, что во многом объяснялось падением производительности рудников и заводов из-за отмены крепостного права и обязательного труда населения, приписанного к рудникам и заводам, а также истощением запасов богатых и легко обрабатываемых руд.

4.2. Изучение макрорегиона в связи со строительством Транссибирской магистрали

Период с конца 1880-х гг. и до 1917 г., по словам В.А. Обручева, «характеризуется крупными и многолетними исследованиями, организованными на государственные средства и предпринятые в связи с постройкой железной дороги через всю Сибирь и проектированием дополнительных направлений, изучением золотоносных районов, пространств, пригодных для колонизации, судоходных рек, месторождением полезных ископаемых. По сравнению с этими работами экспедиции, организованные Академией наук, Географическим обществом и его сибирскими отделами, доставлявшие главные научные материалы в предшествующем периоде и характеризовавшие его, отходят на второй план, хотя к ним присоединяются еще экспедиции и исследования, предпринятые на средства частных промыш-

¹ *Валитов А.А.* Тобольское физико-медицинское общество // Материалы XXXV регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов «Менделеевские чтения-2004». Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2004. С. 75–78; *Алисов Д.А.* Инфраструктура города Тобольска во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] – URL : http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/2_99/04_ALIS.htm (дата обращения: 12.05.2009.).

ленных обществ и лиц и на средства возникших в этом периоде сибирских высших учебных заведений»¹.

В ходе реализации грандиозного проекта, связанного с сооружением Транссибирской железной дороги в конце XIX в., имели место сложности реализации последнего не только из-за разнообразия рельефа местности, но и плохой изученности территории, по которой должен быть проложен железнодорожный путь. Поэтому прежде чем начинать строительство, требовалось всестороннее изучение самого края.

Уже на стадии обсуждения технической стороны этого грандиозного проекта в Русском техническом обществе в нем приняли участие видные отечественные ученые: А.А. Тилло, И.В. Мушкетов, А.И. Воейков, Н.А. Белелюбский и др. Были детально рассмотрены геологические и климатические условия, в которых предстояло вести строительство.

В дальнейшем С.Ю. Витте была предложена идея создания так называемых вспомогательных предприятий для облегчения строительства и последующей эксплуатации магистрали. Они включали проведение топографических и гидрографических исследований; работы по улучшению судоходства на сибирских водных путях; переселенческое дело, направленное, кроме прочего, на интенсификацию хозяйства в придорожной зоне; «духовное приложение» к переселенчеству – устройство школ и церквей; сооружение подъездных путей к главной магистрали и коммерческого порта во Владивостоке; развитие и всемерное поощрение частного горнозаводства; усиление золотопромышленности; составление надежных карт; проведение экономико-статистических работ и др.

Осуществлением плана строительства Транссиба руководил Учрежденный указом царя в декабре 1892 г. особый Комитет Сибирской железной дороги во главе с наследником престола цесаревичем Николаем Александровичем, а его вице-председателем был назначен Н.Х. Бунге.

Комитет Сибирской железной дороги занимался руководством как самой постройки магистрали и ее ветвей, так и всеми вспомогательными предприятиями. В его ведении находилось распоряжение финансами, отпущенными на строительство. Все решения Комитета

¹ Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917). (Систематических государственных исследований). М.;Л.: Изд-во АН, 1937. С. 6.

дороги утверждались царем, получая силу законов, а затем исполнялись через разветвленную сеть ведомств. При нем был создан специальный фонд вспомогательных предприятий, из которого и финансировались работы, направленные на изучение Сибири. Часть проводимых в Сибири исследований финансировалась самими ведомствами.

В связи с начавшимся строительством Сибирской железной дороги, послужившим толчком к организации масштабного геологического изучения местности, по которой должен был пройти железнодорожный путь, в первоначальную программу геологических исследований, разработанную А.М. Зайцевым, пришлось внести существенные коррективы.

На первый план выдвинулись исследования, связанные с проверкой прочности железнодорожного полотна и стенок выемок, устройством мостов через реки, водоснабжением станций, поиском необходимых строительных материалов, а также каменного угля для паровозов. Исследования начались сразу с двух концов планировавшейся железнодорожной магистрали. Горный департамент организовал ряд экспедиций: в 1888 г. – южно-уссурийскую экспедицию, в 1890 г. – экспедицию для изучения месторождений угля в Киргизской степи, а в 1891 г. – экспедицию в золотonosную местность Енисейской губернии.

Начиная с 1892 г. Горное ведомство приступило к проведению систематических геологических исследований местностей, прилегающих к Сибирской железной дороге в Западной и Восточной Сибири. Западносибирская партия (К.И. Богданович, Н.К. Высоцкий, А.А. Краснопольский, А.К. Мейстер) вела геологические изыскания от Урала до Ачинска; среднесибирская партия (К.И. Богданович, Н.Л. Ижицкий, П.К. Яворский и Л.А. Ячевский) – между Ачинском и Байкалом; забайкальская (А.Э. Гедройц, А.П. Герасимов и В.А. Обручев) от Байкала и до начала Амура; восточносибирская (Э.Э. Анерт, Л.А. Бацевич, Д.В. Иванов и М.М. Иванов) – в Амурской и Приморской областях.

В ходе этих работ не только тщательно изучалась сама трасса, но и составлялись геологические и промышленные карты различных районов Сибири. Наряду с этим велись поиски месторождений полезных ископаемых, в первую очередь месторождений каменного угля, необходимого для топки паровозов, а также гидрологические изыскания запасов воды вдоль трассы и

гидротехнические работы, с целью организации заправки паровозных котлов на промежуточных станциях. Были обследованы угленосные площади на территории современного Кузбасса и в Прибайкалье, в Семипалатинской области и в Приморье. Велась также разведка запасов строительных материалов.

Когда началось само строительство, то потребовалось уточнение геологических условий. С.Ю. Витте настоял также на изучении месторождений золота и последующей его добыче. Выполнение этой задачи было поручено Обществу горных инженеров.

Однако деятельность Комитета сталкивалась с целым рядом трудностей, вызванных несогласованностью в работе различных ведомств, отсутствием достаточного числа специалистов и т.п. Так, например, топографические съемки в Сибири вели 7 министерств, что вело к распылению сил.

В силу того, что горная партия Горного департамента, возглавляемая Богдановичем, не справлялась с объемом запланированных работ, а это затягивало сроки строительства, в 1893 г. по линии Министерства госимуществ были организованы еще 3 партии – западносибирская, среднесибирская и амурская во главе с А.А. Краснопольским, К.И. Богдановичем и Д.Л. Ивановым, которым предстояло действовать в тесном контакте со строителями¹.

Комитетом Сибирской железной дороги было также организовано изучение сибирских рек, ставившее целью развитие водных путей сообщения в комплексе с пересекавшей их железнодорожной магистралью. Устраивались метеостанции и водомерные посты.

Другая задача, решением которой занялись геологи, была поставлена в связи с упадком серебро-свинцового производства на Алтае и добычи золота на западном склоне Кузнецкого Алатау. Необходимо было изыскать новые источники дохода. По линии Ведомства Кабинета Его Императорского Величества предпринимается систематическое исследование владений этого ведомства. В 1894 г. для изучения каменноугольных и железорудных месторождений Кузбасса и Салаира была организована «Геологическая часть Кабинета Его Императорского Величества», которую возглавил

¹ Подробнее см.: *Кани С.К.* Организация научного изучения Сибири в конце XIX века в связи с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали <http://prometeus.nsc.ru/works/organiz.ssi> (дата обращения: 15.06.2018 г.); *Он же.* Западносибирские изыскания Трансиба 1891–1892 гг. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Материалы региональной научной конференции, 21 декабря 2008 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 395 с. С. 73–85.

А.А. Иностранцев. Геологи этого структурного подразделения начали изучение (геологическое картирование) районов, лежащих близко к линии Сибирской железной дороги. В частности, была организована геологическая съемка карты в масштабе 10 верст в дюйме. Геологическая съемка началась с северной части Алтайского горного округа. В ней принимали участие геологи П.Н. Венюков, А.А. Иностранцев, Г.Г. фон Петц, Б.К. Поленов и И.П. Толмачев, а после гибели Г.Г. фон Петца В.К. Яковлев, а также и Г.И. Танфильев¹.

Однако не все предложения, направленные на изучение Сибири, в то время были реализованы. Так, не удалось осуществить замысел министра земледелия А.С. Ермолова, оформленный им в виде записки в 1894 г. о проведении вблизи железной дороги геоботанических и почвенно-агрономических работ, которые могли бы оказать существенную помощь при размещении переселенцев в зоне Транссиба. На эти цели были выделены незначительные средства, в итоге министр вынужден был отозвать свою записку.

В целом же программа изучения Сибири в связи с постройкой Транссиба превосходила все предпринимавшиеся усилия в этом направлении в предшествовавший период истории России. Она была уникальной не только по своим масштабам, но и по участию в ее реализации представителей разных отраслей науки. Все проводимые в ходе ее выполнения экспедиции и исследования были объединены централизованным руководством в лице Комитета Сибирской железной дороги и достаточно масштабным финансированием.

Наряду с этим необходимо отметить межевые работы на территории старожильского населения средней полосы Сибири по линии ведомства Главного управления землеустройства и земледелия. Особая партия Министерства юстиции по землеустройству Забайкальского казачьего войска занималась топографической съемкой и триангуляцией этих местностей, что, в конечном счете, позволило исправить прежние географические представления и изображения отдельных районов четырех сибирских губерний и Забайкалья.

¹ Обручев В.А. История геологического исследования Сибири: период четвертый (1889-1917) систематических государственных исследований. М., Л., 1937. С. 12–13; Малолетко А.М. Работы геологической части Кабинета Е.И.В. в Алтайском горном округе // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2000. С. 46.

С 1886 по 1890 г. Министерством государственных имуществ было организовано обследование хозяйственного быта государственных крестьян Западной и Восточной Сибири. В этом важном деле принимали участие А.А. Кауфман, С.П. Кафка, Н.О. Осипов, С.П. Пашкевич, П.И. Соколов и др. В результате было собрано и обработано большое количество сведений естественноисторического, экономического и статистического характера. При участии А.В. Адрианова, Н.М. Астырева, Н.А. Ушакова и др. было осуществлено статистико-экономическое обследование Восточной Сибири. Такого же рода исследование было проведено и в Забайкальской области высочайше утвержденной, под председательством статсекретаря Куломзина, комиссией для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Хозяйственно-статистические и естественноисторические данные были собраны экспедицией Гондатти в Амурской области в 1910–1911 гг.¹

Подводя итог изучению Сибири в предшествующий открытию Томского университета период, следует еще раз подчеркнуть, что за это время был собран обширный и ценный материал по природе и населению Азиатской России. Все экспедиции организовывались правительством, Академией наук, научными обществами и различными ведомствами. В то же время в изучении Сибири не было четко разработанного плана исследований. Поэтому обращают на себя внимание разрозненность исследований, отсутствие связи между отдельными экспедициями. Отчасти это объяснялось отсутствием задач, какие обычно ставятся для выполнения намеченных практических целей. Но подавляющая часть исследований велась на любительском уровне. В основном ими занимались чиновники, инженеры, учителя гимназий в свободное от основной работы время. В Сибири не готовились кадры исследователей, отсутствовала и соответствующая материальная база в виде лабораторий, поэтому не было возможности проводить анализ тех же находимых минералов на месте, их приходилось везти в Петербург или Москву, что требовало больших затрат. Отсутствовала необходимая научная литература. Сохранность собранных материалов в местных музеях также оставляла желать лучшего.

¹ *Азиатская Россия*. Т. 2. ... С. 632, 633.

4.3. Открытие Томского университета, технологического института, создание Института исследования Сибири и их роль в изучении Азиатской России

Новый этап в научном изучении обширных регионов Северной Азии ознаменовало открытие первого в Азиатской России университета в г. Томске.

Вопрос об открытии высшего учебного заведения в Сибири, которое смогло бы в какой-то мере устранить отмеченные выше недостатки, неоднократно ставился на протяжении первых 70 лет XIX в., но так и не находил своего решения. М.И. Венюков, русский ученый и публицист, в своем докладе о состоянии изучения Сибири на Петербургском съезде естествоиспытателей в 1868 г. еще раз обратил внимание на необходимость подготовки непосредственно в самой Сибири кадров исследователей с помощью университета. «Страна эта, – подчеркнул он, – не имеет доселе средоточия умственной жизни своей. Сибирияку негде усвоить себе результатов европейского знания во всей их обширности, негде найти руководителей живого источника, в котором он мог бы свободно черпать для утоления умственной жажды своей». В давно обещанном Сибири университете он видел «правильно устроенный центр умственной деятельности». «И да будет поставлено целью его (университета), – писал М.И. Венюков, – не одно развитие изящной, изворотливой диалектики ... по образцам из среды, окружавшей Аристофана и Демосфена, Ювенала и Тацита. Да избежит сибиряка участь: терять драгоценное время молодости на то, чтобы сложиться духовно на манер эгоистической и враждебной русским началам жизни английской олигархии, современного поколения бонапартовской Франции и последователей Лойолы. Да будет привито ему здоровое знание реальных предметов, черпающее свою мощь в анализе Ньютона, Эйлера, Лагранжа, Лапласа, в наблюдениях и выводах Гершеля, Лавуазье, Араго, Фарадея, Буха, Лайеля, Дарвина, Бэра и Аристотеля нашего века, Александра Гумбольдта; тогда и научное завоевание Сибири довершится само собою»¹.

Спустя 12 лет в своей речи при закладке Сибирского университета в Томске 26 августа 1880 г. В.М. Флоринский, говоря о состоя-

¹ Труды съезда естествоиспытателей. СПб., 1868. С. 55–56.

нии изучения Сибири, подчеркнул ее привлекательность для ученых и назвал имена таких исследователей, как И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.П. Крашенинников, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, А.Ф. Миддендорф, Г.Е. Щуровский, Р.К. Маак, К.И. Максимович, А.Н. Северцов и других, составивших, по его словам, ученую известность своими исследованиями Сибири. Вместе с тем он обратил внимание на то, что, несмотря на достигнутое, нельзя было утверждать, что эти исследования края «исчерпали его научные богатства». «Они, – отмечал В.М. Флоринский, – едва коснулись их в форме общих очерков и намеков. Это были только разведки, а не настоящее исследование. Подробное изучение края, по какому бы то ни было вопросу, невозможно для путешественника, стесненного временем и средствами. Для этого необходима постоянная научная станция в центре Сибири, снабженная полным числом специалистов по всем наукам и всеми средствами научного исследования. Станцией в этом смысле может быть только университет»¹. Причем В.М. Флоринский не только поставил эту задачу, но и сделал многое для того, чтобы решить ее и создать в Томске первый в Азиатской России научно-образовательный центр, каковым стал Томский университет.

Ратуя за университет, сибирское общество также надеялось на то, что профессора будущего университета займутся изучением необъятных просторов Сибири и «со свойственной молодости горячностью и преданностью делу положат здесь первое основание университетской науки»².

Первые профессора Томского университета прекрасно осознавали те высокие задачи, которые им предстояло решать на новом месте. Профессор кафедры химии С.И. Залесский на заседании совета Томского университета 10 марта 1889 г. по этому поводу заметил: «С открытием Томского университета на него переходит, кроме общей задачи всех университетов, – служить просвещению и прогрессу, и специальная миссия – служить очагом цивилизации на окраинах обширного государства и исследовать поближе в естественно-историческом и культурном отношении ту страну, вместе с соседними областями, среди которой приходится действовать представителям молодого университета ... Силой обстоятельств и местных условий, а главное – своего географического положения Томский

¹ *Описание* празднества, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года, по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880. С. 16.

² *Сибирский вестник*. 1885. 13 июня.

университет не должен уклоняться от тех высоких задач, которые до сих пор, почти исключительно, входили в круг деятельности Академии наук и Императорского географического общества, сооружавших на свои средства ученые экспедиции для исследования окраин нашего государства»¹.

Несмотря на то, что Томский университет открылся лишь в составе одного медицинского факультета, наличие в его составе естественноисторических кафедр (ботаники, зоологии, минералогии, химии и физики с физической географией и метеорологией) делало возможным системное изучение края. Представители этих кафедр уже с первых лет работы вуза не ограничивались лишь изучением районов, прилегающих к Томску, совершая более длительные экспедиции не только по Сибири, но и на Дальний Восток и Урал, а в дальнейшем в Семиречье и Среднюю Азию, в Монголию и даже в Турецкую Армению.

Научная деятельность в Томском университете осуществлялась в самых разных формах. Это экскурсии и экспедиции с последующей обработкой собранного в ходе их материала на базе кабинетов, музеев и лабораторий университета; клинические исследования, которыми занимались университетские медики; командировки в научно-образовательные центры Европейской России и стран Западной Европы; участие в работе научных обществ, съездов и т.д.

В ходе экскурсий и экспедиций велись наблюдения за растительным и животным миром, процессами, происходящими в природе (оледенение, распространение растений, радиоактивность и т.д.), собирался материал, который затем изучали в университетских лабораториях и музеях.

Отметим, что проведение экспедиций по Сибири, а также издание научных трудов были сопряжены с трудностями финансового характера, так как сметой университета на них предусматривалось всего 3 тыс. руб. в год². Нередко ученые университета (С.И. Коржинский, Н.Ф. Кащенко, приват-доценты П.Н. Крылов и Г.Э. Иоганзен и др.) организовывали экскурсии и экспедиции за соб-

¹ Журнал заседания Совета Императорского Томского университета (ЖЗС ИТУ). 10 марта 1889 г. // Известия Томского университета (ИТУ). 1890. Кн. 2, отдел 2 [пагин. 2-я]. С. 30.

² ЖЗС ИТУ. 15–17 декабря 1899 г. // ИТУ. 1902. Кн. 19 [пагин. 12-я]. С. 118.

ственный счет. Подчас они вынуждены были обращаться за помощью и к различным ведомствам.

Как уже отмечалось, в связи со строительством Сибирской железной дороги и последующей колонизацией этого обширного региона на востоке России потребовалось его всестороннее изучение. Для этого были привлечены университетские геологи, ботаники, химики и представители других наук, в том числе и медицинских. Это дало дополнительные источники финансирования научных исследований. Так, геологи, ординарный профессор по кафедре минерологии и геологии А.М. Зайцев и хранитель минералогического кабинета А.Н. Державин, стали получать деньги на свои экспедиции от Горного департамента и Министерства государственных имуществ. В 1892 г. А.М. Зайцеву и А.Н. Державину было выделено 2500 руб. на проведение геологических исследований и разведочных работ вдоль линии строящейся Сибирской железной дороги между Обью и Чулымом¹. В общей сложности Горный департамент с 1892 по 1895 г. выделил им свыше 9000 руб.

С 1908 г. началось систематическое изучение почв Сибири. Для всестороннего изучения будущего колонизационного фонда земель Переселенческое управление снарядило и отправило ряд экспедиций в различные губернии и области Азиатской России. К исследованиям были привлечены и ученые Томского университета. Так, по заданию и на средства Переселенческого управления профессор В.В. Сапожников совершил в 1912, 1913 и 1914 гг. экспедиции, в ходе которых он изучал колонизационный фонд на территории Семипалатинской и Семиреченской областей. Для участия в экспедиции он привлек выпускника медицинского факультета Томского университета Б.К. Шишкина².

Другим источником финансирования научных экскурсий и экспедиций Томского университета были деньги, выделяемые научными обществами, а также Императорской Академией наук.

В первую очередь это относится к Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО) и его отделам, Так, в 1891 г.

¹ *Отчет* о состоянии ИТУ за 1892 год. Томск, 1893. С. 9; *Державин А.Н.* Геологические наблюдения в бассейне реки Томи // *Горный журнал*. 1893. Т. 4, № 10–11. С. 123, 124.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 580. Л. 24, 31; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2910. Л. 99, 172-172об.; Ф. 126. Оп. 2. Д. 3015. Л. 133; *Труды общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете* за 1912 год. Томск, 1913. С. 15.

С.И. Коржинский по заданию Восточно-Сибирского отдела ИРГО совершил геоботаническую экскурсию в Амурский край, где изучал пригодность края для колонизации. Помимо этого, им была составлена программа собирания сведений по геоботанической географии. На эту экспедицию ИРГО выделило ему 1000 руб.; 300 руб. дал Томский университет. Но этих денег оказалось недостаточно. Исследователь тратил на эту поездку и свои личные сбережения¹.

Ученый садовник Томского университета П.Н. Крылов на выделенные ему по просьбе вице-председателя ИРГО П.П. Семенова-Тян-Шанского Санкт-Петербургским Ботаническим садом Академии наук 1000 руб. предпринял в 1892 г. экспедицию для сбора ботанических коллекций на Саянский хребет, между Минусинским округом и Монголией, и в котловину рек Бей-Кема и Улу-Кема (Урянхайский край). Не ограничиваясь флористическими сборами, П.Н. Крылов составил на основании собственной съемки карту этого района, а также собрал коллекцию минералов².

Тот же П.Н. Крылов в 1904 г. получил субсидию в размере 200 руб. от Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО³. На эти деньги он совершил экспедицию на север Томской губернии в Нарымский край по р. Тым. В ходе ее был собран флористический материал, который П.Н. Крылов передал Ботаническому саду и Гербарию Томского университета⁴. Летом 1910 г. он на деньги, выделенные Западно-Сибирским отделом ИРГО, организовал экспедицию в Бельгагачскую степь⁵. Неоднократно финансовую помощь от ИРГО получал на свои исследования и профессор В.В. Сапожников.

Что касается Общества естествоиспытателей и врачей, созданного при Томском университете в 1889 г., то оно вплоть до начала

¹ *Коржинский С.И.* Отчет об исследованиях Амурской области, как земледельческой колонии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1892. Т. 23. № 4 и 5. С. 73–138.

² *Отчет* о состоянии ИТУ за 1892 год. Томск, 1893. С. 7; *Семенов П.П.* История полудековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 3. С. 1052, 1190; *Сергиевская Л.П.* Жизнь и деятельность П.Н. Крылова // Труды ТГУ. 1951. Т. 116. С. 17; *Профессора Томского университета.* Вып. 1. С. 127.

³ В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было присоединено к Западно-Сибирскому отделу Русского географического общества в качестве его Алтайского подотдела с ежегодной субсидией в 500 руб. См.: *Отчет* Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества за 1902 год. Барнаул, 1904. С. 1.

⁴ *Отчет* Императорского Русского Географического общества за 1906 год. СПб., 1907. С. 111.

⁵ *Сибирская жизнь.* 1911. 14 янв.

XX в. не проводило исследований на свои собственные средства. Финансовую поддержку в размере 500 руб. в год общество начало получать с 1902 г. Вначале она носила разовый, а с 1905 г. регулярный характер. В результате в Томском университете появилась дополнительная возможность финансировать в скромных размерах экспедиции и тем самым расширить свою научную деятельность.

Нельзя обойти вниманием и такой источник финансирования научных исследований, выполняемых учеными Томского университета, как частные пожертвования. Так, в 1890 г. ординарный профессор С.И. Залесский на средства томского предпринимателя А.Е. Кухтерина исследовал озеро Инголь, сделал геологический обзор его окрестностей, собрал образцы горных пород (свыше 100 экз.), местной фауны и флоры¹. Им были проведены также метеорологические наблюдения. На средства того же А.Е. Кухтерина Залесский оборудовал походную лабораторию для производства химических анализов прямо на месте. В результате он пришел к выводу, что озеро Инголь может стать не только хорошим дачным местом, но и бальнеологическим курортом. Летом 1893 г. тот же С.И. Залесский по инициативе и на средства другого томского купца и золотопромышленника В.И. Королева занимался исследованием сибирских минеральных вод реки Солоновки в Кулундинской степи².

Профессора и преподаватели Томского университета принимали активное участие в работе других научных обществ (Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество, Общество практических врачей г. Томска, Томское общество изучения Сибири). Для проведения научных исследований они иногда получали средства и от этих обществ.

В этой связи необходимо назвать экспедицию профессоров юридического факультета М.И. Боголепова и М.Н. Соболева в Монголию для изучения условий торговли в этой стране, которая была организована Томским обществом изучения Сибири и Томским университетом.

Основные средства на экспедицию выделило Министерство торговли и промышленности (3000 руб.). Летом 1909 г. Г.Н. Потанин, будучи в Бийске, получил согласие местных крупных торговых фирм Асанова, Бодунова и Васенова, занимавшихся торговлей с Монголией, оказать помощь намечаемой экспедиции, выделив для

¹ *Сибирский вестник*. 1891. 6 дек.

² Там же. 1893. 6 нояб.

этой цели по 500 руб. каждая. Кроме того, минусинские купцы, занятые торговлей с Сойотией (Тыва), оказали помощь обществу в размере 500 руб. Таким образом, в общей сложности на экспедицию набралась довольно внушительная по тому времени сумма в 5000 руб.¹.

Подводя итог вопросу о финансировании научных экскурсий и экспедиций, можно сделать следующий вывод: за период с 1888 по 1917 г. из штатной суммы в 87000 руб., предназначенной на проведение экспедиций по Сибири и публикацию работ по их результатам, непосредственно на научные цели было израсходовано немногим более 31000 руб. Причем на период с 1899 по 1917 г. приходится 26450 руб. Помимо этого, на организацию и осуществление экспедиций с 1888 г. по 1916 г. учеными Томского университета было получено от различных ведомств, министерств, обществ, Академии наук и частных лиц, а также из специальных средств более 34000 руб. Всего, таким образом, более 65000 руб. Правда, это приблизительная сумма, так как она не включает собственные средства, израсходованные на проведение экспедиций учеными Томского университета.

Наиболее масштабными в дореволюционный период были ботанические исследования. С.И. Коржинский уже в 1890 г. исследовал Барабинскую и Кулундинскую степи, посетил оз. Балхаш. Помимо обширного гербария, собранного в этой местности, им попутно были добыты 57 экземпляров рыб, рептилий и насекомых, которые впоследствии он передал Зоологическому музею Томского университета. Кроме того, им была собрана коллекция минералов, переданная для изучения профессору А.М. Зайцеву². Помимо обширного гербария, собранного в этой местности, им попутно были добыты 57 экземпляров рыб, рептилий и насекомых, которые впоследствии он передал Зоологическому музею Томского университета. Кроме того, им была собрана коллекция минералов, переданная для изучения профессору А.М. Зайцеву³.

¹ Боголенов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли: экспедиция в Монголию 1910 года. Томск, 1911. С. 5.

² Зайцев А.М. О породах некоторых пунктов Киргизской степи между Иртышем и озером Балхашем // Труды Томского общества естествоиспытателей. 1891. Год третий. С. 1–10; *Он же* // ИТУ. 1891. Кн. 3. Отд. 2. С. 97–106.

³ Зайцев А.М. О породах некоторых пунктов Киргизской степи между Иртышем и озером Балхашем // Труды Томского общества естествоиспытателей. 1891. Год третий. С. 1–10; *То же* // ИТУ. 1891. Кн. 3. Отд. 2. С. 97–106.

В 1891 г. состоялась его поездка на р. Амур, о которой речь шла выше. Главной целью для С.И. Коржинского было изучение растительности и почв Амурского края. Вместе с тем Восточно-Сибирский отдел ИРГО поставил ему задачу выяснения общих условий жизни этой территории, чтобы определить ее пригодность для земледельческой культуры. Ответ на этот последний вопрос интересовал и Иркутский переселенческий комитет. На обратном пути 13 сентября 1891 г. С.И. Коржинский выступил на заседании Восточно-Сибирского отдела ИРГО с предварительным отчетом о своих исследованиях.

Общее впечатление, вынесенное С.И. Коржинским от посещения края, оказалось неблагоприятным. «Только в углу между Зеей и Амуром ближайшая к Благовещенску местность, – отмечал он в своем отчете, – представляет более удобств для населения, но она настолько невелика, что, в общем, не может иметь никакого значения. Равным образом и вся полоса между Буреей и устьем Уссури представляет в этом отношении мало утешительного. Хоть в ней пространств, доступных для культуры, значительно больше, но обширные леса и огромные болота позволяют существовать здесь лишь редкому населению, и более оживленная колонизация этого края есть дело отдаленного будущего»¹.

По мнению С.И. Коржинского, пригодным для занятия земледелием оставалось только пространство между Зеей и Буреей. «Этот район, – писал он, – представляет наибольшие удобства для колонизации и развития сельского хозяйства, ибо только здесь мы находим обширные, более или менее ровные луговые пространства с глубокой плодородной почвой, готовой для культуры»². В итоге он сделал вывод, что рассматривать Амурскую область как территорию, пригодную для перемещения туда «избытка народонаселения Европейской России, нет никакого основания. Ее значение в этом смысле положительно ничтожно»³.

С.И. Коржинский также считал, что сама система обработки полей как у переселенных на Амур из Забайкалья казаков, так и у переселенцев из Малороссии и внутренних губерний России не соответствовала почвенным условиям и не выдерживала сравнения с систе-

¹ Коржинский С.И. Отчет об исследованиях Амурской области как земледельческой колонии // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. 23, № 4 и 5. С. 130.

² Там же.

³ Там же.

мой маньчжур, проживавших в то время в небольшом количестве на русском берегу Амура, у которых он наблюдал сложную плодоперемennую систему с культурой бобовых растений, способных увеличивать производительную силу почвы.

Приехав в Томск, С.И. Коржинский передал собранные им зоологические и минералогические коллекции в музей университета, а семена дикорастущих (55 сортов) и корейских культурных растений (10 сортов) в Ботанический сад. Кроме того, он передал одно живое деревце, эндемическое для Забайкалья¹. Окончательные выводы об Амурской области как земледельческой колонии С.И. Коржинский сделал в своем докладе 31 октября 1893 г. на торжественном заседании Императорского Вольно-экономического общества в Санкт-Петербурге².

Однако эти выводы встретили неоднозначную оценку ученых. В 1895 г. на Амур была направлена экспедиция В.Л. Комарова, исследовавшая среднюю часть бассейна р. Амура и низовья р. Имана³. В результате проведенных исследований заключение С.И. Коржинского об ограниченности условий для сельского хозяйства было оспорено. В статье «Условия дальнейшей колонизации Амура»⁴ В.Л. Комаров теоретически обосновал широкие возможности сельскохозяйственного освоения Дальнего Востока. Эти выводы имели огромное значение не только для развертывания колонизации этого края, но и послужили одним из обоснований строительства здесь железной дороги⁵.

Будучи хранителем Ботанического кабинета и ученым-садовником, П.Н. Крылов сразу же по приезде из Казани в Томск приступил к собиранию коллекции для музея в окрестностях Томска (только на университетском месте им за три экскурсии было собрано более 300 видов местной флоры) и попутно обрабатывал другие поступления, в частности коллекции растений из мужской гимназии и реального училища в Томске, интересный гербарий Г.Н.Потанина с

¹ ЖЭС ИТУ. 9 ноября 1891 г. // ИТУ. 1892. Кн. 4, отд. 1. С. 132-133.

² *Коржинский С.И.* Амурская область как земледельческая колония. Б.м., Б. г. 26 с.

³ *Русские ботаники: биографо-библиографический словарь / сост. С.Ю. Липшиц.* М., 1952. Т. 4. С. 289.

⁴ *Комаров В.Л.* Условия дальнейшей колонизации Амура // Известия Русского географического общества. 1896. Т. 32. С. 457-509.

⁵ *Комаров В.Л.* Сельскохозяйственный вопрос в Амурской области (Министерство путей сообщения. Изыскания Амурской железной дороги. 1894-1896). Благовещенск, 1896.

Тарбагатая. Постепенно расширяя область исследования, он прежде всего изучает островное насаждение липы в Кузнецком уезде Томской губернии (1890).

За работу «Липа на предгорьях Кузнецкого Алтая» Крылов был удостоен медицинским факультетом Томского университета степени магистра фармации (1891). В 1891 г. он предпринимает первую поездку на Алтай, а в 1892 г. большую экспедицию для сбора ботанических коллекций на Саянский хребет, между Минусинским округом и Монголией, и в котловину рек Бей Кема и Улу Кема (Урянхайский край) на выделенные ему 1000 р. от Санкт-Петербургского Ботсада и Русского географического общества. В последнем случае, не ограничиваясь флористическими сборами, Крылов интересуется также общей географией края и составляет на основании собственной съемки его карту. После этого Крылов некоторое время занимается публикацией работ, отразивших итоги экспедиций, и вынашивает планы нового огромного научного значения предприятия, а именно издания определителя растений Алтая и Томской губернии, в котором давно нуждалась Сибирь. Последовали новые экспедиции на Алтай (1901, 1903, 1911, 1915 гг.), в степные районы (1903, 1908, 1910, 1912 и 1913 гг.) и на север Томской губернии в Нарымский край (1904 г.), в ходе которых было собрано много новых материалов для задуманного научного труда и пополнены коллекции Ботанического музея университета. Она была расширена за счет поступлений от разных лиц и учреждений в Сибири, которым по инициативе Крылова были разосланы письма с просьбами содействовать развитию Ботанического музея. С этой целью он еще в 1886 г. опубликовал воззвание к сибирякам «От Ботанического музея Сибирского университета». В разные годы с этой же целью им были организованы научные экспедиции для изучения не только Томской губернии, Алтая, Урянхайского края, но и Тобольской, Енисейской губерний, Семипалатинской и Семиреченской областей, Северной Монголии и др., в которых участвовали В.В. Сапожников, В.И. Верещагин, А.П. Выдрин, А.Н. Молотилов, А.И. Иваницкая, Г.А. Сычинский, Б.К. Шишкин, П.П. Орлов, В.Ф. Семенов, В.И. Рафаэлев, Л.А. Уткин, К.П. Онисимов, В.С. Титов и др. К началу 1914 г. П.Н. Крылов совершил более 14 ботанических экспедиций. Гербарий пополнялся также путем обмена и покупки коллекций, в том числе и поступлениями из-за границы. Так, в конце 1890-х гг. в музей поступили коллекции шведского исследователя Арктики

Н. Норденшельда и немецкого профессора из Карлсруэ в Бадене Траутшольда, подаренные Томскому университету. К 1914 г. гербарий, занимавший два больших зала, состоял из 5 отделов, из которых вполне оформлено было два: «Алтай и Томская губерния» и «Общий». Отделы «Средняя Азия», «Монголия», «Красноярский край» не были приведены в надлежащее состояние. Гербарий содержал около 142,5 тыс. экземпляров растений. Итогом его научных поисков стал фундаментальный многотомный труд «Флора Алтая и Томской губернии».

До 1914 г. вышло 7 выпусков этой работы общим объемом 1815 страниц, в которых описано 1787 видов растений. В результате Западная Сибирь, по словам В.В. Сапожникова, получила «драгоценный ключ к распознаванию представителей ее флоры. Эта книга появилась не только в руках специалиста-ботаника, но и в руках агронома, лесничего, студента, гимназиста и дала несомненный толчок к дальнейшему изучению сибирской Флоры». При этом необходимо иметь в виду, что все существовавшие до этого немногие сочинения по флоре Сибири, написанные к тому же на латинском языке, со специальной терминологией, недоступной для большинства, содержали очень краткие и часто неполные описания растений. В книге же Крылова представлены совершенно оригинальные описания растений. Она была удостоена премии академика К.Бэра Петербургской АН (1914).

За научные заслуги П.Н. Крылов уже за первые выпуски «Флоры» был без защиты диссертации удостоен Казанским университетом степени почетного доктора ботаники (*honoris causa*) (1909). Во избежание недоразумений инициаторы присуждения добавили, что этого не смог сделать Томский университет лишь по причине отсутствия в его составе в то время физико-математического факультета. Гербарий, основанный Крыловым, стал крупным исследовательским учреждением, им была создана ботаническая школа, хорошо известная в отечественной науке того времени¹.

Свой след в изучении природы Азиатской России оставил и профессор В.В. Сапожников. Выпускник Московского университета, ученик К.А. Тимирязева, он в течение 1895–1923 гг. совершил более 20 экспедиций на Алтай, в Саяны, Семиречье, Западную Монголию, на Зайсан. В высокогорной области Алтая, кроме больших флористических сборов, он открыл около 40 ледников (ранее было извест-

¹ *Профессора* Томского университета Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 125–132.

но только 2). В.В. Сапожников первооткрыватель ряда гор Алтайского хребта. Он первым взобрал на седло главной вершины – Белухи, определил ее и ряда других вершин высоту.

За свой труд «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» (Томск, 1911) он был награжден золотой медалью ИРГО им. П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Научная деятельность В.В. Сапожникова получила высокое признание в научном мире. В отечественной науке он оставил крупный след как ботаник-физиолог, геоботаник и как географ, в особенности как исследователь Алтая¹. К концу своей жизни он состоял почетным членом 11 научных обществ и учреждений, в том числе Русского ботанического общества, Берлинского географического общества, Берлинского общества землеведения, Русского географического общества. Кроме того, он являлся членом Московского общества любителей естествознания, этнографии и антропологии, а также действительным членом Русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Московского географического общества и др.²

Благодаря работам П.Н. Крылова, В.В. Сапожникова и их учеников Западная Сибирь является одним из наиболее изученных во флористическом отношении районов страны³.

Только в дореволюционный период томскими ботаниками было проведено более 50 экспедиций и опубликовано свыше 70 научных работ, многие из которых являются ценным вкладом в отечественную и мировую науку. Кроме того, было дано ботанико-географическое описание ряда территорий Западной Сибири и смежных территорий (Урянхайской земли, Монголии, Семиречья и др.).

Другим направлением в научном изучении Северной Азии были зоологические исследования. История зоологических исследований в Томском университете связана с открытием кафедры зоологии со сравнительной анатомией, которую с 1889 г. возглав-

¹ Обручев В.В. Василий Васильевич Сапожников (1861–1924) // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 374.

² Подробнее см.: Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 128 с.

³ Лебедев Д.В. Введение в ботаническую литературу СССР. М., 1956. С. 224.

лял экстраординарный, впоследствии заслуженный ординарный профессор Н.Ф. Кашенко¹.

Профессором Н.Ф. Кашенко была разработана программа зоологических исследований Сибири. Она носила региональный характер и была изложена в его речи «Задачи зоологии в Сибири» на годовичном акте Императорского Томского университета в 1890 г.² В ней Н.Ф. Кашенко определил задачу зоологии как изучение свойств животного мира, подчеркнув при этом, что ближайшие ее цели могут меняться в зависимости не только от времени, т.е. степени развития самой науки, но также и от места, где эта наука разрабатывается³.

Он выдвинул в качестве основной задачи при изучении Сибири составление ее зоологической картины, т. е. выявление видового состава и распространения животных. В качестве метода Кашенко избрал «концентрическую систему», заключающуюся, по его мнению, в постепенном расширении изучаемой территории, начиная с окрестностей Томска. Такой метод, считал он, позволил бы вначале накопить материал, сравнение с которым должно было облегчить дальнейшие исследования в этом направлении. Предложенный им метод был обусловлен также незначительным финансированием со стороны государства научно-экспедиционной деятельности Томского университета.

Прекрасно сознавая трудности изучения обширной территории немногочисленными силами кафедры зоологии и сравнительной анатомии Томского университета, Н.Ф. Кашенко высказался за привлечение к решению этой задачи, как он выразился, «разбросанных по Сибири зоологических сил и интеллигенции»⁴.

Не ограничиваясь одними систематическими и фаунистическими исследованиями, имеющими в основном теоретический интерес, Н.Ф. Кашенко выдвинул перед зоологами и практические задачи. Так, по его мнению, большое внимание должно было уделяться изучению «болезней и других причин, уничтожающих важных в

¹ *Сведения о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования (с 22-го июля 1888 года по 1-е января 1889 года)* // ИТУ. 1889. Кн. 1. С. 3–4; *Профессора Томского университета*. Томск, 1996. Вып. 1. С. 110.

² *Кашенко Н.Ф. Задачи зоологии в Сибири*. Речь, читанная на втором годовичном акте Томского университета 22 октября 1890 г. // ИТУ. 1890. Кн. 2, отд. 2. С. 5.

³ Там же. С. 5, 6.

⁴ *Лантес И.П. Н.Ф. Кашенко как зоолог и исследователь фауны Сибири* // Ученые записки ТГУ. 1950. № 15. С. 49.

промысловом отношении и вообще полезных диких животных, способов к устранению этих причин...»¹.

С первых лет работы в Томском университете Н.Ф. Кашенко попытался реализовать на практике предложенный им метод концентрического изучения животного мира, сначала ближайших окрестностей Томска, затем более отдаленных местностей в пределах Томской губернии, постепенно распространяя его на всю Сибирь. Во время экспедиций он вел сбор разнообразного зоологического материала, который после обработки передавался Зоологическому музею университета. Н.Ф. Кашенко является также автором ряда работ по акклиматизации плодовых и других культурных растений в условиях Сибири.

Собранный в Зоологическом музее материал позволил Н.Ф. Кашенко начать работу по систематическому обзору всех млекопитающих Западной Сибири и Туркестана. Осознавая трудность работы, он предполагал писать ее частями. В 1905 г. им был опубликован «Обзор млекопитающих Западной Сибири и Туркестана». Выпуск первый, Chiroptera, рукокрылые – Insectivora, насекомоядные. Однако продолжение работы так и не было опубликовано. Начиная с 1900 г. интересы Н.Ф. Кашенко были сосредоточены на садоводстве и акклиматизации растений².

Всего за томский период деятельности Н.Ф. Кашенко было опубликовано 60 работ, посвященных различным областям зоологии, 2 из них в зарубежных научных изданиях.

Разносторонним исследователем Сибирского края, интересовавшимся многими разделами зоологии – систематикой и зоогеографией беспозвоночных, энтомологией, герпетологией, ихтиологией, маммалогией, – был Г.Э. Иоганзен³. Однако основными были исследования в области орнитологии. За время работы в Томском университете им был совершен целый ряд экскурсий в различные части Западной Сибири, в том числе на Алтай. Еще до перехода в университет Г.Э. Иоганзен лето 1896 и 1897 гг. провел на Алтае. Результаты были опубликованы в одном из зарубежных журналов.

¹ Лантес И.П. Н.Ф. Кашенко как зоолог и исследователь фауны Сибири // Ученые записки ТГУ. 1950. № 15. С. 13.

² Предисловие к книге И.П. Бедро «Плодоводство в Сибири». Омск, 1925. С. 2.

³ См., например: Томская природа в 1911 году: Заметки Г. Иоганзена. Томск, 1912. 17 с.

Наиболее широкую известность Иоганзен получил как фенолог. Фенологическими наблюдениями Г.Э. Иоганзен начал заниматься вскоре после переезда в Томск, опубликовав свои первые заметки в газете «St. Petersburg Herold» (1894–1896). В первые годы им велись наблюдения в университетской роще, затем в городе и его окрестностях. Однако главным местом наблюдений Г.Э. Иоганзена стала дачная местность «Городок» на левом берегу р. Томи в бору около Нестояного озера. Там он в 1910 г. построил деревянный дом, ставший своего рода лабораторией. Фенологические наблюдения Г.Э. Иоганзен проводил систематически, в течение более тридцати лет, что и придает им особую научную ценность. С первых дней пребывания в Сибири он стал вести дневник фенологических наблюдений томской природы. Выдержки из этого дневника начали печататься с апреля 1911 г. в виде небольших заметок в томских газетах «Сибирское слово» и «Утро Сибири». С 1914 по 1919 г. он вел в «Сибирской жизни» раздел «Из жизни томской природы». Фенологические наблюдения за 1911–1915 гг. в развернутом и обработанном виде печатались в различных научных периодических изданиях, таких как «Труды Томского общества изучения Сибири». Они были также изданы на средства самого Г.Э. Иоганзена отдельными брошюрами в виде «Дневников томской природы» за 1911, 1912, 1913 и 1914 гг.¹

Новый этап в исследованиях в области ихтиологии, энтомологии и маммологии начинается с приездом в 1913 г. в Томск преемника профессора Н.Ф. Кащенко на кафедре зоологии со сравнительной анатомией медицинского факультета Томского университета М.Д. Рузского. За дореволюционный период деятельности в Томском университете им были написаны работы по мирмекологии, ихтиологии, орнитологии и др. областям зоологии. Только за 1914–1917 гг. Рузский опубликовал 14 статей о насекомых, рыбах и др. представителях животного мира Сибири («Рыбы р. Томи», «Малырийный комар в Сибири и борьба с ним»).

¹ См.: *Рузский М.Д.* Профессор Г.Э. Иоганзен (1866–1930): Некролог // Труды Биологического факультета Томского университета. 1930. Т. 1, вып.1. С. 1–4; *Лантев И.П.* Жизнь и деятельность Г.Э. Иоганзена: К 100-летию со дня рождения // Вопросы зоологии: Материалы к III совещанию зоологов Сибири. Томск, 1966. С. 275–277; *Гынгазов А.М., Крыжановская В.В.* Г.Э. Иоганзен как орнитолог // Там же. С. 277–278; *Тюльпанов М.А.* Г.Э. Иоганзен как фенолог // Там же. С. 282–283; *Профессора Томского университета.* Томск, 1998. Т. 2. С. 173–174.

Трудно переоценить вклад М.Д. Рuzского в развитие зоологических исследований Сибири. Его экспедиционная деятельность значительно расширила научные знания о фауне региона. Коллекции, собранные М.Д. Рuzским, значительно пополнили зоологический музей Томского университета. Им уже в советский период была основана научная школа зоологов.

За весь дореволюционный период о фауне наземных позвоночных Западной Сибири учеными Томского университета было опубликовано 15 работ о пресмыкающихся и земноводных, 80 – о птицах, 100 – о млекопитающих. К 1917 г. в Западной Сибири был изучен состав фауны наземных позвоночных Алтая, таежной полосы и низовьев Оби. В орнитологическом отношении были изучены так называемая новая земля и степные районы. Однако многие области, расположенные в стороне от основных водных магистралей и других путей сообщения, остались неизученными.

Из всех наземных позвоночных лучше всего была исследована фауна птиц, в меньшей степени – млекопитающие и очень плохо – земноводные и пресмыкающиеся. В этом направлении наиболее плодотворные исследования за дореволюционный период провели профессор Н.Ф. Кашенко, консерваторы зоологического музея В.П. Аникин, Г.Э. Иоганзен и М.Д. Рuzский.

Открытие Томского университета совпало с четвертым периодом геологических исследований Сибири, который, согласно периодизации, предложенной академиком В.А. Обручевым, охватывает 1889–1917 гг. В отличие от предшествующего периода, когда изучение Сибири велось главным образом экспедициями по линии Петербургской академии наук, Императорского Русского географического общества и его сибирских отделов, местными любителями и силами горных инженеров ведомства Императорского кабинета в его владениях на территории Алтая и в Нерчинско-заводском округе, поставивших главные научные материалы, теперь стали осуществляться масштабные и длительные исследования, организованные на государственной основе.

В первую очередь, они были вызваны строительством Сибирской железной дороги, проектированием ответвлений от основной магистрали, а также изучением золотonosных районов, месторождений полезных ископаемых, судоходства на реках,

территорий, пригодных для переселения на них крестьян из Европейской России¹.

Свою лепту в дело геологического изучения Сибири внесли и ученые Императорского Томского университета, а также Томского технологического института, открытого в 1900 г.² Кафедра минералогии с геологией и палеонтологией Томского университета стала одним из центров геологических исследований в Сибири. Наличие при ней минералогического кабинета и соответствующего лабораторного оборудования и приборов впервые дало возможность проводить основной комплекс геологических исследований непосредственно в самой Сибири, не вывозя образцы минералов в Петербург или Москву.

С именами профессора минералогии А.М. Зайцева, хранителя минералогического кабинета А.Н. Державина, его преемника на этой должности, а затем приват-доцента Томского университета, ученика В.И. Вернадского П.П. Пилипенко связано развитие геологических исследований в Томском университете в дореволюционный период.

А.М. Зайцев разработал программу геологических исследований в Сибири. В силу ограниченности сил и средств, обширности территории, которую предстояло изучить, она носила преимущественно регионально-геологический характер. В самых общих чертах профессор А.М. Зайцев сформулировал ее 2 декабря 1889 г. на заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей. «На нашу долю, – говорил он, – выпала задача заняться геологическим исследованием весьма обширной территории. Ограничившись пределами даже одной Томской губернии, и то можно видеть те громадные трудности, которые предстоят впереди. Сознывая это и, в то же время, зная, как малы и ограничены, сравнительно с трудностями, наши силы, мы решили, ввиду большей концентрации этих сил и цельности самой работы, наметить себе известный, хотя бы на первое время и небольшой, сравнительно с обширностью территории губернии, район»³.

Согласно этому плану, прежде всего, полагал А.М. Зайцев, необходимо было заняться изучением территории, прилегающей к Томску. Свой выбор именно этого района А.М. Зайцев объяснил тем, что здесь можно было отталкиваться от того, что сделали его

¹ Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917). М.; Л., 1937. С. 3.

² Развитие естественных наук в Томском университете / А.А. Земцов, В.А. Иванян, Б.Г. Иоганзен, М.П. Кортусов, В.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 94.

³ Труды Томского общества естествоиспытателей. Год второй. Томск, 1890. С. 11.

предшественники В. Гофман, Г.Е. Щуровский и другие по западной и южным окраинам, а затем перейти к неисследованной восточной части этого района¹.

А.М. Зайцевым была поставлена задача не только изучения геологического строения данной местности, но и составления ее геологической карты. Для достижения первой цели предлагалось использовать метод наблюдения, при помощи которого можно было изучить естественные и искусственные обнажения (места, где видны те или другие породы, смена их друг другом и т.п.), встречающиеся в исследуемом районе.

Уже с весны 1889 г. А.М. Зайцев и А.Н. Державин приступили к геологическим изысканиям. Весной и в сентябре они занимались изучением геологического строения окрестностей Томска.

В связи с начавшимся строительством Сибирской железной дороги, послужившим толчком к организации масштабного геологического изучения местности, по которой должен был пройти железно-дорожный путь, в первоначальную программу геологических исследований, разработанную ранее А.М. Зайцевым, пришлось внести существенные коррективы.

А.М. Зайцев и А.Н. Державин, которые вошли в состав западно-сибирской партии, созданной по линии Горного департамента, должны были исследовать территорию между Обью и Томью².

В 1892 г. А.Н. Державин принял участие в работах экспедиции. Главная задача его изысканий определялась инструкцией Горного департамента следующим образом: «Сбор данных об угленосных отложениях Кузнецкого бассейна для определения как их состава, горизонта залегания каменного угля, так и для выяснения отношения их к нижележащим, покрывающим и другим геологическим образованиям».

А.Н. Державин провел первые систематические исследования в Кузнецком каменноугольном бассейне. Вслед за П.А. Чихачевым он попытался определить общую мощность угленосной толщи (более

¹ Крылов Г.Ф., Завалишин В.В., Козлова Н.Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово, 1983. С. 55, 56.

² Коровин М.К. Геологические исследования по трассе Сибирской железной дороги в конце XIX и начале XX века // Очерки по истории геологических знаний. М., 1956. Вып. 5. С. 71–75; Малолетко А.М. Работы геологической части Кабинета Е.И.В. в Алтайском горном округе // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2000. С. 46–47; Мукаева Л.Н. Горно-поисковая политика Кабинета во второй половине XIX века // Там же. С. 78.

220 сажен) и обратил внимание на большое промышленное значение этого бассейна¹.

В этом важном деле принял участие и А.Н. Державин, который дал геологическое описание юго-восточной части 13-го листа VI ряда и северо-восточной четверти 13-го листа VIII ряда десятиверстной топографической карты Томской губернии (Листы Кольвань и Бердское)².

Исследования А.М. Зайцева 1892 г. имели маршрутный характер и велись в области рр. Яи и Кии и излучины Чулыма. Согласно инструкции, ему необходимо было увязывать свои маршруты с маршрутами А.Н. Державина, предварительно договорившись о точном разграничении районов изысканий.

Наряду с региональными геологическими исследованиями вдоль трассы Сибирской железной дороги, геологи Томского университета занимались изучением эндогенных месторождений, главным образом золота. Так, А.М. Зайцев большое внимание уделил золоторудным месторождениям Кузнецкого Алатау и Ачинско-Минусинской тайги.

Помимо геологического изучения местности и составления геологической карты золотоносного района Ачинского и частью Минусинского округов Енисейской губернии, А.М. Зайцев планировал пополнить сибирские коллекции минералогического кабинета Томского университета³.

О результатах своей поездки он опубликовал статью в «Известиях Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества». В ней Зайцев обратил внимание на необходимость совершенствования приемов техники золоторудного дела. «Разработка коренных месторождений золота, открытых в названных и других районах Сибири, – писал он, – может сослужить немалую службу этой, важной для страны, отрасли горного дела, лишь при условии рациональной постановки разведки и самой разработки месторождений рудного золота»⁴.

¹ *Коровин М.К.* Геологические исследования по трассе Сибирской железной дороги в конце XIX и начале XX века // Очерки по истории геологических знаний. М., 1956. Вып. 5. С. 73

² *Труды геологической части Кабинета Его Императорского Величества.* Т. 3, вып. 1. СПб., 1898. С. 1–30.

³ ЖЭС ИТУ. 4–6 марта 1900 г. // ИТУ 1902. Кн. 20 [пагин. 8–9-я]. С. 14.

⁴ *Зайцев А.* В поисках за рудным золотом: Из недавних поездок по Сибири // Известия Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества. 1901. Т. 1, вып. 5. С. 2.

Исследования А.М. Зайцева в районе озера Шира и его окрестностях в 1900 и 1903 гг. были связаны с целебными свойствами этого озера. В предисловии к своей научно-популярной брошюре «Озеро Шира и его окрестности» (Томск, 1902) он отмечал, что не все приезжающие в эти места являются серьезно больными, многие из них имеют в своем распоряжении немалый досуг. А.М. Зайцев писал далее: «Воспользовавшись им, такие лица могли бы значительно облегчить себе кажущееся несколько скучным время своего пребывания на озере (6–8 недель) и вместе с тем употребить это время с пользой. Для любознательного человека в окрестностях оз. Шира имеется немало мест, заслуживающих внимания. Указать на эти места, дав краткое описание их, отметить наиболее интересное и в то же время нуждающееся в пополнении дальнейшими сведениями и требующее дополнительного материала – составляет цель настоящей статьи»¹.

Оценивая сибирский период в научной деятельности А.М. Зайцева, В.И. Вернадский отметил его заслуги в устройстве минералогического кабинета, которому он «сумел придать научную ценность», а также в изучении минералогии и петрографии Западной Сибири. Наиболее обработанными и ценными, по его мнению, являлись геологические наблюдения А.М. Зайцева вдоль Сибирской железной дороги между Обью и Чулымом». Отметил В.И. Вернадский и составленную А.М. Зайцевым совместно с В. Реутовским геологическую карту золотоносного района Томского горного округа (1896 г.), дневники поездок по Ачинско-Минусинской тайге (1901 г.), наблюдения над золотоносными россыпями Мариинского округа (1893–1894 гг.). В.И. Вернадский считал, что заслуживало внимания и «суммарное петрографическое описание нескольких маршрутов», сделанное А.М. Зайцевым или другими исследователями в малоизвестных в то время частях Алтая, Саян и прилегающих областях Китая².

С именем преемника А.М. Зайцева П.П. Пилипенко связано основание в Томском университете и вообще в Сибири минералогическо-геохимического направления исследований³. Внимание П.П. Пилипенко привлекла минералогия Алтая и его полиметаллические месторождения. Свою первую экспедицию в Западный Алтай он совершил летом 1904 г.

¹ Зайцев А.М. Озеро Шири и его окрестности. Томск, 1902. С. VI.

² Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 172, 173.

³ Развитие естественных наук в Томском университете... С. 121.

Изучение Алтая П.П. Пилипенко продолжил и в последующие годы. Итогом его экскурсий 1904, 1905, 1908 и 1911 гг. стала фундаментальная работа «Минералогия Западного Алтая» (1915), посвященная описанию минералов и условий их образования в Западном Алтае. 14 февраля 1916 г. П.П. Пилипенко защитил ее в качестве диссертации на степень магистра минералогии и геогнозии в совете физико-математического факультета Императорского Петроградского университета. Эта работа была удостоена премии Академии наук.

Основательное изучение литературы по минералогии, геологии и географии Западного Алтая, геологического строения алтайских месторождений и их минерального состава позволило П.П. Пилипенко не только распределить изученные минералы на «генетически определенные группы», но и установить закономерности распределения рудных полей в пределах Алтая, а также отдельных месторождений в пределах этих полей. Им были намечены основные черты генезиса рассмотренных им групп минералов, увязан генезис месторождений минералов Западного Алтая с общими процессами химических изменений в земной коре¹.

Таким образом, П.П. Пилипенко впервые доказал образование самородных серебра и меди в зоне окисления сульфидных месторождений. Он задолго до исследований С.С. Смирнова выявил зависимость процессов окисления от климата, рельефа, состава вмещающих пород и руд, выделения зоны и подзоны окисления. Большой интерес представляют и выводы П.П. Пилипенко относительно процессов образования зональных гранитных пегматитов. Он предвосхитил некоторые идеи об образовании, составе и строении гранитных пегматитов, высказанные позднее академиком А.Е. Ферсманом².

Изучая Алтай, П.П. Пилипенко, по поручению В.И. Вернадского, занимался поисками и радиоактивных минералов³. Эту работу он намерен был продолжить летом 1914 г. совместно с П.П. Орловым в ходе намеченной по инициативе и на средства Академии наук поездки в этот район Западной Сибири. Однако она не состоялась из-за позднего выделения кредитов, вызванного начавшейся войной с Германией⁴.

¹ Развитие естественных наук в Томском университете... С. 3, 4.

² Там же. С. 121; Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 65.

³ Обручев В.А. Ищите радий // Сибирская жизнь. 1913. 1 дек.

⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3127. Л. 77.

В 1916 г. П.П. Пилипенко также намеревался посетить Восточную Сибирь, чтобы изучить минералы Забайкалья. Маршрут его поездки был следующим: район Троицко-Заозерного и Слюдянки Иркутской области, рудник с. Нерчинского завода, Алгачинский, Кадаинский, Кличкинский, Акатуевский, месторождения Адун-Чилона и Борщовочного хребтов, окрестности г. Сретенска и Читы, район р. Урульги. Помимо минералогического изучения, предполагалось также исследование радиоактивности минеральных источников Забайкалья¹.

Геологическое изучение Сибири велось и сотрудниками других естественных кафедр Томского университета, в частности упомянутыми С.И. Коржинским, П.Н. Крыловым, В.В. Сапожниковым и др., хотя это и не являлось основной целью предпринимаемых ими экскурсий и экспедиций.

Таким образом, с именами профессора А.М. Зайцева и хранителя минералогического кабинета Томского университета А.Н. Державина связано начало геологической науки не только в Томске, но и в Западной Сибири в целом. Они вплоть до начала XX в. ежегодно выполняли самые разнообразные геологические исследования, изучая окрестности Томска, верховья Томи, район строительства Сибирской железной дороги между Обью и Чулымом, золоторудные месторождения в Ачинско-Мариинской тайге и на Западном Алтае. А.М. Зайцев стоял у истоков сибирской геологической школы. Он одним из первых обратил внимание на значение подземных вод для снабжения населения, составил геологические карты северо-восточной части Томского горного округа, Алтайского округа, провел петрографическую обработку материала, собранного различными исследователями и путешественниками на территории Сибири. К этому надо добавить несколько учебников, написанных им для студентов университета и технологического института. А.Н. Державин установил каменноугольный возраст угленосных отложений Кузнецкого бассейна, определил его площадь, детально изучил состав самой толщи угольных пластов и т.д.² В начале 1913 г., выступая на геологическом конгрессе в Канаде, он оценил запасы угля Кузбасса в 12 млрд т³.

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3212. Л. 36.

² В.А. Обручев назвал А.Н. Державина «первым систематическим исследователем Кузбасса». (См.: *Обручев В.А.* Избранные труды. М., 1964. Т. 6. С. 207.)

³ *Державин А.Н.* Кузнецкий каменноугольный бассейн: Очерк месторождений ископаемых углей России. СПб., 1913.

Подводя итоги первому десятилетию геологических исследований в Томском университете, А.М. Зайцев подчеркивал: «Оглядываясь назад на пройденный нами путь, мы сравниваем столь недавнее прошлое с настоящим. Девять лет тому назад мы могли насчитать лишь весьма ограниченное число исследователей местного края, тогда как теперь обширная площадь Сибири пересечена целой сетью маршрутов геологов; за ним этим первым периодом работы – последовали в последние годы, частью в исследованной нами области, детальной разведки в угленосных районах: Судженском, Урюпо-Кийском и проч., с 1894 года в Алтайском округе начинает свою деятельность геологическая часть, учрежденная при Кабинете Его Императорского Величества, с 1895 года на Алтае ... Отовсюду и везде мы видим интерес к Сибири, снаряжаются экспедиции, на которые ассигнуются значительные средства»¹.

П.П. Пилипенко же стал родоначальником минералого-геохимического направления в Томском университете и в Сибири.

Картина геологических исследований, предпринимаемых в дореволюционный период учеными Томского университета, была бы неполной без упоминания о том, что определенный вклад в эту область знаний внесли и представители других научных дисциплин.

Так, изучением современного и древнего оледенения занимался в ходе своих многочисленных экспедиций на Алтай В.В. Сапожников. Он, например, давая описание рельефа некоторых частей этой горной страны, упоминает в своих работах встреченные им горные породы. Для геологов представляет интерес данное им описание современного и признаков древнего оледенения².

С организацией Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, когда к изучению природных богатств Сибири были привлечены любители естествознания и местные специалисты (В.С. Реутовский, Г.О. Оссовский), работавшие в учреждениях Томска и Западной Сибири, и особенно с открытием Томского технологического института (1900 г.), где работали В.А. Обручев,

¹ *Зайцев А.М.* Результаты геологического исследования местного края за время существования Общества: Речь, произнесенная в годичном собрании Томского Общества естествоиспытателей и врачей, 22-го ноября 1898 года. Томск, 1898. С. 7–8.

² *Сапожников В.В.* Катунь и ее истоки. Путешествия 1897–1899 гг. // ИТУ. Кн. 18 [пагин. 2-я]. 1901; *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917). М.; Л., 1937. С. 115, 124–126.

М.А. Усов, П.П. Гудков, Л.Л. Тове и др.¹, масштаб проводимых геологических исследований заметно увеличился.

В первые годы существования Томского университета кафедра химии медицинского факультета объединяла общую и медицинскую химию. Ее возглавил экстраординарный профессор С.И. Залесский. Наличие одного только медицинского факультета наложило свой отпечаток на аналитические работы, придавая им медицинский уклон.

Уже в 1889 г. в «Известиях Императорского Томского университета» появились первые работы по аналитической химии, выполненные в университетской лаборатории – это статья профессора С.И. Залесского «Упрощение микро- и макрохимических реакций на железо» и экстраординарного профессора по кафедре фармации и фармакогнозии Э.А. Лемана «Химический анализ воды, употребляемой в городе Томске для питья и различных хозяйственных нужд».

Эти работы положили начало двум направлениям химических исследований: во-первых, изучению природных богатств Сибири, главным образом минеральных источников и целебных грязей, и, во-вторых, разработке новых методов анализа и теоретических основ аналитической химии.

Химики Томского университета (С.И. Залесский, Э.А. Леман, П.В. Буржинский) положили начало исследованию химического состава сибирских минеральных вод и грязи с учетом современных для того времени требований науки. В результате проделанных ими анализов, материал для которых собирался на месте, был установлен характер источников, что позволило дать правильные рекомендации относительно их использования в лечебных целях. Изучение минеральных вод и грязи в дальнейшем было продолжено университетскими химиками совместно с медиками-бальнеологами.

К этому надо добавить, что особые заслуги в изучении курортных богатств Сибири принадлежат профессору М.Г. Курлову. Его по праву считают «отцом сибирской бальнеологии». Курлов занимался изучением лечебных местностей Восточной и Западной Сибири. Им установлены в Сибири богатые минеральными лечебными источниками места (Карачи, Шира, Усолье, Горячинск, Белокуриха, Дарсун и др.). Он изучил показания и противопока-

¹ Подробнее см.: *Столетие горно-геологического образования в Сибири*. Томск, 2001; *Куцепаленко В.Ф., Лукьянов В.Г., Музыкантов С.П.* Томская горная школа. Томск, 2001.

зания к лечению на них, широко пропагандировал лечебные свойства этих курортов. Им была предложена оригинальная классификация минеральных вод, позволившая в наглядной форме выражать состав любой минеральной воды¹.

Однако самые крупные достижения химиков Томского университета в рассматриваемый период были связаны с проблемой радиоактивности. Она в конце XIX – начале XX в. имела особую остроту. Интерес к ней чрезвычайно усилился после открытия целебных свойств радия и начала его применения в медицине при лечении рака и других заболеваний. В начале XX в. в Москве для этой цели был основан Морозовский институт. Было создано общество изучения раковых заболеваний. Но радий оказался чрезвычайно дорогим. Это объяснялось тем, что в год его добывали всего 6 граммов. По данным на 1910 г., цена одного грамма радия в переводе на русские деньги составила 150 тыс. руб.² Для сравнения на содержание Томского университета казна в 1910 г. выделила 417 тыс. руб.³ Этой суммы, таким образом, хватило бы на закупку около 3 граммов радия.

Россия в то время не добывала ни одного миллиграмма радия, и его приходилось закупать за границей. В радиоактивных веществах для опытов нуждались и отечественные ученые-физики. Таким образом, изучение радиоактивных веществ в то время имело не только научный, но и практический интерес.

В начале XX в. в Европе урановая руда была обнаружена на территории Богемии (Чехословакия). На руднике Иоахимсталль, принадлежавшем австрийскому правительству, ежегодно добывалось около 20 т урановой смоляной руды, в килограмме которой содержится около 1/3 мг радия⁴. Англичане, например, учредили даже Национальный банк для использования радия и направили геологов в разные места, чтобы отыскать урановую руду. Задачей общенационального интереса стал поиск залежей радиоактивных минералов в России. В России работы по радиоактивности возглавил академик

¹ См.: Курлов М.Г. Опыт классификации сибирских целебных минеральных вод. Томск, 1921; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 137–143.

² ГАГО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 467. Л. 437.

³ Профессора Томского университета. Томск, 1996. Вып. 1. С. 12; Понов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. С. 28.

⁴ Обручев В.А. Ищите радий // Сибирская жизнь. 1913. 1 дек.

В.И. Вернадский, который из-за трений с министром народного просвещения Кассо ушел из Московского университета и создал лабораторию при Академии наук в Петербурге.

Вопрос о поисках радия касался и Сибири. Одним из пионеров изучения радиоактивных веществ в Сибири и России в целом был профессор Томского университета П.П. Орлов – выпускник Московского университета.

Уже в 1907 г. им была предпринята первая экспедиция для изучения радиоактивности сибирских минеральных вод в район оз. Иткуль и Шира¹. В дальнейшем он продолжил поиски, поддерживая на протяжении ряда лет связи с В.И. Вернадским. С работ П.П. Орлова в университете впервые началось изучение рассеянных элементов в Сибири. Будучи энтузиастом своего дела, он совершил около 10 экспедиций в различные районы Сибири, Алтая, Забайкалья и Урала.

В Томском университете П.П. Орлов создал лабораторию, где исследованиями могли заниматься не только студенты-медики, но и посторонние. В одном из писем к В.И. Вернадскому, в феврале 1914 г., П.П. Орлов писал: «Сейчас и до Томска дошла волна интереса радиоактивностью, начинают интересоваться и врачи, и инженеры, и приискатели и ходят смотреть к нам коллекции (а образца ферганской руды я до сих пор ниоткуда добыть не могу!), и один врач и инженер желают работать в лаборатории, и из глухой Сибири поступают ко мне запросы о приборах, книжках и т. п.»².

Оборудование этой лаборатории позволяло вести исследования по радиоактивности. Среди приборов, которыми пользовался П.П. Орлов при проведении своих исследований по радиоактивности, были: прибор Шмидта, электроскопы Вульфа, Эльстера и Гейтеля для определения радиоактивности шлихов и вод; прибор Эберта для определения ионизации воздуха; фонтактоскоп Сивекинга и другие. Им был также приобретен электроскоп с зеркальным отсчетом у фирмы Гюнтера и Тегетмейера в Брауншвейге (Германия) и др. Причем колоколу прибора Эльстера и Гейтеля П.П. Орлов придал больший объем с целью помещения под него большого числа образцов шлихов. Сам колокол был изготовлен в мастерской Том-

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2216. Л. 47; Орлов П.П. К вопросу о радиоактивности сибирских минеральных вод // Известия Института исследования Сибири. № 3: Труды бальнеологического отдела. Томск, 1921. С. 19; см. Приложение 16.

² Цит. по: Зайцева Л.Л., Фигуровский Н.А. Роль П.П. Орлова в изучении радиоактивности природных объектов Сибири и Алтай // Вопросы естествознания и техники. 1957. Вып. С. 67.

ского университета. В этот прибор им были внесены и другие усовершенствования. Вплоть до начала Первой мировой войны оборудование лаборатории постоянно пополнялось. Оснащение этой лаборатории сохранилось на кафедре неорганической химии до Великой Отечественной войны.

П.П. Орлов разработал и саму методику определения степени и природы радиоактивности минеральных источников и атмосферных газов на местах по наведенной активности¹. Свои исследования по радиоактивности природных объектов П.П. Орлов продолжил и после революции 1917 г.²

Обратимся к исследованиям в области физики. Первым заведующим кафедрой физики с физической географией и метеорологией Томского университета стал доктор физики Николай Александрович Гезехус. В томский период своей жизни он отмечал, что Сибирь вообще представляла в то время огромный интерес для исследователей из-за своей слабой изученности, особенно в естественноисторическом отношении, Н.А. Гезехус подчеркивал важность всестороннего исследования этого громадного по своим размерам края, могущего, по его словам, дать «важные и плодотворные результаты». «Работы предстоит еще очень много, – писал он, – для того, чтобы накопился ценный научный материал, который не представлял бы только ряда отрывочных, случайных фактов, но из которого можно было бы сделать достоверные общие выводы, важные и в научном, и в практическом отношении»³.

Особый акцент Н.А. Гезехус сделал на проблеме изучения климата в Сибири. Хотя метеорологические наблюдения в Сибири, начавшиеся еще в XVIII в., и получили свое развитие, но тем не менее он полагал, что «сравнительно с обширностью страны, количество имеющегося до сих пор научного материала все-таки можно считать ничтожным». Поэтому, считал Н.А. Гезехус, Томский университет должен был оказать содействие распространению метеорологических наблюдений в Сибири. Благодаря этому, подчеркивал он, «дело накопления надежных, точных климатических данных в Сибири

¹ Орлов П. К вопросу о нахождении радиоактивных веществ в шлихах золотоносных областей Сибири // Труды радиевой экспедиции Императорской Академии наук. 1915. № 6. С. 1–52; ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 717. Л. 1–27.

² См. также: Орлова М.П. Профессор П.П. Орлов – один из пионеров изучения радиоактивных веществ в России // Материалы по истории отечественной химии. М., 1953.

³ Гезехус Н.А. О значении метеорологических наблюдений по отношению к Сибири // ИТУ. 1889. Кн. 1, отд. 2. С. 87.

пойдет успешнее и быстрее», а собранный материал «послужит для выяснения многих важных вопросов не только, в частности, климатологии Сибири, но и общей теоретической метеорологии»¹.

Сославшись на мнение Д.И. Менделеева относительно важности метеорологии как науки, особенно в плане предсказания погоды, Н.А. Гезехус писал, что Томский университет и его физический кабинет могли бы в этом деле сыграть тройную роль. Во-первых, заняться устройством при университете образцовой метеорологической обсерватории, «производством и выверкой приборов и специальными научными исследованиями по разным вопросам...». Во-вторых, оказать содействие в «распространении метеорологических знаний и организации частных наблюдательных станций». И, в-третьих, заняться сбором, обработкой, публикацией или «пересылкой по назначению в другие центральные метеорологические учреждения (главная физическая обсерватория, географическое и другие научные общества) материала»².

Для организации широкой сети метеорологических наблюдений в Сибири, помимо выделения денежных средств, необходима была, по мнению Н.А. Гезехуса, и помощь заинтересованных в этом важном для края деле образованных людей. «Многие из них, – отмечал он, – состоят уже корреспондентами разных ученых обществ, некоторые выразили уже свое сочувствие науке и молодому Сибирскому университету разными пожертвованиями, отчасти благодаря которым мы имеем здесь, между прочим, замечательную в своем роде библиотеку, ценный археологический музей и хорошие для первого времени различные научные кабинеты, но весьма желательно, сверх того, чтобы возможно большее число лиц согласилось принять на себя труд постоянных наблюдений над... периодическими явлениями природы по прилагаемым здесь программам».

Причем Н.А. Гезехус полагал, что в университете должен аккумулироваться и обрабатываться не только материал, собранный по определенной программе, но большой интерес представили бы «обстоятельные описания северных сияний, разных оптических метеоров, сообщения об аэролитах, землетрясениях и т. п., сведения о санитарном состоянии той или другой местности и т. д.»³

¹ Гезехус Н.А. О значении метеорологических наблюдений по отношению к Сибири // ИТУ. 1889. Кн. 1, отд. 2. С. 87–88.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 106.

Этот материал, обработанный компетентным научным учреждением, мог бы, по его мнению, принести пользу и науке, и самому краю. «Лучшее знакомство с естественными условиями Сибири, – писал он, – наверное, рассеяло бы представление о ней как стране обширной, но крайне дикой, суровой, мрачной, скудной... Можно надеяться, что университету, совместно с немалым числом просвещенных людей и ученых обществ в Сибири, удастся в этом отношении кое-что сделать, удастся сколько-нибудь ускорить прогрессивное движение этого края по пути цивилизации»¹.

Н.А. Гезехус при этом подчеркивал, что «климат не может быть помехой в преуспевании Сибири». Не менее важны и санитарные, и социальные условия, в которых живет местное население. Для ускоренного развития этого обширного, но в то же время малолюдного края, полагал он, необходимо было его всестороннее изучение, а для этого были «нужны знающие и честные люди»².

В период работы в Томске Н.А. Гезехус поддерживал связь с метеорологической комиссией при Императорском Русском географическом обществе. Из Петербурга в Томск был выслан экземпляр разработанной метеорологической комиссией Императорского Русского географического общества программы наблюдений над периодическими явлениями природы, имеющими сельскохозяйственное значение, и инструкцию для наблюдения осадков, гроз и града, составленную Новороссийским университетом. Их текст был опубликован вместе с речью Н.А. Гезехуса в первой книге «Известий Императорского Томского университета»³.

Однако самому Н.А. Гезехусу не пришлось заняться реализацией разработанной им программы. Тем не менее некоторые из его предложений в той или иной степени были осуществлены Обществом естествоиспытателей и врачей при Томском университете, созданном вскоре после отъезда Н.А. Гезехуса. Это относится как к организации санитарной статистики, так и наблюдениям за замерзанием и вскрытием рек Сибири, выяснением условий работы и быта рабочих золотых приисков.

Сооруженная по решению Международной сейсмологической ассоциации на территории Ботанического сада Томская сейсмиче-

¹ Гезехус Н.А. О значении метеорологических наблюдений по отношению к Сибири // ИТУ. 1889. Кн. 1, отд. 2. С. 105–106.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 107–112.

ская (геодинамическая) станция должна была стать одной из сети подобного рода специальных станций, расположенных в разных точках земного шара, с помощью которых велись бы тщательные исследования связанных с перемещением земной оси изменений широты места. На протяжении ряда лет она регулярно регистрировала лунно-солнечные притяжения, которые затем подлежали тщательной обработке. Однако начавшаяся Первая мировая война не позволила до конца реализовать все планы Международной сейсмической ассоциации. Из ряда построенных по решению Манчестерского конгресса станций к 1918 г. уцелела лишь одна Томская станция¹. Однако сам факт работы этой станции явился наглядным примером международного сотрудничества ученых Томского университета в дореволюционный период его истории.

Давая оценку состояния физических исследований в Томском университете в дореволюционный период, необходимо исходить из того, что кафедра физики вплоть до открытия в 1917 г. физико-математического факультета являлась вспомогательной в составе медицинского факультета и была представлена одним профессором, который осуществлял чтение лекционного курса и вел практические занятия. Тематика исследований, проводимых профессорами-физиками, определялась интересами как самих ученых, так и теми задачами, которые ставились Академией наук. Отсутствие в Томском университете физико-математического факультета лишало профессоров физики возможности иметь своих учеников. Ни один из них не создал научной школы. Тем не менее было положено начало рентгенологии в Сибири (Ф.Я. Капустин), успешно велись геофизические исследования (Ф.Я. Капустин, Д.А. Смирнов). Профессор А.П. Поспелов занимался исследованиями фосфоресценции и изучал спектры паров металла². Большое значение имело изучение влияния лунно-солнечных притяжений с помощью геодинамической станции, устроенной по решению съезда Международной сейсмологической ассоциации.

Таким образом, если изучение Сибири вплоть до 1880-х гг. носило спорадический характер, то с открытием Томского университе-

¹ Соколовский П.К. Первая геодинамическая станция в Сибири: ее возникновение, постройка и организация наблюдений // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 42.

² Поспелов А.П. Фосфоресценция. I. Закон убывания яркости света фосфоресценции. Томск, 1914; Он же. Применение метода свободно падающей системы к определению времени действия упругих сил работающей пружины. Томск, 1913.

та начинается ее систематическое научное познание сотрудниками естественноисторических кафедр медицинского факультета. Профессора этих кафедр С.И. Коржинский, А.М. Зайцев, С.И. Залесский, Н.Ф. Кашенко, В.В. Сапожников, Ф.Я. Капустин, П.П. Орлов, ученый садовник, а затем приват-доцент П.Н. Крылов, приват-доцент П.П. Пилипенко и другие внесли крупный вклад в изучение ее природы, заложили основы научных направлений и школ, которые в дальнейшем получили свое развитие.

Профессора, преподаватели и сотрудники Томского университета, а также студенты медицинского факультета за период с 1888 по 1917 г. совершили свыше 170 научных экскурсий и экспедиций по обширным территориям Сибири, в том числе 57 ботанико-географических, 40 зоологических, 24 химических, 22 геологических, 12 физико-метеорологических и астрономических, 14 археолого-исторических экспедиций. Более 20 экспедиций было организовано медицинскими кафедрами с целью изучения лечебных свойств некоторых местностей, сбора лекарственных трав, профилактики и лечения заболеваний. Из всего числа экскурсий и экспедиций 37 было совершено с участием студентов и вольнослушателей Томского университета и Томского технологического института, в том числе 7 экспедиций были организованы студентами самостоятельно на деньги, выделенные Обществом естествоиспытателей и врачей. Всего же студентами Томского университета из разных источников финансирования на самостоятельные экспедиции было получено более 2000 руб.

Учеными Томского университета были систематически исследованы районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Семиреченской и Семипалатинской областей, Средней Азии, Монголии. Особенностью этих экспедиций было то, что они, как правило, носили междисциплинарный характер. Участники экскурсий и экспедиций не ограничивались только своими непосредственными научными интересами, а собирали материал и вели наблюдения в смежных научных областях. Благодаря этим экспедициям были не только подготовлены научные труды, вошедшие в 65 книг «Известий Императорского Томского университета», опубликованные в центральных и зарубежных научных изданиях; сделаны открытия, ставшие достоянием отечественной и мировой науки, но и собраны богатейшие коллекции для зоологического, минералогического, палеонтологического и археологического музеев Томского универси-

тета, гербария и ботанического сада, которыми гордится и поныне один из старейших университетов России¹.

Свой вклад в изучение Сибири внесли и ученые Томского технологического института, открытого в 1900 г. Большую роль профессора и преподаватели этого технического вуза сыграли в решении проблемы водоснабжения Сибирской железной дороги (В.А. Обручев, Я.И. Николин, Н.А. Кашкарев), обеспечения безопасности движения на транспорте (Л.Н. Любимов, Ф.К. Ясевич, С.П. Гомеля), в изыскании и сооружении новых участков дороги (М.Н. Кошурников).

Другими важными направлениями научной деятельности ученых института с привлечением студентов горного отделения стали начатое ими системное изучение геологического строения Сибири и сопредельных территорий (В.А. Обручев, М.А. Усов, П.П. Гудков, И.А. Молчанов, М.К. Коровин и др.), палеонтологии (М.Э. Янишевский), разработка проблем освоения месторождений угля в Кузбассе (М.А. Усов, П.К. Соболевский, С.Ю. Доборжинский), механизации добычи золота (Л.Л. Тове), технологии обогащения руд благородных и цветных металлов и способов извлечения металла из этих руд (В.Я. Мостович), поиска и разработки месторождений строительных материалов (А.Э. Сабек), металловедения (В.Н. Гутовский, Т.И. Тихонов) и металлургии (Н.П. Чижевский), прикладной механики и машиностроения (И.И. Бобарыков, В.Л. Малеев, В.Г. Карпенко, С.К. Конюхов), электротехники (А.А. Потенба, В.М. Хрущев), холодильного дела (А.М. Крылов), химии (Н.М. Кижнер, С.В. Лебедев, Д.П. Турбаба, Я.И. Михайленко), геофизики (Б.П. Вейнберг), математики (Ф.Э. Молин, В.П. Алексеевский, В.Л. Некрасов), архитектуры (К.К. Лыгин, А.Д. Крячков, В.Ф. Оржешко), организации строительства (П.А. Миняев, П.А. Микулин), исследования сибирских рек и превращения их в транспортные магистрали (С.А. Жбиковский, М.А. Великанов), проблем городского хозяйства – водопровода и канализации (Я.И. Николин)². Таким образом, уже в дореволюционный период Томским университетом и технологическим институтом было положено начало всестороннему изучению ресурсного и гуманитарного потенциала Северной Азии на стационарной основе, а

¹ Подробнее о научно-исследовательской деятельности профессоров и преподавателей Томского университета в дореволюционный период см.: *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. Т. 2. С. 122–291.

² *Томский политехнический университет 1896–1996: Исторический очерк* / под ред. А.В. Гагарина. Томск: ТПУ, 1996. С. 45–59.

собранные в ходе экспедиций и экскурсий материалы накапливались в музеях и кабинетах университета и технологического института.

Свою лепту в научное изучение Сибири внес и учрежденный по инициативе сибирских ученых в январе 1919 г. при поддержке правительства адмирала А.В. Колчака Институт исследования Сибири, который современники называли Сибирской академией наук. Институт учреждался в составе Среднесибирского и Дальневосточного отделений и 6 отделов: географического (с подотделами – геодезии, геофизики и гидрологии); бальнеологии и курортоведения; естественноисторического (с подотделами – ботаники, зоологии, сельского хозяйства и лесоведения); промышленно-технического; историко-этнографического; статистико-экономического (с подотделами – статистическим и экономическим). Директором института был назначен В.В. Сапожников, его помощником – Б.П. Вейнберг.

Работа Института исследования Сибири началась летом 1919 г. после того, как ему был выдан аванс (230 тыс. руб.), рассчитанный на 2 месяца. В действительности же на эти деньги институту пришлось существовать в течение полугода. Это обстоятельство, как и развернувшиеся на территории Сибири летом 1919 г. военные действия, партизанское движение в районах, где намечалось проведение экспедиций, не позволили институту развернуть свою деятельность так, как это задумывалось на съезде и планировалось в отделах и отделениях.

Тем не менее даже за этот короткий промежуток времени удалось развернуть не только организационную, но и научно-исследовательскую работу как в Томске, где размещался институт, так и в его отделениях. Состав сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей высших учебных заведений Томска: университета, технологического института и Сибирских высших женских курсов. Среди институтских работников были представители научных сил и из других сибирских городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток).

На заседании совета Общества «Институт исследования Сибири» 7 августа 1919 г. было принято постановление об «использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала»¹. Поэтому активное участие в работе института приняли и профессора, препода-

¹ *Правительственный вестник*. Омск. 1919. 25 окт. Дата утверждения А.В. Колчаком Постановления Совета министров ошибочно указана 28 июня 1919 г.

даватели и научные сотрудники эвакуированных в Томск Казанского и Пермского университетов, а также беженцы из других научных центров Европейской России. Научный потенциал института был достаточно внушителен. В работе отделов и отделений, в научных исследованиях, проводимых институтом, участвовали в будущем действительные члены АН СССР Г.А. Шайн, В.Д. Кузнецов, Н.П. Чижевский, А.А. Рихтер и П.П. Маслов, члены-корреспонденты АН СССР К.Д. Покровский, М.А. Великанов, П.Н. Крылов, Ц.Ж. Жамцарано и А.В. Анохин, член-корреспондент АН СССР и член-корреспондент Болгарской академии наук А.М. Селищев, действительный член Академии медицинских наук СССР и Польской академии наук В.Н. Беклемишев, академик Академии наук Чехословакии И.И. Подпера, член-корреспондент Польской академии наук М.М. Каменский.

Наиболее значительной экспедицией была поездка в Обскую губу профессора Томского университета В.В. Сапожникова и ассистентки Е.В. Никитиной летом 1919 г. с целью изучения растительности тундры. Они отправились вместе с экспедицией Северного морского пути, возглавляемой директором маяков и лоций Северного морского пути полковником Д.Ф. Котельниковым и занимавшейся гидрографическими исследованиями. Общая продолжительность поездки составила 10 недель. В ходе экспедиции была изучена растительность лугов низовья Оби и Иртыша, а также тундры и собран флористический материал¹. Вместе с экспедицией Северного морского пути в Обскую губу для определения земного магнетизма в ряде пунктов по р. Оби и в Обской губе отправился и сотрудник географического отдела С.И. Шубин².

Летом того же 1919 г. Средне-Сибирским отделением Института исследования Сибири в Иркутске была организована рекогносцировочная экспедиция с целью «предварительного изучения судо- и мореходных протоков р. Лены для ориентировки и подготовки основной описной и промерочной экспедиции в будущем 1920 г.». Ее возглавил капитан Ф.А. Матиссен. В результате он пришел к выводу о возможности организовать доставку пароходами заграничных товаров морским путем в устье Лены за одну летнюю навигацию³.

¹ В.В. Сапожников и Е.В. Никитина: Поездка в низовье Оби и в Обскую губу в 1919 году // Известия Института исследования Сибири: Труды Географического отдела. Т. 2, вып. 1. Томск, 1920. С. 1–14.

² ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

³ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 29. Л. 8, 14, 15.

Институт исследования Сибири поддерживал тесные связи с Российским геологическим комитетом, представленным в Томске членом комитета Я.С. Эдельштейном, а также с созданным в 1918 г. Сибирским геологическим комитетом (председатель П.П. Гудков). Летом 1918 г. этими организациями было проведено несколько экспедиций, нацеленных на изучение месторождений полезных ископаемых на территории Сибири. Так, по заданию физико-математического факультета и Сибгеолкома профессор Томского университета С.М. Курбатов с 30 мая по 20 августа 1919 г. выезжал в Енисейскую губернию для изучения минералов Минусинского края. Им были обследованы ряд медных рудников в районе Черного и Белого Юсов, по правому берегу Чулыма и медные месторождения района Божьего озера в Ачинском уезде (Печищенское, Сорбогольское) и новое медное месторождение в верховьях Печище. В ходе этой же поездки он ознакомился с месторождением флюорита, кальцита и барита в Ирбинской даче. В ходе экспедиции С.М. Курбатов занимался также сбором материала с целью пополнения как основной, так и учебной коллекций минералогического кабинета Томского университета¹.

Летом 1919 г. по заданию историко-этнологического отдела профессор Томского университета А.Д. Григорьев, крупный специалист в области древнерусской литературы, удостоенный Петербургской академией наук Ломоносовской премии за свою магистерскую диссертацию «Повесть об Акире Премудром», занялся изучением русских старожильческих говоров Сибири. Летом 1919 г. совет университета командировал его в Тобольскую и Томскую губернии для изучения русских говоров². Позднее в «Известиях Института исследования Сибири» А.Д. Григорьев опубликовал монографию «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров», которая и сегодня представляет научный интерес³. Профессор Б.П. Денике, возглавивший с 1 июля 1919 г. в Томском университете кафедру теории и истории наук на историко-филологическом факультете, летом 1919 г. Институтом исследования Сибири был командирован в Тобольскую губернию для изучения

¹ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 276. Л. 49.

²ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 859. Л. 25, 26, 27, 28.

³ *Известия* Института исследования Сибири. № 6: Труды историко-этнографического отдела. № 1. Томск, б.г.

памятников старинного деревянного зодчества. В Томск он привез много фотоснимков памятников деревянного зодчества Сибири¹.

Оставленный при Томском университете для приготовления к профессорскому званию В.Ф. Смолин по поручению Института исследования Сибири занимался археологическими раскопками близ старого татарского кладбища в Томске, на местах древних городищ².

На состоявшемся 29 сентября 1919 г. объединенном заседании статистико-экономического и историко-этнологического отделов Института исследования Сибири было заслушано сообщение профессора П.Г. Любомирова и ученого секретаря особой комиссии при Академии наук по изучению племенного состава России и сопредельных стран профессора С.И. Руденко, который оказался в Сибири в силу обстоятельств Гражданской войны. После обсуждения сообщения, в котором говорилось об участии института в той или иной форме в работе комиссии, было решено «признать работу по составлению карты племен Сибири соответствующей задачам Института исследования Сибири». Помимо этого, была организована комиссия, которую возглавил профессор Томского университета С.И. Руденко. В своей работе эта комиссия должна была руководствоваться инструкцией Академии наук. Комиссии предлагалось «вести работу в срочном порядке» и составить смету необходимых расходов³.

Среди профинансированных Среднесибирским отделением мероприятий были поездка А.М. Селищева по Ангаре и Забайкалью для изучения местных говоров, изучение студентом Петроградского университета С.А. Новгородцевым языка карагасов в Нижнеудинском уезде, археологическая экспедиция Б.Э. Петри для исследования древних стоянок человека на озере Косогол, в Тунке и на Байкале⁴.

После возвращения советской власти Институт исследования Сибири занимался установлением связей с научными учреждениями, включая Академию наук, Русское техническое общество, Русское вольно-экономическое общество, ряд высших учебных заведений в Сибири и в европейской части России.

В их адрес была направлена информация о деятельности института, налажен обмен изданиями. Так, 31 января 1920 г. руководство института направило записку в Академию наук, в которой кратко

¹ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24. Л. 54.

² Там же. Л. 43, 57.

³ Там же. Д. 27. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 29. Л. 2.

изложила историю организации института и результаты его деятельности. При этом особо подчеркивалось, что с первых дней своей работы институт, «принимая во внимание унификации методов изучения страны, признал нужным руководствоваться в научном отношении предначертаниями Российской Академии наук». «Уже в короткий срок своего существования, – говорилось в записке, – институт принимал во внимание все зависящие от него меры к возможной поддержке учреждений и начинаний академии во время оторванности Сибири от Европейской России: была выдана ссуда на содержание Геофизической станции в Томске, пособие на содержание Гидробиологической станции на Байкале, была учреждена Комиссия по изучению племенного состава Сибири с возложением на нее обязанностей вести это дело по инструкциям Академии наук. Институт исследования Сибири, «поставив своей задачей всестороннее изучение Сибири в научно-теоретическом и научно-практическом отношениях», выражал надежду «на помощь Академии в его различных начинаниях – как в смысле поддержки ходатайств института об отпуске средств, так и в смысле указания насчет общего плана работ в институте и отдельных его предприятий».

В целях более полного ознакомления с историей возникновения и характером деятельности Института исследования Сибири совет института направил в Петроград ряд своих материалов, в том числе «Отчет Общества «Институт исследования Сибири» за время его существования (февраль – октябрь 1919 г.) и «Труды съезда по организации Института исследования Сибири» (Томск, 1919)¹. 2 июня 1920 г. поступил ответ из Российской академии наук. Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург в ответ на телеграмму, в которой было выражено желание Института исследования Сибири работать в контакте с академией, информировал о том, что «конференция академии постановила известить институт, что академия охотно окажет всяческое содействие научной работе Сибирского института, так как академия с первых лет своего существования занималась исследованием Сибири и продолжала и продолжает эти исследования и теперь. Российская академия наук просит Институт исследования Сибири сообщить ей, в чем и как она могла бы быть полезна институту»².

Однако 5 июня 1920 г. Сибревком принял постановление «О закрытии Института исследования Сибири и учреждении научных

¹ ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 60. Л. 61.

² Там же. Л. 226

секций при Томском университете и Томском технологическом институте»¹.

Подводя итоги кратковременного существования Института исследования Сибири, можно сказать, что это научное учреждение, не располагая значительными материальными и финансовыми возможностями, в сложнейших условиях не только попыталось наладить планирование и координацию научной работы, ведущейся на территории Сибири, но и выполнило ряд научных исследований в самых различных областях знания. Исследования, проводимые институтом, имели не только прикладное, но и фундаментальное значение. Институтом были изданы «Труды съезда по организации Института исследования Сибири» (Томск, 1919) и 6 томов (выпусков) «Известий Института исследования Сибири» (1920), в которых нашел отражение целый ряд полученных научных результатов.

Итак, процесс научного изучения обширных регионов Российской империи в Северной Азии имел несколько этапов. Рубежным событием в нем стало учреждение первого в Сибири университета в г. Томске. Оно дало импульс для системного и комплексного исследования Сибири и Дальнего Востока в ботаническом, зоологическом, горно-геологическом, физическом, химическом, бальнеологическом отношениях.

Конечно же, ряд государственных проектов, таких как строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, служили драйверами для научных исследований. Вместе с тем следует отметить, что богатое научное наследие, оставленное в первую очередь профессорами и преподавателями Императорского Томского университета, отражает общую тенденцию дореволюционного периода истории науки и техники в Северной Азии. Речь идет о приоритете частной инициативы в изучении макрорегиона. Красноречиво подтверждает это положение и история Института исследования Сибири, ставшего, как уже было отмечено, плодом усилий сибирских ученых.

1 Подробнее об истории Института исследования Сибири см.: *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. и др.* Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43; *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. и др.* Отделы, Средне-Сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 5–41; *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. С. 358–395.

В 1930-е гг. немало почтенных советских ученых критиковали царское правительство за недостаточное внимание к Северной Азии, отсутствие целенаправленной государственной политики по ее изучению. Действительно, отличительной чертой дореволюционной русской науки являлась раздробленность научных сил и разобщенность исследований, проводившихся в разных регионах страны. Разрозненно и бессистемно велись многие исследования, характер которых уже сам по себе требовал комплексного подхода. Особенно наглядно это проявилось в период интенсивного освоения Сибири в XIX–начале XX в.¹

К концу 1920-х гг. именно на почве постепенного внедрения системного государственного подхода в научном изучении Сибири и Дальнего Востока наметился сдвиг в отношениях советской власти и сибирской профессуры². Эпоха индустриализации 1930-х гг. в этом смысле стала поворотной, открыв новые масштабы исследовательской деятельности в Северной Азии.

¹ Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 68.

² См.: Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 418. С. 172–181.

Глава 5

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ «ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ» (О.А. Харусь, Д.Н. Шевелев, В.В. Шевцов)

5.1. Северная Азия в системе российского управления в XIX в.

(В.В. Шевцов)

Российская империя была общностью регионов, постепенно, век за веком присоединяемых к историческому центру (homeland). Под регионом понимается особое историко-географическое пространство, в рамках которого существует и развивается устойчивая социальная общность, обладающая осознанием своей «особости» и противопоставляющая себя жителям другого региона. При наличии такой структуры возникает проблема взаимоотношений центра и региона. Статус региона определяется государственным центром, который обладает политической властью и волей сохранять по каким-либо причинам дисбаланс между различными регионами или сглаживать, видоизменять его.

Стремительное расширение масштабов Российского государства относится ко второй половине XVI–XVII в., когда в его состав были включены территории Поволжья, Урала, Западной и Восточной Сибири. Именно благодаря этим территориям Россия приобрела и до сих пор сохраняет статус евразийской державы. Инкорпорация такого огромного полиэтнического пространства требовала выработки определенных политико-административных методов его удержания, освоения и интеграции в рамках имперского государства. При этом такая система властвования должна

была финансово не обременять центр, гарантировать безопасность внешних границ, обеспечивать лояльность населения и управляемость социальными процессами. Под региональной политикой самодержавного государства понимается совокупность законодательных инициатив и практических действий правительства, направленных на организацию административных и судебных институтов власти в регионе, изменений административно-территориального устройства, хозяйственное и культурное развитие региона, реагирование на социальные, этнические, конфессиональные и другие проблемы, возникающие в процессе управления. Региональная политика могла осуществляться как в виде директивных властных импульсов из управляющего центра по отношению к местному государственному аппарату, так и в форме диалога с местной общественностью и органами самоуправления (если таковые имелись).

Сибирь в историческом прошлом и настоящем – это самый значительный регион России – даже макрорегион. В административно-территориальном смысле под Сибирью XIX – начала XX в. будем понимать Томскую, Тобольскую, Иркутскую, Енисейскую губернии, Акмолинскую, Якутскую и Забайкальскую области (области отличались от губерний наличием значительного числа инородческого населения).

Первым шагом петербургского правительства по организации системы управления огромной азиатской территорией в XIX в. следует считать реформу М.М. Сперанского. В 1822 г. были изданы подготовленные им, специализированные законодательные акты – «Сибирское учреждение» и «Устав об управлении инородцами». Это была реакция (хотя и запоздалая) на накопившиеся проблемы – злоупотребления чиновников при сборе податей и заготовке хлеба, незаконные поборы, взяточничество, казнокрадство, которые подрывали авторитет самодержавной власти и наносили ущерб ее фискальным интересам¹. Проведенная М.М. Сперанским в 1819 г. ревизия Сибири привела в Российской империи к небывалому по массовости отрешению чиновников от должностей – губернаторы Томской и Иркутской губернии и 48 должностных лиц были отданы под суд, 680 человек обвинены в злоупотреблениях (среди них 174 чиновника

¹ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017.

и 236 начальников инородческих волостей). Был удален со службы и генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель¹. После возвращения М.М. Сперанского в Петербург в 1821 г. был создан Первый Сибирский комитет. Это был специализированный высший государственный орган, действовавший автономно и наравне с общеимперским Комитетом министров. Сибирский комитет работал до 1838 г. и разрабатывал не только законодательные акты специально для Сибири, но и ведал текущими делами ее управления². За 1821–1822 гг. в Сибирском комитете были рассмотрены не только «Сибирское учреждение» и «Устав об управлении инородцами», но и еще восемь законов, утвержденных императором Александром I и касавшихся различных сторон управления Сибири – «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о городских казаках», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о сухопутных сообщениях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о земских повинностях», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». Только управление сереброплавильными заводами и приписанными к ним крепостными крестьянами Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа осталось за рамками компетенции Сибирского комитета и сохранилось в ведении Кабинета Его Императорского Величества как личная собственность императорской фамилии³.

«Устав об управлении инородцев» предоставлял сибирским аборигенам автономию с особым правовым и льготным фискальным статусом, что позволяет говорить о достаточной степени этноконфессиональной толерантности петербургского правительства к нерусскому населению Северной Азии. В инородческих управах и степных думах большая часть дел решалась словесно, без документальной фиксации, а значит, и без бюрократической волокиты. Неотъемлемой частью их деятельности была коррупция, которую, однако, можно рассматривать не как нарушение рациональных

¹ Коновалов И.А. Ревизия М.М. Сперанского и борьба с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. // Вестник Нижневартского государственного университета. 2018. № 1. С. 33.

² Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2011. № 1 (1). С. 8–24.

³ Жеравина А.Н. О целесообразности продолжения дискуссии по владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства (1747–1861 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 2. С. 15–24.

и правовых норм управления, а как традиционный институт восточных обществ, воспринимавшийся как норма и необходимость и управляющими, и управляемыми. Впоследствии, во второй половине XIX в., особая система управления и правовая обособленность инородцев стали рассматриваться петербургским правительством как тормоз для распространения на Сибирь общероссийских учреждений и норм управления. В Якутии, Хакасии, на Алтае и других территориях проживания автохтонных сибиряков инородческие управы и думы стали ликвидироваться, сливаясь с волостями русского населения Сибири. Однако формирующаяся национальная интеллигенция Сибири рассматривала эти учреждения как форму национальной автономии и поддержания этнокультурной самобытности, требуя их сохранения или восстановления¹.

Реформа М.М. Сперанского представляет собой пример директивного улучшающего вмешательства центра в управление провинцией без обращения к мнению и участию выборных представителей от управляемого общества. «Сибирское учреждение» 1822 г. почти на век определило управленческую специфику Сибири и ее неравноправный характер по отношению к другим регионам – никакой закон, исходящий из Петербурга, не распространялся на сибирскую окраину, если об этом не было специально оговорено. Во многом это было продиктовано объективной необходимостью учитывать специфику региона (отсутствие в сибирских губерниях европеизированного «культурного элемента» в виде дворян-помещиков, недостаток чиновников, малочисленность населения, большие расстояния между населенными пунктами), а также представлением центральных властей, что Сибирь еще «не готова», «не доросла» до административно-правового равенства с регионами Европейской России. В то же время необходимо отметить, что «Сибирское учреждение» 1822 г. было первым опытом создания свода законов в масштабах значительной, хотя и не основной, части страны, на 10 лет опередившим кодификацию законов для всей страны – только в 1832 г.,

¹ Шерстова Л.И. «Устав об управлении инородцев» как источник по этнополитической истории сибирских аборигенов // Человек – текст – эпоха. Томск, 2004. С. 176–190; Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110; Демидов В.А., Демидов В.В. Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск, 2001; Мамышева Е.П. Хакасия: от степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан, 2008.

под руководством того же М.М. Сперанского, был подготовлен «Свод законов Российской Империи».

«Сибирским учреждением» 1822 г. были введены новые административные границы Сибири – Сибирское генерал-губернаторство разделялось на Восточно-Сибирское, с центром в Иркутске и Западно-Сибирское, с центром в Тобольске (с 1838 г. в Омске). К Восточной Сибири относились Енисейская и Иркутская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления, Троицко-савское пограничное управление. К Западной Сибири – Томская и Тобольская губернии, Омская область. Такое разукрупнение и оптимизация управления были обусловлены рядом факторов: сложность управления такой огромной территорией из одного центра, различные природно-климатические условия, смешанный этнический состав населения, развитие торговли и промышленности. Кроме того, новые региональные центры обеспечивали расширение границ Российской империи – Западно-Сибирское генерал-губернаторство в Средней Азии, Восточно-Сибирское на Дальнем Востоке.

Выполнение внутренних задач управления и внешнеполитических задач должна была взять на себя сильная власть генерал-губернатора, который получал управленческие функции лично от императора и имел возможность непосредственного взаимодействия с этой центральной фигурой российской системы управления. О жалобах на генерал-губернаторов в различные государственные учреждения сообщалось императору, и только он мог принять решение относительно проверки этих жалоб. Если рядовой губернатор должен был подчиняться и координировать свои действия с Министерством внутренних дел и другими министерствами, то статус генерал-губернатора был приближен к министерскому, что приводило к конфликтным отношениям министров как представителей отраслевого управления с генерал-губернаторами как представителями территориального управления. Именно генерал-губернатор должен был осуществлять правовой контроль за деятельностью губернских чиновников и руководить развитием подвластных ему территорий. Полномочия генерал-губернатора были широки, но в меньшей степени регламентированы правовыми нормами, поэтому в данном случае большую роль приобретали личностные качества кандидата на этот пост – его административные способности и предшествующий управленческий опыт, связи в придворных кругах, знания местных условий региона и, наконец, общественно-политические взгляды.

ды, в соответствии с которыми генерал-губернатор понимал свое предназначение¹ (например, значительный вклад в развитие региона внесли такие талантливые администраторы, как управлявший в 1847–1861 гг. Восточной Сибирью генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский, Западной Сибирью в 1875–1881 гг. генерал-губернатор Н.Г. Казнаков).

Комитет министров мирился с превышением генерал-губернаторами своих полномочий, если они имели практическую целесообразность. Так же, как и Сибирский комитет, в своей деятельности генерал-губернатор руководствовался прежде всего собственным мнением и стратегией относительно пользы или вреда того или иного плана преобразования, без учета мнения управляемых. Хотя, безусловно, генерал-губернатор был в большей степени приближен к местным условиям и в своих обращениях в Петербург по поводу своей программы действий мог говорить от имени населения региона. При подготовке проектов преобразований в Сибири Петербург принимал во внимание мнения сибирских генерал-губернаторов, как более осведомленных о местных проблемах и интересах.

Ревизия М.М. Сперанского и последовавшие за ней следственные дела носили ситуационный характер, как и данные Сибири законы, и вовсе не означали, что государственный механизм будет полностью обновлен, свободен от коррупции и более эффективен. При отсутствии общественного контроля за деятельностью местных властей основным контролирующим механизмом были ревизии из центра. Уже в 1827 г. Сенатом была проведена новая ревизия Сибири, с целью проверки эффективности «Сибирского учреждения». Сенаторы Б.А. Куракин и В.К. Безродный ограничились формальной проверкой делопроизводства на местах и выявлением наиболее вопиющих фактов злоупотреблений. Очередные перестановки в чиновничьем аппарате и увезенные в столицу жалобы и просьбы от местных жителей не меняли форм и методов управления Сибирью

¹ *Ремнев А.В.* Император – министры – генерал-губернаторы: «административный треугольник» для Сибири и Дальнего Востока // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 30–37; *Матханова Н.П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 22–30.

по существу¹. Более масштабной и плодотворной была ревизия Восточной, а затем Западной Сибири, проведенная в 1843–1846 гг. сенатором И.Н. Толстым и генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым. Ревизия закончилась не только отстранением от должности генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта (по обвинению в превышении полномочий), но и общим выводом ревизоров о том, что региональная специфика в административной политике учтена слабо². Для этой цели в 1852 г. был вновь воссоздан особый региональный орган управления – Второй Сибирский комитет, действовавший до 1864 г. В правительственных кругах возникло мнение, что игнорирование интересов Сибири может ослабить позиции России в Азии, в особенности в условиях роста влияния в регионе Великобритании. Присоединение в 1858–1860 гг. амурских земель и начало завоевания Средней Азии усиливали внешнеполитическое значение Сибири. В отчете Н.Н. Анненкова о ревизии Западной Сибири отмечалось, что переселение русского крестьянства и образование дворянских помещичьих хозяйств упрочит влияние Российской империи на всем российском Востоке. Деятельность Второго Сибирского комитета способствовала выработке правительственной программы в отношении Сибири на основе формулирования ее проблем и потребностей, однако эпоха буржуазных «Великих реформ» Александра II 1860–70-х гг. оттеснила Сибирь в политической повестке дня на второй план. Ни одна из реформ, за исключением освобождения крепостных крестьян, приписанных к заводам Алтайского горного округа, не была проведена в Сибири. Реформа образования, судебная и земская реформы обошли зауральские губернии стороной.

Либерализация правительственного курса в этот период и рост общественного движения в стране привели к формированию еще одного серьезного актора в системе координат центр-периферия – сибирской интеллигенции. В первой половине XIX в. об интересах и необходимости развития Сибири говорили политические ссыльные – декабристы (участники восстания 14 декабря 1825 г.) и петрашевцы (участники социалистического кружка М.В. Петрашевского, аресто-

¹ Афанасьев П.А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. Барнаул, 2014. С. 62–67.

² Матханова Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 56–62.

ванные в 1849 г.). Декабристы и петрашевцы (а первые прожили в Сибири столько лет, сколько служили в должности не каждые местные губернаторы) говорили от имени сибиряков и идентифицировали себя с ними по праву. В условиях дефицита «своих» кадров инициатива в формулировании нужд «новой родины» принадлежала ссыльной дворянской и разночинной интеллигенции. Однако интерес к Сибири, в большинстве случаев, был лишь проходным сюжетом «сибирской биографии» образованного ссыльного, мотивированного склонностью к научной, публицистической и иной писательской деятельности на доступном материале. Как только им удавалось покинуть пределы «самой большой русской тюрьмы», Россия и ее общественно-политическая жизнь, события «большого мира» выходили на первый план. Сибирские интересы могли быть сформулированы и отстаиваемы только сибиряками, постоянными, а не «транзитными» жителями края. Такими уроженцами Сибири, постоянно жившими в крае и открывшими новую страницу в истории ее общественной жизни, стали, так называемые, областники – А.П. Щапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков и другие менее известные люди. Основными сибирскими вопросами, разрабатываемыми ими, были: отмена ссылки в Сибирь, преодоление подчиненного экономического положения восточной окраины, улучшение положения коренного населения, земледельческая колонизация, расширение сферы образования и, наконец, «заветное желание», исполнение которого должно было объединить всех жителей края, – открытие сибирского университета. Вначале областники группировались вокруг первых сибирских газет – губернских ведомостей Томска и Иркутска, которые начали выходить с 1857 г. как органы официальной губернской власти. В 1865 г. в Омске был раскрыт «заговор» сибирских сепаратистов, который благодаря стараниям следователей разросся в «дело об отделении Сибири от России»¹. В действительности взгляды мнимых заговорщиков были вполне умеренными и отвечавшими общим либеральным настроениям в стране. Сибирская республика по типу США, как признавали сами последственные, была, скорее, своего рода эфемерной фантастической идеей, чем реальным политическим проектом. На страницах сибирских ведомостей областники обсуждали вполне легальную тему прогресса, без какой-либо оппозиционности к центральным и

¹ Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебrenников. Томск, 2002.

местным властям. С целью ликвидации неравноправного положения окраины утверждалась необходимость перенесения на ее территорию тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в эпоху «Великих реформ» – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа, и в выборе такого ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Тем более что прогрессом сибиряки были обделены дважды – и по отношению к западным странам и по отношению к Европейской России. Однако в отличие от своих коллег-модернистов из европейской части страны областники на основе параллелей и в характере колонизации, и экономического положения, и положения коренного населения Сибири намекали на североамериканский путь развития. Именно это обстоятельство было усилено следствием и стало главным вопросом к обвиняемым. Реальное влияние на население Сибири мнимых «заговорщиков» было равно нулю, однако в глазах власти сибирская интеллигенция была надолго скомпрометирована делом «об отделении Сибири от России», которое превращало региональный сибирский патриотизм в страх перед сибирским сепаратизмом¹. Это препятствовало налаживанию диалога между властью и образованным меньшинством сибирского общества о перспективах развития Сибири. Однако уже в 70–80-е гг. XIX в. возникла возможность сотрудничества сибирской интеллигенции с просвещенной бюрократией. В 1874 г. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин были помилованы, и их мнение принималось во внимание в Петербурге при выработке программ сибирских реформ. В частности, значительную роль они сыграли в принятии решения о строительстве первого сибирского университета в Томске в 1878 г. Конечно, сибирские областники надеялись, что преобразования затронут не только структуру бюрократической иерархии, но и будут способствовать децентрализации власти на основе широкого местного самоуправления. Главным печатным органом Азиатской России стала основанная в 1882 г. Н.М. Ядринцевым газета «Восточное обозрение». Характерно, что эта ведущая газета о Сибири и для сибиряков издавалась в

¹ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 2. С. 88–91.

С.-Петербурге, где не действовали нормы предварительной цензуры. Газета выступала за равноправие сибирских окраин с центральными частями России, за распространение на Сибирь земской и судебной реформ, за расширение прав городского и сельского самоуправления, за гласность и свободу печати. По мнению областников, Сибирь уже не нуждалась в бюрократической опеке петербургского правительства, которая поддерживала неравноправное положение региона и безынициативность местного общества. Изменения в административном строе будут благотворны, если правительство признает равноправное положение Сибири в составе России и найдет опору в самом сибирском обществе (под этой опорой областническая интеллигенция подразумевала себя). На рубеже XIX–XX вв. прогрессивная сибирская интеллигенция получила поддержку в лице сибирской буржуазии, которая связывала сибирскую идентичность с ликвидацией экономического неравноправия центра и окраины. На страницах периодических изданий, на собраниях различных общественных организаций и заседаниях городских дум обсуждались вопросы, связанные с необходимостью обеспечения благоприятных условий для социально-экономического, политического и культурного развития региона. В числе приоритетов значились: введение земских учреждений и суда присяжных, отмена ссылки, отмена Челябинского тарифного перелома, искусственно повышавшего цену на сибирский хлеб, введение порто-франко в устьях Оби и Енисея, открытие Северного морского пути, создание общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. По мнению сибирской интеллигенции, автономия Сибири была призвана способствовать ее экономическому и культурному развитию, и вместе с тем отвечала общегосударственным интересам всей России.

В мемуарах и публицистике, выходивших из-под пера как сибирских авторов, так и политических ссыльных, приезжих чиновников и ревизоров, заметна тенденция отмечать социальное и психологическое своеобразие сибиряков и их противопоставление себя жителям России («рассейским» или «российским», т.е. русским из европейской части страны). Россия в Сибири воспринималась как нечто отдаленное, не имеющее родственного и близкого к сибирскому населению. При характеристике сибирского крестьянина часто назывались такие качества, как ум, предприимчивость, равнодушные к вопросам религии, независимость взглядов, чувство собственного достоинства и отсутствие раболепия перед вышестоящим

(которое было свойственно русским крестьянам, несколько веков находившимся под крепостным правом). Сибиряк уважал власть денег, был человеком более самостоятельным и прагматичным, чем его русский собрат. На приезжего «российского» крестьянина крестьянин-сибиряк смотрел с превосходством и с некоторым презрением к его бедности, забитости и социальной приниженности. Слово «российский» считалось даже несколько обидным в повседневном языке¹. Такая ситуация укрепляла центральные и местные власти в мысли, что «сибирский сепаратизм» – это не только интеллектуальный конструкт сибирской интеллигенции.

В 1882 г., в связи с подготовкой и празднованием 300-летия присоединения Сибири к России, вопрос о дальнейшей интеграции азиатского региона в общероссийское административно-правовое пространство вновь актуализировался в правительственной повестке дня. Круглая дата рождала надежды на перемены и у сибирской интеллигенции. Телеграмма Александра III, адресованная не сибирскому обществу, а восточно-сибирскому генерал-губернатору Д.Г. Анучину, кратко, внушительно и неопределенно сообщала следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления – предметы Моих постоянных забот. Надеюсь, со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями»². Аналогичный текст был отправлен западно-сибирскому генерал-губернатору Г.В. Мещеринову в Омск, что подчеркивало характер и возможные последствия юбилея как дела сугубо императорской и подчиненной ей генерал-губернаторской власти. Характерно, что дата присоединения Сибири к России, которая не была точно зафиксирована в истории, была произвольно привязана ко дню тезоименитства наследника престола, будущего Николая II, – 6 декабря 1882 г. Таким образом, династический и общероссийский праздник становился для Сибири главным, а трехсотлетний юбилей присоединения – второстепенным. В итоге имперский центр ограничился лишь изменениями в административно-территориальном устройстве Сибири – в 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено и Западная Сибирь приобрела статус «внутренней Азии» как окраины

¹ Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. С. 314.

² Томские губернские ведомости. 1882. № 50. 16 декабря. С. 1040.

более тесно интегрированной в имперское гражданско-административное пространство. Тобольская и Томская губернии теперь управлялись на общих основаниях как губернии европейской части России (только в 1905–1908 гг. для стабилизации общественно-политической обстановки в период Первой русской революции томский и тобольский губернаторы получили временные права генерал-губернатора). Для управления Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областями создавалось Степное генерал-губернаторство с центром в Омске. Восточная Сибирь как «внешняя Азия», имевшая в своем составе значительный инородческий этнический компонент и находящаяся в пограничном районе, сохранила генерал-губернаторское управление. В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, в которое входили Забайкальская, Приморская, Амурская области, а также Владивостокского военного губернаторство. Это способствовало отделению от «коренной» Сибири Дальнего Востока, экономическое развитие которого было связано с выходом к мировому океану. В 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское. В 1903–1905 гг., до поражения России в войне с Японией, существовало Наместничество Дальнего Востока.

Несмотря на официальное мнение о том, что Сибирь есть естественное продолжение России за Уралом, в рассматриваемый период она оставалась аграрным сырьевым придатком Европейской России с отрицательным торговым балансом. Природные богатства сибирских земель – меха, рыба, лес, кожи – выступали в качестве сырья, потоки которого контролировались торговыми посредниками из Москвы. Местное население рассматривалось как рынок сбыта готовых товаров, причем не всегда высокого качества, но высоких цен. Это служило причиной опасений петербургского правительства по поводу продвижения России на Амуре и строительства частных железных дорог в Приморье с привлечением иностранного капитала – не приведет ли это к появлению на сибирском рынке более дешевых и качественных товаров из Великобритании и США? Протесты против «мануфактурного ига Москвы» формулировались не только в сибирской публицистике¹, но и стихийно исходили от крепнущей сибирской буржуазии. Не только внутри Сибири, но и в формирующейся с конца XVII в. торговле с Китаем московское купечество, пользуясь покровительством правительства, стремилось

¹ *Словцов П.А.* Письма из Сибири. М., 1828. С. 96.

вытеснить конкурентов из Иркутска, Кяхты и Нерчинска, которые в ответ организовывали собственные торговые экспедиции в Китай и развивали контрабандные связи с богатым восточным соседом¹. Ввоз промышленных товаров в Сибирь и вывоз из нее природных ресурсов сдерживал процесс ее собственного промышленного развития. Такая важная отрасль местной экономики, как золотопромышленность, не оказала благотворного воздействия на развитие края. Доходы от золотодобычи тратились непроизводительно и не капитализировались в Сибири. В Сибири, в отличие от Австралии, золото не привело к росту городов, строительству дорог и созданию кредитно-финансовой системы². Надежда на быстрое обогащение на золотых приисках притягивала ссыльных, что приводило к росту криминогенной обстановки и отвлекало от размеренного земледельческого труда крестьян, что приводило их к разорению и пьянству. Отток крестьянского населения на прииски снижал производство хлеба и, как следствие, способствовал росту цен на него. Современники сравнивали «золотую лихорадку» в Сибири 30–40-х гг. XIX века с «мертвящим ураганом», который приводил к запустению и упадку населенных пунктов³. Развитие товарного сельского хозяйства сдерживали узость внутреннего рынка, отсутствие собственной перерабатывающей промышленности и невозможность вывоза зерна за пределы Сибири из-за огромных расстояний и неразвитости транспортной системы. Вывоз хлеба из Западной Сибири за Урал начался только с конца 1880-х гг. Исправить ситуацию могла только железная дорога.

В 1891 г. Александр III принял историческое для восточной окраины решение – о строительстве через ее территорию самой длинной в мире железной дороги – Транссибирской желез-нодорожной магистрали. Стоимость ее была колоссальной и целиком легла на плечи общероссийского бюджета, поскольку частные российские и иностранные капиталы не привлекались. Вместо первоначально планируемых 329 млн руб. золотом было потрачено до 1,5 млрд руб.

¹ *Шахеров В.П.* Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.* Иркутск, 1996. С. 49–64; *Шевцов В.В., Кириллова С.В.* Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 435.

² *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. С. 468–469.

³ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1889. Т. 1. С. 238–239.

золотом¹. В столичных газетах и журналах произошла инверсия темы центр-периферия – «выса-сывание» метрополией средств из окраины сменилось «выса-сыванием» средств окраины из метрополии. Эти «напрасные траты» и «жертвы» приводили к мысли об «оскудении центра», дороговизне содержания окраин, о нехватке средств для развития российских железных дорог и о том, что «Россия кормит Сибирь», не извлекая из нее никаких выгод². Однако дальновидные общественные и государственные деятели понимали, что строительство железной дороги в Сибири отвечало не только ее экономическим интересам, но и интересам всей Российской империи. Министр финансов С.Ю. Витте в 90-х гг. начал политику индустриализации страны на основе привлечения иностранного капитала. В этом отношении он считал, что транспортный коридор от западных до восточных границ России, с выходом через Маньчжурию к Японскому и Желтому морям, будет способствовать росту экспорта товаров растущей российской промышленности на Восток и придаст России значение торгового посредника между Востоком и Западом. Сибирь, по мнению Витте, получит от железнодорожной связи с европейской частью России приток крестьянского населения и новые рынки сбыта своей сельскохозяйственной продукции. Таким образом, хозяйственная замкнутость Сибири будет преодолена и ее сближение с Европейской Россией ускорится. Для разработки природных богатств Сибири и развития в ней промышленности Витте открывал доступ иностранным инвесторам. Это было новым подходом, критически встреченным дворянско-помещичьими кругами и российской буржуазией, которые опасались утраты своего монопольного положения и оказывали в этом отношении давление на императора и правительство. Кроме того, помещики Европейской России решительно высказались против конкуренции сибирского хлеба. Для примирения интересов центра и окраины С.Ю. Витте принял решение о введении в 1893 г. Челябинского тарифного перелома, который фактически означал внутреннюю таможенную пошлину при перевозке хлеба по Транссибу в центральные районы страны³. С ростом сельского хозяйства в Сибири тарифный перелом

¹ Борзунов В.Ф., Соловьева А.М. Великая Сибирская магистраль // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 133.

² Емельянов Н.Н. Сибирская железная дорога // Русский вестник. 1898. № 6. С. 351.

³ Китанина Т.М. Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С.Ю. Витте (К оценке Челябинского тарифа) // Проблема крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 200.

стал препятствовать ее участию в мировом товарном обращении. В дополнение к направлению Челябинск – Омск в 1913 г. началось движение по еще одной железнодорожной линии, соединивший Сибирь и европейскую часть России, – Екатеринбург–Тюмень–Омск. Челябинск перестал быть единственными воротами в Сибирь. В результате в 1913 г. Челябинский тарифный перелом был отменен¹.

Рескрипт Александра III о начале строительства «Великого Сибирского Пути» был адресован наследнику престола Николаю Александровичу, который во Владивостоке принял участие в торжественной церемонии закладки железнодорожного пути. Председателем Комитета Сибирской железной дороги, руководившего строительством, стал именно будущий император Николай II (который сохранил этот пост и после вступления на престол). Кураторство этого грандиозного проекта со стороны царствующего Дома Романовых придавало ему общенародное значение и давало «зеленый свет» в скорейшем решении всех финансовых, технических и бюрократических проблем (движение поездов по Транссибу началось уже в 1901 г.). В 1890–1891 гг. Николай II, будучи наследником, впервые, в отличие от своих предшественников, отправился в образовательное путешествие не в Европу, а на Восток, т. е. в ту сторону, куда, по мысли сторонников евразийского пути развития России, лежала историческая дорога российской цивилизации. Возвращение из Японии в Петербург через города Дальнего Востока и Сибири во многом носило парадный характер, однако имело важное символическое значение как знак приобщения Сибири к общерусской жизни. В немалой степени этому способствовало и участие сибиряков в первом в истории региона большом военном конфликте – Русско-японской войне 1904–1905 гг., в которой мобилизованные сибиряки выражали готовность вернуть «матушке России» долг за приобщение к европейской цивилизации посредством «Великого Сибирского Пути»².

В начале военных действий столичная и сибирская периодическая печать развивала тему Сибири не только как надежного тыла

¹ *Пронин В.И.* Вывозная хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 74–82.

² *Воробьева Э.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: динамика общественного мнения Сибири и Дальнего Востока // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. С. 69–103; *Шевцов В.В.* «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2013. Вып. 2 (12). С. 40–53.

в отстаивании престижа России как великой державы, но и форпоста в предотвращении надвигающейся на Европу «желтой опасности» (в начале XX в. синофобия была свойственна определенным политическим и интеллектуальным кругам России). Приамурье и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) стали экономическим плацдармом для имперских проектов самодержавия на Дальнем Востоке, которые, однако, столкнулись с аналогичными притязаниями быстро модернизирующейся Японии¹.

Чувствительное поражение в войне показало военно-политическую уязвимость России на восточных границах. В то же время провал авантюрных геополитических планов в отношении Маньчжурии и Кореи вновь сделал актуальным развитие уже имеющихся в составе России сибирских и дальневосточных территорий. Война с Японией изменила взгляд правительства на Сибирь, открыла ему глаза на то, что одной из причин ее неблагоприятного исхода были упущения в развитии экономического и стратегического потенциала азиатской окраины.

Связь Европейской и Азиатской России «стальным железнодорожным обручем» стала новым стимулом для имперского правительства к реформированию сибирского управления. В 1897 г. здесь начала осуществляться судебная реформа (с запозданием на 30 лет по сравнению с Европейской Россией и без введения суда присяжных). В 1898 г. на Сибирь распространился институт земских начальников в виде крестьянских начальников. Полноценное земское самоуправление, как в российских губерниях, так и не было введено в губерниях сибирских. Петербургское правительство опасалось, что ведущую роль в них займет областническая интеллигенция и крестьяне-старожила, деятельность которых могла привести к консолидации сибирской либеральной общественности и к конфликтам с губернской администрацией (в 1917 г. Временное правительство начало земскую реформу за Уралом, но через год она была свернута советской властью). Наконец, в 1900 г. была отменена судебная общеуголовная ссылка и ограничена административная ссылка в Сибирь.

Одним из наиболее важных и сложных вопросов в политике самодержавной власти в отношении к Сибири был вопрос сельскохозяйственной колонизации пригодных для земледелия территорий.

¹ *Схиммельпенник Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

Вольная и штрафная колонизация, возникшая уже в конце XVI в. и имевшая целью продовольственное обеспечение местного служилого населения, стала приобретать черты целенаправленной экономической политики только в связи с реформой государственных крестьян П.Д. Киселева в 1830–1840-х гг., когда правительство озабочилось оценкой колонизационного потенциала зауральских территорий для решения проблемы малоземелья во внутренних губерниях России. Таким образом, Сибирь в хозяйственном освоении понималась уже не как сама по себе, а как Сибирь для России, с точки зрения возможности общегосударственной пользы. С 40-х гг. XIX в. возник первый переселенческий поток в Сибирь, организованный государством. Новопоселенческие деревни приобретали устойчивый характер развития, и более поздние переселенцы в Сибирь воспринимали их даже как старожильческие¹. С 1795 по 1850 г. население Сибири возросло в два раза – с 595 000 до 1 211 000 душ мужского пола (которая была единицей налогообложения)². Эти темпы опережали среднероссийские показатели. В 1861–1885 гг. за Урал ежегодно переселялось в среднем около 12 000 человек. В 1886–1895 гг. – до 39 000 тыс.³ Неурожай и голод 1891 г. в европейской части страны привели к скачку в переселенческом движении – в 1891–1892 гг. более 80 000 человек в год⁴. В 1896 г. для организации этого процесса было создано Переселенческое управление.

После 1907 г., в условиях аграрной реформы П.А. Столыпина, переселенческому движению за Урал отводилась одна из главных ролей в решении проблемы малоземелья во внутренних губерниях страны и смягчения социальных противоречий в аграрной сфере. Масштабы переселенческого движения превзошли даже самые смелые ожидания правительства и ученых-агроведов – с 1907 по 1914 г. в Сибирь переселилось свыше 2,5 млн крестьян⁵. Однако в этой политике интересы центра и периферии оказались различными – правительство, прежде всего, решало задачу выселения крестьян из мало-

¹ Усольцева О.В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск, 2018. С. 60.

² Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 264.

³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 116.

⁴ Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979. С. 184–248.

⁵ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 40–50.

земельных губерний и только затем задачу заселения Сибири. Это привело к конфликту между крестьянами-переселенцами, приезжавшими на новое место без средств к существованию в надежде на помощь государства, и гораздо более состоятельными крестьянами-старожилами, которые без энтузиазма восприняли необходимость потесниться и дать место российским новоселам-конкурентам¹. Представления об огромных и нетронутых земельных богатствах Сибири не соответствовали действительности, поскольку наиболее пригодные для земледелия территории были уже распаханы сибирскими крестьянами, часто «захватным» путем, без оформления прав собственности. Местная администрация для обеспечения землей всех прибывших вынуждена была уплотнять не только крестьян-сибиряков, но и коренное нерусское население Сибири, ведущее традиционное хозяйство. Так, например, у бурят Иркутской губернии отрезки земель в переселенческий фонд составили 47 %, у хакасов Енисейской губернии – 33 %, у коренных народов Томской губернии – 34 %². Таким образом, центральное правительство отказалось от провозглашенного еще в XVII в. курса на сохранение прав на земли коренных народов Сибири. «Сибирская парламентская группа» депутатов от сибирских губерний во II Государственной думе в 1907 г. потребовала от правительства приостановки переселения до составления земельного кадастра, в котором будут зафиксированы права на землю сибирских крестьян и коренных народов. Однако эта инициатива была отвергнута правительством. Поскольку отток переселенцев из европейской части страны не перекрывал естественного прироста крестьянства, переселенческая политика не только не решила проблему аграрного перенаселения внутренних губерний, но и привела к обострению социальных противоречий в Сибири и росту

¹ Кириллов А.К., Караваева А.Г. «Над схваткой»: позиция власти в конфликтах между старожилами и переселенцами по ходу Великого сибирского переселения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 22. С. 59–67; Гордеева М.А. Конфликты переселенцев и старожилов в Сибири: позиция власти // Экономическое развитие Сибири. Материалы сибирского исторического форума. Красноярск, 2016. С. 144–148.

² Дамешек Л.М. Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю: соотношение методов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 13. С. 40.

оппозиционных настроений в среде сибирской областнической интеллигенции¹.

Одним из аспектов в отношениях центр – периферия было комплектование кадрами окраинного бюрократического аппарата от высших до низовых административных органов. Какая бы логичная и рациональная система ни выстраивалась в общегосударственном и особом сибирском законодательстве, эффективность ее функционирования зависела от конкретных чиновников. Кадровая политика самодержавия в азиатских губерниях и областях сталкивалась с острым дефицитом не только образованных, но и просто необходимых государственных служащих, даже с низкой квалификацией. Средством обеспечения притока в регион государственных служащих из Европейской России служили повышенные денежные оклады, единовременная выплата денежного пособия, сокращение срока выслуги для получения очередного чина и пенсии, дополнительные отпуска и другие формы материального стимулирования². В результате, чиновник, не нашедший себе применения в Европейской России, отправлялся на службу на далекую окраину, руководствуясь исключительно меркантильными и карьерными мотивами. Сибирские областники рассматривали привилегии для приезжих (или, как их презрительно называли в Сибири, «навозных»³) чиновников как подтверждение колониального статуса Сибири по отношению к метрополии, поскольку на уроженцев Сибири, поступивших на чиновную службу, привилегии не распространялись. После необходимой выслуги и повышения в чине, получения всех официальных (а чаще всего неофициальных) материальных благ приезжий чиновник стремился выехать в Россию для продолжения карьерного роста.

Несмотря на предоставленные льготы и преимущества, отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов содержали сведения о нехватке чиновников, их низких профессиональных качествах и стремлении к незаконному материальному обогащению. Небольшой размер денежных окладов чиновников среднего и низшего уровней не обеспечивал им (в особенности семейным чиновникам) не только достойного существования, но даже и прожиточного ми-

¹ *Kharus O.A., Shevtsov V.V.* Autonomous Siberia in Russia's Reorganization Projects at the Beginning of the Twentieth Century // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies.* New York, 2017. Vol.16. Iss. 2. P. 27–43.

² *Авдеева О.А.* Льготы и привилегии службы в Сибири XIX века // *Закон и право.* 2007. № 12. С. 119–121.

³ *Убийство* Неклюдова в Иркутске // *Колокол.* М., 1964. Вып. 10. Приложения. С. 13–16.

нимума. Если продукты питания в Сибири стоили относительно недорого, то цены на промышленные товары, при отсутствии их местного производства, многократно превышали цены в европейской части страны. Высокой была и стоимость съемного жилья. В результате нужда толкала чиновников к взяткам, поборам с просителей, хищению казенных денег. Об этом было известно вышестоящему начальству, которое при дефиците кадров и низкой обеспеченности служащих на среднем и низовом уровне управления и суда, вынужденно было закрывать глаза на злоупотребления, если, конечно, само не принимало участия в коррупционных схемах.

При вступлении в должность генерал-губернаторы и губернаторы объявляли войну произволу и взяточничеству, но поскольку они носили повсеместный характер, то дело ограничивалось гневными речами, выговорами, отставками по собственному желанию или переводом на службу в другую губернию. Такая ротация кадров приводила к смене лиц, но не заведенного порядка. Новые чиновники, оказывающиеся в коррумпированной среде, начинали действовать точно так же, как и их предшественники. Не только с точки зрения берущих, но и дающих взятки, они воспринимались как привычная и необходимая «благодарность» для того, чтоб ускорить ход дела, изменить решение по нему, как знак уважения к судье, управляющему, ревизору и т.д. Жалобы на произвол подавались вышестоящему начальству в том случае, когда чиновник начинал слишком много себе позволять, брать «не по-божески», т.е. произвольно увеличивать размер традиционных поборов¹.

Недоверие к чиновникам, служащим в Сибири, приводило к тому, что назначенный императором на должность генерал-губернатора или губернатора привозил из Петербурга свою «команду реформаторов». Молодые люди с университетским образованием и не испорченные длительной карьерой должны были стать свежими и деятельными силами для упрочения законности на далекой окраине. Так поступали генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, генерал-губернатор Западной Сибири в 1851–1861 гг. Г.Х. Гасфорд, губернатор Тобольской губернии в 1854–1858 гг. В.А. Арцимович. Однако такая «инъекция» лишь на некоторое время

¹ Матханова Н.П. Попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX века // *International Journal of Russian Studies*. 2013. № 2. P. 206–213; Должиков В.А. М.А. Бакунин о коррупции (к 200-летию со дня рождения мыслителя) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. № 4–1 (84). С. 279–284.

улучшала качественный состав сибирский бюрократии. Старый управленческий аппарат оказывал пассивное или даже активное сопротивление (в виде жалоб в Петербург или через столичные газеты на притеснения со стороны «навозных» из столицы). После отъезда начальника-реформатора из Сибири (это происходило поздно или рано, но всегда) вслед за ним покидали свои посты в Сибири и его сотрудники. Некоторые из них «перерождались», осваивая по примеру своих коллег незаконные способы обогащения.

Недостаток образованных, способных и честных чиновников наиболее либеральные администраторы пытались преодолеть, привлекая сосланных в Сибирь политических противников самодержавия. Политические ссыльные могли заниматься педагогической, врачебной, научно-исследовательской деятельностью. В губернаторских канцеляриях можно было видеть в качестве сотрудников и консультантов людей из числа сосланных в Сибирь декабристов, петрашевцев, польским повстанцев, народников. Например, при Н.Н. Муравьеве чиновником особых поручений и редактором неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» служил амнистированный петрашвец Н.А. Спешнев. Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд предлагал привлечь к службе сосланного в Сибирь революционера-анархиста М.А. Бакунина. Н.Н. Муравьев, бывший родственником Бакунина, намеревался предоставить ему место чиновника в Иркутске, однако он злоупотребил доверием и бежал на американском судне в Лондон. Бегство такого видного политического ссыльного добавило аргументов противникам Н.Н. Муравьева в Петербурге, и в 1861 г. он оставил пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков привлек на службу помилованного областника Н.М. Ядринцева, который способствовал открытию в Омске Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, а в Томске – первого сибирского университета.

Задачу подготовки кадров чиновников в самой Сибири должен был выполнить открытый в Томске в 1888 г. университет, однако в нем вместо четырех планируемых факультетов был заработан только медицинский факультет (в 1898 г. к нему добавился юридический). К тому же далеко не все получившие высшее образование в Томске, оставались в Сибири, как первоначально предполагали областники. Средние и низовые должности в государственных учреждениях занимали уроженцы Сибири, получившие здесь гимназическое обра-

зование или обязанные возвратиться из высших учебных заведений европейской части страны при обучении за государственный счет. На высших должностях были, главным образом, чиновники несибирского происхождения. В XIX в. генерал-губернаторы и практически все губернаторы были приезжими. К губернаторам-«сибирякам» условно можно отнести тех лиц, которые предпочитали и имели возможность продвигаться по карьерной лестнице внутри Сибири, не покидая ее. Так, например, председатель Иркутского губернского правления В.К. Падалка в 1845 г. стал губернатором Енисейской губернии, председатель томского губернского правления А.В. Виноградский в 1859 г. стал губернатором Тобольской губернии, председатель акцизного управления в Омске В.И. Мерцалов в 1880 г. стал губернатором Томской губернии, правитель канцелярии иркутского генерал-губернатора И.П. Моллериус в 1897 г. стал губернатором Иркутской губернии. Только М.С. Корсаков от поста забайкальского военного губернатора дослужился до поста генерал-губернатора Восточной Сибири, став преемником своего покровителя – Н.Н. Муравьева-Амурского.

Территориальная и коммуникативная удаленность центров управления от населения приводила к вакууму государственной власти на низовом уровне. Губернии в Сибири разделялись на округа (с 1898 г., как и в Европейской России, они стали называться уездами). Во главе округа находилось окружное управление в составе окружного начальника и окружного совета, в который входили земский исправник (возглавлял земский суд и выполнял административно-полицейские и следственные функции, в том числе и по отношению к ссыльным), окружной судья (возглавлял окружной суд, рассматривавший уголовные и гражданские дела), казначей, землемер, врач и другие должностные лица. При этом полный штат в окружных управлениях существовал только в многолюдных округах. В округах с малой численностью населения действовал сокращенный управленческий аппарат, в котором главной фигурой был земский исправник¹. Круг функций окружного управления был очень широким, а штат чиновников небольшим, поэтому при земских исправниках возникали неофициальные канцелярии с вольно-

¹ *Сьемщиков Е.А.* Местное государственное управление Сибири 1828–1898 гг.: окружная администрация и хозяйствующие субъекты в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 134. С. 7–15.

наемными сотрудниками (часто из образованных ссыльных), содержащимися за счет незаконных поборов с подвластного населения. Большого времени и усилий требовал поиск ссыльных, которые отличались с мест поселений. Округа состояли из волостей, в которых действовали выборные органы крестьянского самоуправления – волостное правление, состоящее из волостного головы, старосты и писаря. В подчинении у них находились сотники и десятники. Волостные правления, находясь вдалеке от городов, где располагалось окружное управление, не подвергались частому с их стороны контролю и пользовались большей самостоятельностью в управлении и судебных решениях, чем волостные правления в уездах Европейской России. Во время разлива рек, ледостава или ледохода некоторые волости оказывались вовсе оторванными от «большой земли» и вышестоящего начальства. Волостное правление практиковало «откуп» от приезжего окружного чиновника – в сметах расходов сел и волостей можно встретить указание на суммы, которые открыто собирались крестьянами для поднесения в качестве «подарка». С одной стороны, это ограждало крестьянскую общину от начальственного вмешательства, которое воспринималась как угроза привычному течению хозяйственной жизни и которое желательно было сводить к минимуму (не только в Сибири, но и повсеместно в народной русской среде существовало разделение на «людей» и «начальство»). С другой стороны, такая «автономия» развязывала руки злоупотреблениям волостной администрации, произвол которой ограничивался не правовыми рамками, а обычаем, сложившимися неформальными отношениями¹.

В эпоху буржуазных «Великих реформ» 60–70-х гг. XIX в., постепенно стали исчезать чиновники «старого» типа. Однако реформы не затронули Сибирь, поспособствовав только возникновению сибирской периодической печати – губернских ведомостей. О благотворном влиянии привлечения общественного мнения (включая и представителей самого чиновничества) для борьбы с коррупцией свидетельствует использование в 1857–1859 гг. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей». Через газету придавались гласности факты нарушения закона со стороны

¹ *Сибирь* в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. ... С. 193–196.

администрации окружного и волостного уровней¹. С развитием частной прессы (иркутская газета «Сибирь», выходившая в 1873–1887 гг.; томская «Сибирская газета», выходившая в 1881–1888 гг.) появился информационный канал не только гласности, но и контроля за действиями чиновников самого различного уровня. Критическая статья в газете могла повредить репутации, если не в глазах общественности, то в глазах вышестоящего начальства, от которого зависела карьера. Не только развитие печати в Сибири, но и развитие образования, науки, здравоохранения, сельского хозяйства и промышленности способствовало привлечению в регион образованных и порядочных людей. Такие чиновники-интеллигенты могли не только выступать в качестве заступников униженных и оскорбленных, но и способствовать упрочению законности в рамках своих служебных полномочий, принимать активное участие в работе местных культурных, научных и общественных организаций.

Итак, в отличие от регионов европейской части России (Поморье, Поволжье, южнорусские степи), которые в XV–XVII вв. тоже были «окраинами» Московского исторического ядра, а затем образовали вместе с ним российскую цивилизацию, Сибирь долгое время находилась на положении новой, азиатской, или восточной, окраины, слабо связанной с центром. Управление здесь носило не гражданский, а военно-гражданский характер. С одной стороны, это способствовало централизации, поскольку генерал-губернатор наделялся широкими полномочиями, с другой стороны, это своеобразная децентрализация, поскольку властные полномочия передавались из центра в регион – сильному и автономному должностному лицу. Такая ситуация имела как преимущества (повышался авторитет местной власти и оперативность регионального управления), так и недостатки (возможности интриг и саботажа со стороны нижестоящих чиновников, конфликты с нарождающейся сибирской интеллигенцией, зависимость управленческих решений от личности генерал-губернатора).

Низкий профессиональный и нравственный уровень чиновников, приехавших в Сибирь на службу, с одной стороны, создавал ситуацию бесправия и повсеместных злоупотреблений, с другой стороны, в условиях огромных территорий позволял населению, как русско-

¹ Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган восточно-сибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского гос. университета. История. 2012. № 2 (18). С. 37–44.

му, так и коренному, с помощью коррупционных методов (воспринимаемых как нарушение закона только с формально-юридической точки зрения) минимизировать бюрократическое управление и регулировать социальные отношения на основе традиций общинного и родоплеменного самоуправления. Безусловно, как и в губерниях европейской части России, управленческий аппарат Сибири также постепенно эволюционировал в сторону роста профессионализма и юридической подготовки, вытеснения неформальных и корыстных отношений с управляемыми формально-юридическими и честными отношениями, однако этот процесс был замедлен более поздним развитием региональной периодической печати, гласности, общественного контроля, форм гражданского самоуправления

Проблема «центр – периферия» в отношении Северной Азии заключалась в том, что почти три века (с конца XVI в. и до конца XIX в.) она сохраняла окраинный статус и центр проводил в отношении ее окраинную региональную политику, то есть не как равноправного региона, а как опекаемой «запасной» территории, доставшейся без особых военно-политических усилий и оспаривания со стороны других государств. Преобразования в административно-территориальном, правовом, экономическом положении Сибири происходили с запозданием и носили ситуативный характер. Не существовало тщательно разработанной и долгосрочной программы освоения огромных территорий и ресурсов. Для правительственных кругов не ясны были роль и перспективы Сибири в составе Российской империи, на нее интуитивно смотрели как на большую кладовую, с богатым, но точно невыясненным содержанием. Только на рубеже XIX–XX вв. в правительственных и общественных кругах появилось понимание того, что Сибирью будут прирастать не только богатство и могущество России, но и сама Россия – территориально, демографически и цивилизационно. С ростом переселенческого движения, открытием движения по Транссибирской железнодорожной магистрали, развитием науки и образования Сибирь стала постепенно сокращаться, а Россия увеличиваться на Восток. Дихотомия «Россия» – экономический и культурный центр, и «Сибирь» – окраина, «дно», «царство холода и мрака», «край каторжных» стала постепенно уходить в прошлое. Возникло новое понятие – Азиатская Россия, с которой связывались надежды на будущее экономическое процветание страны как великой евразийской державы.

5.2. Взаимоотношение центр – периферия в начале XX в. (О.А. Харусь)

Для полноценной реализации колоссального ресурсного потенциала Сибири необходим был выход на новый уровень отношений в системе «центр – периферия», основанный на поиске баланса общегосударственных и региональных интересов. На волне начавшейся в 1905 г. политической модернизации, казалось, появился реальный шанс для конструктивного диалога институтов власти и общества по вопросу о возможных вариантах органичной инкорпорации Северной Азии в имперское пространство Российского государства.

Интеллектуальная элита региона, представленная главным образом профессорами Томского университета, основной акцент делала на утверждение принципа законности в сибирском управлении, напрямую связывая его с дебюрократизацией, децентрализацией власти, формированием и совершенствованием институтов местного самоуправления. Этот вектор реформирования системы регионального управления с одобрением воспринимался и самыми широкими кругами общественности. Импульс для проявления инициативы «снизу» в разработке проектов организации самоуправления был задан рескриптом императора Николая II от 3 апреля 1905 г. на имя Иркутского генерал-губернатора Павла Кутайсова. Рескрипт предписывал приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений в Иркутском военном генерал-губернаторстве, Тобольской и Томской губерниях. При городских думах Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска, Енисейска, Минусинска, а также при общественных организациях в Томске, Иркутске, Красноярске были созданы комиссии по сбору материалов и подготовке проектов земской реформы. Вслед за рескриптом было опубликовано обращение Иркутского генерал-губернатора, Томского и Тобольского губернаторов к обществу с просьбой о сотрудничестве в деле подготовки земской реформы. Однако предложенные формы сотрудничества, ориентированные на привычный для властных структур сценарий подачи ходатайств от населения и практически исключавшие обмен мнениями между заинтересованными сторонами, оказались неприемлемыми для инициативных кругов общественности. Особое недовольство в условиях неграмотности подавляющего большинства сибиряков вызвало намерение иркутского генерал-губернатора ограничить участие населения в разработке реформы письменным

изложением отдельными лицами и учреждениями своих соображений. В этой ситуации многие общественные организации однозначно отказались как от обсуждения подготовленных губернской администрацией проектов, так и от участия в совместных с ней совещаниях. По-видимому, такая позиция была продиктована и настроенным отношением к любым попыткам местной бюрократии вмешаться в дело организации самоуправления, и некими иллюзиями по поводу серьезности намерений центральных властей существенным образом модернизировать систему государственного управления.

Рассчитывая на принятие Положения о земских учреждениях в Сибири с учетом действительных потребностей местного населения, социально активные представители интеллигенции и деловых кругов были убеждены в необходимости привлечения к его разработке самых широких слоев общества. В качестве своеобразных площадок для обсуждения и выработки основных положений земской реформы «в связи с местными условиями» предлагалось использовать уездные, губернские и общесибирские съезды выборных представителей населения. Впрочем, реализовать эту идею, требовавшую серьезных организационных усилий, так и не удалось. Первую скрипку в разработке проектов земского самоуправления для региона играла местная интеллигенция.

Возлагая на земство чрезвычайно большие надежды в решении широкого круга региональных проблем, авторы проектов уделяли много внимания определению принципов его формирования и функционирования. Окрыленные намерением властей создать представительное учреждение в России сибиряки полагали необходимым при организации земства учитывать новую систему политических координат. В этой связи звучали предложения по поводу корректировки Положений о земских учреждениях 1864 г. и 1890 г. на началах принципа всеобщего избирательного права, предоставления земству большей самостоятельности, расширения круга его полномочий (в некоторых проектах речь шла не только о наделении земских учреждений правом законодательной инициативы, но и о признании их последней инстанцией при принятии законов, имеющих «сепаратное отношение к Сибири»). Характерной особенностью большинства разработывавшихся специально для региона проектов земства являлось положение о создании общесибирской думы. Сибирская дума должна была обеспечить «единство и гармонию» в решении общих

вопросов, касающихся всего региона (в частности, землепользования, переселения, путей сообщения, среднего и высшего народного образования, санитарно-врачебного дела и пр.). Популярность идеи общесибирского земства, наделенного широкими правами местного самоуправления и представительства, являлась отголоском областнических настроений части интеллигенции и предпринимателей, которые, в свою очередь, стали порождением экономических и политико-юридических ограничений центра в отношении Сибири. Намерение местной общественности добиваться областной автономии с расширением компетенции земских учреждений было продиктовано стремлением обеспечить региону полноправный статус в Российской империи. На решение этой задачи были направлены и другие насущные для Сибири требования, представленные в проектах земских учреждений: упразднение сословных крестьянских учреждений и органов надзора за ними, отмена института крестьянских начальников, подчинение земским учреждениям полиции, введение института мировых судей и суда присяжных.

Дополнительные возможности для представительства интересов региона на уровне центральной власти появились с созданием Государственной думы. Организационной формой парламентской деятельности по решению специфических проблем региона стала «сибирская группа прогрессивных депутатов», идея создания которой возникла в I Думе и была реализована в Думах трех последующих созывов. Вопрос о введении земства в Сибири стал одним из центральных в работе группы. Позиции сибирских депутатов по этому вопросу претерпевали изменения вслед за изменением политической конъюнктуры. Если умами депутатов II Думы владела идея создания областной думы, наделенной законодательными полномочиями в решении местных вопросов, то уже в III Думе от неё пришлось отказаться, как и от требования всеобщего, равного и тайного голосования при выборах земства. В мае 1908 г. сибирская группа внесла в Думу проект о распространении на Сибирь действующего в Европейской России Положения о земских учреждениях с незначительными изменениями в избирательном законе, обусловленными местными особенностями. В своем стремлении ускорить процедуру утверждения проекта сибирские депутаты согласились на поэтапное введение земства: сначала в Тобольской, Томской губерниях и Иркутском генерал-губернаторстве, а затем «по мере подготовленности» в Приамурском генерал-губернаторстве. Из районов земства

исключались также северные области сибирских губерний и вся Якутская область, где проведение реформ отводилось на усмотрение администрации.

Однако проявленная депутатами готовность к компромиссу в решении вопроса о реформировании системы управления в регионе не стала поводом для симметричного ответа со стороны институтов центральной власти. Государственный Совет заблокировал этот законопроект. Комиссия Государственного Совета выразила пожелание, чтобы разработкой вопроса о земстве в Сибири занялось правительство, на что последнее с готовностью согласилось. Фактически это означало отстранение депутатского корпуса от участия в проведении земской реформы. Однако ввиду исключительной значимости реформы для региона в IV Думе сибирская парламентская группа продолжила работу в этом направлении и подготовила очередное законодательное предложение, обсудить которое, впрочем, так и не удалось в связи с началом революции 1917 года.

В отсутствие земских учреждений в регионе возможности для общественных практик по организации и совершенствованию системы местного самоуправления имелись только в рамках институтов, созданных в соответствии с действующим Городовым положением. Вероятно, этим объяснялась повышенная активность обществ обывателей и избирателей, деятельность которых в Европейской России не стала сколько-нибудь заметным явлением социально-политической жизни ввиду преимущественной концентрации внимания общественности на организации работы в земстве. Осенью 1909 г., в преддверии очередных выборов в городские думы, общества обывателей и избирателей появились во всех крупных городах Сибири, в частности в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Барнауле, Чите. Основные задачи этих организаций, согласно Уставу, заключались в создании условий для сознательного выбора гласных, а также в организации живого обмена мнениями между гласными думы и их избирателями, что должно было положительно сказаться на решении проблем городского благоустройства. Таким образом, деятельность обществ была направлена на выстраивание горизонтальных коммуникаций между населением и органами местного самоуправления. Сами же общества задумывались как организационная форма взаимодействия граждан, потенциально способная претендовать на роль равноправного участника диалога с институтами власти. Однако все иллюзии на этот счет были решительно развеяны

местной администрацией сразу же по завершении выборов в городские думы. В соответствующих официальных разъяснениях институты губернского управления однозначно дали понять, что не допустят вмешательства обществ обывателей и избирателей в деятельность распорядительных или исполнительных органов городского самоуправления. По распоряжению Министерства внутренних дел во второй половине 1910 г. общества обывателей и избирателей были повсеместно закрыты. Таким образом, замыслы инициативных кругов сибирской общественности по выстраиванию горизонтальных, основанных на принципе обратной связи, отношений власти и населения в формате системы городского самоуправления не увенчались успехом.

Очередные попытки модернизировать систему регионального управления на основе учета специфических условий Сибири и интересов её населения пришлось на период Первой мировой войны. Осенью 1914 г. на страницах местной периодической печати вновь остро зазвучала тема предоставления региону права на культурное самоопределение и хозяйственную самостоятельность. Ссылаясь на отдаленность сибирских городов от центра и особенности уклада местной жизни, авторы публикаций подчеркивали необходимость создания региональных руководящих органов для «территориально-огромной, разноплеменной и дезорганизованной Сибири». Практически сразу же после санкционирования властями деятельности местных отделов Всероссийского союза городов (ВСГ) предметом обсуждения сибирской общественности стала идея формирования областных союзов городов. Эта идея получила поддержку со стороны органов общественного самоуправления, высказавшихся за образование Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского областных союзов.

В апреле 1915 года на съезде представителей 12 городов, состоявшемся в Омске, было принято решение об учреждении Западно-Сибирской областной организации ВСГ. В кулуарах съезда обсуждались основные вопросы, волновавшие местную общественность: введение земства в регионе, отмена правовых ограничений по Сибири, пересмотр Городового положения, расширение круга избирателей в городские думы, предоставление гласным большей самостоятельности в решении вопросов бюджета и городского благоустройства, продолжение деятельности ВСГ после окончания войны. Такая повестка вряд ли была случайной: организаторы областных союзов

рассчитывали на расширение в перспективе рамок их деятельности до реорганизации многих составляющих общественного устройства.

Год спустя, в апреле 1916 г., состоялся областной съезд представителей городов Восточной Сибири в Иркутске. В Восточной Сибири было решено создать, исходя из «чисто практических соображений» (обширность территории, огромные расстояния, недостаточное развитие системы путей сообщения), две областные организации в соответствии с административным делением: Восточносибирскую в границах Иркутского генерал-губернаторства и Дальневосточную в границах Приамурского генерал-губернаторства. Вместе с тем, съезд высказался и за создание общесибирской организации для координации в решении проблем, затрагивающих интересы региона в целом. Создание такой организации должно было стать предметом обсуждения съездов городов всего региона, созыв которого провозглашался ближайшей задачей.

Предназначение областных союзов городов должно было заключаться, по замыслу их организаторов, прежде всего, в выяснении насущных нужд Сибири и подготовке необходимых материалов для принятия соответствующих мер в законодательных учреждениях. С созданием этих организаций инициативная общественность связывала долгосрочные перспективы развития региона, намереваясь добиваться расширения сферы деятельности ВСГ и продления его полномочий на послевоенный период. Однако эти планы встретили решительное противодействие со стороны органов как центральной, так и местной власти. Министерство внутренних дел запретило созыв второго съезда городов Западной Сибири, где планировалось рассмотреть вопрос о расширении прав и компетенции организаций ВСГ. Органы губернского управления отказывали в выделении необходимых для деятельности областных союзов ассигнований.

В блокировании любых инициативных действий общественности, направленных на формирование, укрепление и развитие институтов самоуправления, центральные и местные органы власти были последовательны и проявляли полную солидарность. Между тем не исключено, что реализация предлагавшихся «снизу» проектов, ориентированных на решение специфических региональных проблем с учетом общегосударственных интересов, могла открыть возможности для выстраивания отношений «центр – регион» на принципах взаимной заинтересованности и обоюдной выгоды. Провал проектов по модернизации регионального управления в Сибири начала XX в.

продемонстрировал несостоятельность надежд на обеспечение баланса интересов центра и периферии при существовавшем политическом режиме. Реальный шанс на создание демократической системы местного самоуправления в регионе появился с падением российской монархии в феврале 1917 г. В июне 1917 году Временное правительство приняло «Положение о введении земства в Сибири». Однако в новой политической ситуации оно утратило свою актуальность. С началом Гражданской войны проблема взаимоотношений центра и региона приобрела совершенно иное звучание....

5.3. Взаимоотношения центр – периферия в период Гражданской войны в Сибири (Д.Н. Шевелев)

В конце мая – начале июня 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири в борьбу с большевиками вступают части продвигавшегося во Владивосток Чехословацкого корпуса и участники нелегальных военных организаций. В Западной Сибири «высшей местной властью» провозглашают себя уполномоченные Временного Сибирского правительства: М.Я. Линдберг, Б.Д. Марков, П.Я. Михайлов и В.О. Сидоров¹. Правительство, которое они представляли, было сформировано еще в конце января во время тайного совещания части делегатов Сибирской областной думы².

Выдвижение на авансцену общественной жизни Сибири такого игрока, как Временное Сибирское правительство, означало политическое обособление региона, конфронтацию с контролируемой

¹ Об организации и деятельности Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства подробнее см.: *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 103–119.

² О первой сессии Сибирской областной думы и формировании Временного Сибирского правительства подробнее см.: *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 6–9; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 183–188; *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири: сб. науч. статей. Кемерово, 2011. С. 54–61.

большевиками европейской частью страны и, по существу, дальнейшую эскалацию Гражданской войны.

Важной составляющей легитимации власти новых политических режимов была конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине. Ключевым моментом этого процесса является идеологическое обоснование формирующегося порядка, его преимуществ относительно других потенциально возможных моделей общественного развития.

Одним из важнейших направлений в деятельности как руководства Советской республики, так и правительств противостоящих ей антибольшевистских государственных образований была идейная мобилизация своих сторонников, сплочение их вокруг определенных идей, ценностей и установок «Мы-группы», говоря другими словами, конструирование политической, гражданской и национально-государственной идентичности. При этом идентичность мы рассматриваем как социально, культурно и исторически обусловленный ментальный конструкт, артикулируемый и конституируемый в дискурсивных практиках. На востоке страны, в масштабах единого в тот исторический промежуток российского макрорегиона – Урала, Сибири и Дальнего Востока – решением этой задачи занимался аппарат политической пропаганды, а также лояльная Омскому правительству пресса. Зададим вопрос: какую идентичность конституировали и поддерживали антибольшевистские правительства, действовавшие на территории Сибири в годы Гражданской войны?

Первоначально, в ситуации кризиса и распада центральной власти, активизации политических сил на местах, на востоке страны предпринимались попытки актуализации региональной идентификации. Более того, в Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны.

20 апреля 1917 г. в Томске, в актовом зале университета, состоялось, по оценке газеты «Голос свободы», «историческое заседание». Начало свою работу губернское народное собрание. На одном из заседаний, 10 мая 1917 г., делегаты приняли резолюцию «Об областной думе», которая «будет издавать законы, касающиеся внутренней

жизни Сибири; в общегосударственных же вопросах Сибирь будет подчиняться общероссийским законам»¹.

Выполняя решение народного собрания, Томский губернский исполнительный комитет развернул организационную работу по созыву областного съезда, открытие которого было назначено на начало августа. Правда, ввиду немногочисленности собравшихся делегатов первоначально позиционировавшееся как «сибирский областной съезд» совещание обрело статус «сибирской конференции общественных организаций»².

8 августа 1917 г. участники конференции принимают постановление «Об автономном устройстве Сибири». «Было бы совершенно неправильно, – утверждалось в нем, – рассматривать народное представительство Сибири как особый тип областного самоуправления. Последнее, как деятельность подзаконная, ничего общего с требуемым автономным устройством Сибири не имеет»³. Таким образом, на первый план выдвигалась идея широкой территориальной автономии. В то же время, считая необходимым создание «для Сибири народного представительства с самостоятельной властью», мы, подчеркивалось в постановлении, «отнюдь не посягаем на целостность российской республики»⁴.

Предполагалось, что в дальнейшем, «при постепенном расширении областной автономии», Сибирь «сможет передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий ее отдельным областям и национальностям, заселяющим определенную территорию». Автономная Сибирь, следовательно, сама должна была трансформироваться в федерацию «областей и национальностей, пользующихся более или менее широкой автономией». Широкими правами планировалось наделить будущий сибирский парламент, в том числе в вопросах формирования местного бюджета, тарифной и переселенческой политики, народного образования, природопользования, общественной безопасности и т.д. В целом, в постановлении был намечен лишь контур будущего общественно-политического устройства Сибири.

¹ *Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.)*. Томск, 1917. С. 26.

² Подробнее о ее работе см.: *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 227–228.

³ *Сибирская жизнь*. 1917. 13 авг.

⁴ *Сибирская жизнь*. 1917. 13 авг.

Свое дальнейшее развитие идея автономного устройства Сибири находит на Первом областном съезде¹, проходившем в Томске с 6 по 17 октября 1917 г. В последний день работы было принято положение об областном устройстве Сибири. «При единстве Российской республики, – отмечалось в положении, – отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем первый сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организации всей Российской республики на федеративных началах»². Предполагалось, что высшим региональным законодательным органом станет Сибирская областная дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с «соблюдением начала пропорционального представительства». Высшей исполнительной властью планировалось наделить кабинет министров, ответственный перед Сибоблдумой.

Таким образом, летом – осенью 1917 г. «революционная демократия» определила основные ориентиры будущего общественно-политического устройства Сибири: «федеративное устройство» и «народовластие». Вокруг этих базовых политических ценностей организуются «узловые точки» нарождавшегося сибирского политического дискурса: областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

В начале декабря 1917 г. в Томске собирается Чрезвычайный сибирский областной съезд³. Съезд, как вспоминал видный областник И.И. Серебрянников, должен был «выявить свое отношение к факту захвата большевиками государственной власти в России и приступить к организации сибирской краевой власти, которая должна была

¹ О его работе см.: *Шиловский М.В.* Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 42–57; *Он же.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 228–229; *Журавлев В.В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 3–4.

² *Сибирская жизнь.* 1917. 21 окт.

³ О его работе см.: *Шиловский М.В.* Декабрьский (1917 г.) Сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 59–67; *Он же.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 231–234.

изыскать меры к спасению Сибири от надвигающегося разрушения ее хозяйственной и государственной жизни»¹.

В декларации съезда по текущему моменту говорилось: «В дни государственного распада, в дни гражданской борьбы и небывалой катастрофы Великого Российского государства – съезд полагает, что единственным источником зарождающейся общегосударственной власти, среди царящего безвластия, может быть только Всероссийское Учредительное собрание, пришедшее закрепить свободный и демократический строй великой Республики нашей и самоопределение всех народов и областей ее»². Принятая на съезде формула перехода предполагала, что до созыва Всесибирского Учредительного собрания «орган, контролирующий и законодательный, должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов». Исполнительная же власть «должна быть социалистической, причем в состав органа исполнительной власти могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда»³.

Сибирский политический дискурс, таким образом, получает дальнейшее развитие. Его новыми «узловыми точками» становятся Учредительное собрание (как источник легитимности) и социалистическое правительство (от народных социалистов до большевиков).

На съезде происходит размежевание с «цензовыми элементами», а лишённые права решающего голоса представители торгово-промышленных кругов покидают съезд. Обозначились разногласия и в стане областников. Как писал в своих воспоминаниях И.И. Серебренников, «у беспартийных областников стали возникать подозрения в том, что партия социалистов-революционеров пытается использовать областническое движение в своих интересах; отсюда возникла оппозиция притязаниям эсеров на гегемонию в областном движении и стремление областников стать на собственные ноги»⁴. Съезд, декларировавший необходимость «немедленно найти путь мира внутри страны и прекратить гражданскую братоубийственную войну», сыграл ключевую роль

¹ *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 311.

² *Путь народа.* 1917. 13 дек.; *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. Б. д. № 1.

³ *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. Б. д. № 1.

⁴ *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 291.

в поляризации политических сил Сибири. В то же время съезд, несмотря на настроения значительной части делегатов, официально не занял антибольшевистскую позицию. Четко выраженный антибольшевистский (но не антисоветский) характер региональной власти проявляется в заявлениях Сибирской областной думы в конце января 1918 г.

Летом 1918 г., после того как советская власть была свергнута, в Западной Сибири государственное строительство развивается в русле восстановления «попранных прав народовластия», «народоправства в лучшем смысле этого слова». На практике это означало попытку реализации эсеровской модели демократического государственного устройства.

Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак обозначил вначале в своем обращении «К населению», а затем во время встречи с представителями прессы. В обращении, опубликованном «Правительственным вестником» 20 ноября, задачи нового политического режима были сформулированы кратко, в самом общем виде. С одной стороны, на первый план выходят задачи восстановления «русской государственности» и защита «державных интересов России». С другой – в публичном пространстве дискурс «революционной демократии» окончательно сдает свои позиции стремительному натиску «государственно мыслящих элементам», а демократические идеалы приносятся в жертву политической целесообразности «настоящего момента».

На деле это означало, что прежняя, основанная на ценностях сибирского областничества официальная риторика Омского правительства уступает место общероссийской гражданской идентичности. Как справедливо заметил один из главных идеологов Омского режима Н.В. Устрялов: «Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступать. Но ведь и сама личность Колчака была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное “крепким сибирским корням”, Омск не мог себе не ставить всероссийских задач, они навязывались ему сами, логикой всероссийской революции»¹.

¹ Устрялов Н.В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 228.

Более детально задачи верховной власти, ее идеологические ориентиры были изложены Верховным правителем в беседе с журналистами, состоявшейся 28 ноября. На основании этих материалов, а также более поздних его выступлений складывается вполне определенное представление об идеологической направленности колчаковского режима: политический центризм как основа государственного курса, бескомпромиссная борьба с большевиками, демократическое государственное устройство, порядок и законность.

«Мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания, – взывал к населению страны летом 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. – В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами... В этой последней и страшной борьбе, которая сейчас разворачивается, для вас выход только победа или смерть. В дружной, спокойной и планомерной работе сплотитесь все вокруг армии, пополните ее ряды, окружите ее заботами и облегчите ее труды, и бдительно, и зорко охраняйте ее от внутренней вражеской разрушительной работы»¹.

В начале 1980-х гг. британский социолог и политолог Б. Андерсон разработал концепцию нации как «воображенного политического сообщества». «Оно воображенное, – полагал он, – поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»².

На первый взгляд между антибольшевистским движением, сформировавшимся в годы Гражданской войны на окраинах бывшей Российской империи, и конструктивистским пониманием нации, представленным в книге Б. Андерсона, нет ничего общего. Однако более детальное знакомство с источником материала позволяет утверждать, что антибольшевистское движение (как сибирское, так и в целом российское):

– осознавало себя как воображаемое сообщество (имея свои «конечные, хотя и подвижные границы», понимая свою общность и воспринимая себя как «глубокое, горизонтальное товарищество»);

¹ *К населению России* // Правительственный вестник. Омск. 1919. 26 июля.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 47.

- конструировало себя в дискурсивном пространстве как воображаемое сообщество;
- запечатлелось в исторической памяти как воображаемое сообщество;
- воспринимается современным российским обществом как воображаемое сообщество.

В риторике политической пропаганды антибольшевистского движения отчетливо выделяются два смысла общности «Мы»:

- активное ядро движения – те «государственно мыслящие элементы», кто уже сделал осознанный выбор в пользу борьбы с «гибельным для русских самодержавием народных комиссаров», принимающие непосредственное участие в вооруженной борьбе;
- потенциальные сторонники – те, кто в силу различных обстоятельств пока еще не определился, но обязательно окажется на «правильной» стороне – в рядах борцов за «общее русское национальное дело».

«Антибольшевистской, – констатировал позднее П.Н. Милуков, – в сущности, была и осталась вся Россия за исключением коммунистической партии. Доказательством этого служит всегдашнее – прежнее и теперешнее – отрицательное отношение населения к советской власти. Постоянные восстания населения против этой власти, невозможность для советского правительства дать свободу народу для выражения его истинного мнения и истинной воли достаточно подтверждают это отрицательное отношение»¹. Такое широкое понимание антибольшевистского движения, характерное и для периода самой Гражданской войны, давало основание политической пропаганде позиционировать его как «русское национальное дело, как сплотившуюся единую Нацию, выступившую против большевизма. Борьба с «врагами народа и государства Российского – большевиками» представлялась своеобразным актом творения новой макрополитической общности, сообщества граждан, которые независимо от их этнической принадлежности совместными усилиями создают новое государство, тем общим делом, которое сплотит всех русских как гражданскую Нацию.

Так же как в Европе XIX в., появление наций возвращало осмысленную и понятную картину мира, утраченную с упадком династического государства и кризисом религиозного сообщества,

¹ Милуков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции : в 2 т. Париж, 1927. Т. 2: Антибольшевистское движение. С. 2.

в России идея Нации-государства призвана была вернуть целостное мировосприятие, разрушенное с падением империи. Не следует также забывать, что за вооруженным противостоянием «красных» и «белых» стоял непримиримый мировоззренческий антагонизм, а также альтернативные модели будущего общественного устройства страны.

В ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». «Разрушающему воздействию большевистской идеологии», основанной на лозунгах «интернационал, коммунизм, государство – рабочий союз и диктатура пролетариата», лидеры белого движения постарались противопоставить свою систему ценностей, базовыми из которой являлись: «религия, нация, собственность, правовое государство и Учредительное собрание»¹.

В передовой статье первого номера газеты «Русское дело» ведущий идеолог и один из руководителей пропагандистского аппарата Омского правительства Н.В. Устрялов так охарактеризовал идейное противостояние «красных» и «белых»: «Вместо интернационала – нация. Вместо класса – Родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии. Вместо мертвой и принудительной религии механизма – живая жизнь в духе, в свободе. Вместо всеобщего принудительного уравнения – иерархия ценностей. Вместо пролеткульта – культура. Вместо бесшабашного политического футуризма – чувство преемственности, традиции, сознания связи с прошлым, с настоящим»². Основным смысл произошедшего в лагере противников большевизма «пересмотра идеологии» Устрялов видел в том, что «он возвращает русскому народу Россию», отвергая революцию, носившую «принципиально антинациональный» характер. «Мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, – говорилось в воззвании “К населению России” летом 1919 г., – которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания»³.

¹ *Краткий отчет о деятельности Русского бюро печати за июнь – октябрь 1919 г.* // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 54.

² *Русское дело* // *Русское дело*. Омск, 1919. 5 окт.

³ *К населению России* // *Правительственный вестник*. Омск, 1919. 26 июля.

Такова была ближайшая перспектива – сплотить всех, «кто любит Родину, кто истинный, искренний друг народа». Антибольшевистское движение как сплоченную гражданскую Нацию еще предстояло сформировать, сконструировать. Этот проект объединил усилия политического руководства государственных образований востока России, интеллектуальных элит в лице той части интеллигенции, которая поддержала антибольшевистское движение, и институтов политической пропаганды. Пресса являлась в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. В условиях же отсутствия у Омского правительства прочного идеологического фундамента государственная печать востока России представляла собой многомерное поле идеологического производства, пропагандистской репрезентации и борьбы за гегемонию в дискурсе. На страницах прессы официального направления шло формирование идеологических смыслов и ценностей: осмысление политического и исторического опыта – концептуализация – трансляция пропагандистских установок.

Через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать белой Сибири очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества: «Мы» (честные граждане России) – «Они» (наши враги – большевики). «В борьбе против большевиков объединилось все честное, патриотическое, и оно выйдет и должно выйти победителем из этой страшной и тяжелой борьбы», – писал челябинский «Сибирский стрелок»¹.

Кроме того, новая власть столкнулась с пассивным, индифферентным отношением города и деревни к правительству и его мероприятиям, с тем страшным для любого политического режима явлением под названием «обыватель». «Странное и, говоря по совести, сквернейшее существо – это наш многоликий дряблый кислый обыватель, – отмечала “Народная Сибирь”. – Он только и делает, что от зари до зари надрывно канючит. Канючит и поет, словно черти жилы из него тянут. Он всегда и всем недоволен. Все критикует, ко всему прикладывает свой замызганный обывательский аршин... Вечером в 9 ч. наглухо закрываются ставни, спускаются с цепи собаки, – вот и вся защита, а что дальше там, что бог даст или... моя хата с краю»².

¹ *Против кого идет война* // Сибирский стрелок. Челябинск, 1919. 7 марта (23 февр.).

² *Наш обыватель* // Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918. 8 (26) июня.

В прессе равнодушный, безучастный «Обыватель» противопоставлялся деятельному, политически активному и сознательному «Гражданину». «Гражданин думает об общем благе, – писала по этому поводу “Народная газета”, – обыватель – только о собственном. Гражданин заботится о своем государстве, о своей стране, о родине; обыватель лишь о своей хате, своей семье, своих делах. Гражданин свое свободное время посвящает служению обществу, государству, народу; обыватель свой досуг убивает в сплетнях, болтовне, пустых играх и... попойках»¹.

Объяснительная модель происходящих в стране начиная с февраля 1917 г. событий строилась на ключевом метафорическом образе России как живого организма («национальный организм»), человека, чье тело внезапно оказалось пораженным тяжелым опасным недугом, болезнью, физическим («большевизм – заморская зараза», «красная скверна», «бациллы большевизма», «поражено гангреной», «государство больно сильною горячкой, и ни одному из его членов не избавиться от потрясений») или психическим («помутнение рассудка», «дурман большевизма») расстройством, было отравлено («яд большевизма», «большевистский угар», «точно ядовитые газы пущены в нашу страну») или серьезно ранено («израненная, окровавленная Россия»), оказавшись «в руках грабителей и насильников», которые, «точно кровожадные звери, рвут, раздирают живое тело русского народа».

Тяжело больному, израненному и обессиленному «национальному организму» противопоставлялись сила духа и светлая душа русского народа. «Дух народный не потухает, а, наоборот, крепнет. Не пришло еще утро Воскресения, но оно уже близко»². Значимыми ресурсами для конструирования новой гражданской идентичности являлись религиозность и героическое прошлое как проявления народного духа в прошлом и настоящем.

Базовыми ценностями признавались нация и государство. «Верховными началами, определяющими... программу государственного строительства, являются: 1) идея нации как общественного целого, включающего в себя все отдельные национальности, классы и другие общественные группировки, и 2) идея государства как внешней формы, в которой только и возможно для нации политически независимое существование. И нация, и государство являются носителя-

¹ *Гражданин и обыватель* // Народная газета. Томск, 1918. 7 июля (28) июня.

² *Надежда России* // Надежда России. Новониколаевск, 1919. 23 июля.

ми того общего интереса, которому всегда и всюду, в случае столкновения, должны подчиняться и быть подчинены, „ все интересы частного порядка – классовые, групповые, личные»¹.

Особой формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, развертывания новой картины мира являлись политические нарративы. Так, вплоть до падения колчаковского режима правительственной и официозной прессой воспроизводился нарратив о «Великой войне», призванный напомнить союзникам об их долге перед Россией.

В нарративе о «Великой войне» оказалось соединено недавнее героическое прошлое, в котором Россия продемонстрировала всему миру свою жертвенность ради союзников, а ее армия совершила беспрецедентный подвиг, и будущее, где справедливый мир должен стать лучшим для нее воздаянием. В рассказе происходит постоянная отсылка к мифологическому первовремени (периоду Первой мировой войны до Февральской революции), времени когда Россия была велика и могуча, времени расцвета Антанты, времени эпических героев и злодеев. Осмысливая и интерпретируя в дискурсе героическое прошлое, «государственно мыслящая» пресса стремилась, с одной стороны, к преодолению унижительного для России настоящего, а с другой – конституированию благоприятного будущего.

Подчеркнем, что воспроизводимый в официальной и проправительственной периодической печати нарратив о «Великой войне» не представлял собой рассказа о прошедшей войне как таковой, а являлся тенденциозным преломлением прошлого через настоящее. Участие России в Первой мировой войне интерпретировалось исходя из выбранной Омским правительством модели «Национальное государство» и тех смысловых доминант, на которых она базировалась.

Подвиг русской армии, жертвы, принесенные русским народом, наглядно демонстрировали асимметричность отношений со странами Антанты. Встроенный в пропагандистский дискурс нарратив о «Великой войне» участвовал в структурировании политического пространства Белого Востока, выстроенного в соответствии с семантико-идеологической оппозицией «свой – чужой», на одной стороне которой находились антибольшевистские силы и союзники, а на другой – Германия и большевики.

¹ Декларация Всероссийского национального союза // Отечественные ведомости. Уфа, 1918. 10 окт. (27 сент.).

В условиях Гражданской войны официальная и проправительственная периодическая печать, выходящая на востоке России, выступала одновременно и как поле идеологического производства, и как поле пропагандистской репрезентации. На страницах прессы официального направления шло формирование идеологических смыслов и ценностей: осмысление политического и исторического опыта – концептуализация – трансляция пропагандистских установок. В дискурсе официального направления происходило конституирование модели «Национальное государство», которую антибольшевистские правительства противопоставляли «Диктатуре пролетариата», «Советской республике».

Правительственная пропаганда Белого Востока строилась на соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, парламентаризм, политические права и свободы). В целом, дискурс политических антибольшевистских правительств Сибири был организован вокруг нескольких ключевых бинарных оппозиций. Эти бинарные оппозиции играли определяющую роль в процессе производства и воспроизводства политических мифов белого движения и, в конечном итоге, в структурировании политического пространства и формировании политической идентичности. Однако социальная и политическая разнородность антибольшевистского движения вкупе с политикой непредрешенчества обусловила размытость содержания пропагандистских установок белых и их непривлекательность для широких слоев населения. Как в конечном итоге, справедливо отметил Н.В. Устрялов: «У нас не хватило разума, прозорливости, таланта, влияния наполнить диктатуру Колчака той ударной социальной демагогией и вместе с тем той народной, реально-крестьянской начинкой, которые одни могли, быть может, ее спасти»¹.

¹ Устрялов Н.В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 274.

Глава 6

СИБИРЬ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (XVII–XX ВВ.)

**(В.Г. Дацышен, Ю.А. Лысенко, А.В. Старцев,
Л.И. Шерстова)**

Понимание Сибири как важного региона во внешней политике России приходило постепенно. Это было связано, во-первых, с тем, что начавшаяся русская миграция и основание служилыми людьми первых русских городов и острогов не опирались на какую-либо разработанную внешнеполитическую доктрину государства. Применительно к Сибири она обретет свое очертание достаточно поздно, только к концу XIX в. Во-вторых, восточное направление русской дипломатии долгое время не осознавалось властью как стратегическое. Приоритетной с момента возникновения Московского царства была его западная политика.

Однако из этого не следует, что в процессе освоения сибирских территорий, контактов с элитой местных государственных образований, с пограничными государствами монголов и китайцев у русской власти не накапливался уникальный опыт будущей русской восточной дипломатии, не вырабатывались специфические механизмы взаимодействия со своими восточными соседями. Несмотря на то, что в процессе определения азиатской границы России тесно переплетались действия как сибирской администрации, так и русских переселенцев, именно закрепление последних на какой-то территории становилось фактором определения пределов Московского царства в Сибири. Важным было и определение подданства аборигенного населения, учитывая наличие в Сибири княжеств енисейских киргизов, политических образований хантов, манси, бурят, а на ее южной периферии – монгольских государств и Китая.

Именно политическая зависимость как русских, так и аборигенов была решающим фактором определения русской границы в Северной Азии на протяжении XVII–XIX вв. Этот фактор определял «мягкую» политику сибирской администрации как по отношению к различным русским беглецам, так и по отношению к аборигенному населению. Контакты сибирской администрации с сибирскими политическими образованиями, первоначальное право сибирских воевод самостоятельно посылать посольства в сопредельные государства – к Алтын-ханам, в Джунгарию и Китай – формировали опыт будущей российской дипломатии со странами Средней Азии, Китаем и Японией.

В движении на Восток приняли участие разные социальные группы – крестьяне, промышленники, старообрядцы, казаки, священники-миссионеры, купцы, – которые имели собственные интересы в Сибири и сопредельных территориях. Таким образом, не только расширялся их кругозор, появлялись новые стратегии образа жизни, но и отрабатывались стратегии «низовой дипломатии», которые в совокупности с государственной внешней политикой на Востоке обеспечили превращение России в евразийскую державу.

6.1. Внешняя политика Московского царства: сибирский опыт (Л.И. Шерстова)

Рассмотрение проблемы формирования принципов внешней политики России будет неполным вне контекста взаимодействий русских властей с аборигенами Сибири, и, прежде всего ее южной части, являющейся периферией центральноазиатского этнокультурного и политического ареала. Именно в результате продвижения русских по Сибири ими накапливался опыт, пригодившийся впоследствии в отношениях с монгольскими государствами и Китаем.

Следует отметить, что накануне русской экспансии сибирское население было достаточно сложно социально-политически организовано.

В русских документах фиксируется не только Сибирское ханство за Уралом, но описываются и Кондинское, Пельмское, Кодское, Сургутское в таежном Зауралье, киргизские княжества в верхнем течении Енисея, Телеутская «землица» в верхнем Приобье, Кузнец-

кие «землицы» в верховьях Томи и на среднем Енисее, «Якольская земля» в среднем течении Лены, «Братская земля» в Прибайкалье. Кроме того, существовали политически и территориально выраженные «владения князя Тоюна», «Пегая Орда» селькупов в Нарымском крае, упоминаются и «подданные люди тунгусского князька Данула».

Южносибирская система владения-зависимости, наиболее отчетливо воплотившаяся в Сибирском ханстве, в кыргызских княжествах Енисея и «Телеутской земле» Верхнего Приобья, представляла собой институт даннического закрепления одной этнически выраженной группы населения за другой и соответствовала унаган-богольной системе, практиковавшейся монголами. Унаган-богол как социальный институт внутренне был неоднороден, поскольку сохранял свою привычную иерархическую структуру, свою аристократию и пр. В нем присутствовала своя собственная социально-имущественная дифференциация¹, которая, как правило, не нарушалась победителями, что и обеспечивало их устойчивость.

Зависимое население – кыштымы – вместе с господствующей элитой составляли улус, само существование которого в подвижных обществах Южной Сибири и Центральной Азии определялось не столько территорией, сколько самим наличием населения. Наиболее полным выражением унаган-богол были совместные кочевки или кочевание кыштымов на территории, назначенной правителем, что изначально предполагало одно из направлений политики государств Центральной Азии – переселения и перетасовку зависимых родов и этнических групп. Материальным воплощением зависимого положения являлась регулярная натуральная подать, дань – алман (албан), выплата которой правителю происходила в торжественной обстановке и сопровождалась подарками с его стороны. Отсюда и еще одно наименование зависимого населения – «албату» (данники, подданные).

При улусной (унаган-богольной) форме социально-экономических отношений очень мало менялась хозяйственно-культурная специфика зависимого населения. Поэтому на протяжении сотен лет оно сохраняло идентичные приемы присваивающего и производящего хозяйства, а социальная структура продолжала функционировать внешне в очень архаичных видах, несмотря на свою потестарную или государственную сущность.

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.: Л. 1934. С. 81.

Коллективная форма социально-экономической зависимости включала население всей ойкумены Центральной Азии в единый полиэтничный живой организм. Этносы, находившиеся на ее периферии, помимо воли оказывались в структуре государственных образований, хотя внутри себя могли культивировать традиционные нормы и институты. К XVII в. многие сибирские этносы, в процессе этнической истории периодически входившие в различные и разновременные центральноазиатские державы и «империи», в той или иной степени накопили запас представлений о государстве и государственности. Это позволяло им либо с пониманием спокойно принимать подчиненное, зависимое положение (нередко подсознательно, как данность), либо пытаться создать свое собственное потестарное образование.

Сибирское коренное население отчетливо понимало суть даннических отношений и содержание «института господства-подчинения». Данниками-кыштымами сибирских ханов были вогульские, остяцкие княжества: Пельмское, Кондинское, Кодское, а также аморфное тюркоязычное население лесостепной и степной зон от Урала до Оби. Именно под влиянием сибирских ханов у манси и хантов население в административно-фискальном отношении делилось на сотни и десятки, при этом сотня являлась условной величиной без всякого соответствия с реальным количеством входящих в нее людей¹. Главным было само наличие тех, кто платил ясак в Кашлык.

В Пегой Орде нарымских селькупов существовало два вида платежей, поступавших маргкоку (великому князю): «калан» – налог, подать и «ерменты» – дань. Первый платили подданные маргкоков, а для плательщиков дани, как правило, завоеванных великими князьями, существовал особый термин «инбат» – данник. Инбатами правителей Пегой Орды являлись отдельные группы северных кетов (возможно, как раз с этим связан этноним одной из северо-кетских общностей), некоторые группы туруханских эвенков, отдельные общности кельтыг-ненцев, а также часть васюганских хантов².

Мелкие тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья и Северного Алтая являлись кыштымами енисейских киргизов.

¹ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII веке // Научные труды. М., 1955. Т. 3. ч. 2. С. 100–101.

² Пелих Г.И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. С. 159–160.

В Прибайкалье буряты собирали дань с южных тунгусов, и русские застали здесь волости Гейскую, Ийскую, Верхнеокинскую и др., исправно платящих алман бурятам¹. Сами тунгусы взимали дань с кетских групп правобережья Енисея и периодически проникали к тюркоязычным качинцам, иногда заходили в Нарымское Приобье. Данниками якутских тойонов были отдельные тунгусские и ламутские группы. Ненцы, проникая в земли обдорских хантов, также стремились собрать с них дань; те, в свою очередь, пытались обложить данью манси и селькупов. Даже на северо-востоке Сибири в юкагирской среде², а также у чукчей создавались условия для образования военных объединений³.

Поэтому укрепление позиций Москвы за Уралом после гибели Сибирского ханства во многом определялось результативностью связей с местными государственными образованиями, в зависимости от которых находилось кыштымское население. Однако уже в начале XVII в. некоторые из них – и кыргызские княжества, Абаков улус, братские (бурятские) владения не были полностью суверенными государствами. Они, в свою очередь, находились в зависимом положении от тогдашних монгольских государств. С приходом русских и, соответственно, изменением политической ситуации в Южной Сибири они пытались, нередко вполне успешно, проводить собственную региональную, а порой и внешнюю, политику, но, в конечном счете, исторически оказались обречены на роль буфера между Россией и Джунгарией, Россией и Алтын-ханами, Россией и халхасскими тайшами.

В течение XVII в. русские власти основной своей задачей применительно к сибирским аборигенам считали их «приведение под государеву руку». Признание подданства Москве выражалось в принесении клятвы верности (шерти), выплате ясака, обозначавшего не только особый вид тягла, но определявшего сословную принадлежность, и аманатстве (даче заложников)⁴.

Рост численности подвластного Москве сибирского населения укреплял уверенность русских властей в универсальности используемых способов подчинения.

¹ Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 130, 152.

² Этническая история народов Севера. С. 170.

³ Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 31, 264–265.

⁴ Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999. С. 100–103.

К тому же и в Золотой Орде, и в позднейших монгольских ханствах Халхи или Джунгарии, и в кыргызских княжествах, телеутских и бурятских улусах, якутских наслегах, главным в государственной политике, особенно в пору становления государственности, было не столько завоевание земель, сколько умножение числа данников-албату. То же в Московии: основное государственное устремление и в XVII в., и ранее – усиленный поиск новых и новых тяглых людей, вообще расширение до максимума контингента «обязанных» каким-либо видом тягла по отношению к государству и его элите.

В некотором смысле весь XVII в. для самих ясачных людей оставался временем выбора. Согласившись выплачивать ясак России, они продолжали платить дань кыргызам, Алтын-ханам, позднее джунгарам в причулымских волостях или телеутам и джунгарам в Кузнецкой земле. Словом, они находились в состоянии многократного обложения, хотя официально статус двоеданцев был определен для них договором между Россией и Джунгарией лишь в 1640 г. Если в ходе «городового ставления» и, особенно, после царского указа 1601 г., назначившего предел душевого обложения в 10 соболей, объемы ясачных сборов упорядочились в более или менее «щадающем режиме», то сбор алмана кыргызами и иными претендентами в новых условиях противостояния русским все больше приобретал черты грабительских военных набегов. «Приходили в 1635 году под Кузнецкий острог изменники (с точки зрения Москвы, наследницы Джучиева улуса. – *Л.Ш.*) киргизские люди Ишейко со многими людьми, у служилых скот отогнали... хлеб сожгли... повоевали Тюлюберскую волость и побили 12 государевых ясашных людей, а жен и детей в полон имали»; или «приходили в Мелесскую волость... 40 человек куячих (одетых в панцири. – *Л.Ш.*)... многих ясашных ограбили и побили»¹.

Надо сказать, сами ясачные не отказывали в дани никому – это привычная, традиционная для Сибири, кроме ее северо-восточной части система податных отношений и отношений «господства-подчинения» в целом. К тому же система данничества из-за устоявшейся центральноазиатской традиции имела облик архаического дарообмена. Так было у кыргызов, джунгар, телеутов, бурят, якутов с их кыштымами, то же предложили им и русские, давно практиковавшие нечто подобное в сношениях с иноземцами. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождала-

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л. 1941. Т. 2. С. 418, 441.

лась раздачей подарков – кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также обильным массовым пиром. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князьками, лучшими людьми и простыми ясачными, а тем более при их шертовании и получении от них ясака, «и самим быти и служилым людям велети быти в цветном платье», одаривая всех «предавшихся под руку государеву» обильно, устраивая коллективное угощение¹. Красивая, яркая одежда, пышное пиршество, обрядовая обстановка несли в себе глубокую смысловую, в том числе и сакральную, нагрузку, символизируя мощь и богатство строителей церемонии, а через них и Московского царства вообще.

Во всех материалах, сообщающих о посольствах в Москву или о приездах послов, князцов, ясачных в сибирские города и остроги, обязательно упоминаются подарки и угощения. Таким образом, внешняя сторона вассальных отношений, имевшая сакрально-зрелищное и материальное выражение, – дарообменные отношения в виде ясака, подарков, поминок, с одной стороны, и богатой одежды, посуды – с другой. Эта политическая традиция была понятна всем, что и облегчало установление отношений подданства, подчинения между разнохарактерными общностями людей и способствовало почти автоматическому переводу населения в состав России – по крайней мере, в периоды, когда не было столкновений из-за кыштымов–албату–ясачных между прежним и новым государствами-сюзеренами.

Однако спокойному течению процесса полного и окончательно включения ясачных волостей в московскую административно-социальную структуру серьезно препятствовали продолжавшиеся и даже усилившиеся набеги, грабежи кыргызских, телеутских, бурятских отрядов, провоцируемые джунгарами, Алтын-ханами, халхами, убежденными в том, что отстаивают право владения своими «извечными кыштымами». Положение усугублялось малолюдностью гарнизонов русских крепостей, из-за чего они часто были не в силах защитить прилежащие ясачные волости. Впрочем, русские, как власти и служилые, так и разного рода «охочие и гулящие люди», нередко не уступали прежним сюзеренам в поборках и обидах.

В государственном понимании «покорение» Сибири сводилось к ее «возвращению» в подданство московского государя, прежде все-

¹ *Древнейший документ о нашем городе // Томск: [Альманах]. Март-июнь. Томск, 1946. С. 139.*

го, к механическому, желательному поголовному, объясачиванию коренного населения. При этом бегство ясачных, уклонение от выплаты подати и разного рода «налоговые лукавства» не воспринимались как нечто необычное в их поведении. Социально-психологический климат той эпохи во взаимоотношениях власти и населения был тонко подмечен С.М. Соловьевым: «Гоньба за человеком, за рабочею силою рпроизводится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно... гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бегут розно, толпами, идут за Камень; помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут...»¹. Добавим сюда и гоньбу служилых людей за ясачными – погоню, логично и органично вписывающуюся в общеисторическую канву России XVI–XVII вв.

Разорительные набеги, массовые угоны населения ясачных волостей, например кыргызами, являлись следствием их нарастающей слабости в противоборстве с русскими за кыштымов. Показательно, что тот же метод будут использовать и воеводы, когда окажутся неспособными защитить зависимое население. Когда в 1641 г. стало известно, что кыргызы хотят взять Ячинскую волость «с собою в Кыргызы», в Томске приняли решение: «Ячинскую волость князца Тутубая с яшашными людьми и с женами и детьми взять в Томской», а над кыргызами «промысел учинить». В 1679 г. десяти ясачным Курчиковой волости, из-за угрозы вывода и разорения, позволили «кочевать возле русских деревень вверх по Томи реке и по Сосновке реке», т. е. под защитой Сосновского острога².

Словом, соперничество из-за ясачных-кыштымов порождало их переселения и перетасовки обеими спорящими сторонами, что вело к закономерному слому этнокультурного облика ясачных групп и к общей хозяйственно-бытовой дестабилизации.

Показательно, что число самостоятельных восстаний ясачных против новых владетелей было невелико. Как правило, в противостоянии с русской администрацией они присоединялись к своим прежним сюзеренам – кыргызам, телеутам, джунгарам, бурятам, якутам. Мотивация могла быть разная: от инерционного признания принадлежности прежним господам, а значит, непременно участия

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII, т. XIII. С. 43.

² Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. / под ред. В.Я. Бутанаева и А. Абдыкалыкова. Абакан, 1995. С. 110, 175.

в их военных делах, до недовольства произволом и несправедливостями со стороны воевод и служилых людей. Следует заметить, что такое поведение местной администрации всячески осуждалось высшей властью, обличалось церковью. В царских грамотах и наказах был, по крайней мере с царствования Бориса Годунова, определен своего рода эталон взаимоотношений между ясачными и местной администрацией: «Чтоб жили они на своих кочевьях и ясак платили... и всякими своими звероловными промыслами промышляли, и безо всякой измены... А как будут послушны... мы их пожалуем: войною на них наших служилых людей посылать (не велим) и воеводам нашим... никаких налоги и тесноты чинить не велим» (1639 г.)¹.

В этой ситуации ясачные волости, не обладавшие политической самостоятельностью, этнически аморфные, к приходу русских давно уже находившиеся в подчиненном, данническом положении, не могли проводить собственную политику, да и не помышляли о таком. Их промежуточное географическое положение между русскими городами и государственными образованиями Южной Сибири и Центральной Азии столкнуло на этой территории интересы обеих этих сил, сделав население историко-этнографической провинции от Урала до Байкала объектом непрекращающейся острой борьбы. Именно в ходе этого противостояния в соответствующих условиях реализовался статус двоedanцев, с самого начала этой борьбы определившийся в качестве тенденции для всех без исключения групп ясачных.

В основе сибирского двоedanства лежала отработанная еще в Древнем Китае и сохранявшаяся в его внешней политике доктрина «буфера», в качестве которого выступали «ближние варвары», уже частично включенные в сферу китайского влияния. За ними следовали «дальние варвары», которые представляли угрозу для Китайского государства. В условиях, когда собственных военных сил было недостаточно, именно «ближние варвары» выступали своеобразным заслоном, задерживающим продвижение «дальних варваров».

Эта доктрина успешно решала внешнеполитические задачи в условиях нехватки или равенства военной силы противников. Исход такого противостояния мог затягиваться на десятилетия и века, но, в конце концов, проблема решалась автоматически в результате ослабления одной из противоборствующих сторон. Знакомство русских с этой доктриной позволяло не только сохранить свои военные

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1941. Т. 2. С. 434.

отряды в сражениях, исход которых был неясен, но и пригодится позже, когда после подписания Нерчинского договора в XVII в., а также после гибели Джунгарского ханства в XVIII в. вопрос о принадлежности спорных территорий решится только в XIX в.

Политические ориентиры данников напрямую зависели от военных успехов России. Поэтому неизбежно, что вместе с общим укреплением позиций России в Сибири настроения аборигенов все более склонялись к ней. К тому же выселение ойратами телеутов из Верхнего Приобья в конце XVII в., угон ими же кыргызов на р. Или в 1703 г. и переориентация бурятских тайшей после усиления в конце XVII в. Цинской династии в Восточной Монголии, исчезновение Джунгарии после 1758 г. оставили в Южной Сибири фактически единственную политическую силу – Россию, теперь уже в виде Российской империи.

Восприятие русскими властями кыштымов как несамостоятельного в политическом смысле слоя сибирского населения изначально предопределило их тяглое положение в социальной структуре русского государства. Кыштымы хантов, телеутов, кыргызов, монголов, бурят, якутов, став ясачными русских, «полнили» теперь уже ясачные волости, и их положение по-прежнему определялось монгольским по генезису институтом «унаган-богол».

Русской администрации гораздо сложнее было выстраивать отношения с правящими слоями сибирских народов, имеющих государственные образования, – кыргызов, телеутов, бурят, якутов. Во взаимоотношениях с ними перед русскими, помимо перевода их данников в своих ясачных, стояла задача подвести «под высокую руку государеву» их самих – с шертью, аманатами и ясаком.

Таким образом, новообетенные русские ясачные, в прошлом чьи-то кыштымы или албату, не являлись самостоятельным субъектом. В лучшем случае им предоставлялся выбор – остаться в прежней зависимости или сменить своих сюзеренов.

Сложнее выстраивались отношения между русской властью и местными «князцами». Однако в условиях, когда русским не хватало собственного воинского контингента, широко использовался потенциал местных князцов, при сохранении за ними их прежних владений и замене ясака военной службой.

В связи с этим показательна судьба Кодского княжества, чья роль в деле присоединения Сибири, как считал С. В. Бахрушин, «не подлежит сомнению». При содействии князя Игичея Алачева Моск-

ва прибрала к рукам Пелымское княжество. В 1590-е гг. он вместе с русскими участвовал в нескольких походах вверх по Оби. Его брат Онжи Юрьев ставил Томской город, а в 1618 г. кодские ханты участвовали в строительстве Маковского острога, ходили на «тунгусских людей» вместе с русскими служилыми людьми. Войско, выставленное кодскими князьями, по тем временам было значительным, насчитывая до 100–200 человек¹.

В меньшей степени русские власти использовали потенциал сибирских татар. Уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус», который «добросовестно сражался против своего прежнего сюзерена». Сражавшийся с Ермаком князь Епанча впоследствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака – князь Мантмас – позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару². Как отмечает Д.Я. Резун, в 1638 г. юртовские служилые татары составляли в Тобольске 34,5 %, в Тюмени – 22 %, в Таре – 12 % от всего служилого сословия³.

Столь массовое включение татар в состав служилых людей не противоречило ни их собственным ментальным установкам, ни государственной практике Москвы. Симпатии первых в выборе сюзеренов базировались на центральноазиатской установке, согласно которой служить слабому правителю неприемлемо, поскольку он потерял благосклонность Неба. И наоборот, быть на службе у сильного правителя, даже если он прежде был врагом, престижно. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, а русским доказать свою силу, как они приобрели в лице местной «элиты» верных помощников. С другой стороны, Москва с XV в. имела богатый опыт постоянного привлечения на военную службу ордынцев. В Сибири подобная практика получила свое развитие. Оказавшись в составе служилого сословия, ханты, сибирские татары, телеуты, чаты сохранили свой воинский статус. О том, насколько это было важно в сибирской аборигенной среде, свидетельствует история русско-киргизских отношений.

¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–VII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 123

² Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 164–165.

³ Резун Д.Я. На сибирском фронтире в XVII в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. II. С. 20.

«Ордынский опыт» пригодился и тут, а осуществление этой политики проходило в рамках многочисленных посольств, отправляемых сибирскими воеводами.

Так, в 1609 г. отправилось посольство к телеутскому князю Абаку. В том же году Абак, его мурзы и лучшие люди шертовали царю в том, чтобы «быть под царскою рукою, служить, ходить в походы на непослушников». За это телеутам разрешалось кочевать «блиско Томскому городу, не брать с них ясака, оберегать от Алтын-хана и Казачьей Орды». А.П. Уманский рассматривал отношения между томскими властями и Абаком как договор о военно-политическом союзе¹. Но вряд ли этот союз воспринимался обеими сторонами одинаково: вся последующая история русско-телеутских контактов есть череда то совместных антикыргызских военных выступлений (походы 1615, 1621, 1622, 1630, 1680 гг.), то, наоборот, антирусских предприятий телеутов, вместе с чатским князем Тарлавом, Кучумовичами, черными калмыками (ойратами), против томских и кузнецких служилых и тояновых татар (1614, 1620, 1630 и т. д.).

При этом постоянно сохранялась угроза нападения телеутов на Томский город и Кузнецкий острог и разорения их окрестностей. Создавшееся неустойчивое равновесие, нарушавшееся, правда, периодически возникавшими острыми моментами, более или менее поддерживалось разными способами. Среди них – обоюдные посольства, русские карательные экспедиции в кочевья телеутов или их кыштымов, увод последних из-под контроля «держателей». В пользу равновесия могло также действовать вполне вероятное восприятие телеутами вассального полуподданства русским, как уменьшение зависимости от Джунгарии, которой они в это время платили алман².

Стержневой особенностью взаимодействия сибирских властей с телеутами можно, видимо, считать приемлемый для обеих сторон договор, по которому при переходе под руку Москвы внесение ясака заменялось службой. Последнее немаловажно, ибо выплата подати господствующим этносом неизбежно уравнивала бы его с его же кыштымами, что, во-первых, нарушало бы извечную здесь социально-политическую традицию и, во-вторых, такое отождествление с тяглым, зависимым населением было попросту оскорбительным для телеутов.

¹ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 37.

² Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983. С. 81

Военная же служба (пусть новым сюзеренам) прекрасно укладывалась в рамки центральноазиатской «улусной традиции», помогала телеутам сохранять самоощущение высокого социального статуса, т.е. не разрушала устоев менталитета «военно-кочевого общества». С другой стороны, местная русская администрация, в условиях постоянной нехватки военной силы, имела возможность частично пополнить ее недостаток за счет «союзных» аборигенов. Практика включения князцов, лучших и воинских людей в сибирское служилое сословие вполне оправдала себя еще в Северо-Западной Сибири¹ и своими истоками уходила в обыкновение московских князей, не только бравших на службу ордынцев, но и создавших вассальное Касимовское ханство.

В какой-то степени этот сценарий воплотился в Сибири, когда со второй половины XVII в. в Томском и Кузнецком уездах появилась достаточно многочисленная телеутская группа «выходцев на царевое имя», решившая дилемму джунгарского или российского подчинения в пользу последнего. В 1892 г. на запрос Томского губернского правления об обстоятельствах и времени появления телеутов в Томском уезде те заявили, что являются потомками телеутов, «называвшихся также укрятами (ойратами. – *Л.Ш.*) и белыми калмыками». Их предки прибыли на службу в Томск в царствование Алексея Михайловича «в числе 51 человека». У их потомков сохранился указ этого царя на имя томского воеводы Монастырева за 7181 (1673) г., из которого видно, что «из числа означенных переселенцев телеутов пять человек поверстано в конную службу». Всем им велено было «дать под пашни землю из порожних мест у Томску вверх по Томи, по Искитиму речке, чтобы им сытыми быть без нужды». Им также предоставлялась льгота: «ясаку с них не имать, подвод гонять им не велеть»².

И хотя уже в XVIII в. «выезжие телеуты» слились в своем социально-экономическом положении с ясачными, московская политика по отношению к ним в XVII столетии отличалась значительной лояльностью и гибкостью, чего нельзя отнести на счет енисейских кыргызов.

Уже в 1610-е гг. «кыргызская» политика Москвы отличалась бескомпромиссностью. Во многом это определялось тем, что именно

¹ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М., 1953. Т. 3, ч. 2. С. 164–166.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 45. Д. 289. Л. 21.

кыргызы являлись владельцами многочисленных кыштымов Обь-Енисейского междуречья, на которых претендовала Москва и которые отличались весьма подвижным образом жизни. Поскольку перед сибирскими воеводами почти всегда стояла задача возвращать «беглые волости» и отдельных беглых ясачных, все посольства к кыргызам, помимо официальных переговоров, проводили тайную дипломатию. Посланные служилые должны были встречаться с «отшатнувшимися» ясачными и, «сказав им государеву милость», пытаться переманить их обратно.

Видимо, эта миссия нередко имела успех, и многие беглые группы обещали возвратиться, когда «изождут поры», и действительно возвращались на свои прежние земли «со всем улусом, с женами и детьми». Так случилось, например, с аринским князем Татушем в 1641 г.¹

Постоянным предметом споров оставался вопрос о сборе дани с ясачных, но к 1680 г. русские власти, проявившие осмотрительность и дальновидность, смогли добиться компромисса. Все свелось к обязанности кыргызов «преж государева ясаку на себя не имать»², что, по сути дела, признавало за кыргызами права и на государевых ясачных, т. е. определяло двоedanческий статус последних и устанавливало очередность сбора ясака и алмана.

Извечной болевой точкой русско-кыргызских отношений оставалась проблема выплаты ясака самими кыргызами. Отказываясь платить окладный ясак в 10 соболей с мужской души, они, порой, взывали к здравому смыслу. Они де «живут в степи... и соболей на степи не живет, а которые природные (наши) холопы кыштымы все иные... за государем и ясак со всех с них збирают в Томской город... в Кузнецкой и Мелесской остроги»³.

Иногда удавалось и здесь достигнуть компромисса: некоторые князья (Ишей в 1628 г.) все же давали вдруг ясак за всю свою землю в размере 100 соболевых шкурок – якобы по общему числу князцов. Но, по удачному выражению С.В. Бахрушина, это «скорее дар, чем дань»⁴, к нему более применим тогдашний же русский термин «поминок», т.е. добровольный подарок, маскирующий категорическое

¹ *Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв.* // под ред. В.Я. Бутанаева и А. Абдыкалыкова. Абакан, 1995. С. 111.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 75.

⁴ *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII веке // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 202.

нежелание уподобляться своим промысловым «холопам». Подданными России, даже номинальными, кыргызы себя не признавали и, потому настоящего ясака давать не могли. Отсюда – отдающие лукавством дипломатические ходы насчет «неумения» охотиться на пушного зверя и постоянный акцент на том, что промысел этот является исключительным достоянием и умением их «природных кыштымов». Тем самым лишний раз подчеркивая свой высокий, правящий статус и утверждали, невзирая на новую ситуацию, априорное право владения податным населением. Признать иное – означало бы покориться Москве.

Русская администрация и кыргызские правители, в принципе, имели шанс на установление вполне терпимых взаимоотношений. Впервые такая возможность была сформулирована в 1628 г. князем Ишеем в виде просьбы: «Государь (бы) их пожаловал, велел им свою государеву службу служить так же, что и чатцким татарам вместо уплаты ясака». Через четверть века, в 1642 г., тот же Ишей повторил уже воеводе И. Кобыльскому: «Чтоб государь вины отдал и их пожаловал и ясаку б с них имать не велел, а они готовы государю служить, как и Чацкие мурзы служат»¹. Русские власти долго на такие предложения не реагировали, руководствуясь стойким предубеждением насчет кыргызов на службе и опасаясь в этом случае измены и бунта.

Истоки такого предубеждения кроются в особенностях мышления русских XVII в. Еще эштинский князь Тоян, исходя из сложных отношений с кыргызами, охарактеризовал их как «врагов». С таким взглядом на кыргызов был солидарен тобольский воевода Ю.Я. Сулешов, который в ответ на царский указ, предлагавший в случае неуспеха переговоров приступить к военным действиям, безапелляционно заявил: по собранным сведениям, уговорить «тех киргизских людей и призвать под государеву руку нельзя»².

Таким образом, альтернативой послательствам на протяжении всего XVII в. были военные рейды в кыргызские земли, которые, однако же, завершались без ощутимых результатов. В течение всего XVII столетия русские, продвигаясь на восток, вынуждены были обходить немирные кыргызские владения. В своем противостоянии Москве кыргызы сначала опирались на Алтын-ханов, а с 1660-х гг. – на Джунгарское ханство. Их надежды на относительную самостоятельность в результате лавирования между монгольскими государствами

¹ Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774. С. 297.

² Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII веке... С. 199.

и Россией оказались тщетными. Алтын-ханы и Джунгария, являясь активными участниками центральноазиатской политики, стремились обезопасить свои северные границы, и, рассчитывая если не на поддержку, то хотя бы на нейтралитет России, фактически отказались от открытой помощи кыргызам в их противостоянии с Москвой.

События 1703 г. и выселение кыргызов со своих земель были предreshены, явившись логическим завершением процесса, давно задуманного ойратскими контайшами, но растянутого во времени. Непрерывающиеся военные действия с Китаем и, отчасти, казаками требовали от джунгар людских и материальных ресурсов, а также безопасности северной границы ханства, что могло быть достигнуто лишь при невмешательстве России. Выселяя кыргызов в Джунгарию, контайши добивались двойкой выгоды. Они получали искомую российскую лояльность и обеспечивали себя искусными и храбрыми конными отрядами, не говоря уже о простом увеличении своего улуса. Русским, по-прежнему не имевшим достаточной мощи для сокрушения непокорного анклава в глубине своих сибирских владений, был поднесен «царский подарок». Их «вечные враги» были убраны из бассейна Енисея, и сибирская администрация, неожиданно для себя, с помощью джунгар получила полную возможность без особого труда продолжить «освоение» обезлюдивших приенисейских территорий по обоим берегам великой реки. На практике все свершилось быстро: в 1703 г. в Кыргызскую землицу прибыли три зайсана и «киргиз де к себе загнали всех... и ныне де в Киргизской землице киргизов никого нет»¹.

После этого русские в 1707 г. смогли построить на правом берегу Енисея, в 60 верстах от устья реки Абакана, Абаканский острог, который должен был построить еще Я. Тухачевский много лет назад. Через два года, в 1709 г., удалось закрепиться в предгорьях Западного Саяна: Саянский острог (рядом с современным с. Означенным) блокировал урянхайцев и уцелевших моторов с койбалами – бывших кыштымов Тубинского княжества.

Подобно енисейским киргизам, под аналогичным предлогом категорически отказывались платить ясак буряты, также имевшие многочисленных кыштымов в Прибайкалье. Они прекрасно понимали, что внесение ясака означало бы их включение на правах данников в социальную структуру Московского царства. Показательным в этом

¹ Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999. С. 134–136.

плане является эпизод, связанный с походом Якова Хрипунова в 1628 г. по приказу тобольского воеводы в бурятские земли. После его смерти в 1630 г. в Илимском зимовье его служилые люди, собранные из разных сибирских городов, поспешили назад. Помимо небольшого ясака, енисейские служилые привели с собой бурятский ясырь числом в 21 человека. Среди них были знатные женщины и девушки. Воевода князь Семен Шаховской ясырь отобрал и, по словам Г. Ф. Миллера, «хотел подкупить бурят великодушием» и передать им пленных. В августе 1630 г. атаман Максим Перфильев передал нескольких пленников-бурят. При их передаче бурятские князья заявили, что они «его государские вековые холопы и ему, государю, служили и прямили и ясак с себя платити рады ... они, брацкие люди, (дали с себя) государева ясаку пятнадцать соболей»¹.

Когда в 1632 г. к ним вновь были направлены служилые люди, то те заявили, что «... де они атаману Максиму Перфильеву соболи не в ясак дали, выкупили де теми соболями у атамана у Максима свой ясырь» Отказываясь платить ясак, буряты, как и киргизы, говорили, что они «соболей не промышляют, потому что де они люди конные и скотные»².

Для бурят выплата ясака означала уравнивание их социального статуса с их кыштымами. Отсюда уловки в отношениях с русскими властями: то, что последними воспринималось как ясак, первыми трактовалось как выкуп или, в лучшем случае, поминки, так как это не предполагало зависимого положения. Подобное несовпадение интересов русских и бурят приводило к частым военным столкновениям в 1620–1640-е гг. Русские пытались закрепиться в Прибайкалье традиционным способом – строительством острогов. Основание Канского (1628), Илимского (1630) и Братского (1631) острогов создало предпосылки для продвижения в собственно бурятские земли. Однако русско-бурятские отношения на протяжении всего XVII в. оставались нестабильными. В 1695 г. буряты под предводительством «ясачных Петра Тайшина и Ивана Степанова совершили нападение на Иркутск, но были отбиты, после чего десять человек было повешено. В следующем году осада Иркутска повторилась, но и она была безуспешной»³.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. III. С. 45–46, 157, 181.

² Там же. С. 189.

³ Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов; под ред. В. И. Вагина. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. С. 137, 140.

Постепенное усиление русских в Прибайкалье, а затем и в Забайкалье (основание в 1654 г. Нерчинского острога), переориентация бывших бурятских кыштымов на Москву, но главным – как и в ситуации с киргизами – было значение внешнего фактора, приведшего к стабилизации русско-бурятских отношений. Таким внешним фактором, способствовавшим ослаблению напряженности, было давление с юга халхов, а с середины XVII в. – крайне активная политика цинских правителей Китая, следствием которой стало в 1691 г. принятие китайского подданства большей частью халхасских тайшей. В этой сложной внешнеполитической ситуации бурятская элита сделала свой выбор в пользу Московского царства.

Таким образом, в начале XVIII в. Сибирь окончательно стала российской территорией. Между тем длительный период взаимодействия с полиэтничным сибирским населением способствовал расширению политического кругозора русских людей.

Евразийский принцип организации податного населения в форме улуса-волости позволил русским и киргизам на известное время найти компромиссный вариант эксплуатации зависимого населения в виде института двоеданства. Он оказался востребованным в отношениях России с Джунгарией, а позднее и с Китаем. Важную роль в сибирской политике играли многочисленные посольства, отправляемые к киргизам, бурятам, телеутам, монголам и джунгарам. Это свидетельствовало о склонности России решать спорные вопросы путем переговоров. В какой-то степени это можно объяснить военной слабостью русских в Сибири XVII в., но это демонстрирует и специфику формирующейся русской восточной дипломатии. Важным представляется и то обстоятельство, что сибирское население также предпочитало решать разного рода споры и конфликты через посольства в уездные города и Москву.

В связи с этим показателен высокий статус послов: в сибирской истории нет фактов их убийств или унижения. Более того, часто русские посольства, например к Алтын-ханам, сопровождали киргизские проводники, и их маршруты безопасно пролегли по враждебной и непокорной Кыргызской земле. Действовал сакрализованный «дипломатический протокол».

Следует отметить также достаточно уважительное отношение русских к местным князям и «лучшим людям». Их вступление в российское подданство сопровождалось принесением клятвы верности по их обычаям, что свидетельствует об уважении к ним, от-

существованию высокомерия, признания за ними культурной самобытности. Следует также отметить, что несовпадение этнической принадлежности правящего народа и его подданных – ситуация, достаточно распространенная в «кочевых империях степной Евразии, в сибирских государственных образованиях. Поэтому то, что новыми «хозяевами» стала русская власть, для полиэтничного населения Сибири было обычным явлением.

Важно и то, что в русском языке нет синонима слова «толерантность» как особого отношения к «несвоим», отличающимся внешним обликом или культурными особенностями. Это свидетельствует о том, что в отличие от сознания западноевропейского человека, граница «свой – чужой» в менталитете русских была размыта. На «чужих» переносились такие же качества, какими наделяли «своих», а отношение к ним формировалось в рамках своего ментального пространства.

По этому поводу П.Н. Миллюков писал: «Такие наблюдательные судьи, как Белинский и Достоевский, признали в конце концов самой коренной чертой русского национального характера – способность усваивать всевозможные черты любого национального типа. Другими словами, наиболее выдающейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья»¹.

С самого раннего присутствия русские находили в Сибири своих сторонников. Конечно, часто аборигены руками русских решали свои проблемы внутренних противостояний. Так, кодские ханты оказались верными союзниками русских в завоевании мансийских княжеств – Кондинского и Пелымского, а также в походах против селькупской Пегой орды. Эуштинский князь Тоян опирался на русских в своем противостоянии с енисейскими кыргызами, оленные коряки пытались получить русскую поддержку в борьбе за пастбища с чукчами. Однако объективно это способствовало усилению русского присутствия за Уралом

Сибирские аборигены являлись поставщиками вполне достоверной информации о «новых землях», о путях к ним, о занятиях и нравах их жителей. Уже принявшие русское подданство аборигены являлись не только ценнейшими информаторами, но и «вожами» (проводниками) и «толмачами» (переводчиками) русских землепроходцев.

¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Прогресс, 1994. Т. 2, ч. 1. С. 14.

Так, в 1631 г. посланные из Енисейска служилые люди ходили в «Брацкую землю ко князю Бокаю... для государева ясаку, а для вожей и толмачества» взяли с собой «ясашных тунгусов с устья Куты реки,.. а ходили (они) своею охотою» Именно от тунгусов южного Енисея в 1630 г. русские узнали о богатой Яколской земле на «Лене реке, где... скот всякой есть, и кони, и коровы, и овцы, а ясаку де они, яколские люди, не платят никуда с себя»¹. Это сообщение активизировало поиск «землицы» на востоке среди служилых сибирских городов.

Важным качеством, которое русские приобрели в Сибири, было умение терпеливо ждать, напрасно не обостряя ситуацию, когда не было уверенности в собственных силах. При этом Москва согласилась с концепцией двоеданства, предложенной местной элитой, которая была отражением доктрины «буфера», разработанной китайскими дипломатами еще в древности. В ходе центральноазиатских событий решилась судьба государства Алтын-ханов, и Россия получила правобережье Верхнего Енисея; увод джунгарами кыргызов позволил утвердиться на его левом берегу; в середине XVIII в., после гибели Джунгарского ханства стало возможным приобретение Горного Алтая; естественное ослабление Китая во второй половине XIX в. позволило вернуться к проблеме Приамурья и Приморья, провести границу от Алтая до Тянь-Шаня.

Гибкая политика Москвы (позже Петербурга) позволила ей без серьезных военных действий расширить свои азиатские границы. Накопив опыт ведения переговоров о беглых ясачных в сибирских пределах, российские власти успешно его использовали в дипломатических сношениях с Китаем относительно беглецов на протяжении всего XVIII в.

Постоянные контакты служилых людей с аборигенным населением Сибири позволили им накопить «навыки низовой дипломатии», которая вершилась на основе богатого жизненного опыта, практической сметки, здравого смысла и неплохого понимания государственного интереса. Это качество очень пригодилось во внешнеполитических контактах с монголами и китайцами, ибо многие ранние посольства, отправляемые за восточные рубежи, возглавлялись обычными казаками, детьми боярскими и пр., а не специально обученными дипломатами.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. С. 177.

Таким образом, относительно легкое присоединение Сибири, а также выход Москвы к границам центральноазиатских государств и Цинской империи во многом объясняются творческим переосмыслением сибирской и центральной администрациями, а также служивыми людьми опыта внешней и внутренней политики ордынского периода. Полиэтническое Московское царство, включив в себя автохтонные государственные образования Сибири, *volens-nolens* оживило ордынскую политическую и дипломатическую традицию, что позволило ему находить адекватные решения в отношениях с государствами Центральной и Восточной Азии и стать евразийским государством не только в географическом, но и в политическом смысле.

6.2. Сибирь и китаеведение в XVIII–XIX вв. (В.Г. Дацышен)

В XVIII в. фактически единственным внешним соседом Сибири был Китай, объединивший огромные территории в рамках Цинской империи. Следовательно, важным фактором международных отношений в регионе было развитие русского китаеведения в Сибири. Место и роль Сибири в развитии русского китаеведения являются важными, но противоречивыми. Обладая ограниченными материальными и людскими ресурсами, Сибирь не имела возможностей занимать лидирующие позиции в развитии науки и образования. При этом соседство с Китайской империей создавало возможность и необходимость для опережающего развития китаеведения. Здесь также необходимо отметить, что государственными языками в Цинской империи были маньчжурский, монгольский и китайский (ханьюэ, чжунвэнь) языки.

Китаеведение и Сибирь изначально были тесно связаны. В царском указе 1700 г., в частности, говорилось: «... Указал писать к киевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому), чтоб он, подражая о том святом и богоугодном деле, искал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополиту... и привел бы с собою добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех чело-

век, которые бы могли китайскому и мунгальскому языкам и грамоте научиться и, их суеверие познав...»¹

В Сибири была сформирована первая Духовная миссия в Китай. Сохранились указания на то, что член этой Миссии дьячок Иосип Дьяконов (Давыдов) изучил маньчжурский язык, работал переводчиком и начал преподавать русский язык в Русской канцелярии министерства Цинского двора, открытого в 1725 г.

Как и в предыдущем XVII в., в первой половине XVIII в. единственными переводчиками китайского языка в России были китайцы, разными путями попавшие в Сибирь. В 1734 г. в Санкт-Петербург привезли из Тобольска крещенного в 1737 г. китайца Чжу Гэ (Джого, Федор Петров). Сначала он преподавал язык в столице, потом был переведен в Славяно-греко-латинскую академию, где учил будущего выдающего сиолога А. Леонтьева.

Важную роль в становлении Духовной миссии как первой русской школы китайского языка сыграла миссионерская школа монгольского языка при Вознесенском монастыре (с 1727 г. «мунгалорусское училище»). 2 октября 1724 г. вышел указ Священного Синода об открытии в Иркутске школы «для церковничьих детей и сирот» с целью подготовки переводчиков китайского и монгольского языков. В документе говорилось, что при Вознесенском монастыре имелся знаток монгольского языка, а преподавателя китайского языка требовалось найти. Эта школа, открытая в 1725 г. и просуществовавшая до 1739 г., стала вторым учебным заведением во всей Сибири, после школы при Тобольском архиерейском доме. Историю учреждения первой школы в Восточной Сибири описал ее основатель, архимандрит Вознесенского монастыря Антоний (Платковский) (?–1746): «Чрезвычайный посланник Лев Измайлов посылан в Китайское государство для некоторых нужд царственных, которому в бытие мое при нем на границу прежде поездки в Китай прислана грамота мунгальского письма, и не нашел ни единого переводчика из русских людей, чтоб перевести грамоту, о чем зело сумнителен был господин посланник... тогда господин посланник говорил мне, что близко пограничные города государя нашего, а духовенство де не заведет детям школы мунгальского языка, и еще прибавил, что езопы (иезуиты. – В.Д.) из Европы ездят ... от себя как язык разных на-

¹ [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским сиологам) // Православный собеседник. 1887. № 4. С. 462–463.

родов, так и обычаи их довольно знают, а наше де духовенство и пограничного языка не знает. И того времени господин посланник советовал мне, робят собравши, завести мунгальского языка школы»¹. Тобольский митрополит не дал согласие на открытие этой школы, но Священный Синод идею поддержал: «В 1724 году по представлению в Святейший правительствующий Синод Иркутского вознесенского монастыря Архимандрита Антония Платковского, по случаю возложенной на него по Имянному Повелению – О учреждении в Оном Вознесенском Монастыре Мунгальского и Китайского языков школы, в пособие в содержании в Оной Учителя и Учеников»².

В XVIII в. благодаря своим достижениям в области китаеведения в России получили известность пять человек, работавших переводчиками китайского языка. Из них четверо были сибиряками. Основателем русского китаеведения, первым русским переводчиком, ученым-китаеведом и преподавателем китайского языка в России был сын сельского священника из Забайкалья Илларион (Ларион) Калинович Россохин (Рассохин) (1717–1761). В 1726 г. он пришел в иркутскую школу монгольского языка, затем учился и работал в Пекине. И.К. Россохин в 1740 г. был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук. 22 марта 1741 г. приказом президента Академии наук К. Бреверна китаевед был включен в ее штат «для переводов и обучения китайского и маньчжурского языков»³, ему в качестве учеников определили четырех человек. С 1741 по 1751 г. И.К. Россохин руководил школой китайского и маньчжурского языков при Академии наук и Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге. Он был автором множества переводов китайской исторической и справочной литературы. Сибиряк И.К. Россохин стал и автором первой русской транскрипции китайских иероглифов. «Отец Сибирской истории» Миллер и первый русский китаевед, сибиряк-забайкалец Россохин в Санкт-Петербурге тесно сотрудничали и взаимодействовали. Например, 31 января 1757 г. был «оглашен приказ об освидетельствовании перевода китайской книги “О проис-

¹ Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып.1. Ново-Николаевск. 1923. С. 16.

² Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10 (Казанская духовная академия). Оп. 5. Д. 517. Л. 6.

³ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1993. С. 70.

хождении и нынешнем состоянии народа манджур», сделанного Л.К. Россохиным. Миллер взял это на себя»¹.

В XVIII в. получили известность как китаеведы воспитанники Тобольской духовной семинарии Алексей Семенович Агафонов (1748?–1794), Федор Иванович Бакшеев (1749?–1787) и Алексей Никитич Парышев (1751? – после 1809). Вообще, первая в Сибири духовная семинария дала России и миру много талантливых ученых. Здесь можно отметить, что воспитанником Тобольской духовной семинарии был и один из самых известных харбинских китаеведов XX в. Ипполит Гаврилович Баранов (1886–1972), который заведовал кафедрой китайского языка в знаменитом Харбинском политехническом институте.

В XVIII в. большинство первых русских китаеведов по возвращении из Пекина сначала работали переводчиками на границе, а уже затем направлялись на службу в Санкт-Петербург. Например, вернувшийся в 1755 г. из Пекина Е. Сахновский был оставлен переводчиком при Кяхтинской таможне. Позднее для сохранения в резерве кадров переводчиков возвращавшихся из Пекина учеников оставляли в Иркутске при губернаторе, по мере необходимости вызывали в Петербург, как правило, по смерти очередного переводчика коллегии Иностранных дел. В 1782 г. ученики А. Агафонов, Ф. Бакшеев и А. Парышев вернулись в Россию, «они оказались довольно знающими в китайском, а особенно в маньчжурском языках. Как люди немолодых уже лет, они были определены переводчиками коллегии к Иркутскому губернатору Якобию. Из них Федор Бакшеев, по смерти А. Леонтьева, в 1786 г. был вызван в Петербург, где и скончался 18 мая 1787 г. На его место вытребован был А. Агафонов, ставший достойным преемником Ф. Бакшеева. Он издал много переводов с китайского и маньчжурского языков. Алексей Парышев состоял на службе сибирского генерал-губернатора до 5 апреля 1809 г., когда и был уволен на пенсию... Он составил “Vocabularium sinico-mandschurico rassicum”»².

Заметный след в истории Сибири и русского китаеведа оставило посольство в Китай графа Ю.А. Головкина (1762–1846). Посольство состояло из двух отделений: дипломатического и научного, на-

¹ *Летопись* Российской Академии наук Т. I: 1724–1802 / отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 445.

² [Адоратский] *Иеромонах Николай (Адоратский)*. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. № 9. С. 56–58.

ходившегося в ведении графа Я. Потоцкого. Общая численность посольства составила 242 человека, а с учетом обслуживающего персонала достигала 500 человек. Перед посольством Ю.А. Головкина ставились, в том числе, и научно-исследовательские задачи. Все посольство собралось вместе в Иркутске, но через границу китайцы пропустили лишь дипломатическую часть миссии. Ю.А. Головкин смог доехать лишь до Урги. К этому времени в Иркутске уже сформировалась китайская книжная коллекция, составившая основу будущего Азиатского отдела библиотеки местной гимназии. Как писали архивисты в начале XIX в., «азиатский отдел библиотеки ведет свое начало, как нам уже известно, еще с 20 сентября 1802 г., когда иркутский купец Федор Щегорин¹ принес в дар Иркутскому главному народному училищу разного содержания монгольских и маньчжурских книг на 1011 руб. 50 коп.». Вообще же и высшее начальство, и гимназическое старались пополнять библиотеку по делу востоковедения всеми, более или менее выдающимися, новейшими исследованиями. М.М. Сперанский в бытность свою Сибирским генерал-губернатором препроводил в Иркутскую гимназию на хранение большой транспорт... 19 сочинений... всего более 800 т (томов)... К 1828 году в азиатском отделе библиотеки числилось 46 названий сочинений на китайском, маньчжурском, монгольском, татарском и японском языках»².

Всего к этому времени там имелось более 1500 томов сочинений на восточных языках, в числе которых были: «Всеобщая китайская история на маньчжурском языке, 1-го тома недостает (11 томов, 59 книжек)»; «Толкование на книгу Шудзин, правления древних... (13 книжек)»; «Воинские походы Императора Канси против Зюнгарскаго хана Голцана, 13 книг в обертке, а прочие без оной... (42 книжки)»; «История Золотой Орды» и др.

Издаваемый известным сибирским ученым и общественным деятелем Г.И. Спасским «Сибирский вестник» стал основой для учреждения первого востоковедного журнала в России. В одном из опубликованных в «Северной пчеле» писем говорилось: «Сибирский вестник выходит ныне под новым названием Азиатского вестника. Ученый свет обязан Г.И. Спасскому многими весьма любопытными сведениями о Сибири, которые он собрал на месте. Ныне предстоит

¹ Иркутский мещанин Федор Щегорин выезжал в Пекин в качестве писаря при караване, доставившем в Китай Духовную миссию в 1794 г.

² *Труды Иркутской ученой архивной комиссии*. Иркутск. 1916. Вып. 3. С. 174–175.

ему гораздо труднейшее поприще, ибо известия об Азии нелегко почерпать из первых источников, а для исследования восточных писателей надобно быть ориенталистом»¹. В 1825 г. в «Азиатском вестнике» была опубликована статья А.Ф. Рихтера «О состоянии Восточной Словесности в России». Первым русским синологом и здесь был назван сибиряк И.К. Россохин.

В XIX в., когда в Европейской России появилось университетское китаеведение, Сибирь не утратила своей роли в изучении Китая. В Сибирь ехали на стажировку студенты востоковедных кафедр российских университетов. Например, в конце 1820-х гг. двух стажеров, «кандидата Ковалевского и студента Попова», направил в Восточную Сибирь Казанский университет. Ученик бывшего стажера, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук О.М. Ковалевского (1800–1878) и один из первых бурятских ученых Дорджи Банзаров (1822–1855) «перевел на монгольский язык с французского перевода “Странствования” китайского буддиста IV века, по имени Фа-Сяня»². Первый университетский профессор китайского языка в России Дмитрий Петрович Сивиллов (архимандрит Даниил, 1788–1871) после завершения «научной карьеры» в 1844 г. уехал в Восточную Сибирь, был настоятелем Посольского Преображенского, а затем – Селенгинского Троицкого монастырей. Здесь, в Сибири, он до конца жизни занимался переводами китайских классических книг, рецензировал новые работы российских китаеведов.

Большую известность в России и во всем мире получила Кяхтинская школа китайского языка. В начале XIX в. активно прорабатывалась идея открытия в Иркутске специальной школы восточных языков. Е. Тимковский в своей работе перечисляет 18 названий книг, китайских учебных пособий и словарей, привезенных в 1821 г. из Пекина «для предполагаемого в Иркутске заведения Азиатских языков»³. В указе Николая I от 27 января 1823 г. говорилось о передаче гимназии в Иркутске собрания китайских, маньчжурских и монгольских книг с условием учреждения там класса восточных языков. Но идея не была реализована, исследователи отмечали: «Государственные умы того времени, как Сперанский, не были чужды идее орга-

¹ *Северная пчела*. 1825. № 14.

² *Савельев П.* Из писем Дорджи Банзарова // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1858. Ч. 3. С. 148.

³ *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию. СПб., 1824. Ч. 2. С. 394.

низации в Сибири специальной школы для изучения восточных языков. Но печальный опыт восточных классов при Иркутской гимназии и общие соображения... заставили Сперанского отказаться от мысли об открытии Азиатского училища в Иркутске»¹.

В начале 1830 г. училище китайского языка было открыто в пограничном городе Кяхта. Произошло это во время приезда в Кяхту Иакинфа (Бичурина) в составе научной экспедиции П.Л. Шиллинга. Школа фактически была открыта до принятия формального решения по данному вопросу, в январе 1830 г. архимандрит Иакинф набрал 12 учеников и начал обучать их китайскому языку. Официальное решение об открытии училища было принято только в ноябре 1832 г. Находилось оно в ведомстве Департамента внешней торговли Министерства финансов и под наблюдением кяхтинского таможенного начальства. Училище должно было готовить лиц для ведения торговли с Китаем, срок обучения устанавливался 4 года. Одной из причин, побудивших русское правительство пойти на официальное открытие этой школы, стали успехи, показанные учениками Н.Я. Бичурина на публичных экзаменах. Эти экзамены проводились в присутствии членов Российской Духовной миссии во главе с П.И. Каменским, возвращавшихся из Пекина в Россию. Иакинф (Бичурин) 18 месяцев жил и преподавал в училище сам, но вскоре ему была найдена замена. В 1831 г. возвращавшийся из Пекина ученик миссии К.Г. Крымский остался в Кяхте в качестве учителя и переводчика китайского языка.

В 1835 г. согласно ходатайству директора Кяхтинской таможни с согласия царя в Кяхту вновь приехал Иакинф (Бичурин). Указом Николая I в феврале 1835 г. отец Иакинф и К.Г. Крымский были официально назначены учителями Кяхтинского училища. 18 мая 1835 г. состоялось торжественное открытие училища, подробный отчет об этой церемонии был напечатан в «Журнале Министерства народного просвещения». В начале 1836 г. Иакинф принял предписание оставаться работать в Кяхте, однако в конце того же года он начинает хлопотать об отъезде в Петербург. В начале 1838 г. архимандрит Иакинф покинул Кяхту, и училище осталось на попечении К.Г. Крымского.

В «Списке учеников Кяхтинского училища китайского языка» в сентябре 1841 г. по высшему, среднему и низшему отделениям

¹ Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск. 1923. Вып. 1. С. 102.

числились: Н. Низковский, А. Жуковский, П. Никанов, Н. Платунов, Я. Титов, В. Сумкин, В. Зубов, С. Игумнов, В. Тарасов, И. Дианов. Их возраст был от 13 до 22 лет, но большинству было 15–16 лет. С начала работы училища и до 1852 г. из 96 обучавшихся только 25 изучили язык и получили аттестаты. Почти все выпускники училища «состояли при делах у торгующего в Кяхте купечества». В 1858 г. среди выпускников К.Г. Крымский выделил «живущих в Кяхте Петра Пономарева, Михаила Осокина, Василия Матренинского, Сергея Третьякова. В Иркутске – Александра Балакшина. На Амуре – Ивана и Иннокентия Диановых. Все они по торговым делам могут вести разговоры по пекинскому и сянь-синьскому наречию, а Диановы сверх того по-шандунскому наречию»¹. Позднее среди наиболее известных последних учеников Кяхтинской школы был М.Г. Шевелев, окончивший полный курс с блестящими успехами в 1863 г., и И.Р. Лебедев, много лет проработавший в Ханькоу

Кроме работы в школе, К.Г. Крымский в 1854 г. был назначен переводчиком Азиатского департамента МИД, принимал участие в экспедиции на Амур и в российско-китайских переговорах. Его педагогическую деятельность ученики оценивали по-разному, некоторые писали, что вся методика заключалась в заучивании учениками грамматики Иакинфа (Бичурина), однако в документах не найдено нареканий в адрес учителя ни со стороны властей, ни со стороны самого Бичурина.

Основной задачей Кяхтинского училища была подготовка специалистов для торговли с китайцами. Однако это учебное заведение выполняло определенные исследовательские функции. В Кяхте сформировалась синологическая библиотека, имелась богатейшая коллекция китайских словарей, учебных пособий и рукописей, постоянно пополняемая в течение всего периода работы библиотеки. Исследователи отмечают: «В документах архива есть интересные сведения о том, как комплектовалась библиотека училища. В 1821 г. в Пекине были куплены по просьбе Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского книги «для предполагаемого в Иркутске заведения Азиатских языков». Среди привезенных в Иркутск Е.Ф. Тимковским книг из этого списка были: «53. Чжакунь Гузай и тун чжи, т.е. История о происхождении и последующем состоянии Маньжурского народа, на Манж. 16 томов, а на Кит. языке в 10...55. Юань гуруни

¹ Переслегина И.В. Из истории изучения китайского языка в Кяхте в XIX в. // Исследования молодых ученых: межвузовский сборник статей. Улан-Удэ, 2002. Вып. 4. С. 44.

битхэ, т. е. История Юаньского Дома, или Чингис Хана и его потомков, на Манж.»¹. Забайкальские историки пишут, что в «1855 году... А.И. Деспот-Зенович совместно с архимандритом Троицко-Селенгинского монастыря Даниилом подарили значительное собрание книг на китайском, монгольском и маньчжурском языках. В том числе: 12 томов всеобщей истории Китая...»².

Кяхтинское училище китайского языка существовало до тех пор, пока работал в нем К.Г. Крымский. Но в середине XIX в. его знания потребовались для решения политических задач, и учитель покинул свое детище. В 1855 г. генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский предписал: «Признав нужным в настоящее время взять с собою в Амурскую экспедицию находящихся на службе в Кяхте Надворного Советника Крымского... Так как чиновник Крымский занимает должность учителя китайского языка в Кяхтинском училище, то преподавание в оном восточных языков должно прекратиться на время...»³. После смерти К.Г. Крымского в 1861 г. Кяхтинское училище практически прекратило свое существование. В 1862 г. оно было закрыто «до особого распоряжения», затем, в марте 1867 г., царским указом ликвидировано окончательно.

В 1855 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский предложил преобразовать Кяхтинское училище китайского языка в «высшее училище восточных языков для большего «соответствия как правительственным видам, так и коммерческим интересам». Накануне, в 1854 г., царь повелел министру народного просвещения представить соображения о введении преподавания китайского и маньчжурского языков в Иркутской гимназии. Проект о преподавании китайского языка в Иркутске был представлен царю генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским. Генерал-губернатор предложил учредить при гимназии кафедру китайского и маньчжурского языков, на которую должны были ежегодно приниматься по 6 выпускников Иркутской гимназии в качестве казеннокоштных студентов. Окончившие четырехлетний курс обучения на этой кафедре получали бы все права выпускников университета. Предполагалось, что кафедру китайского

¹ Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб., 1994. С. 12.

² Константинова Т.А. К истории первого училища китайского языка в Забайкалье // Гуманитарный вектор. Вестник Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. Чита, 2000. №1 (6). С. 19.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 39. Л. 1.

и маньчжурского языков в Иркутской гимназии возглавит советник Троицкосавского пограничного правления, переводчик китайского языка при Главном управлении Восточной Сибири Е.И. Сычевский. Проект нашел поддержку у кяхтинского купечества, выразившего готовность финансировать новое училище, по три тысячи рублей ежегодно. Кроме того, купечество ходатайствовало, чтобы в Кяхте начали изучать язык провинции Шаньси. Однако правительство проект не поддержало.

После 1860-х гг. сибиряки изучали языки Китая уже на территории собственно Цинской империи – в Урге, Кульдже, где были созданы при российских консульствах специальные школы. В конце XIX в. появилась возможность изучать языки и в Пекине. В Иркутске губернский секретарь Паргачевский завещал, чтобы на проценты от его капиталов постоянно два человека по три года изучали китайский язык при Духовной миссии в Пекине. В 1887 г. эти стипендии были учреждены с Высочайшего соизволения соглашением между министром иностранных дел и обер-прокурором Священного Синода. Первыми стипендиатами с 1890 г. стали учитель сельской школы из Амурской области Н.Н. Добровидов и выпускник Иркутского промышленного механико-технического училища В.Г. Григорьев. Стипендиаты жили, учились при Российской Духовной миссии в Пекине до лета 1900 г., когда из-за восстания ихэтуаней стипендиаты Осипов и Пискунов были переведены во Владивосток.

В Сибири во второй половине XIX в. работали многие китаеведы. В Иркутске в 1862 г. по поручению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества начал работу по составлению каталога маньчжурско-китайской библиотеки ИРГО Алексей Никитич Асламов (?–1863) Он также начал работу по составлению маньчжурско-русского и русско-маньчжурского словарей. В 1882 г. в Омске было издано большое и обстоятельное исследование по истории русско-китайских отношений российского консула в Чугучаке Н.Н. Балкашина (1838–1887)¹. Воспитанник Иркутской духовной семинарии протоиерей Александр Матвеевич Орлов (1816–1889) был составителем одной из первых в России маньчжурских грамматик².

¹ Балкашин Н.Н. Трактаты России с Китаем // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

² Орлов А.М. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1873.

В серии «Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества» были опубликованы многие работы российских востоковедов, в том числе и сибиряков, раскрывающие важные страницы истории и культуры Китая. В 1858 г. были опубликованы переводы бурятского ученого Галсана Гомбоева (1818–1863) монгольских памятников «Алтан-Тобчи» и «История Убаши-Хунтайджи». В опубликованных текстах были отражены события из истории международных отношений в Азии: «...и еще бывшая войны, которыя Ильбак-хаган за кровь Абкарчин-Джинонга и за изгнание Тайсунг-хагана Адай-хаганом и за разныя старья дела вел с Китаем... Когда он начал разрушать города и укрепления китайские и их правления, китайский Тайминг-хаган, опасаясь его, послал ему разныя дани и величал его Сук-ваном...»¹. В Красноярске работал до конца своих дней один из самых талантливых русских китаеведов переводчик «Чуньцо» и ряда китайских документов по истории русско-китайских отношений Николай Николаевич Монастырев (1851–1881)². В сфере интересов синолога, ставшего преподавателем латинского и русского языков в Красноярской мужской гимназии³, были и вопросы истории русско-китайских отношений⁴.

Ученик академика В.П. Васильева выпускник Иркутской гимназии студент М.Н. Суровцов (1850–1874) первым сделал перевод «Ляо ши». Точнее, «это была первая и единственная попытка создать общий очерк истории этого этноса (киданей. – В.Д.) на основе самого авторитетного источника – “Ляо ши” (“История династии Ляо”)⁵. Современные исследователи высоко оценивают дипломную работу сибиряка: «М.Н. Суровцову удалось успешно преодолеть при переводе “Ляо ши” головоломные сложности средневекового китайского языка... он в ряде случаев точнее и проникновеннее чувствовал и

¹ Алтан-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами; перевод ламы Галсана Гомбоева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. 6. СПб., 1858. С. 196.

² Монастырев. Конфуциева летопись Чунь-цю: пер. Н. Монастырева. СПб., 1876; Монастырев Н.Н. Исторический очерк наших сношений с Китаем // Новости. 1878. № 219, 223, 228, 326, 337.

³ Циркуляр по Восточно-Сибирским учебным заведениям Министерства народного просвещения за 1881 год. (первый год издания). Иркутск, 1881.

⁴ Монастырев Н.Н. Исторический очерк наших сношений с Китаем // Новости. 1878. № 219, 223, 228, 326, 337.

⁵ Пиков Г.Г. М.Д. Храповицкий и М.Н. Суровцов: страницы биографии // История Железной империи. Новосибирск, 2007. С. 180.

передавал суть летописного текста...»¹. Русский студент-синолог, сибиряк по рождению, воспринимал историю Востока не совсем так, как это было представлено в университетских программах по всемирной истории. Он писал: «Немало найдется людей в нашем обществе, которые как-то узко-педантически относятся к Востоку и его изучению. Они не находят ничего, что бы могло занять внимание европейского ума, считают его сборищем каких-то варваров, не имеющих никакой доли участия в общечеловеческой работе... для нас, русских, вынесших на своих плечах иго монголов и, может быть, на долгие времена поставленных в коммерческо-политические связи с Средней Азией и Китаем, изучение этих стран, и изучение самое широкое, компетентное во всех отношениях, становится неизбежным и час от часу ощутительным»². В семье сельского священника Енисейской губернии родился составитель второго полного китайско-русского словаря, самого большого из составленных русскими синологами словарей почти до конца XX в. (16845 китайских иероглифов и 150000 выражений) И.А. Фигуровский (митрополит Иннокентий Пекинский, 1863–1931)³.

Важное место в истории русского китаеведения в XIX в. занимали сибирские отделы и отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО), учрежденного указом императора Николая I еще в 1845 г. Вообще, исследовательская деятельность ИРГО за пределами России началась с работ русских сиологов. Член Восточно-Сибирского отдела ИРГО Д.П. Першин (1861–1936) писал: «Общество и его Отделы пользовались каждым удобным случаем расширить круг своих исследований в странах, сопредельных с нашим обширным отечеством»⁴.

Через структуры ИРГО не только организовывались экспедиции в Китай, но собирались китайские коллекции в России. Например, в 1892 г. в Иркутске в число членов ИРГО по предложению Г.Н. Потанина и Д.А. Клеменца были приняты: «Лычагов Василий Федоро-

¹ Ларичев В. От редактора // Там же. С. 10–11.

² Храповицкий М.Д. Записки о народе Ляо // Там же. С. 195.

³ [Фигуровский] Полный китайско-русский словарь. Т. 1–2. Пекин, 1909 (Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям: Чжайльса, Архимандрита Палладия (П.С. Попова) и другим под редакцией Епископа Иннокентия. Пекин, 1909.

⁴ Першин Д.П. Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Императорского Русского Географического Общества по этнографии в пределах Азии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО). 1896. Т. XXVII, № 1. Иркутск, 1897. С. 65.

вич, Кяхтинский купец, доставлял Отделу ценные китайские коллекции. Осокин Михаил Онуфриевич, Кяхтинский купец, занимается китайской нумизматикой»¹.

В изданиях ИРГО были опубликованы различные документы и материалы по истории Китая и русско-китайских отношений. Например, на рубеже XIX–XX вв. в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела ИРГО» появились публикации, посвященные Чингиз-хану и Иакинфу (Бичурину), там же были опубликованы материалы антропологических исследований китайцев и проч.²

Во второй половине XIX в. именно сибирские областники стали в России лидерами в изучении Центральной и Восточной Азии. Летом 1889 г. организованная Восточно-Сибирским отделом ИРГО экспедиция во главе с Н.М. Ядринцевым обнаружила развалины столицы государства Чингизидов – Каракорум (Хара-Хорин). Маршрут поиска был рассчитан выдающимся русским путешественником и общественным деятелем Г.Н. Потаниным. Кроме того, исследователи выявили каменные стелы тюркских правителей Бельгэ-кагана и Кюль-тегина с параллельными текстами на китайском и древнетюркском (орхонское руническое письмо) языках. Это позволило ввести в научный оборот новый комплекс исторических источников, отражающих историю взаимоотношений Китая с северными соседями. Вклад путешественников в накопление источниковой базы был отмечен в советской историографии: «Честь первых двух открытий принадлежит прежде всего ученым школы Г.Н. Потанина – Н.М. Ядринцеву и Д.А. Клеменцу. Над изучением письменных памятников, добытых их экспедициями, особенно потрудился В.В. Радлов»³.

Таким образом, в XVIII–XIX вв. Сибирь и сибиряки не просто стояли у истоков зарождения и становления российского китаеведения, но были на передовых рубежах развития китаеведческой науки и образования. Сибирское китаеведение было важнейшим фактором

¹ *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО). 1895. Т. XXVI, № 1–3. С. 64.*

² *Талько-Грынецевич Ю.* Заметки по антропологии северных китайцев // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела ИРГО. М., 1899. Т. II, вып. 3.; Уляр А.Ф.* Роль Чингис-Хана в мировой истории // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела ИРГО. Иркутск, 1902. Т. IV, вып. 1; Моллесон М.И.* К 50-летию смерти Бичурина // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела ИРГО. СПб., 1905. Т. VII, вып. 1.*

³ *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 29.

развития Сибири и международных отношений в Центральной и Восточной Азии.

6.3. Российская Духовная или Русская Православная: Сибирь и Миссия в Китае в XVII–XVIII вв. (В.Г. Дацышен)

Важнейшим институтом в истории русско-китайских отношений была Российская духовная миссия в Пекине (РДМП). В научной литературе и общественном сознании ее создание связывается с указом Петра I 1700 г., а весь XVIII в. характеризуется как «малоросский» этап ее истории.

В обобщающей «Истории Русской Церкви» русского эмигранта И.К. Смолича описание Православной миссии в Китае начинается со следующих тезисов: «В Китае... миссия с самого начала поддерживалась и поощрялась по дипломатическим и политическим соображениям. Она была первой внешней русской миссией, открытой Петром Великим, который поставил перед ней государственно-политические задачи»¹. В последней обобщающей многотомной академической «Истории Китая» глава «Русская духовная миссия...» начинается со слов: «как и всякая другая наука, русское китаеведение порождено практической потребностью. Развитие межгосударственных отношений, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей...».

А, собственно, о начале истории православной миссии здесь сказано лишь следующее: «На формирование русской школы китаеведов огромное влияние оказала Русская духовная миссия в Пекине, условия деятельности которой официально закреплены ст. 5 Кяхтинского трактата 1727 г.»². Представленная в современной историографии историческая картина первой зарубежной православной миссии крайне однобока. При более внимательном знакомстве с историей Российской духовной миссии в Пекине мы видим особое место Сибири в ее создании и развитии.

¹ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. М., 1997. Ч. 2. С. 259.

² История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. 2013. Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / отв. ред. О.Е. Непомнин. М., 2014. С. 588.

Церковные историки в XIX в. писали: «Наша миссия в Китае считает свои годы со дня заключения между Российской и Китайской империями Нерчинского мирного трактата 27-го Августа 1689 года, по которому плененные в 1685 году Албазинцы со священником своим Дмитрием остались в Пекине под именем Русской сотни, и для которых богдыхан велел построить церковь; правильно же организованная наша духовная миссия начала свои действия в Пекине только с 20-го Апреля 1715 года»¹. В опубликованной в то же время специально посвященной данному вопросу работе иеромонаха Николая (Адоратского) дана несколько иная картина событий: «Миссионерская задача выпала и на долю албазинцев, которые во главе с своим пастырем Максимом уведены были на службу к китайскому богдыхану. Русские военнопленные, при выходе своем из Албазина, взяли с собой из крепостной церкви бедную церковную утварь с иконами, и в том числе их образ святого Николая, можайского типа, а также насильно увлекли с собой и священника Максима Леонтьева. Он был, вероятно, родным братом священника Илимской Спасской церкви, Амвросия Леонтиева Толстоухова. На «попа Максима в китайском государстве» указывает документ от 1686 г.»².

Известный русский китаевед и дипломат И.Я. Коростовец также написал: «В числе этих взятых Китайцами казаков находился священник Максим Леонтьев. Взывший с собой церковную утварь и святые иконы... Здесь была воздвигнута небольшая часовня, освященная о. Максимом, который начал совершать в ней богослужение при помощи присланных митрополитом Тобольским священника и диакона»³.

Уже в XVII в. Сибирская епархия фактически взяла под свое управление православный приход в столице Китая и поставила миссионерские задачи в Китае. И.Я. Коростовец, исследуя историю Пекинской миссии, написал, что Тобольский митрополит Игнатий в конце XVII в. отправил в Пекин верхотурского священника Григория и тобольского диакона Лаврентия, а «для подкрепления православного миссионера, преосв. Игнатий написал о. Максиму грамоту,

¹ *Можаровский А.* К истории нашей Духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 405.

² [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. Март. С. 335.

³ *Коростовец И.* Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. С. 58.

в которой преподал благословение и разрешил ему устроить и освятить храм во имя св. Софии. Иеромонах Николай (Адоратский) пишет о роли служившего в Сибири российского чиновника Винуса: «В 1698 г. Винус, думный дьяк, писал из Тобольска Петру В. за границу, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились... Винус велел в Нерчинске у торговых людей, которые придут из китайского государства, спрашивать и всячески доведываться о новопостроенной часовне в китайском государстве...»¹. В 1698 г. Китай посетил с русским караваном протопоп Василий Александров. Он провел службы в православной церкви в Пекине.

В составленном под руководством основателя Православной Церкви в Китае епископа Иннокентия (Фигуровского) историческом очерке «Русская Православная Миссия в Китае» говорилось: «Начало православия в Китае относится к концу XVII века и носит providенциальный характер. В правление Канси китайцами завоевана была на реке Амуре крепость Албазин, где взято в плен 45 русских. Они увлекли с собою своего священника о. Максима Леонтьева и в конце 1685 года прибыли в Пекин, принеся с собою и чудотворную икону святителя Николая Мерликийского... Двадцать шесть лет прожил о. Максим в Пекине... Молитву совершал он в часовне, обращенной из кумирни; по истечении же десяти лет со дня прибытия его в Пекин им получен был святой антиминс и грамота от митрополита Тобольского Игнатия, а часовня освящена храмом во имя Софии, Премудрости Божией. В грамоте Митрополит завещал молиться за китайского Богдыхана и благословлял проповедовать язычникам. Скончался о. Максим в Пекине в 1712 году; место могилы его неизвестно. Он оставил по себе славу доброго пастыря, разделявшего судьбу своей паствы: он сопровождал их повсюду, даже на войну по требованию китайского правительства. По смерти о. Максима Леонтьева в Пекин стали посылаться официальные миссии...»². Глава пекинского прихода священник Максим долгие годы поддерживал связь с сибирскими митрополитами.

Здесь необходимо отметить, что уже в первых исследованиях существуют разночтения по поводу первого православного священ-

¹ [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. апрель. С. 460–461.

² Русская Православная Миссия в Китае. Исторический очерк и современное состояние. // Китайский Благовестник. Год XII. 1916. Вып. 9–12. 15 июля. С. 4.

ника в Пекине. В некоторых российских работах священника из Албазина называют Дмитрием. В работе авторитетного историка-архивиста XVIII в. Н.Н. Бантыш-Каменского, правда, со ссылкой на «журнал посла Тулишина», указывается на русского священника «Дмитрия престарелого, из Албазина в плен взятого»¹ [Бантыш-Каменский. 1882. С. 81]. О Дмитрием называет первого священника и известный историк А.К. Можаровский.

В работах современных исследователей также заметно место Сибири в истории Православной миссии в Китае. Авторы работы, специально посвященной истории Успенского храма в Пекине, опираясь на «Памятники Сибирской истории», пишут: «В 1696 году из Тобольска в Пекин при караване купцов Филатьевых были направлены священник Григорий Верхотурский и дяк Лаврентий Иванов для освящения церкви Св. Николая. Они привезли в Пекин грамоту архиепископа Тобольского и всея Сибири митрополита Игнатия от 6 июня 1695 года. В которой он благословил Максима Леонтьева «ту церковь освятить, и святыя Литургии в нем служить... до кончины жития твоего невозбранно». При этом предлагалось также молиться «о вашем Китайском Богдыханове Величестве, хотя он и не христианской веры, и за Боляр его. Да вручена от Бога ему Китайская страна»... Посланники из Тобольска привезли в Пекин также святой антиминс, миро и масло, семь церковных книг...»². В «Истории Русской Церкви» И.К. Смолич говорится: «После смерти священника Максима (в 1711 или 1712 г. небольшая русская православная колония в Пекине получила от Тобольского митрополита нового священника... Тобольский митрополит Филофей Лещинский в письме, разосланном по сибирским монастырям, приказал подготовить монахов-миссионеров для Китая. Но только после кончины священника Максима, получения просьбы албазинцев и согласия китайского правительства русские клирики были посланы в Пекин, и таким образом образовалась первая русская миссия в Китае»³. Представленная выше картина событий нашла отражение и в современном фун-

¹ *Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. С. 81.

² *Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б.* Возрождение святыни: Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. М., 2013. С. 19.

³ *Смолич И.К.* История Русской Церкви 1700–1917. М., 1997. Ч. 2. С. 259.

даментальном издании – многотомной «Православной энциклопедии»¹.

Таким образом, основателями Православной миссии в Пекине следует считать сибирских казаков, перешедших на службу китайскому императору, и митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова). Первоначально Православная миссия в Пекине занималась исключительно религиозно-миссионерской деятельностью, не связанной с решением российских государственных задач. Осуществляла она эту деятельность при поддержке Сибирской епархии. И лишь в XVIII в. руководство России решило использовать опыт Православной миссии для интересов Российского государства.

Создавая империю, новая российская элита использовала и приспособлявала для решения новых задач существовавшие к тому времени структуры и институты. В числе первых решений первого русского императора Петра Первого было развитие зарубежного миссионерства и использование Православной миссии для решения государственных задач. Но и здесь новый русский царь опирался на потенциал Сибири. Иеромонах Николай (Адоратский) пишет, что русский царь «уже 18 июня 1700 г. издал замечательный указ, обеспечивающий будущность православной миссии в Пекине... В этом указе учреждаемая миссия в Китай поставлялась под церковную юрисдикцию сибирских митрополитов. Под такой юрисдикцией тобольских и иркутских архипастырей... православная миссия в Пекине находилась в первое столетие своего существования»². На втором этапе развития Православной миссии Сибирь и сибиряки по-прежнему играли важнейшую роль в деятельности этого учреждения. Первую Российскую Духовную миссию в Китай снарядил по приказу русского царя Тобольский митрополит Иоанн (Максимович Иван Максимович, Иоанн Тобольский, 1651–1715). Н.Н. Бантыш-Каменский писал: «Китайские послы... проезжая (2-го дек.) Тобольск, взяли они с собой, по дозволению Богдыхана, архимандрита Илариона, священника Лаврентия и дьякона Филимона с семью церковниками и служителями, с коими 20 апреля 1715 года прибыли в

¹ *Православная энциклопедия* / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2014. Т. XXXV.

² [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. Апрель. С. 460–461.

Пекин»¹. В составе первой миссии, прибывшей в Пекин, были причетники Иосиф Дьяконов, Никанор Ключов, Петр Максимович Якутов, Григорий Смагин, Федор Колесников, Андрей Попов, Иосиф².

Таким образом, возглавил специально снаряженную в Пекин миссию, сменив умершего священника-албазинца, бывший настоятель монастыря в Якутии Илларион (Лежайский). Многие члены этой миссии были сибиряками.

В XIX в. исследователи писали: «При первой миссии были: архимандрит Илларион Лежайский... иеромонахи Илларион и Лаврентий; иеродиакон: Филимон, Иоасаф Афонасьев, Илларион Якут, Федор Белка, Никанор Ключов, Петр Калмык, 4 человека церковников и 3 служителя, кои прибыли в г. Пекин 22 апреля 1715 г.»³.

Посланник Папы Римского в Китае писал, что в Пекин прибыли из России настоятель монастыря и 12 священников. Указывается следующий состав возглавляемой архимандритом Илларионом Миссии: священник (иеромонах) Лаврентий и иеродиакон Филимон, а также семь или восемь причетников (младших церковнослужителей) и других мелких церковных служащих. Иеромонах Николай (Адоратский) пишет: «Присоединено было семь церковников, вероятно, из учеников тобольской славяно-русской школы, открытой митр. Филофеем в 1704 г.»⁴. В послании российского правительства за подписями царского фаворита Александра Меншикова в Лифаньюань говорилось: «Оный Архимандрит и прочие с ним, по прибытии в Пекин, по велению его Ханова Величества, со всяким довольством и почтением приняты и содержаны, еже все Его Царское Величество, Наш Всемилостливейший Государь не иначе, как за самый знак Его Ханова Величества истинной дружбы принять соизволил»⁵.

Архимандрит Илларион недолго возглавлял Миссию, вскоре он умер. В исторической литературе чаще всего сообщается о смерти миссионера в 1717 г. Правда, один из первых исследователей истории русско-китайских отношений Н.Н. Бантыш-Каменский считал,

¹ Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел ... С. 81.

² Пан Т.А. Илларион (Лежайский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XXII. С. 180.

³ Бочаров Н. Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве. Историко-биографические очерки священно-архимандритов О. Филарета и О. Вениамина. М., 1889. С. 142.

⁴⁴ [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. Апрель. С. 468.

⁵ Прибавления к Иркутским Епархиальным Ведомостям. 1863. 13 апр. №15. С. 200.

что архимандрит Илларион умер в конце 1719 г. Этот историк-архивист утверждал, что «китайский Трибунал» после смерти главы Православной миссии отправил в Тобольск к Сибирскому губернатору дьякона Филимона с «листом», в котором спрашивалось: «Ты же Гагарин, определи, хотите ли сюда прислать второго архимандрита или к вам возвратить и остальных здесь находящихся»¹.

Церковный историк архимандрит Николай (Адоратский) писал, что весной 1719 г. в Енисейске митрополит Филофей, узнав о смерти в Пекине архимандрита Иллариона, направил сибирскому губернатору Матвею Гагарину просьбу с предложением царю Петру I отправить в Китай епископа «и клиру с ним человек 15 послати...»². Православные миссионеры в прошлом подчеркивали, что идея отправить в Пекин в качестве главы Миссии епископа принадлежала руководству не государства, а Сибирской епархии: «В 1720 году в Петербурге возник вопрос о назначении преемника умершему начальнику Пекинской миссии архимандриту Илариону Лежайскому, Император Петр I именным указом назначил на эту должность иеромонаха Иннокентия с посвящением в сан архимандрита. Но в Синоде, под влиянием представлений Тобольского митрополита Филофея, ради большего успеха пекинской миссии и вследствие разнесшихся слухов о намерении креститься самого Китайского императора Канси, были более склонны послать в Китай духовное лицо... в сане епископа»³.

В России эту идею сибирского митрополита поддержали на всех уровнях. Исследователи писали: «Преосвященный же Иннокентий 19 апреля 1721 года отправлен из С.-Петербурга в Пекин. Свиту его составляли: 2 иеромонаха, 2 иеродиакона, 5 человек певчих, 2 служителя и 1 повар»⁴. Дважды епископ Переславский Иннокентий приезжал на границу и ждал разрешения проследовать в Китай, но китайские власти так и не разрешили ему въехать в Пекин. Епископ

¹ *Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. С. 81.

² [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. Апрель. С. 480.

³ НАРГ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874. Л. 3.

⁴ *Бочаров Н.* Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве. Историко-биографические очерки священно-архимандритов О. Филарета и О. Вениамина. М., 1889. С. 142.

Иннокентий получил от русского посланника в Китае Саввы Рагузинского письмо от 21 августа 1727 г., в котором говорилось: «А понеже Двор Пекинский духовную особу в характере епископа принять не похотел, а более трех священников о прислании в договоре не положено, при которых шесть человек, а именно, четырех учеников русского языка, да два латинского языка»¹.

30 декабря 1726 г. был издан именной указ императрицы Екатерины I, повелевавшей после окончания русско-китайских переговоров отправить новую миссию в Пекин во главе с архимандритом Антонием (Платковским). В указе предписывалось взять в Пекин учеников, которых архимандрит Антоний обучал в школе при Вознесенском монастыре в Иркутске монгольскому языку. История назначения Антония (Платковского) главой миссии вызывала множество противоречий и слухов. В середине XIX в. церковные историки в Сибири написали: «Архимандрит Антоний Платковский, самовольно в 1721 году оставивший Иркутский Вознесенский монастырь и отправившийся в Тобольск... мечта Платковского быть начальником духовной миссии в Пекине разрушилась посвящением туда Епископа Иннокентия... Ничего не оставалось обманутому в надежде, как возвратиться в Иркутский монастырь... В 1725 году 11 Мая... получены в Иркутском Вознесенском монастыре и от Тобольского Митрополита на имя Игумена Пахомия два указа, из коих одним давалось знать, что по определению Св. Синода Архимандриту Платковскому велено учредить в Иркутском монастыре школу Мунгальского языка, а потом и Китайского»². Справедливым представляется высказанное еще в середине XIX в. мнение: «Платковский – личность историческая и не всеми еще разгаданная»³.

Многолетние переговоры между Российской и Цинской империями благополучно завершились в 1728 г. подписанием Кяхтинского договора. Официальный статус Российской духовной миссии в Пекине был закреплен пятой статьей Кяхтинского договора. Но еще до завершения переговоров, в сентябре 1727 г., с первым попутным караваном в Пекин было отправлено три ученика Московской Славяно-греко-латинской академии. Правда, уже в 1732 г. два ученика вернулись на родину, лишь одни Лука Воейков остался познавать

¹ *Иркутские Епархиальные Ведомости*. 1863. №27. С. 419.

² *Прибавления к Иркутским Епархиальным Ведомостям*. 1863. 27 апр. №17. С. 230–231.

³ *Прибавления к Иркутским Епархиальным*. 1863. 16 марта. № 12. С. 158.

«китайскую грамоту», но затем умер в Пекине. Ситуация изменилась после того, как учениками Миссии отправили сибиряков. В числе прибывших в Пекин в 1729 г. вместе с архимандритом Антонием (Платковским) учеников был Илларион (Ларион) Калинович Россохин (Рассохин) – будущий первый русский ученый-китаевед. В одном из студенческих исследований Духовной академии говорилось: «можно указать трех школьников, которых в 1727 г. взял собой в Пекин архимандрит, которые, как то видно из списка их, представленного Платковским Св. Иннокентию, “по свидетельству мунгальских учителей учатся лучше всех учеников”. Это были: 1) Илларион Рассохин, сын священника Калинника Иванова; 2) Герасим Шульгин – сирота, взят архиепископом из Новодевичья монастыря (Знаменского – в Иркутске) у его матери-вдовы; 3) Михаил Пономарев, сын священника Афанасия Пономарева»¹.

Герасим Шульгин умер в Пекине в 1735 г., остальные ученики продолжили учиться и работать в Китае. Курьер Михаил Шокуров в 1740 г. привез в Пекин просьбу: «дабы обучившиеся от давняго времени в Пекине китайскому и манджурскому языкам ученики – Ларион Рассохин и Михаил Пономарев, яко потребные в России... отпущены были свободно в Россию с помянутым курьером Шокуровым»². Но ученик Пономарев тоже умер, не дождавшись возвращения, лишь И.К. Россохин вернулся на родину.

Главой III Миссии в Пекине стал бывший корабельный иеромонах Илларион (Трусов), прослуживший 12 лет на Камчатке, а затем работавший в Тобольске. В 1727 г. он был назначен караванным священником для Китая, а в 1732 г. был призван занять пост начальника Миссии. Пребывая в Пекине в первый раз, Илларион (Трусов) вступил в конфликт с начальником Миссии и был отправлен на суд в Россию. Но на суде священник был оправдан. Как говорится в документах: «1734 года сентября 10-го числа в Санкт-Петербурге Преосвященным Гавриилом Епископом Суздальским и Юрьевским произведен во Архимандрита Тобольского Архиерейского дому Иеромонах Илларион Трусов, живший пред тем в Пекине, на место Архимандрита Антония Платковского, местным же архимандритом

¹ НАРГ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 899. Л. 104.

² *Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань. 1882. С. 239.

быть ему в Посольском Преображенском монастыре... Прибыл оный Архимандрит в Посольский монастырь в 1736-м»¹.

Илларион (Трусов) во главе новой миссии направился в Китай. В составе миссии было три иеромонаха и три ученика. Архимандрит Илларион (Трусов) возглавлял миссию в Пекине до самой смерти, в 1741 г.

История Российской Духовной миссии в Пекине складывалась непросто. Но всегда ее состав комплектовался во многом за счет людей, живших и работавших в Сибири. Например, в 1741 г. из Иркутской епархии приехал в пекинский Сретенский монастырь наместник Посольского монастыря иеромонах Лаврентий (Бобровников). Несколько Миссий формировалось в Европейской России, но по пути в Китай их состав заменялся на служивших в Сибири священнослужителей. В середине XIX в. исследователи писали: «В 1771 году проезжала через Иркутск в Пекин духовная миссия под начальством архимандрита Николая Цвета. Из свиты его умер в Иркутске иеромонах Иоанникий, а псаломщики Семен Цвет и Семен Килевский оказались неспособными. И по требованию Иркутского губернатора... на место умершего и неспособных посланы были в состав Миссии к Архимандриту Цвету новый священник Иоанн Протопопов, и церковники: Иван Гребешков, да Петр Маркович Родионов, имевший тогда отроду 18 лет. Отправившись в Пекин с миссиею, Родионов жил там с 1771 по 1783 год, обучаясь, между прочим, языкам Манжурскому и Китайскому»². В состав VI Миссии в качестве учеников были назначены трое учащихся Тобольской духовной семинарии, «Агафонов, Парышев и Башкеев»³, вместе с одним учеником Александро-Невской школы в Санкт-Петербурге.

Говоря об истории Православной миссии в Китае, следует отметить, что представление о том, что Российская Духовная миссия в XVIII в. не занималась миссионерской деятельностью, не соответствует действительности. Например, несмотря на то, что из прибывшей в Пекин в конце 1754 г. V Миссии китайские власти разрешили остаться только шестерым ее членам, и эта миссия проделала большую работу. Российской духовной миссии перешла Албазинская

¹ НАРГ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 517. Л. 9об.

² *Прибавление* к Иркутским Епархиальным Ведомостям. 1864. 25 января. С. 59.

³ *Бочаров Н.* Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве. Историко-биографические очерки священно-архимандритов О. Филарета и О. Вениамина. М., 1889. С. 142.

Никольская церковь. Исследователи утверждают: «В семнадцатилетнюю бытность архим. Амвросия из природных маньчжуров и китайцев крещено 220 чел.»¹.

В XVIII в. Сибирь имела и «обратную связь» с Пекинской миссией. Первым и, очевидно, главным событием остается история, связанная с трудами Иннокентия Иркутского в Восточной Сибири. Но есть много и других важных и интересных примеров. Так, многие члены Пекинской миссии после возвращения на родину оставались жить и работать в Сибири. Иркутяне писали об одном русском миссионере, жившем после возвращения из Пекина в Сибири: «Наружность Петра Марковича была замечательна не только манерами, занятыми им у Китайцев, да и типом лица, приближавшимся много к обличью монгольскому»². Для Сибири Пекинская миссия была одними из главных ворот в зарубежный мир, одним из главных источников развития науки и образования.

Таким образом, Православная миссия в Пекине была открыта сибирскими казаками и первоначально была чисто религиозным учреждением. Российской Духовная миссия в Пекине на всех этапах ее становления и развития в XVII–XVIII вв. создавалась трудами руководства Тобольской епархии и сибирского общества. Сибиряки составляли костяк Миссии, из учеников Иркутской и Тобольской школ вышло большинство первых русских китаеведов.

6.4. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае: 70-е гг. XIX – начало XX в. (Ю.А. Лысенко)

Полиэтническая и поликонфессиональная структура населения Западной Сибири во многом определила концептуальные подходы и методы реализации национальной политики Российской империи в данном этнорегионе. Большинство современных исследователей признают, что главным ее содержанием стала политика интеграции многочисленных народов в политико-правовое и социально-экономическое пространство империи³.

¹ [Адоратский] Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае... С.421.

² Прибавление к Иркутским Епархиальным Ведомостям. 1864. 25 янв. С. 60.

³ Каппелер А. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003; Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государ-

По мнению ряда исследователей, для реализации интеграционной политики государство сформировало особую форму взаимоотношений с коренными этносами Западной Сибири, для которой был характерен ряд принципов: лояльность к этноэлитам и сотрудничество с ними, сохранение на инкорпорированных территориях автономии и «существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов, учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры», а также равенство этносов, отсутствие связи между национальным и социальным статусом, что нашло отражение в интернационализме политической, культурной, военной и научной элиты Российской империи. В процессе реализации данных принципов государство пошло на создание некоторых преимуществ в социально-правовом положении инородцев империи по сравнению с титульным этносом – русскими. В частности, коренные народы Сибири, Туркестана и Степного края были освобождены от воинской повинности, для них действовала система льготного налогообложения и свободной вертикальной мобильности¹.

Главной целью столь либерального курса национальной политики России являлся этатизм – «укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности, выражавшейся в объективной тенденции – выработке единого стандарта подданства и управления»².

Решение данной задачи наиболее актуализировалось к середине XIX в., когда завершилось присоединение к России крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана и Кавказа. Начавшаяся в 60-х гг. данного столетия модернизация политической и социально-экономической системы определила необходимость унификации «всех частей империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах», интеграции российского общества «по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-религиозные границы независимо от их местоположе-

ственной политики и областническая мысль. Томск, 2005; 323 с.; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи XVIII – начале XX в. СПб., 2008; Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане. Барнаул, 2011.

¹ Мironov Б.Н. Историческая социология истории. СПб., 2009. С. 41.

² Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в XVIII – начале XX в. СПб., 2008.

ния и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности»¹.

Кроме этого, одним из действенных механизмов решения задач интеграции в условиях полиэтничности российского общества признавалась рациональность проведения политики русификации. Последняя предполагала не столько создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего интеграцию всех этносов в единую российскую нацию посредством распространения системы образования на русском языке, закрепления государственной идеологии, стержнем которой являлось представление о единстве российского монарха, православия и народа. Таким образом, политика русификации должна была обеспечить рост социальной мобильности населения этнорегионов, а русский язык – выступить в роли языка модернизации².

Вполне очевидно, что особое место в политике русификации отводилось религиозному аспекту. Расширение границ православного мира и увеличение численности православного населения, в том числе посредством развития миссионерства, становились приоритетной задачей региональной составляющей национальной политики России.

Интеграция Степного края началась с середины 60-х гг. XIX в., когда было завершено его присоединение к Российской империи. К этому периоду религиозное пространство региона было представлено двумя конфессиями – исламом и православием. Носителем исламской религиозной традиции выступало казахское кочевое общество. Религиозные дела и вопросы регламентации жизнедеятельности мусульманских общин Степного края входили в компетенцию Оренбургского мусульманского духовного собрания.

Однако следует подчеркнуть, что проводившееся Российской империей на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. административное закрепление ислама среди казахов-кочевников привело к формированию среди них религиозного синкретизма или «бытового ислама». Он характеризовался неглубоким знанием казахами канонов ислама, господством обычного права (адата), а не шариата, своеобразием культовой практики: несоблюдением мусульманских постов, намаза и сохранением языческих обрядов в семейно-брачных отношениях и праздниках календарного цикла. Также слабо в Степном

¹ Миронов Б.Н. Историческая социология... С. 41.

² Там же. С. 47.

крае к середине XIX в. была представлена сеть исламских культовых учреждений и отсутствовало сословие мусульманских духовных служителей из местной этнической среды.

Формирование православного населения в казахской степи было связано с началом присоединения ее территорий к Российской империи. На протяжении XVIII в. русские активно осваивали пограничную с казахской степью зону Южной Сибири и Южного Зауралья посредством строительства военно-оборонительных сооружений на всей приграничной линии от Урала до Иртыша. Данные процессы сопровождалось формированием иррегулярных войск в регионе – Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Для решения проблемы продовольственного обеспечения казачьих войск государство стимулировало добровольную миграцию крестьян в регион, а также использовала административный ресурс (ссылка, принудительное переселение и т.д.). В результате к началу XIX в. на приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территории Степного края сформировались два крупных центра православия – Западный и Восточный Казахстан. Особенностью их развития являлся факт концентрации значительной по численности группы носителей старообрядческой традиции¹.

Во второй половине XIX в. темпы роста православного населения Степного края значительно увеличились. Это произошло как за счет выдвигания российских аванпостов вглубь казахской степи, так и благодаря отмене крепостного права и открытию земель региона для массового крестьянского переселения. Крестьянская колонизация кардинально изменила этническую карту региона – удельный вес казахского населения сократился с 73,4 % от общей численности населения в 70-е гг. XIX в. до 67,7 в 1897 г., доля славянских этносов возросла с 8,2 до 22,8 %. Существенным последствием крестьянской колонизации Степного края стало изменение его культурно-религиозного ландшафта – православие по численности своих адептов стало второй после ислама религиозной системой региона. Именно конец XIX – начало XX в. стали периодом активного епархиального, церковноприходского, церковно-школьного и монастырского строительства на территории Степного края.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. здесь продолжали развиваться и старообрядческие центры. При этом проис-

¹ *Лысенко Ю.А.* Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане. Барнаул, 2011. С. 75.

ходила их активная дифференциация по толкам и согласиям, представленным в основном двумя основными группами – поповцами (более умеренное направление старообрядчества) и беспоповцами, не признававшими священства. Поповцы делились на беглопоповцев и приемлющих священство Белокриницкой иерархии. Беспоповцы были представлены федосеевцами, нетовцами, дырниками, немояками, самодуровцами. Локализация старообрядческих общин на территории Степного края была неравномерной. Лидирующие позиции продолжали занимать Уральское и Сибирское казачьи войска. Однако в это период началось формирование еще одного крупного старообрядческого центра на территории Юго-Восточного Казахстана, в Семиречье¹.

Активное миграционное движение крестьян из европейской части Российской империи в Степной край во второй половине XIX – начале XX в. наряду с ростом православного, в том числе старообрядческого населения, привело к появлению здесь сектантских течений. Крупнейшие очаги сектантства были сформированы на территории Акмолинской и Семипалатинской областей, ранее других открытых для крестьянского переселения.

Факт поликонфессиональности населения Степного края, наличия на его территории значительного числа приверженцев старообрядчества и сектантства учитывался светскими и духовными властями Российской империи при выработке основных принципов и методов реализации политики русификации. Именно поэтому с целью ограничения влияния старообрядчества, сектантства и ислама на духовную жизнь православного населения региона и закрепления позиций Русской православной церкви в 70–80-е гг. XIX в. в Степном крае была организована деятельность целой серии православных антиисламских и антираскольнических структур, административно подчинявшихся омским и оренбургским епархиальным властям.

На западе Степного края миссионерская деятельность среди старообрядческих общин и сектантов была возложена на Михаило-Архангельское братство, созданное по инициативе Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1886 г. В 1893 г. при Братстве «для общего руководства миссией» начал функционировать Противораскольничий комитет,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595. Л. 5

который направлял работу и антисектантской, и антистарообрядческой миссий¹.

Для работы на территории Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края в 1898 г. было учреждено Омское епархиальное братство. Целью его деятельности стало «оказание материальной помощи присоединенным к православию инородцам, сектантам, раскольникам, а также распространение среди народа религиозно-нравственного просвещения и различных полезных знаний»².

В 1888 г. по итогам I Всероссийского миссионерского съезда, прошедшего в Казани и разработавшего «Правила об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», в епархиях Степного края начали вводить должности епархиальных, уездных (окружных) миссионеров. Так, в Омской епархии противосектантская миссия начала свою деятельность в 1900 г., противораскольническая – в 1903 г. К 1916 г. здесь работали два епархиальных и шесть уездных антисектантских миссионера: омский, павлодарский, атбасарско-кокчетавский, акмолинский, тюкалинский, ишимский и два антистарообрядческих миссионера – бухтарминский и татарско-тюкалинский³.

Главным содержанием деятельности оренбургского и омского антираскольнических и антисектантских епархиальных миссионеров являлась организация и проведение религиозно-нравственных и полемических бесед, посещение частных домов старообрядцев и сектантов с миссионерской целью, раздача литературы богословского содержания, поездки по уездам епархий с проповеднической целью. По аналогичной схеме выстраивали свою деятельность окружные, уездные и областные противораскольнические и противосектантские миссионеры. О результатах своей деятельности они отчитывались перед епархиальными миссионерами и противораскольничьими комитетами каждые три месяца и по окончании года.

Областные и окружные миссионеры координировали и направляли миссионерскую деятельность приходских священников. Последние не освобождались от приходских обязанностей, но в свободное время, параллельно с основной работой, призывались вести

¹ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 32об.

³ Омские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 5.

православную пропаганду среди раскольников и сектантов. Как правило, их работа сводилась к увещанию последних и распространению миссионерской литературы среди них¹.

Наряду с миссионерской деятельностью епархиальные власти Степного края развернули многогранную деятельность, направленную на повышение религиозно-нравственного и культурного уровня собственно православного населения. Ее необходимость диктовалась падением авторитета Русской православной церкви, крайне низким уровнем знаний населением региона теоретических основ и обрядности христианства. Епархиальные власти региона отмечали «дикость и грубость нравов, пьянство, разгул, разнузданность во всех отношениях» крестьян-переселенцев и казачества, «полнейшее невежество, суеверия, предрассудки, присущие одинаково и православным, и раскольникам», «леность и бесшабашность», «крайний религиозный индифферентизм», «несоблюдение постов», «непочтительное отношение к духовенству»².

Первостепенное значение в религиозно-нравственном воспитании православного населения отводилось церковной проповеди. Дополнительно к ней повсеместно вводились в практику внебогослужебные собеседования и народные чтения. Важным воспитательным моментом также признавались организация и создание различных обществ и кружков на базе приходских храмов с целью пропаганды среди населения идей православия. В качестве необходимого фактора повышения религиозно-нравственного уровня населения Степного края местными епархиальными властями рассматривалось монастырское строительство. Так, на территории Омской епархии в конце XIX – начале XX в. были созданы Знаменская миссионерская женская община, Петропавловский Всехсвятский женский, Казанский женский, Архистратиги-Михайловский женский, Богородице-Михаило-Архангельский женский, Николаевский мужской и Покровский мужской монастыри. Монастыри Степного края играли важную идеологическую роль, так как были неразрывно связаны с укреплением православной основы империи и противодействовали распространению сектантства, старообрядчества и ислама³.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1263. Л. 19об.

² *Оренбургские епархиальные ведомости*. 1901. № 17. С. 9.

³ *Лысенко Ю.А.* Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011.

Необходимость православного миссионерства Русской православной церкви среди казахского мусульманского населения во второй половине XIX – начале XX в. наряду с интеграционными задачами государства мотивировалась еще одним важным обстоятельством. В 60–80-е гг. XIX в. завершилось присоединение к Российской империи регионов компактного проживания мусульманского населения: казахских кочевий Старшего жуза, среднеазиатских владений – Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата. В результате произошло резкое увеличение численности мусульман империи, ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., в стране насчитывалось 13,889 млн его приверженцев¹. В областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств мусульмане составили 90 % от общего числа мусульман империи.

В результате у определенной части правящих кругов империи начало формироваться негативное восприятие российского ислама. Подъем национального сознания и общественно-политической активности мусульман империи стал рассматриваться как фактор, способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи². Поэтому характерной тенденцией государственной политики в отношении мусульманских народов с середины XIX в. признавалась необходимость, с одной стороны, сохранения спокойствия в регионах их проживания, с другой – поэтапное усиление контроля за деятельностью мусульманских духовных институтов, созданных на рубеже XVIII–XIX вв. – Оренбургского и Таврического муфтиятов, а также мусульманского духовенства.

Важной посылкой стратегии в отношении «казахского ислама» должна была стать идея о том, что казахи – «плохие мусульмане» и политика России по административному распространению ислама в степи рубежа XVIII – первой половины XIX в. не дала весомых результатов – «казахи-мусульмане пока не фанатичны». Конечной целью религиозной политики должно было стать вычленение казахов из мусульманского сообщества России и сферы влияния Оренбургского мусульманского духовного собрания.

¹ Большая энциклопедия. Словарь / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т.16. Приложение II.

² Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4. С. 7.

Конкретное выражение данная политика нашла в серии законодательных актов 60–80-х гг. XIX в., в результате которых религиозные дела казахов были изъяты из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, запрещена религиозная пропаганда ислама муллами – выходцами из Средней Азии и Поволжья, введены ограничения на строительство исламских культовых учреждений, открытие школ при них и паломничество к святым местам. Как альтернатива исламу стала рассматриваться необходимость распространения православия среди казахов-кочевников. В результате в 80–90-е гг. XIX в. в регионе начали функционировать киргизские православные миссии.

Деятельность первой Киргизской миссии была организована в 1881 г. Первоначально она входила в состав Алтайской духовной миссии, подчинявшейся Томским епархиальным властям. Алтайская миссия, открывшаяся в 30-е гг. XIX в., имела богатый опыт работы среди алтайских кочевых племен. Поэтому сотрудники Киргизской миссии, безусловно, использовали опыт своих «алтайских» коллег: основным содержанием их работы стало создание станов – своего рода административных центров миссии в районах наиболее компактного проживания казахов-кочевников.

В 1882 г. был образован первый Буконьский (Усть-Каменогорский) стан Киргизской миссии на территории поселка Буконьского, в 1890 г. – Большенарымский стан¹. Местом для третьего стана Киргизской миссии, открытого в 1891 г., была определена станция Долонская.

В мае 1894 г. с разрешения начальника Алтайской миссии Преосвященного Мефодия было образовано Бельгагачское отделение Долонского стана с центром в г. Семипалатинске. В 1892 г. был открыт Шульбинский стан Киргизской миссии. С открытием Большенарымского и Шульбинского станов география Киргизской миссии значительно расширилась, деятельность ее миссионеров перемещалась из Южного Алтая в Верхнее Прииртышье и стала охватывать наряду с Бийским округом, Усть-Каменогорский, Зайсанский уезды Змеиногорского округа, территории Петропавловского и Семипалатинского уездов Семипалатинской области Степного генерал-губернаторства.

К моменту отделения Киргизской миссии от Алтайской и приобретения ею статуса самостоятельной в 1895 г. в ее состав входили четыре стана и одно отделение при 1 иеромонахе, 2 священниках,

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.

3 псаломщиках, 4 переводчиках и 1 учителе. Помимо этого при четырех станах миссии – Шульбинском, Буконьском, Долонском, Большенарымском – функционировали попечительства о бедных, на средства которых оказывалась материальная помощь новокрещенным и содержались некоторые миссионерские школы¹ [].

Открытие Киргизской миссии на территории Алтайского горного округа в 1881 г., отсутствие негативной реакции со стороны казахского населения явились поводом к активизации работы духовных властей по открытию аналогичной миссии на юге Тобольской (Акмолинская и Семипалатинская области Степного генерал-губернаторства) и Оренбургской (Уральская и Тургайская области Степного генерал-губернаторства) епархий. Так, 30 апреля 1894 г. Синод издал указ об «открытии православной миссии среди киргиз, населяющих Тобольскую епархию» в составе трех станов: Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского².

Начало работы Киргизской миссии в Тобольской епархии совпало по времени с образованием Омской епархии. Указ о ее создании был подписан Синодом в 1895 г. В процессе формирования границ новой епархии ей была передана часть приходов Томской и Тобольской епархий, в том числе станы только что открытой Киргизской миссии, действовавшей в Акмолинской области (Тобольской епархии) и Киргизской миссии Алтайского горного округа (Томской епархии). Процесс слияния произошел в этом же году – новая Киргизская миссия Омской епархии охватила своей деятельностью Семипалатинскую и Акмолинскую области Степного края и часть уездов Алтайского горного округа Томской губернии.

В основу организации деятельности Киргизской миссии, по аналогии с Алтайской миссией, был положен принцип организации работы станов. Станы являлись административно-территориальными единицами миссии, в каждый из них назначались миссионер-священник, псаломщик, учитель для организации работы миссионерской школы и переводчик.

Особенностью организации станов Киргизской миссии Омской епархии являлось то обстоятельство, что границы каждого из них фактически не были определены. Например, район деятельности миссионеров Атбасарского стана ввиду отсутствия «определенного района, в котором бы предписывалось действо-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 60

² *Отчет Православного миссионерского общества за 1894 г. М., 1895. С. 27.*

вать миссионерам», вынужден был миссионерские поездки «делать в пределах двух уездов Акмолинской области: Атбасарского и Кокчетавского»¹.

Для достижения поставленной перед Киргизской миссией цели миссионерам станов был четко очерчен круг должностных обязанностей. Выполнять функции приходских священников им строго запрещалось. Сотрудники обязаны были сосредоточиваться исключительно на миссионерской работе, совершать разъезды по казахской степи, проводить беседы с казахами на религиозные темы. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещенных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблюдение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д. Крестить казахов имели право только миссионеры, при этом им не нужно было обращаться за разрешением к светским или духовным властям. Миссионеры обязаны были также ежегодно представлять отчеты о своей деятельности начальнику Киргизской миссии и через него вести переписку с епархиальными властями².

Деятельность сотрудников Киргизской миссии Омской епархии с 1895 г. также была направлена на расширение географии станов (прежде всего вглубь степи) и вовлечение в орбиту проповеди широкого круга казахов-кочевников. К концу XIX в. в ее ведении находилось девять станов. Шесть из них – Буконьский, Большенарымский, Долонской, Шульбинский, Заречная слобода (г. Семипалатинск), Черноярский³ – располагались на территории Семипалатинской области. Остальные – Атбасарский, Александровский, Еленинский, Татарский станы – располагались на территории Акмолинской области⁴.

Одновременно с Киргизской миссией Омской епархии в 80–90-е гг. XIX в. процесс становления переживала антиисламская миссия на Западе Казахстана. Органом, который взял на себя функции по ко-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1263. Л. 23.

² Первым начальником Киргизской миссии стал Архимандрит Сергей, возглавлявший ее до 1898 г. На этой должности его сменил Архимандрит Макарий (впоследствии епископ Бийский и Якутский), возглавлявший миссию с 1899 по 1901 г. В 1901 г. начальником миссии был назначен Архимандрит Владимир, руководивший ее делами до 1906 г. Последним главой Киргизской миссии был Епископ Киприан (1906–1917 гг.).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1681. Л. 13.

⁴ *Отчет* о Киргизской миссии за 1901 г. // Омские епархиальные ведомости. 1902. 1–15 июня. № 11–12. С. 26.

ординации миссионерской антиисламской деятельности в данном регионе, стал Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г. По его инициативе в 1893 г. была организована деятельность православной миссии в Тургайской области с центром в г. Кустанай¹. К началу XX в. под контролем миссии находилось четыре стана: Александровский, Макарьевский и Актюбинский – в Тургайской и Чиликтинский – в Уральской областях Степного края²

В отличие от Киргизской миссии Омской епархии миссионеры Оренбургской епархии наряду с работой среди казахского населения, направленной на ограничение влияния ислама, должны были проводить пропаганду православия среди крестьян-переселенцев, укреплять их в вере и ограждать от влияния исламских проповедников и казахов-мусульман. Причиной стали многочисленные факты религиозно-культурной ассимиляции русского населения казахским, а также падение общего уровня религиозно-нравственного развития православного населения региона, фиксировавшееся как светскими, так и духовными властями.

В соответствии с этой целью деятельности должностная инструкция обязывала служащих Киргизской миссии Тургайской степи «делать возможно частые разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и в одиночку разбросанные русские селения по киргизским степям и аулам ... знакомя с истинами веры Христовой и пагубности и ложности мухаммеданства». Только во время посещения русских в степи миссионер обязан был при «удобном случае» вступать «в непосредственное общение с киргизами», «сопровождая некоторые святые истории показыванием библейских картин». Таким образом, пропаганда православия среди казахского населения отодвигалась на второстепенный план. Акцент делался на работе среди православного населения края.

Новый период в истории православного миссионерства в Степном крае связан с первой русской революцией 1905–1907 гг. в России. Ее события крайне отрицательно отразились на работе антисектантских, антистарообрядческих и антиисламских миссий Оренбургской и Омской епархий, поскольку Манифест о свободе вероисповедания, опубликованный 17 апреля 1905 г., уравнивал в со-

¹ ГАОрО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 2об.

² Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. СПб., 1902. Вып. 1. С. 346.

циально-правовом смысле все религиозные системы России. Следствием стали «...прискорбное явление – отпадения новокрещенных в магометанство» и сокращение количества обращений в православие как мусульман, так и представителей сектантских учений и старообрядцев¹.

Последовавший за революцией экономический кризис способствовал сокращению финансирования деятельности православных миссий как со стороны Миссионерского общества, так и со стороны омских и оренбургских епархиальных властей. Поэтому с 1906 г. начался процесс упразднения станом киргизских миссий и сокращение сферы их деятельности².

Постреволюционный период характеризовался поисками руководством миссий Оренбургской и Омской епархий выхода из сложной ситуации, в которой они оказались. На многочисленных заседаниях епархиальных Комитетов миссионерского общества духовными властями предлагались различные способы реанимации миссионерства в казахской степи, в том числе улучшение издательского дела на казахском языке, привлечение местного населения к работе в миссии, проведение миссионерских съездов, открытие попечительств и братств³.

Окончательный удар по православным миссиям Степного края нанесла Первая мировая война и последовавшие за ней революции 1917 г. в России. В октябре 1914 г. председатель Православного миссионерского общества вынужден был признать, что «в связи с событиями Первой мировой войны средства, выделяемые Синодом и государством на миссионерские цели, сократились наполовину»⁴.

В результате общей тенденцией для киргизских миссий стало закрытие станом, школ и интернатов при них, сокращение зарплат служащим миссий. После октябрьского 1917 г. переворота православная пропаганда в Степном крае прекратилась. Количественные

¹ *Отчет* о состоянии Киргизской миссии за 1905 г. // Омские епархиальные ведомости. 1906. 15 июня. № 12. С. 19.

² Так, Большенарымский стан Киргизской миссии Омской епархии был закрыт в 1906 г., в 1907 г. – Шульбинский стан, а Долонской и Черноярский станы перенесены в п. Мало-Владимирский (Ромадан) и Александровский. В Киргизской миссии Оренбургской епархии в 1906 г. был закрыт Александровский стан и к 1915 г. на территории Тургайской области продолжали действовать лишь два миссионерских стана – Макарьевский и Актюбинский.

³ *Оренбургские* епархиальные ведомости. 1907. № 43. С. 282.

⁴ *Отчет* Православного миссионерского общества. 1913. Т. II. № 21. Кн. 1. С. 13.

показатели деятельности киргизских миссий Оренбургской и Омской епархий можно представить по данным табл. 1, 2.

Таблица 1

Численность новокрещенных антимусульманской миссии Оренбургской епархии¹

Год	Количество новокрещенных						
	Казахи	Татары	Башкиры	Чуваши	Калмыки	Евреи	Всего
1893	16	2	–	–	–	–	18
1898	4	1	–	–	–	–	5
1901	12	18	38	–	–	–	68
1903	21	34	16	–	–	–	68
1906	2	2	16	–	–	–	27
1910	1	1	19	–	–	–	29
1913	?	?	?	?	?	?	31
1914	?	?	?	?	?	?	27
1915	7	8	–	1	2	1	19

Таблица 2

Станы и школы Киргизской миссии Омской епархии в 1898–1913 гг.²

Год	Кол-во стан-нов	Штат миссии, чел.	Количество крещенных казахов		Количество церквей	Количество школ	Количество учащихся			
							Казахи		Русские	
			м.п.	ж.п.			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
1898	9	20	38	21	9	6	24		245	
1899	9	28	38	–	9	8	–	–	–	–
1900	9	28	43	15	9	–	–	–	–	–
1901	9	26	–	–	9	–	51		306	
1902	9	21	42	24	9	9	19	–	173	101
1903	9	25	24	8	9	9	–	–	264	
1904	9	25	21	9	9	9	–	–	284	
1905	9	25	18	4	9	9	–	–	345	

¹ Приведены данные выборочно, так как автору удалось выявить «Отчеты о деятельности» Киргизской миссии Оренбургской епархии только за указанные годы. Знак «?» – не указано точное количество крещений данного этноса; знак «–» – отсутствие крещений данного этноса.

² Знак «–» – отсутствие данных в «Отчете о деятельности» Киргизской миссии Омской епархии.

190 6	8	22	6	2	9	10	–	–	462	
190 7	7	22	1	–	9	7	17		187	
190 8	7	22	5	3	9	8	27		234	
190 9	7	22	6	–	9	10	10	7	328	
191 0	8	23	5	–	9	16	30	5	43 6	208
191 1	8	26	6	4	9	17	15	17	48 2	218
191 3	8	–	3	–	9	18	52	11	36 0	252

Подводя итоги деятельности православных миссий в Степном крае, отметим, что нельзя оценивать ее результаты однозначно. Безусловно, в свете реализации интеграционных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту ее интересов данного этнорегиона, населенного как казахами-мусульманами, так и русскими-православными, миссионерство Русской православной церкви было направлено на закрепление позиций государства и самой Церкви в его культурно-религиозном пространстве.

С этой точки зрения работа миссионеров характеризовалась не только религиозной пропагандой православных идей, но и направленностью на вовлечение широких слоев населения Степного края в миссионерскую деятельность посредством организации кружков, курсов, отделений Всероссийского православного миссионерского общества. Кроме этого, в широком смысле слова миссионерством можно назвать церковноприходское и церковно-школьное строительство Русской православной церкви в Степном крае, которое способствовало закреплению религиозно-нравственных начал у его населения. Благодаря этому духовным властям региона удалось пресечь массовый переход русских крестьян-переселенцев в раскол, сектантство и ислам, добиться успешной адаптации институтов Русской православной церкви в культурно-религиозном пространстве и избежать конфронтации с другими религиозными системами.

В узком смысле православное миссионерство в казахской степи имело менее значимые результаты. Омским и оренбургским епархиальным властям удалось создать целую сеть миссионерских структур антиисламской, антистарообрядческой и антисектантской направленности, решить языковую проблему и организовать переводческую деятельность религиозно-пропаган-

дистской литературы на казахский язык и т.д. Однако снизить масштабы влияния ислама на казахское общество, а также сократить численность старообрядческих и сектантских общин в регионе миссионерским структурам не удалось. На протяжении всего периода их функционирования шел постоянный рост влияния ислама и закрепление его позиций среди казахского населения. Подтверждением данного тезиса являются факты проникновения исламских религиозных традиций во все сферы жизнедеятельности казахского общества, формирование социальной прослойки казахских мулл, рост численности мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений, увеличение контактов местного населения с исламскими центрами Российской империи (Поволжье, Средняя Азия, Кавказ) и зарубежья¹.

Аналогичные тенденции наблюдались в среде старообрядческих и сектантских общин. Начало XX в. стало периодом активизации их деятельности, строительства ими молитвенных домов и часовен, легализации старообрядческих скитов. Повсеместно в этот период на территории Степного края наблюдался и рост численности сектантских организаций, деятельность которых, несмотря на предпринимаемые миссионерами меры, так и не удалось дезинтегрировать. Случаи обращения из старообрядчества и сектантства в православие оставались единичными.

Причины низкой эффективности православного миссионерства в Степном крае, безусловно, видятся в совокупности проблем. Среди них: этнопсихологические особенности казахов, детерминированные хозяйственно-культурным типом и отрицающие возможность восприятия ими христианских догм; наличие в регионе хорошо профинансированного исламского и старообрядческого миссионерства; слабое развитие церковноприходской системы в Степном крае и низкое финансирование государством миссионерской работы; смещение в результате крестьянского переселения в регион акцентов в работе киргизских миссий, призванных наряду с миссионерской деятельностью исполнять и приходские обязанности; законодательная политика государства, не позволяющая формироваться побудительным мотивам для перехода в православие у казахского населения.

Кроме этого, отрицательное влияние на деятельность православных миссий оказывала религиозная индифферентность боль-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 499. Л. 5–142.

шинства казачества и крестьян-переселенцев, проблемы социокультурной адаптации новообращенных в православие: отсутствие у миссионеров возможности реализации широких социальных программ для них, нерешенность вопросов землеустройства новообращенных казахов.

Определяя причины низкой эффективности деятельности православных киргизских миссий, следует иметь в виду и то обстоятельство, что значительное миграционное движение в Степной край крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX в. и слабое институциональное развитие Русской православной церкви в данном регионе привели в конечном итоге к необходимости ограждения православного населения от исламской, старообрядческой и сектантской пропаганды. Нерешенность проблемы удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православных жителей региона, отсутствие развитой церковноприходской системы приводили к смешению акцентов в работе миссионеров и вынуждали их заниматься исключительно исполнением обрядов и треб для них. Все это, в конечном итоге позволяет говорить о трансформации конкретных действий служащих православных миссий и переориентации их деятельности исключительно на работу среди православного населения региона.

Следует также отметить, что деятельность киргизских миссий спровоцировала осложнение межэтнических русско-казахских отношений. Совместное, продолжительное по времени проживание русского и казахского населения сопровождалось процессами межэтнической коммуникации, которая определялась, в первую очередь, экономической целесообразностью и принимала различные формы, в том числе взаимной религиозной аккультурации. В первой половине XIX в. нередко фиксировались случаи перехода казахов-мусульман в православие, а православных русских – в ислам. Вмешательство государства и Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. в процесс межкультурного диалога двух этносов посредством организации деятельности православных миссий, безусловно, внесло деструктивные моменты в дальнейшее его развитие.

Миссиям не удалось добиться ограничения сферы влияния ислама и массово обратить казахов в православие. Напротив, их деятельность прервала религиозные контакты двух этносов. Этому также способствовала политика социальной поддержки ново-

крещенных казахов, которая предполагала предоставление им безвозмездной финансовой помощи на развитие земледельческого хозяйства, освобождение от воинской повинности и предоставление льгот при землеустройстве. Все это вызывало недовольство со стороны православного населения и способствовало взаимному отчуждению, в некоторых случаях провоцировало открытое противостояние.

Одним из объективных последствий деятельности киргизских миссий в Степном крае, на наш взгляд, стал резкий рост исламизации казахского кочевого сообщества. Причина данной ситуации заключается в том, что практическая реализация возложенных на миссии задач совпала по времени с процессами модернизации региона и интеграции его населения в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. В результате в казахском обществе стали происходить процессы трансформации традиционных патриархально-потестарных институтов, связей и формирование новых социальных отношений и структур.

Как известно, у любого этноса, оказавшегося в подобной ситуации, активизируются процессы этнической консолидации, позволяющие ему сохранить свою этническую целостность. В ходе этнической консолидации активно формируются этническое самосознание и представление о собственной монолитности и обособленности, что способствует четкому противопоставлению «себя» соседним, подчас родственным, этносам. Важное значение в этих процессах играет и религиозная составляющая. В некоторых районах, например, юга Западной Сибири процесс распространения православия выступил дополнительным фактором этнической аккультурации некоторых групп населения¹.

В Степном крае имели место обратные тенденции – православное миссионерство стало носить этноразделительную функцию. Ислам, напротив, выступил мощным интеграционным фактором, поскольку в предыдущие исторические периоды население степи уже переживало несколько волн исламизации, и для его закрепления имелись объективные исторические предпосылки. В

¹ Шерстова Л.И. Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX в.) // Исторические и философские исследования в Сибири. Томск, 2007. С. 25.

конечном итоге, ислам стал осознаваться казахским населением как этнический компонент, идентификационный признак, отличающий его от русских, казаков и крестьян-переселенцев. Именно поэтому на рубеже XIX–XX вв. миссионерство Русской православной церкви простимулировало рост приверженцев ислама среди казахов-кочевников, сопровождавшийся увеличением численности мусульманских культовых и учебных заведений, паломничеством к святым местам, формированием социальной группы мулл из местной этнической среды.

6.5. Российско-азиатская торговля в XVII – начале XX в. как инструмент межцивилизационного взаимодействия (А.В. Старцев)

В процессе взаимодействия цивилизаций важнейшую роль играют экономические контакты между различными странами и народами, которые осуществляются в рамках международной торговли, путем технологических и организационных заимствований, инвестиций и т.д.

Особый интерес представляют торгово-экономические контакты России со странами Центральной Азии и Дальнего Востока, которые по своим формам и содержанию отличались от аналогичных контактов с западноевропейскими государствами. На Востоке Россия выступала как экспортер промышленных изделий и носитель более прогрессивных организационно-технических форм, а торговля с азиатскими народами, по выражению одного из публицистов начала XX в., олицетворяла «весьма важную сторону экономического влияния цивилизации на дикарей – пробуждение целого ряда потребностей», что «...само по себе представляет могущественный импульс культурного развития»¹.

Начало этих контактов восходит к XVII в., когда в ходе присоединения сибирского региона к Русскому государству границы российских владений стали соприкасаться с районами расселения монгольских народностей и коренными монгольскими землями.

Установление контактов с государственными образованиями Центральной Азии шло на разных участках формирующейся грани-

¹ Берлин П.А. Пасынки цивилизации и их просветители. (Будущее некультурных народов и культуртрегерство европейцев). СПб., 1905. С. 195.

цы не одновременно, и характер взаимоотношений определялся целым рядом внутри- и внешнеполитических факторов.

Вскоре после присоединения Западной Сибири купцы Тюмени, Тары, Тобольска, Томска и других городов установили торговые связи с Джунгарским ханством и Восточным Туркестаном. Батурхунтайджи, добившийся объединения Халхи и Ойратии, стремился обезопасить северную границу, установив добрососедские отношения с Русским государством. Он запретил кочевавшим в Сибири ойратским князьям совершать набеги на русские земли, а также разрешил русским беспрепятственно брать соль из Ямышевского озера и вывозить ее на Иртыш, где стояли их суда. Это привело к установлению и расширению торговых контактов России и Джунгарии. На берегах Ямышевского озера стала проводиться ярмарка, куда русские торговцы стали регулярно ездить с конца 1620-х гг. На ярмарку, начинавшуюся 15 августа и продолжавшуюся 2–3 недели, приезжало и местное население. «Озеро Ямыш от реки Иртыша 5 поприщ и служилые люди-сибирцы соль из того озера ломают, рычагами емлют и возят тележками на лошадах и на вельбудах, и струги грузят, – говорилось в описании Сибири 1683 г. – А на то место у пристани Ямыша-озера приезжают с товары китайскими из Китайска бухарцы и калмыки со всякими своими товары и с лошадьми и со всяким ясырем, и торгуют с русскими людьми повольным торгом чрез аманатов своих»¹.

В 1640–1655 гг. российскими торговцами из Тобольска на ярмарку привозились разные товары, в том числе кожи (30,8 % к стоимости всего товара), сукна (25,8 %), металлические изделия (18,4 %), пушнина (16,6 %), прочие (8,4 %). К концу XVII в. выделанная кожа (юфть) составила свыше 75 % экспорта. Среднеазиатские купцы привозили китайские, турфанские, яркендские, бухарские ткани (китайку, дабу, выбойку, бязь), которые по стоимости составляли 80–90 %².

Русско-ойратская торговля особенно активизировалась в середине XVII в., после того, как московское правительство в 1646 г. направило Батурхунтайджи грамоту, предоставлявшую его подданным право беспопынно торговать в сибирских городах. На сибирь-

¹ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева. СПб., 1882. С. 182.

² Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири. М., 1967. С. 198.

ских и на Ирбитской ярмарках стали появляться азиатские товары, доставляемые джунгарскими и уйгурскими купеческими караванами. Кроме того, ойраты стали пригонять в Томск и в Тару на продажу скот и лошадей, обменивая их на ткани, бумагу и другие товары.

В свою очередь, русские люди стали ездить для торговли в ойратские улусы. В 1636 г. житель Тобольска Филипп Обольянинов увез туда для продажи 2 шкурки выдры, 4 кожи, 6 стопок писчей бумаги, 300 оловянных пуговиц, а казак Яков Копылов продал половинку сукна (25 аршин), 5 шкурок выдры, 1000 пуговиц, 10 юфтей, писчую бумагу, 30 роговых гребней и прочие товары¹. В Томске для русско-ойратского торгового дела было выделено специальное место. Согласно таможенной книге 1649 г., томские служилые и торговые люди приобретали у ойратов в основном шкурки соболей, лисиц, куниц и бобров.

В конце XVII в. из-за набегов кочевников работа Ямышевской ярмарки прервалась, и она возродилась в начале XVIII в., когда для ее охраны были построены Ямышевская (1715), Железинская (1717), Семипалатинская (1718) крепости, что улучшило условия торгового дела с Азией. В 40-х гг. XVIII в. русско-джунгарская и русско-уйгурская торговля сосредоточилась в основном в приграничных районах – Семипалатинске и Ямышевской крепости, где были созданы таможенные пункты. В то же время торговые караваны из Джунгарии, Восточного Туркестана, Средней Азии до середины 50-х гг. XVIII в. посещали Томск, Тару, Тобольск и другие сибирские города.

После завоевания Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана во второй половине XVIII в. устанавливаются прямые торговые связи между российским и китайским купечеством. На завоеванных территориях Цины создали наместничество Синьцзян («Новая территория» или «Новая граница»). Внешнеторговая политика цинского двора в Синьцзяне носила противоречивый характер. С одной стороны, она определялась традиционной политикой самоизоляции, а с другой – реальными потребностями в продовольствии и промышленных изделиях, поставлявшихся из России. В этой связи торговые отношения с Синьцзяном развивались в двух направлениях: посреднической торговле казахских и среднеазиатских купцов русскими товарами и стихийном развитии приграничной торговли между принявшими русское подданство алтайцами и бежавшими в

¹ *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 45.

Горный Алтай и на Бухтарму русскими крестьянами и горнозаводскими рабочими с китайской пограничной стражей.

Следует подчеркнуть, что установление этих контактов осуществлялось без какого-либо участия официальных государственных структур Российской и Цинской империй и являлось проявлением самостоятельной инициативы жителей приграничных местностей. Известный сибирский просветитель и общественный деятель Н.М. Ядринцев после посещения Бухтармы писал: «Оказалось, что у русских крестьян давно заведены сношения с китайцами, они установили с ними добрые отношения... Странно! Как же это никаких столкновений, – думал я. Ведь на границе стоят и русские казацкие станицы, и китайские пикеты. Чтобы переехать границу, нужно множество формальностей. Китайцы сторожат свои владения. Ежегодно русские депутаты-чиновники и китайские объезжают вместе границу и проверяют знаки. Ведь на этой границе всякое покушение захватить что-либо может вызвать дипломатические недоразумения; столкновение разных народностей может вызвать войну и т.д., и вдруг оказывается – все тихо и мирно: и к китайцам в гости ездят и халаты приобретают, да и рыбой давно пользуются, ходя артелями за границу без всяких трактатов и даже без паспортов. Тут я в первый раз задумался и открыл, что крестьянин-колонизатор на окраине не просто представитель силы высшей расы, не только богатырь, который прет смело, берет и захватывает, а что он, когда нужно, большой дипломат; этого мы ранее не подозревали»¹. В 1800 и 1804 гг. в Кульдже побывал А.С. Безносиков, в 1803 г. семипалатинский купец С.И. Урванцев посетил китайский пограничный караул Чингистай². По поручению начальника Сибирской линии генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа в 1811 г. «для собирания сведений, относящихся к рапространению сей торговли», совершил поездку в Кульджу А.Т. Путимцев³.

В связи с развитием российской текстильной промышленности, переживавшей в 30–40-х гг. XIX в. процесс технической модернизации, значительно возрос экспорт шерстяных и хлопчатобумажных тканей. С 1834 по 1850 г. вывоз российских текстильных изделий в

¹ Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. I. С. 23.

² Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В. История Синьцзяна. Барнаул, 2012. С. 135.

³ Дневные записки переводчика Путимцева, в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно, в 1811 году // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. VII. С. 2.

Западный Китай увеличился почти в 200 раз, составив в 1850 г. сумму 1898 тыс. руб. Одновременно с этим в первой половине 40-х гг. XIX в. в 15 раз возросли объемы чайного импорта из Синьцзяна, составившие в 1845 г. 2352 пуда¹.

Во второй четверти XIX в. российские власти активизировали попытки установления официальных торговых отношений с Синьцзяном. С этой целью в 1844 г. сюда под видом купца Хорошаева был направлен чиновник Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов. После его поездки, подтвердившей перспективность этого направления, вопрос об установлении торговых отношений был поставлен на официальном уровне. Однако Лифаньюань (Палата по делам внешних сношений) ответил отказом, ссылаясь на то, что для России выгоднее торговать с Китаем через Кяхту. «Торговля в Кяхте, – говорилось в ответе Лифаньюаня от 12 июля 1847 г., – существует уже больше ста лет; привоз товаров туда бывает весьма огромный». Что же касается Синьцзяна, то китайское внешнеполитическое ведомство указывало на отдаленность региона от центрального Китая, немногочисленность и бедность местного населения и считало, что «наши купцы никоим образом не в состоянии будут ездить туда»².

Однако настойчивость российской стороны и очевидная экономическая выгода привели к тому, что пекинская администрация после длительных колебаний дала согласие на урегулирование торговых отношений в Кульдже и Чугучаке. 25 июля 1851 г. между Россией и Китаем был подписан Кульджинский трактат, в котором купцам обоих государств разрешалось вести «между собой меновую торговлю» и устанавливать «цену свободно и по своему произволу» (ст. 2), причем товары, привозившиеся русскими купцами, не облагались пошлиной (ст. 3). Ежегодно, в период с 25 марта по 10 декабря русские торговцы могли привозить товары в Кульджу и Чугучак, а для защиты их интересов здесь учреждались консульства³. Заключение Кульджинского договора открыло новый этап в развитии торгово-экономических и политических связей между Россией и Китаем и способствовало не только расширению взаимовыгодных экономиче-

¹ Алдабекова Н.А. Русско-китайская торговля в Синьцзяне 40-х гг. XIX в. // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988. Ч. 2. С. 193.

² Алдабекова Н.А. Русско-китайская торговля в Синьцзяне 40-х гг. XIX в. // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988. Ч. 2. С. 194–195.

³ Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 26–29.

³ Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири. М., 1967. С. 208–209

ских отношений, но и укреплению дружеских контактов между народами соседних стран.

Торговые пути в Китай и монгольские княжества прокладывались не только через Западную Сибирь. В 1618 г. сибирские казаки И. Петлин, А. Мундов и П. Кызылов прошли от Томска через Шорию и Абаканский хребет, перевалили через Западные Саяны, миновали окрестности Каракорума, преодолели пустыню Гоби и вышли к Калгану (Чжан-цзя-коу). Существовал путь от Селенгинского острога на Пекин, который пролегал через р. Кяхту, Ургу, монгольские степи и пустыню Гоби, по которому в 1674 г. прошел караван служилых и торговых людей во главе с сыном боярским И. Поршениковым и приказчиком купца Филатьева – Г. Романовым³. По мере продвижения русских отрядов по Сибири в процессе ее присоединения начали устанавливаться контакты с Монголией.

Интерес монголов к России был продиктован возможностью установить торговые отношения и получить многие диковинные товары, прежде всего оружие. Судя по сохранившимся источникам, торговля в XVII в. получила довольно большое распространение. Монголы пригоняли в сибирские города табуны лошадей. Так, в 1635 г. в Красноярск прибыло 17 монголов, «...а с собой они пригнали на продажу 100 лошадей, и те лошади у них служилые люди покупали»¹.

Кроме скота, монголы княжества Алтан-хана везли в Россию «мягкую рухлядь», а также торговали получаемым из Китая «кирпичным чаем», который постепенно приобрел в России такую популярность, что в описях товаров его ставили сразу вслед за золотом, серебром и драгоценными камнями.

Однако в конце XVII в. в результате междуусобиц территория Алтан-ханов была включена в состав Дзасакту-хановских владений. К середине XVII в. относится установление и русско-халхасских связей. В 40-х гг. енисейские служилые люди В. Колесников и К. Москвитин донесли начальству об установлении контактов с бурятами («братскими людьми»), а затем казаки во главе с К. Москвитиным были приняты зятем халхасского Цецен-хана Шолоя, Турухай-табуном. К. Москвитин побывал и в Урге (ставка) Цецен-хана Шолоя, который подарил им немного золота и две серебряные чаши.

С 40-х гг. XVII в. русские стали строить остроги и зимовья в Приамурье. Выход русских землепроходцев на Амур, освоение ими Приамурья и создание там поселений обеспокоили маньчжурских

¹ Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири. М., 1967. С. 208–209.

правителей, хотя территория, на которой селились русские, им не принадлежала. Цины заняли враждебную позицию и стремились втянуть в конфронтацию с русскими северо-монгольских ханов. Они требовали ухода русских из Забайкалья и подстрекали халхасских князей к вооруженным нападениям на русские остроги и поселения. В 1684 г. халхасцы напали на Тункинский острог, а в 1685 г. – на Селенгинск и Удинск¹.

Сложившаяся ситуация представляла для русских поселений в Сибири значительную угрозу и требовала срочных решений. Для урегулирования сложившейся ситуации по повелению царевны Софьи в Сибирь был направлен Ф.А. Головин, наделенный чрезвычайными полномочиями. В результате длительных и тяжелых переговоров Ф.А. Головину 27 августа 1689 г. под стенами города Нерчинска удалось подписать договор, который явился первым международно-правовым актом, регулировавшим отношения между Россией и Цинской империей².

Помимо прочих важных вопросов, касавшихся взаимоотношений между двумя государствами, Нерчинский договор разрешил взаимную беспощинную торговлю, что явилось важной вехой не только в истории русско-китайских, но и русско-монгольских торгово-экономических отношений, поскольку после включения Северной Монголии в 1691 г. в состав Цинской империи торговля с ней стала регулироваться русско-китайскими международно-правовыми актами.

После подписания Нерчинского договора торговля между Россией и Цинским Китаем была официально открыта. В 1690, 1692 и 1696 гг. из России были отправлены казенные караваны в Пекин, что положило начало регулярным торговым отношениям между двумя государствами. Частным лицам торг разрешался только на монгольской территории, прежде всего в Урге. Русским предпринимателям дозволялось ввозить в Монголию только юфть, сукна и разную мелочь. Однако купцы везли сюда и запрещенную для частного торга «мягкую рухлядь». Как сообщал Х. Трусевич, русские купцы прода-

¹ Вилков. 1978. С. 80.

² *Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы.* М., 1958. С. 9–11.

вали в Урге «громадное количество лучших соболей и других пушных зверей»¹.

Торговля частных лиц в Монголии наносила серьезный ущерб казенной торговле. По свидетельству Л. Ланга, «ничего на свете не могло большего причинить вреда нашим караванам, как производимый торг в Урге, ибо из сего места всякий месяц и даже почти всякую неделю привозят в Пекин те же самые товары, которые находятся в наших караванах, но и лучшие еще доброты...»². Х. Трусевич писал, что купцы «...с 1706 г. начали привозить (до 200 чел. ежегодно) под видом кож и такое количество рухляди, что ежедневно из Урги в Пекин отправлялись с ней караваны, в 4–5 раз превышающие казенные»³.

Сообщая о фактах неблагоприятного поведения русских подданных в Монголии, должностные лица более всего опасались, «...чтоб от своевольств таких купецких людей меж государств какой ссоры не произошло»⁴. Эти опасения были не напрасны, тем более что цинские власти были недовольны статьями Нерчинского договора, которые позволяли русским въезжать на территорию империи. А поскольку торговля в Халхе развернулась очень широко, стали приниматься меры к ее ограничению, вплоть до прямого запрещения монголам торговать с русскими под страхом суровых наказаний и применения различных мер, стесняющих деятельность русских купцов. В результате в 1722 г. русские купцы были изгнаны из Урги, их юрты были уничтожены, а товары конфискованы⁵.

Такие действия цинских властей нанесли существенный удар по престижу, но еще более – по экономическим интересам России в этом регионе. Поэтому российская сторона стала принимать меры по урегулированию конфликта и добиваться нормализации отношений. С этой целью в 1722 г. в Пекин было направлено посольство во главе с графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским, получившим чрезвычайные полномочия для решения спорных вопросов. Российский посол с почетом был принят новым китайским императором Юн-чженем, однако в ходе переговоров выяснилось, что при обсуждении

¹ Трусевич Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. С. 91.

² Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 61.

³ Трусевич Х. Посольские и торговые отношения... С. 151.

⁴ Трусевич Х. Посольские и торговые отношения... С. 151.

⁵ Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 49.

проблем российско-китайских отношений стороны преследовали разные цели. Китай более всего интересовали не торгово-экономические, а территориальные вопросы, и цинская администрация пыталась оспорить практически сложившееся в районе Халхи разделение территории обоих государств. Российскую же сторону интересовала преимущественно коммерческая сторона дела.

С.Л. Рагузинскому удалось перенести переговоры на границу, где после долгих дебатов 20 августа 1727 г. у р. Бура был подписан предварительный Буринский трактат, установивший границу между российскими и китайскими владениями¹. Этот трактат в качестве составной части вошел в Кяхтинский договор, подписанный 21 октября 1727 г. на речке Кяхте. В соответствии с ним территориальный вопрос был решен по формуле «каждый владеет тем, чем владеет теперь». Таким образом, Кяхтинское соглашение фактически оформило российско-халхасскую границу. Кроме территориальных вопросов, Кяхтинский договор регламентировал и русско-китайские торговые отношения. Российская сторона получала право один раз в 3 года отправлять в Пекин караван численностью не более 200 человек, а также в Кяхте и Цурухайту устанавливалась беспошлинная приграничная торговля. Решение всех спорных коммерческих вопросов возлагалось на пограничные власти². Таким образом, Кяхтинский договор стал основным юридическим актом, регулировавшим межгосударственные и торгово-экономические отношения между Россией и Китаем до середины XIX в., а Кяхта становилась центром русско-китайской и русско-монгольской торговли.

Как пограничный торговый форпост Кяхта была основана в 1828 г. в 4 км от Троицкосавской крепости, а затем в 1743 г. была преобразована в торговую слободу, и здесь было разрешено селиться «всяким охочим людям». В 1730 г. напротив Кяхты была построена китайская торговая слобода – Маймачен. Для ведения торговли в Кяхте был выстроен деревянный гостиный двор и дома для купцов. По первоначальному проекту центральным сооружением Кяхтинской слободы должен был стать Гостиный двор в центре обнесенного оградой пространства размером 100x100 саженей. Строительство было завершено в 1728 г., а в 1729 г. И.Д. Бухгольц доложил в Кол-

¹ Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 11–12.

² Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 17–22.

легию иностранных дел, что «торг с китайцами на Кяхте, в Троицкой слободе уже открыт»¹.

До 1740-х гг. объемы кяхтинского торгова были небольшими. Как торговое поселение Кяхта стала расти после 1743 г., когда здесь было разрешено селиться всем желающим, за исключением беглых и солдат, и тогда же через Кяхту пошли казенные караваны в Пекин. Основной статьей казенного вывоза являлась пушнина, а из Китая доставлялись шелковые и хлопчатобумажные ткани, табак, драгоценные камни и прочее.

Как показала практика, установленная государственная монополия на торговлю с Китаем в Кяхте очень скоро стала давать сбои. Запрещение частным лицам торговать пушниной и другими предметами «казенного торгова» привело к широкому распространению контрабандной торговли, сопровождаемой взяточничеством и другими злоупотреблениями.

Напоминания, предупреждения и штрафы не помогали, и контрабандная торговля с каждым годом приобретала все больший размах. Наконец, в 1762 г. казенная монополия была отменена, и торговля перешла в частные руки. В кяхтинские купцы стали записываться приезжие «иностранцы» купцы и их приказчики не только из Сибири, но и из Европейской России. В 1807–1808 гг. здесь торговало 60 «первостатейных» купцов, в числе которых 20 предпринимателей из Европейской России (Москвы, Калуги, Курска, Вологды, Великого Устюга и пр.). Состав купцов, торговавших в Кяхте, менялся. По Манифесту 1807 г. право оптовой торговли в Кяхте было предоставлено только купцам 1-й гильдии, в результате чего от торговли были отстранены многие сибирские купцы, и главенствующие позиции заняли предприниматели из Центральной России (Москвы, Калуги, Тулы, Курска, Нежина, Тотьмы, Великого Устюга, Соли Вычегодской, Вологды и Казани). В 20-х гг. XIX в. из 50 крупных предпринимателей, торговавших в Кяхте, сибиряков было не более 11. Правда, купцы из центра сами в Кяхте почти не торговали, поручая вести дела своим приказчикам и комиссионерам из числа сибирских (преимущественно иркутских и кяхтинских) купцов.

Роль сибиряков в кяхтинской торговле возрастает к середине XIX в. В частности, в 30-х гг. в составе кяхтинцев заметную роль стали играть выходцы из небольшого сибирского города Тары. Сре-

¹ Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1990. С. 85.

ди них были широко известные коммерсанты Носковы, Нерпины, Немчиновы, которые прославились не только своим богатством, но и смелыми коммерческими проектами, общественной активностью и широкой благотворительной деятельностью¹. Как писал один из исследователей кяхтинских предпринимателей первой половины XIX в., «купечество кяхтинское старается о сближении с Китаем, устраивает в Кяхте школу для изучения монгольского и китайского языков, хлопочет о дозволении ему посылать в Китай торговые караваны, устраивает дороги, заводит там свои склады, оставляет при них своих уполномоченных для изучения китайских рынков и проч. и проч.» При этом, как подчеркивал автор, «...купечество высказывает такую широту и просвещенность взглядов и такое основательное понимание даже русских внешних государственных интересов, поскольку они касаются торговли, каких, к сожалению, не было у современных гг. Игумнову и Носкову русских министров финансов и иностранных дел»².

Сохранявшаяся до 60-х гг. XIX в. монополия на торговлю с Китаем и активная деятельность местного купечества сделали Кяхту и находящийся в 4 верстах от нее Троицкосавск чрезвычайно знаменитыми. После перехода Кяхтинского торгового поста в частные руки его обороты постоянно увеличивались: в 1755 г. – 837 тыс. руб.; 1769 г. – 2003,6; 1775 г. – 2644,4; 1785 г. – 3611,8; 1795 г. – 5440,5; 1800 г. – 8383,8 тыс. руб. К середине 50-х гг. XIX в. обороты кяхтинской торговли составляли в среднем 11,3 млн руб. в год. В 1854 г. здесь действовало 58 крупных фирм с оборотом 10,2 млн руб.³ Торговля в Кяхте с монголами существенно отличалась от русско-китайской торговли. После вхождения Халхи в состав Цинской империи пекинская администрация последовательно проводила политику изоляции монголов как от народов России, так и от народов Китая. Так, китайским купцам запрещалось ездить в Монголию без особого пропуска, выдававшегося на год. Такие же правила были распространены и на русских торговцев.

В 1800 г. Коммерц-коллегия России подготовила инструкцию по розничной торговле между пограничными жителями, в соответствии с которой бурятам разрешалось вести заграничную торговлю скотом,

¹ Жиров А.А. Тарские кяхтинцы // Земля Иркутская. 1997. Вып. 9. С. 14–19.

² Птицын В. Кяхта, ее торговля и купечество // Новое слово. СПб., 1894. № 2. С. 327.

³ Зуев А.С. Кяхтинская русско-китайская торговля // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1: А.–Л., 2012. С. 416–418.

мерлушкой, овчинами, а бурятам-казакам разрешалось торговать мукой и хлебом. Однако эти товары предназначались не столько для монголов, сколько для живущих в Монголии китайцев, так что запрет русским торговать в Монголии существенно увеличивал трудности самих китайцев, прежде всего в приобретении продуктов питания. Однако строгие предписания, запрещавшие непосредственные торговые контакты между русскими и монголами, постоянно нарушались на всем протяжении русско-халхасской границы. Тем более что монгольские должностные лица из местной администрации в большинстве своем были сторонниками развития регулярных связей с русскими и часто смотрели сквозь пальцы на имеющиеся нарушения.

Торговля с китайцами и монголами осуществлялась не только в Кяхте и ее окрестностях, но и на других участках границы и носила неофициальный, а с точки зрения имеющихся соглашений – контрабандный характер. На южной границе Томской губернии, в Горном Алтае торговля с китайскими подданными велась по Чуйскому торговому пути, где, по словам бийского окружного полицейского исправника Е. Замятина, она существовала примерно с 80-х XVIII в. «...как дело домашнее, до сего времени бывшее даже малоизвестным». Чиновник особо подчеркивал, что торговля на р. Чуе «возникла сама собой без всякого участия правительства ...все торговые сделки на Кош-Агаче производились на честное слово, без всяких формальных условий»¹. Основателями этой торговли были предпринимчивые жители Бийска и Змеиногорска – Хабаровы, Мальцевы, Кузнецовы, Токаревы и Просековы, которые на свой страх и риск совершали поездки в Горный Алтай и завязывали торговлю с алтайским населением.

Несмотря на то, что торговля с китайскими подданными на границе Томской губернии велась неофициально, местное начальство о ней было прекрасно осведомлено и не препятствовало ее развитию. В 30-х гг. XIX в. томский гражданский губернатор даже поднимал вопрос об учреждении здесь таможни, однако бийский земский исправник полагал, что чуйская торговля незначительна, ее годовой оборот составляет не более 50 тыс. руб. в год и с устройством таможни «...казна не только не приобретет никакой

¹ ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 19–19об.

пользы, но даже не окупит тех издержек, какие нужно будет употребить на содержание оной»¹.

Однако, как показало время, это направление торговых отношений с Монголией оказалось весьма перспективным. Когда томский губернатор Г. Лерхе посетил в 1864 г. ярмарку в Чуйской долине, неподалеку от русско-китайской границы, то обнаружил там оживленную торговлю с солидным оборотом в 200 тыс. руб., и даже «жилые избышки, при которых для хранения и склада товаров построены амбары и кладовые»². Этот поселок получил название Кош-Агач.

В первой половине XIX в. стали устанавливаться торговые контакты русских с жителями Урянхайского края (Сойотии) – горно-степной котловины, изолированной с севера Саянским хребтом, а с юга хребтом Танну-Ола (современная Тувинская Республика). Урянхай вошел в состав Цинской империи в середине XVIII в. С 1755 г. краем стал управлять улясутайский цзянь-цзюнь, которому подчинился правитель края – амбань-нойон. Русские стали осваивать Урянхай в 1838–1839 гг., когда сюда стали проникать золотоискатели, основавшие на реках Большой и Малый Алгияк Спасский и Никитский прииски³.

Примерно в это же время начали меновую торговлю с жителями Урянхая казаки Саянского острога. Как сообщал А. Адрианов, «в сороковых и пятидесятых годах, до заключения договоров, скольконибудь благоприятных для международных торговых сношений, когда существовали пограничные кордоны по Саянскому хребту, русские казаки сходились с сойотами в условленных местах и, “ради дружбы двух государств”, производили здесь мену»⁴.

Саянский хребет был труднопроходимым, здесь отсутствовали колесные дороги, однако путь через Саяны русским был хорошо известен. Они ходили туда Амыльской, Усинской, Абаканской вьючными тропами, а зимой по замерзшему Енисею. В конце 50-х гг. ряд поселков был основан на р. Ус русскими старообрядцами, которые стали первыми форпостами русского продвижения в Засая-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 120. Л. 13.

² РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 8.

³ Кузьмин Ю.В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений: Учеб. пос. Иркутск. 2000. С. 8.

⁴ Адрианов А. Русская торговля на границах Китая // Восточное обозрение. 1882. № 14. С. 9.

нзе¹. В 50-х гг. XIX в. были предприняты попытки основания в Урянхайском крае постоянных торговых заведений. Первым русским купцом, который решил здесь обосноваться, был уроженец г. Минусинска М.Ф. Веселков, устроивший в 1857 г. склад товаров на р. Иджим. Дела у него шли успешно, и вскоре он открыл отделения на реках Уюк и Кемчик. После подписания Пекинского договора 1860 г., разрешившего русским въезд в Монголию, М.Ф. Веселков построил заимки на р. Улегем и в устье р. Туран, где скупал скот и пушнину у местного населения и занимался добычей соли². Немного позже свои фактории в Урянхайском крае основали минусинский купец М.И. Бяков и В.М. Сватиков. Но до подписания Пекинского договора предприниматели вели свои дела осмотрительно, не углубляясь на территорию Монголии и не давая товары в кредит.

Таким образом, к середине XIX в. в торговле Сибири с Китаем и Монголией произошли существенные изменения, касавшиеся объемов, ассортимента, структуры экспорта и импорта. В результате развития отечественной текстильной промышленности сократился ввоз из Китая хлопчатобумажных и шелковых тканей. Основной статьей российского импорта становится чай, ввоз которого в Россию с 1800 по 1840 г. увеличился в 5,2 раза. В российском экспорте заметно выросла доля товаров промышленного производства (к концу 1830-х гг. – более 50 %). Доля пушнины сократилась с 50,7 % в 1820-х гг. до 34,5 % в 1840 г. Кроме этого, в Китай вывозились юфть, хлеб и скот. Значительное развитие получила мелочная торговля, которую вели жители приграничных местностей всех сословий. В 1-й четверти XIX в. ее оборот составлял 180 тыс. руб., к концу 1830-х гг. он удвоился и продолжал расти³. В целом, в 40–60-х гг. XIX в. торговые обороты в Кяхте достигали 15–20 млн руб., что составляло от 7 до 12 % общего объема внешней торговли страны⁴.

Однако эти положительные тенденции тормозились архаичностью политико-правовой организации русско-китайских торгово-

¹ Дацышен В.Г. Начало торговли минусинских купцов с Урянхайским краем и ее характер // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1991. С. 68–69.

² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л. 1926. Т. 3. Вып. 2. С. 534–535.

³ Старцев А.В. Торговля российско-азиатская // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 285.

⁴ Единархова Н.Е. Русско-китайская торговля в Кяхте и ее влияние на экономическое развитие России // История и общество в панораме веков. Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 21.

экономических связей и разными целями, которые преследовали российская и китайская стороны. Россия стремилась установить стабильные экономические отношения с Цинской империей, и это являлось стратегическим направлением российской политики в отношении Китая.

В отличие от западноевропейских государств, русское правительство не пыталось добиться от Китая торговых преимуществ путем военного давления и предпочитало действовать дипломатическими способами. Во время событий, предшествовавших заключению Айгунского договора 1858 г., уполномоченный по ведению переговоров с китайской стороной адмирал Е.В. Путятин предлагал, по примеру Англии и Франции, оказать давление на Китай угрозой применения силы для быстреего решения вопросов территориального разграничения в Приамурье и Приморье. Однако это предложение встретило в Петербурге категорическое возражение. В инструкции, направленной Е. Путятину, говорилось: «Интересы наши и западных держав так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя... недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе»¹.

В отличие от российского правительства, китайская сторона не выказывала «особенного сочувствия торговым интересам»² и в своей политике относительно России руководствовалась, прежде всего, военно-стратегическими соображениями. Однако изменения, произошедшие в Азии в середине XIX в., заставили Китай внести существенные коррективы во внешнеполитическую доктрину и пересмотреть отношения с Россией. Эти изменения были связаны с активным проникновением в регион Англии, Франции и США, которые в результате «опиумных войн» 1840–1842 и 1856–1860 гг. и навязанных Китаю неравноправных договоров добились для себя крупных политических и экономических преимуществ. В соответствии с англо-китайским договором 1842 г. Англия добилась открытия для иностранной торговли пяти китайских портов (Шанхай, Кантон, Амой, Нинбо, Фуджоу), права экстерриториальности и организации селтльментов, принципа наибольшего благоприятствования и т.п.

¹ Цит. по: *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 235.

² *Хохлов А.Н.* В.П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (Из эпистолярного наследия русского востоковеда) // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. М., 1982. Ч. 2. С. 236.

После второй «опиумной войны» подобные же договоры были заключены с Францией и США, в результате чего внешняя торговля Китая была подчинена иностранному капиталу, и страна стала утрачивать независимость, превращаясь в полуколониальное государство¹.

В этих условиях пекинский двор в соответствии с традиционной китайской стратегаемной дипломатией, в частности доктриной «и и чжи и» (управлять варварами с помощью варваров), был готов к сближению с Россией, рассматривая ее как противовес растущей экспансии Англии, Франции и США. В результате между Россией и Китаем в 50–60-е гг. XIX в. был подписан целый ряд договоров и соглашений (Кульджинский, Айгунский, Тяньцзинский, Пекинский)², а также «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» 1862 и 1869 гг. Эти документы узаконили беспошлинную торговлю по обе стороны русско-китайской границы в пределах 100 китайских ли (50 верст), разрешили «...торговать также беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии»³ и существенным образом изменили характер российско-китайских экономических отношений.

Помимо традиционной кяхтинской торговли, подписание договоров открывало перспективу для оживления экономической жизни для других сибирских приграничных территорий. Военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор В.А. Полторацкий подчеркивал важность развития русской торговли в Монголии в связи с начавшейся транспортировкой чая в Европу морским путем

Подписание договоров 50–60-х гг. XIX в. повлияло не только на рост оборотов русско-китайской и русско-монгольской торговли, но и изменило характер экономических отношений. Помимо свободно-го ведения экспортно-импортных операций российские предприниматели получили возможность открывать торговые и промышленные предприятия на территории Китая и входившей в его состав Монголии. Во второй половине XIX в. произошли серьезные изменения и в чайной торговле. Как отмечал один из исследователей, «русские выходят из замкнутого круга кяхтинского торга, сдавли-

¹ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX – начало XX в. М., 1987. С. 44–45.

² Старцев А.В. Русско-Китайские договоры до 1917 г. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 782–784.

³ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 192.

вавшего их железным кольцом в течение 130 лет; они вышли на широкое поле свободного обмена»¹.

Существующий порядок поступления чая в Россию, при котором закупки нужно было авансировать, выполнение заказов задерживалось, а товар поставлялся низкого качества, заставил российских предпринимателей самим заняться изготовлением чая. В 1863 г. на арендованных в окрестностях г. Ханькоу мануфактурах А.И. Обориным и Н.А. Ивановым были проведены первые опыты по обработке чайного листа, но они оказались неудачными. В 1864 г. И.Е. Грачеву удалось наладить выпуск качественного кирпичного чая. По сведениям драгомана Российской миссии в Пекине А.Ф. Попова, в 1869 г. в Ханькоу действовали 3 русские фирмы, занимавшиеся производством и торговлей чаем, персонал которых насчитывал 28 человек². В 1873 г. в Китае насчитывалось уже 19 часообработывающих мануфактур, из которых 9 изготавливали байховый чай и 10 – кирпичный³.

Российские предприниматели не только организовали производство чая, но и стремились его технически усовершенствовать. Уже в 1873 г. Ф.Г. Черепановым в Ханькоу была построена первая чайная фабрика, на которой работал паровой пресс. К 1878 г. здесь действовало уже 8 чайных фабрик, причем на 3 применялась улучшенная система распаривания чайного материала. Кроме Ханькоу, в окрестностях г. Цзюцзян с 1875 г. работала русская чайная мануфактура, а в г. Фуджоу и его окрестностях в 1876 г. было 9 чайных предприятий, контролировавшихся русскими подданными⁴.

Российские предприниматели успешно конкурировали с китайцами и англичанами в производстве и сбыте байхового чая и стали монополистами в изготовлении кирпичного чая. В начале 1890-х гг. в Россию ежегодно ввозилось более 850 тыс. пуд. только кирпичного чая, из которых 700 тыс. пуд. под названием пекинского чая изготовлялось на фабриках в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу. Таким обра-

¹ *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 478.

² *Попов А.Ф.* Путевые заметки о Ханькоу и русских чайных фабриках // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1871. Т. 2. С. 297.

³ *Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая.* СПб., 1892. С. 479.

⁴ *Хохлов А.Н.* Торговля – приоритетное направление политики России в отношении Цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. статей. М., 1993. С. 215.

зом, открытие чайных фабрик в Китае позволило российским капиталистам вытеснить китайский кирпичный чай с кяхтинского рынка и опередить Англию и США в вывозе кирпичного и байхового чая.

После подписания очередного русско-китайского договора в 1881 г. в С.-Петербурге были предприняты попытки организовать в Китае сбыт российских промышленных изделий, прежде всего текстильного товара. В феврале 1885 г. многие крупные российские фирмы получили письма от члена императорской фамилии великого князя Владимира Александровича, в которых он призывал их обратить особое внимание на Китай. Те же рекомендации были даны им во время встречи с купечеством во время Нижегородской ярмарки 1885 г.¹

Однако капиталисты медлили, понимая, что за китайский рынок идет борьба между крупнейшими промышленными державами мира, а сухопутная доставка российских товаров в Китай значительно повышала их стоимость, что не позволяло им на равных конкурировать с английскими и американскими изделиями, доставлявшимися морем. Из предпринимателей Европейской России на предложение правительства откликнулся только Т.С. Морозов – глава одного из крупнейших текстильных предприятий страны «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о», который и раньше проявлял интерес к китайскому рынку. В 1871 г. он снарядил пробный караван в китайские пределы, который прошел от Зайсана до Булунтохоя и далее через Кобдо и Улясутай в г. Гучен. Особого успеха эта экспедиция не имела из-за дунганского восстания².

В 1873 г. представитель морозовской фирмы на Нижегородской ярмарке неоднократно встречался с семипалатинским купцом М.Г. Файзулиным, торговавшим в Западном Китае. В результате Файзулину на льготных условиях была отпущена крупная партия товара для реализации его в китайских городах Баркуле и Гучене³.

Все эти обстоятельства обусловили серьезное отношение Т.С. Морозова и к обращениям правительства, и к «высочайшим» рекомендациям великого князя Владимира Александровича. «Так как само наше правительство весьма интересуется открытием новых рынков внутри Китая, – писал он в 1885 г., – я... готов осуще-

¹ Центральный исторический архив г. Москва (ЦИАМ). Ф. 342. Оп. 1. Д. 208. Л. 24.

² Н.К. Исторический очерк торговли с Западным Китаем и Западной Монголией через Семипалатинский край // Наше хозяйство. Семипалатинск, 1926. № 4. С. 11.

³ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Л.6, 12, 21.

ствить это дело снаряжения каравана внутрь Китая»¹. Он заключил соглашение с крупной частотрговой фирмой «А. Губкина наследник А.Г. Кузнецов и К^о», выразившей готовность участвовать в предприятии своими капиталами. Руководить экспедицией был приглашен житель Бийска, торговавший в северо-западной Монголии, А.Д. Васенев, хорошо знавший караванное дело и бывавший в китайских городах Гучене, Баркуле и Хами. Ассортимент отправляемых в Китай товаров составляли хлопчатобумажные и шерстяные ткани, медные и железные изделия и так называемый мелочный товар. Общий вес груза составил 1650 пуд., стоимость – свыше 50 тыс. руб.²

Торговая экспедиция пробыла в Китае более двух лет, с ноября 1886 по март 1889 г., и принесла 21 тыс. руб. убытка. За это время путешественники торговали в городах Сучжоу, Ганьчжоу, Синине и Ланьчжоу провинции Ганьсу, а сам А.Д. Васенев с образцами русских товаров посетил ряд городов провинции Шэньси, в том числе такие крупные, как Сиань-фу и Хань-чжун-фу³. По мнению руководителя экспедиции, причиной убыточной торговли являлись высокие накладные расходы, неудачно подобранный ассортимент товаров, конкуренция китайских купцов, торговавших более дешевыми английскими и американскими тканями, нечеткое толкование прав русских торговцев в Китае. Тем не менее он считал, что «при хорошем подборе товаров и своевременной отправке оных, и сокращении произвола местных властей торговля может постепенно развиваться и со временем обратиться в гуртовую»⁴.

Скромные результаты торговой экспедиции Т.С. Морозова и нежелание других крупных капиталистов Европейской России повторять его опыт привели к тому, что «...на сухопутном экспорте из России в Китай поставлен был крепкий крест»⁵.

Надежды правительства и предпринимательских кругов на то, что подписание Петербургского договора радикально изменит состояние торговли с Китаем и позволит российским фабрично-заводским изделиям занять прочное место на китайском рынке, не

¹ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 48.

³ Старцев А.В. Торговая экспедиция в Китай московской фирмы Морозовых (1886–1889 гг.) // Восточноведные исследования на Алтае. Барнаул, 1994. С. 41–64.

⁴ ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 195.

⁵ *Сибирский* торгово-промышленный ежегодник. 1913. СПб., 1913. Отд. II. С. 75.

оправдались. Важнейшим последствием этого договора стало укрепление положения русских купцов в Монголии и Сынцзяне.

После подавления восстания неханьских народов и подписания Петербургского договора 1881 г. в Сынцзяне складываются в целом благоприятные условия для активизации российско-китайских экономических связей. Восстановление в 1879 г. русского консульства в Чугучаке оживило торговые операции семипалатинского купечества, которые сосредоточились в основном в городах и селениях Западного Китая (Дорбулджине, Шихо, Манасе, Урумчи, Гучене, Хами). Через Бахтинскую таможенную торговые караваны шли в Чугучак, Кульджу, притяньшанские города, через Джаркент и Пржевальск в Кульджинский район и, отчасти, в Китайский Туркестан¹. Развитие экономических связей нашло отражение в росте торговых оборотов, которые с 1854 по 1893 г. увеличились с 2253,5 тыс. руб. до 5228,6 тыс. руб. Основной статьёй вывоза из России в Сынцзян становятся хлопчатобумажные ткани. В 1893 г. на долю этой статьи приходилось 2/3 стоимости русского экспорта. Кроме этого, здесь успешно сбывалось русское сукно, сахар, выделанные кожи, металлические изделия и другие промышленные товары².

В Сынцзян стали проникать торговые фирмы, принадлежавшие русским подданным. Первые такие фирмы были открыты узбеками из Ташкента (Мансурджамбая в Урумчи, Самукджана), семипалатинскими предпринимателями (Рамзан Хаджи, Чанышев). В 1884 г. в Чугучаке начал действовать торговый дом Бодова с 21 рабочим, Хасена с 39 рабочими, которые занимались скупкой шерсти, шкур, другого сырья и продавали различные товары российского производства³.

Развитие российской торговли оказало существенное влияние на экономику Сынцзяна. Здесь увеличивается количество шелкоткацких и хлопчатобумажных предприятий, открываются маслобойные и винокуренные заводы, появляются новые отрасли добывающей промышленности. В конце XIX – начале XX в. деятельность российских предпринимателей приобретает новые черты: начинается вложение капитала в экономику Сынцзяна. Были открыты отделения Русско-

¹ Н.К. Исторический очерк торговли с Западным Китаем и Западной Монголией... С. 22.

² Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М. 1974. С. 275, 279.

³ Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии. (Вторая половина XIX-начало XX в.). Астана, 2000. С. 74.

Китайского (с 1910 г. – Русско-Азиатского) банка в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке. В Турфане кяхтинской фирмой «Коковин и Басов» был построен хлопкоочистительный завод, в Кашгаре – аналогичный завод купца Соловьева. В Кульдже русскоподданным татаринцом Мусабаевым были открыты кожевенный, мыловаренный и свечной заводы, в Чугучаке мыловаренный завод открыл купец Батвин. Крупные сибирские торговые дома «А.М. Лушников и сыновья» и «Коковин и Басов» приобрели концессию на разработку нефтяных месторождений в Манасском и Шихинском округах и открыли склады по продаже керосина и других нефтепродуктов. В Синьцзяне стали возникать и крупные торговые фирмы. Самыми крупными были «Умар», компания Р. Хаджи из Семипалатинска, фирма Балтикина, построившая в Урумчи хлопкоочистительный завод и имевшая прядильную фабрику в Москве, и др.¹

Российский капитал в Синьцзяне открывал для себя большие перспективы в связи с обнаружением здесь запасов угля, железа, меди, нефти, золота и других полезных ископаемых. «Отдаленность провинции от промышленных и коммерческих центров мешает быстрому развитию горной промышленности, но эти затруднения будут в свое время, несомненно, устранены»,² – говорилось в одном из описаний Синьцзяна¹. Некоторые российские предприниматели уже в конце XIX – начале XX в. делали попытки организовать переработку природных богатств Синьцзяна. Так, в начале XX в. неподалеку от г. Манас действовала золотодобывающая компания, организованная местной администрацией совместно с российским подданным, семипалатинским купцом Москвиным. Из России были привезены машины для разработки рудного золота, но дело оказалось убыточным. Вскоре Москвин покинул компанию, техника из-за отсутствия специалистов пришла в негодность, и предприятие было ликвидировано. Другой российский подданный организовал добычу нефти и производство керосина, закупив в России необходимое оборудование. Но, поскольку он не являлся специалистом (по профессии он был часовым мастером), полученный продукт не отличался высоким качеством, и вскоре дело было закрыто³.

¹ Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В. История Синьцзяна. Барнаул, 2012. С. 138–139.

² Институт восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 39.

³ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906. С. 199–200, 201–202.

Но несмотря на усилия, предпринимаемые местной администрацией, основные потребности население провинции удовлетворяло за счет товаров, привозимых из России. В 1903–1904 гг. годовой оборот русско-синьцзянской торговли составлял 15–20 млн руб.¹, а к 1914 г. достиг 35 млн руб., в том числе российский экспорт – 17425 тыс. руб, импорт – 17575 тыс. руб.²

Во второй половине XIX в. активно развивались русско-монгольские торгово-экономические связи. За период с 1861 по 1886 г. общие обороты торговли возросли в 8,3 раза, и русские купцы достаточно прочно утвердились на монгольском рынке. Здесь стали складываться районы, тяготевшие в экономическом отношении к тем или иным областям Сибири. В сферу влияния Западной Сибири входили Илийский край, тяготевший к Семипалатинску и Омску, Кобдинский район, связанный Чуйским торговым путем с городом Бийском Алтайского округа Томской губернии, и западная часть Улясутайского округа, также тяготевшая к Бийску. Влияние Восточной Сибири распространялось на восточную и северную часть Улясутайского округа, Ургинский район, Урянхайский край и Восточную Монголию (Баргу), тяготевшие к Кяхте и Иркутску. Северная часть Улясутайского округа и Урянхайский край были экономически связаны с Минусинским округом Енисейской губернии.

В конце XIX – начале XX в. торговля с Монголией велась по четырем направлениям, и ее обороты постоянно увеличивались. За период с 1892 по 1911 г. общий оборот торговли через Кош-Агачскую таможенную увеличились в 14,5 раз, Зайсанскую – в 2,1 раза, в Урянхайском крае – в 4 раза. Исключение составляла Кяхтинская таможенная, где торговые обороты снизились более чем в 3 раза³. Однако показатели кяхтинской таможни в первую очередь отражали тенденции развития русско-китайской торговли, поскольку основным товаром, проходившим через нее, был чай. Как справедливо указывали исследователи, «вернее... будет говорить о сокращении торговых оборотов не между Россией и Монголией, а между Россией и Китаем»⁴.

¹ *Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в.* / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 143.

² ИВР РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 2–3.

³ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956. С. 505.

⁴ Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 202.

Российско-монгольские экономические контакты обладали рядом особенностей, которые отличали их от аналогичных контактов с китайцами. Томские профессора-экономисты М.И. Боголепов и М.Н. Соболев в капитальном исследовании, посвященном русско-монгольской торговле, подчеркивали, что «тип хозяйственного развития современной Монголии отличается глубоко оригинальными чертами, выделяющими эту страну в особую категорию ...Комбинация скотоводческого хозяйства и иностранного торгового капитала создали в Монголии особый тип экономического развития, отличающийся такими оригинальными чертами, которые мешают уложить Монголию, как определенную экономическую единицу, в рамки тех классификаций экономического быта, которые известны современной науке»¹.

В Монголии, как в типичном традиционном обществе, торговля имела иной смысл, нежели в обществах развитых капиталистических отношений. Здесь товар не являлся абстрактной меновой стоимостью, а представлял реальную потребительную стоимость. Как отмечают исследователи, в традиционном обществе товар несет в себе «...знак тех социальных отношений, которые в добуржуазных обществах связаны с потреблением материальных благ, и эти отношения, символические и престижные, в первую очередь определяют цены»².

Получив право торговать в Монголии, русские купцы сразу ощутили нехватку продуктов, пригодных для вывоза из страны. На первых порах основным предметом торговли являлся скот, но вскоре российские купцы начали скупать шкурки сурка, на которого монголы охотились лишь спорадически для употребления в пищу. Сурковые шкурки торговцы везли на Ирбитскую ярмарку, где перепродавали иностранцам, преимущественно немецким предпринимателям, которые изготавливали из них различные меховые изделия «под норку». Также торговцы организовали скупку овечьей и верблюжьей шерсти, которая в конце XIX – начале XX в. стала основной статьей монгольского экспорта. Чтобы увеличить выход товарной шерсти, русские купцы познакомили монголов с ножницами для стрижки овец (сами монголы снимали слежавшуюся шерсть весной, когда она сама сваливалась с овец), а в 90-х гг. XIX в. стали устраивать шерстомойки, на которых работали местные жители. Работа на шерсто-

¹ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 124–125.

² Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С. 64.

мойках оплачивалась поденно или помесечно, оплата производилась деньгами, серебром или чаем¹.

В Монголию торговцы ввозили изделия российской текстильной промышленности (хлопчатобумажные ткани и сукно), металл и изделия из него. В северо-западной Монголии русские привили «моду» на железные печки-«буржуйки», которые получили широкое распространение как среди монголов, так и среди китайцев. Большим спросом в Монголии пользовалась выделанная кожа, изготавливавшаяся на заводах Бийска, Усть-Каменогорска, Иркутска². Наряду с сугубо необходимыми для хозяйства предметами русские ввозили в Монголию «мелочный товар», включавший в себя сундуки, деревянные шкатулки, часы, бронзовые цепочки, замки, складные ножи, зеркала, пуговицы и т.д.

Провозглашение независимости Монголии и подписание соглашения 21 октября 1912 г. вывели русско-монгольские экономические отношения на новый уровень. Это нашло выражение в организации русскими подданными промышленных предприятий. Так, был открыт лесопильный завод Шильникова, мыловаренный завод Сулейманова, который «совершенно убил ввоз китайского и русского простого мыла в Монголию»³.

Широкое развитие получила обработка кож. Пионерами кожевенной промышленности в Монголии стали крупные сибирские предприниматели из Красноярска братья Тонконозовы, которые в 1913 г. открыли предприятие по выделке кож на р. Мурын. Несмотря на невысокое качество, их продукция имела хороший сбыт. В 1914 г. кожевенный мастер Зоон в компании с торговцами Тимановичем и Москвитиным открыли неподалеку от Урги небольшой завод, на котором изготавливалась юфть и обрабатывались овчины. В этом же году в 40 верстах от Троицкосавска на р. Орхон была основана компания «Братья Бимбаевы и Банзоракчаев», построившая кожевенный завод, изготавливавший 2 тыс. кож в год⁴.

Кроме экономических, русские торговцы несли в Монголию ряд социально-культурных новаций. Фирма «Коковин и Басов» открыла в Урге аптеку, а при ней организовала амбулаторный пункт с ежедневным приемом. Как отмечали М.И. Боголепов и М.Н. Соболев,

¹ *Московская торговая экспедиция в Монголию*. М., 1912. С. 318–319.

² *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1. С. 94.

³ АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д. 21. Л. 42.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 267. Л. 118–118об.

«...дело сразу наладилось: в аптеку и к фельдшеру идут и монголы, и китайцы, и, конечно, русские... Кроме простой выгоды и пользы для самих же русских, это дело было бы проявлением того культурного влияния, которое должна же оказать страна с более высокой и развитой цивилизацией»¹. По инициативе русских в Урге появился кинематограф, стала издаваться первая газета на монгольском языке «Монголын сонин бичиг» («Монгольские новости») и т.д.

В Урянхайском крае развитие русской торговли имело свои особенности. На первых порах в организации торговли русским купцам пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Введение беспошлинной торговли подорвало монополию в торговле тувинских нойонов и чиновников улясутайского цзянь-цзюня, и они использовали все доступные средства для противодействия русским предпринимателям.

По мнению современников, такое отношение к русским во многом было продиктовано неблагоприятным поведением самих купцов и их приказчиков и разного рода жульническими приемами, которыми сопровождалась торговые операции. Первые проявления недовольства русскими купцами со стороны местного населения относятся к 1867 г., когда произошел пожар на товарном складе купца Веселкова на Улуг-Кеме. Во второй половине 70-х гг. XIX в. отношения русских с тувинцами обострились. В 1876 г. были убиты приказчики купца Г.П. Сафьянова, в 1878–1879 гг. произошла серия ограблений русских факторий². Однако постепенно отношение к русским со стороны местного населения менялось.

Другой особенностью русской торговли в Урянхайском крае являлось то, что здесь она тесно переплеталась с другими хозяйственными занятиями. У некоторых предпринимателей торговля комбинировалась со скотоводством и земледелием (Вавилин, Медведев), иногда с золотопромышленностью и скотоводством (Чирков, Сафьянов, Окулов, Лесков) или с обработкой продуктов скотоводства (Сафьянов, Бяков, Сватиков).

О размахе предпринимательской деятельности русских купцов в Урянхайском крае говорят данные о хозяйстве крестьянина-старообрядца Р.В. Вавилина, владевшего 173 десятинами земли, на которых он выращивал рожь, пшеницу, овес и заготавливал сено.

¹ Боголепов М. И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли... С. 111.

² Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956. С. 351.

Кроме этого, у него были конный завод, маральник, мукомольная мельница и крупорушка. Общая доходность хозяйства Вавилина оценивалась в 100 тыс. руб.¹

Кроме этого, в Урянхайском крае развивалась золотопромышленность, которая только за период с 1879 по 1883 г. дала свыше 31 пуд. благородного металла. В 1896 г. на территории края насчитывалось 11 приисков с 500 рабочими, среди которых были как русские, так и тувинцы

К 1911 г., по сведениям Усинского пограничного начальника штабс-капитана А.Х. Чакирова, в Урянхайском крае насчитывалось 19 русских поселков, 90 заимок и факторий. Наиболее крупными из них были с. Туран, где были 93 двора, церковь и школа, и поселок Уюк, насчитывавший 77 дворов².

Проникновение русского капитала в Урянхайский край способствовало развитию производительных сил Тувы, вовлекало местное население в товарные отношения. Наемный труд тувинцев, впервые появившийся в золотопромышленности, способствовал внедрению в социальные отношения новых элементов, оказывал влияние на экономическое поведение ее жителей.

Часть русских купцов сумела заслужить авторитет как среди местной знати, так и среди рядовых тувинцев. Хорошей репутацией у местных жителей пользовались купцы С. Скобеев и М.И. Бяков. Тувинцы уважительно относились к братьям Сафьяновым. Андрея Сафьянова называли «Андрей Бай» (богатый господин), а Г.П. Сафьянова – «сойотским королем» или «урянхайским губернатором». Эти предприниматели не только честно вели свои дела, но и помогали тувинцам советами или реально оказывали им помощь³. Купец М.И. Бяков строго придерживался правила не давать коренному населению товары в долг, почитал тувинские обычаи, обращался с местными жителями ровно и спокойно. В отличие от других купцов, тувинцы доверяли М.И. Бякову различные комиссии по доставке товаров⁴.

Большим авторитетом среди местного населения пользовался «урянхайский губернатор» Г.П. Сафьянов, которого тувинцы даже наделяли сверхъестественными свойствами. Они стали считать

¹ Там же. С. 339.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 95.

³ *Родевич В.* Очерки Урянхайского края. СПб.: Изд. Упр. внутр. водн. и шос. дор., 1910. Вып. XXIV. С. 30.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 292. Л. 135.

Г.П. Сафьянова шаманом, после того как обратились к нему с просьбой оторочить на сутки вскрытие Большого Енисея, так как им предстояло перегнать скот на другой берег. Благодаря «вмешательству» Георгия-бая им удалось осуществить эту задачу. По мнению аборигенов, этот минусинский купец «все знает и может, что угодно сделать»¹.

Как правило, эти торговые связи устанавливались стихийно, без участия официальных государственных структур и были обусловлены взаимными интересами контактирующих сторон. Они осуществлялись в процессе формирования системы региональной политики, которая была направлена на политическую и экономическую интеграцию Сибири, установление ее правовой, административной и социальной однородности в рамках общеимперского пространства. Данный процесс требовал определенного времени и учета регионального своеобразия территории, что предполагало ситуативную поливариантность как в экономическом, так и в управленческо-административном отношении².

Поэтому на первых порах хозяйственного освоения Сибири центральная власть не стремилась (и не имела возможности) контролировать экономические процессы в регионе, ограничиваясь установлением общих правил фискального характера (ясак, «сибирский платеж» и т.д.). Такая ситуация позволяла проявлять местному населению хозяйственную инициативу, которая реализовывалась в различных и не всегда законных формах, что оказывало серьезное влияние как на формирующийся сибирский социум, так и на облик сибирских коммерсантов.

На формирование сибирской общности оказали влияние ряд важных факторов. Прежде всего, это пестрый социальный состав лиц, прибывавших из-за Урала. Заселяли Сибирь служилые люди, казаки и администраторы, со временем сюда стали ссылать разного рода преступников, приток которых в XVII в. в связи с событиями Смутного времени существенно увеличился. Это были уголовники, а также те, кто выступал против существующей власти, вроде сподвижников Степана Разина. В Сибирь бежали обнищавшие жители русских уездов, уходившие от голода и разорения. Среди общей массы колонистов следует выделить многочисленную группу «рас-

¹ Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию. За 50 лет // Собрание сочинений. М., 1934. Т. III. С. 32.

² Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 349.

кольников», частью переселившихся принудительно, частью добровольно уходивших вглубь сибирских лесов и горные ущелья Алтая в поисках Беловодья и «истинной веры». Заметную группу переселенцев составляли иностранцы – поляки, малороссы, шведы. В Сибирь попадали и представители московского образованного общества, вроде семьи тобольских детей боярских Ремезовых, сосланных при царе Михаиле Федоровиче. Позже в Сибири оказалась большая группа образованных людей в лице декабристов. Однако этот «культурный слой» был крайне немногочисленным.

Иными словами, по справедливому замечанию исследователей, «...первые русские сибиряки были выплесками маргинальной среды Московского царства, Смутного времени. Они сами являлись маргиналами в социальном, а часто и в этническом отношениях»¹. Жизнь в Сибири достаточно быстро сглаживала эти различия и противоречия. Важной причиной процесса «осибирячивания» являлись суровые природно-климатические условия, заставлявшие пришлое население мобилизовывать физические и духовные силы для элементарного выживания и создания условий для существования. «Борьба с дикой и негостеприимной природой в постоянной погоне за жизнью, – писал С.В. Бахрушин, – накладывала свой отпечаток на характер русских, попадавших за Урал, развивала в них черты, свойственные всем искателям приключений: упорство в достижении цели, неразборчивость в средствах, предприимчивость, практическую сметку и не знающую удержу смелость»².

Другой специфической чертой складывающегося сибирского социума являлась этническая толерантность, которая проявилась уже в первые годы освоения Сибири³. «Русский человек, – писал П.Н. Буцинский, – легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем ужиться со всякой народностью»⁴.

¹ Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социально-культурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. (Фронт в истории Сибири и Северной Америки. Вып. 5.) Новосибирск, 2004. С. 27.

² Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 76.

³ Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века... С. 25.

⁴ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 334–335.

Указанные качества сыграли большую роль не только в процессе хозяйственного освоения Сибири, но и в установлении контактов как с коренными населением Сибири, так и со странами зарубежной Азии.

Судя по отзывам современников, русские коммерсанты в Монголии и Китае достаточно быстро адаптировались в иноязычной и инокультурной среде. Приезжая в Монголию, купцы перенимали многие элементы жизни и быта кочевников как более подходящие к местным условиям, будь то пища, одежда или жилища и, по выражению Г.Н. Потанина, начинали «жить по законам степи»¹. Такое поведение в условиях Монголии являлось наиболее рациональным, позволяло предпринимателям выживать при отсутствии элементарных атрибутов цивилизации и успешно вести свои торговые дела. В результате здесь складывался тип коммерсанта, характерными чертами которого, по словам настоятеля Ургинского Свято-Троицкого прихода Ф. Парнякова, были «быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих силах, любезность и гостеприимство»².

В большинстве случаев контакты по поводу купли-продажи перерастали в неформальные дружеские отношения, и многие купцы имели друзей среди монголов, понимали их нужды и заботы, оказывали им помощь и поддержку. Неплохо ладили русские и с китайскими торговцами: ходили друг к другу в гости, оказывали различные услуги и т.п. Традиционно тесными были деловые и дружеские связи между русскими и китайскими купцами в Кяхте.

Неоценимую помощь и поддержку китайцам русские торговцы оказали во время событий 1911 г. в Кобдо, когда местное население, узнав о провозглашении независимости Халхи, устроило серию погромов и грабежей китайских лавок, сопровождавшихся убийствами торговцев и их служащих. По сообщению А.В. Бурдукова, «многих китайцев спас... от верной смерти» доверенный фирмы Н.И. Асанова Д.И. Ермолин, пользовавшийся большим авторитетом среди монголов. Когда толпа двинулась громить двор и склады крупной китайской фирмы Да-Шэн-ху, «лихой Ермолин с двумя-тремя казаками ворвался следом за первыми баргинцами, поставил у своих и кузнецовских (купца Р.И. Кузнецова. – А.С.) ворот по казаку. ... Он

¹ Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 6. С. 133.

² ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 11.

отобрал кожи и выгнал цериков (солдат. – А.С.), которые, уходя, ругали «Митрея» за то, что он больно дерется». Русские торговцы, во главе с В. Черепановым, не допустили грабежа китайского имущества в Улангоме и т.д.¹

Бийские купцы не оставили в беде китайских коммерсантов, чиновников и солдат, когда им пришлось бежать из Кобдо по Чуйскому тракту в Бийск под защитой российского казачьего отряда. Когда в конце октября 1912 г. они прибыли в город, им было предоставлено жилье, оказана медицинская помощь; купцы снабдили беженцев теплой одеждой, валенками и продуктами питания².

Таким образом, благодаря торговцам в приграничных сибирских регионах складывалась система экономического, социального и культурного взаимодействия с народами зарубежной Азии, которая впоследствии приобретала институциональную форму в виде межгосударственных договоров и соглашений. Следует подчеркнуть, что эти соглашения зачастую носили юридически неопределенный характер, что допускало их двоякое толкование в зависимости от конкретной ситуации и не предполагало жестких санкций за их нарушение.

Установление торговых связей с народами Азии облегчалось уже упомянутой толерантностью сибирских торговцев, которая, в свою очередь, была обусловлена незавершенностью в регионе экономических и социальных процессов, характерных для высокоорганизованного рыночного хозяйства. Большинство предпринимателей являлись выходцами из разных сословий (крестьян, мещан, инородцев) и разных местностей (в том числе и Европейской России), не укоренившихся в определенной социальной среде с соответствующими нормами и стереотипами поведения. Это способствовало более высокой степени восприимчивости к иной цивилизации и позволяло легче встраиваться в существующие экономические и социокультурные реалии. Одновременно с этим сибирские купцы, являясь проводниками «цивилизованной» торговли, знакомили местное население с новыми товарами и приемами коммерческой деятельности, способствовали формированию новых социальных связей, что закладывало прочную основу для долговременных социальных и культурных связей и оказывало влияние на форму и содержание межкультурного взаимодействия.

¹ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. М., 1969. С. 70, 82.

² См. подробнее: Хохлов А.Н. Гуманная акция российской дипломатии в отношении населения Китая и Монголии в 1912 г. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 83–92.

Сибирь к началу XX в. представляла собой не только транзитную территорию, связывавшую Европу с Азией. С начала освоения Сибири центральными и местными властями был накоплен значительный опыт взаимодействия со странами Востока в различных областях. Во многом опираясь на инициативу простых сибиряков – крестьян, промышленников, казаков, даже беглецов, принадлежащих к разным слоям общества, – были установлены прочные и разносторонние контакты с населением Центральной Азии и Китая. Более того, именно в Сибири появились первые труды по востоковедению, в которых обобщался опыт и знания не только по освоению русскими Сибири, но стали появляться труды с описанием особенностей экономики, культуры, социальной жизни народов сопредельных территорий. Сложилась очень прочная основа как для дальнейшего развития «народной дипломатии», так и для долгосрочных совместных проектов государств региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появившись в Сибири, русские не принесли местным народам новых правил социально-административной политики. Это были те же шерть (клятва верности), ясак (дань) и аманатство (заложники). Эти формы государственной зависимости были издревле известны по всей Центральной Азии и в дорусской Сибири. В российской государственности они появились под влиянием Золотой Орды. Для сибирских народов изменился только объект политической зависимости, а не её характер. Наличие аналогичных или весьма сходных традиций в политической культуре, в социальном устройстве, в отношении к власти и собственному социальному положению сближало пришедшее и местное население, создавало условия для результативного политического диалога. Общее политическое евразийское наследие сказывалось на всех сферах культуры и менталитета взаимодействующих народов. Оно, несомненно, упрощало налаживание и бытовых контактов, способствовало взаимопониманию при решении хозяйственных и социальных проблем, сокращало возможность военных конфликтов.

На рубеже XVII–XVIII вв. Сибирь вступила в период аграрно-промышленного освоения, в котором земледелие стало главным вплоть до 1930–1950-х гг., шло формирование сибирской аграрной провинции России. Население Сибири и Дальнего Востока выросло с 470 тыс. чел. в 1719 г. до 11 млн в 1917 г., до 14,1 млн в 1939 г. и до 15 млн в 1951 г. Большую часть этого населения составляли сельские жители, в 1719 г. их было 86,9 %, в 1917 г. – 86,8 %, в 1939-м – 68,7 % и в 1951 г. – 56,3 %. В основном это были крестьяне, которые когда-то переехали в Сибирь из Европейской России, и их потомки. Подавляющее большинство их прибыло в Сибирь добровольно, особенно те, которые переселились после 1861 г. Влияние ссылки на состав населения было заметно только в первой половине XIX в. (до 10 % населения края).

Переселение в Сибирь и на Дальний Восток, организованное правительством в конце XIX – начале XX в. было, безусловно, успешным проектом, переместившим в Северную Азию почти 4 млн человек. Переселение продолжалось и в советское время. Последним

актом аграрного освоения Северной Азии стало освоение целинных и залежных земель Сибири и Казахстана в 1950-е гг. В 1960-х гг. главными стали индустриальное освоение и колонизация Северной Азии.

Краткий аналитический обзор истории аграрного освоения и колонизации Северной Азии показывает, что в течение XVII – начала XX в. крестьяне России совершили беспрецедентный в мировой истории подвиг – освоили и заселили регион рискованного земледелия, превратили почти безлюдные степи и леса в цветущую хлебодородную провинцию Российской империи, которая не только обеспечила себя хлебом, мясом, маслом, но и поставляла продукцию в европейскую часть России. Со второй половины XVII в. до середины XX в. именно аграрная колонизация была главной в освоении природных ресурсов Северной Азии.

Главным путем модернизации сельского хозяйства Северной Азии, как и всей России, как показывают историки-аграрники, была кооперация, бурными темпами развивавшаяся в Сибири и на Дальнем Востоке России, а не американский фермерский, тем более не прусский путь. Насильственная коллективизация лишь ускорила естественный процесс, включив аграрную сферу в систему мобилизационной экономики. Устойчивость современных коллективных хозяйств подтверждает тот факт, что крестьяне инстинктивно нашли в кооперации свой магистральный вариант развития, а советская власть воспользовалась этим. В Северной Азии это проявилось наиболее ярко.

Сибирь и Дальний Восток служили источником сырья и ресурсом для решения стратегических проблем центра страны, испытывали дефицит капиталов, кадров. Во внешних сношениях использовалось ее геополитическое положение для военного и экономического продвижения в Центральную Азию, в торговле с Китаем и Монголией Сибири отводилась роль посредника. Северная Азия была аграрным, колонизируемым периферийным регионом. Характер присоединения и хозяйственного освоения Северной Азии диктовался интересами государства и правящей российской элиты вне зависимости от формы власти.

Изучение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока подчинялось этой же парадигме. Изучение края в XVII в. велось служилыми людьми и промышленниками с практическими целями. С Петра I началось научное исследование обширной территории силами

Академии наук. Камчатские экспедиции дали первое описание Северной Азии и первое представление о её границах. В XIX в. изучение окраины продолжилось силами Академии наук, Морского и Военного ведомств, Географического общества, обществ любителей изучения Сибири. Частная и государственная инициативы расширили знания о регионе без определенного плана и перспектив. Комплексное изучение ландшафта и природных ресурсов Северной Азии провел Комитет Сибирской железной дороги. С открытием Сибирского университета, а затем и технологического института в Томске началось планомерное и непрерывное исследование Северной Азии и сопредельных стран.

Управление Северной Азией всегда оставалось особым. Сибирский приказ, Первый и Второй Сибирские комитеты, Комитет Сибирской железной дороги, Сибирское областное правительство в период Гражданской войны, Сибревком и существование ДВР после нее указывают на это. Сибирское общество требовало равных прав с метрополией, однако отношение центральной власти к населению Северной Азии всегда в изучаемый период было потребительским. Это было характерно как для царских властей, так и для большевистских и антибольшевистских правительств, исходящих в своих действиях из интересов страны в целом.

С начала освоения Сибири центральными и местными властями был накоплен значительный опыт взаимодействия со странами Востока в различных областях. Во многом опираясь на инициативу сибиряков, были установлены прочные и разносторонние контакты с населением Центральной Азии и Китая. Более того, именно в Сибири появились первые труды по востоковедению, в которых обобщались опыт и знания не только по освоению русскими Сибири, но и с описанием особенностей экономики, культуры, социальной жизни народов сопредельных территорий. Сложилась очень прочная основа как для дальнейшего развития «народной дипломатии», так и для долгосрочных совместных проектов государств региона.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1. Изучение характера и динамики присоединения Северной Азии к России: фронтир или взаимодействие народов (Шерстова Л.И.).....</i>	<i>5</i>
1.1. Характер вхождения Сибири в состав России: историографический обзор.....	5
1.2. Концепция фронта и освоение Сибири.....	14
1.3. Областническая идеология и концепция «центр – периферия».....	20
1.4. Евразийская концепция освоения Сибири.....	29
<i>Глава 2. Аграрная колонизация Северной Азии в XVII – начале XX в.: факторы, этапы и итоги (Зиновьев В.П., Храмов А.А.).....</i>	<i>37</i>
2.1. Этапы и характер аграрной колонизации Северной Азии в XVII – начале XX в. (Зиновьев В.П.).....	37
2.2. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири в начале XX века (Храмов А.А.).....	53
<i>Глава 3. Промышленная колонизация Северной Азии – промыслы, промышленность, транспорт (Зиновьев В.П., Скубневский В.А.).....</i>	<i>78</i>
3.1. Промышленность, промыслы, ремесла и торговля в Сибири в XVIII в. – 1820-е гг.	78
3.2. Промышленность, промыслы, торговля, кредит Северной Азии в 1820–1880-е гг.	91
3.3. Экономика, промышленность, промыслы, торговля в конце XIX – начале XX в.	110
3.4. Экономическая политика государства в Сибири.....	130
<i>Глава 4. Научное изучение Северной Азии: этапы и особенности (Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Степнов А.О.).....</i>	<i>140</i>
4.1. Начало научного изучения Северной Азии: академические и ведомственные экспедиции; Императорское Русское географическое общество и его отделы и подотделы; научные общества и музеи.....	140
4.2. Изучение макрорегиона в связи со строительством Транссибирской магистрали.....	152
4.3. Открытие Томского университета, технологического института, создание Института исследования Сибири и их роль в изучении Азиатской России.....	158
<i>Глава 5. Северная Азия: проблемы региона в системе координат «Центр – периферия» (О.А. Харусь, Д.Н. Шевелев, В.В. Шевцов).....</i>	<i>197</i>
5.1. Северная Азия в системе российского управления в XIX в. (Шевцов В.В.)	197
5.2. Взаимоотношение центр – периферия в начале XX в. (Харусь О.А.).....	222
5.3. Взаимоотношения центр – периферия в период Гражданской войны в Сибири (Шевелев Д.Н.)	228

<i>Глава 6. Сибирь в восточной политике России (XVII–XX вв.)</i> (Дацышен В.Г., Лысенко Ю.А., Старцев А.В., Шерстова Л.И.).....	241
6.1. Внешняя политика Московского царства: сибирский опыт (Шерстова Л.И.).....	242
6.2. Сибирь и китаеведение в XVIII–XIX вв. (Дацышен В.Г.).....	261
6.3. Российская Духовная или Русская Православная: Сибирь и Миссия в Китае в XVII–XVIII вв. (Дацышен В.Г.).....	274
6.4. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае: 70-е гг. XIX – начало XX в. (Лысенко Ю.А.).....	284
6.5. Российско-азиатская торговля в XVII – начале XX в. как инструмент межцивилизационного взаимодействия (Старцев А.В.).....	302
Заключение.....	332

Научное издание

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 02.08.2019.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 14,9; усл. печ. л. 13,9; уч.-изд. л. 14,3. Тираж 500. Заказ 457.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1